IMT Nuremberg Archives

H – 1199

International Court of Justice

H1199 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м XXI-й Экз. 2-й

С о д е р ж и т :

24 апреля - утреннее и вечернее заседания,

25 апреля - утреннее и вечернее заседания,

26 апреля - утреннее и вечернее заседания

29 апреля - утреннее и вечернее заседания,

30 апреля - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 9394-й по
9885-я включительно.

H1199 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 9394 стр. по 9885 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 24 апреля 1946 г. по 30 апреля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
МАЙОР (А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

H1199 – 0004

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 24 April 1946 to 30 April 1946 in the matter of the United States of American, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland and The Union Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 9394 to 9885 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

John E. Ray

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 24 апреля 1946 г. по 30 апреля 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 9394 стр. по 9885 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 апреля 1946 года.

/Утреннее заседание/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Зейдль.

ЗЕЙДЛЬ/ защитник подсудимого Франка/: Господин председатель! Господа судьи! Вчера я остановился на последнем документе I-й книги документов. Это было письменное показание под присягой свидетеля Эрнста фон Полевье. Я прошу Суд принять этот документ без доказательства. Этот документ войдет в книгу документов за№ Франк-9". На этом я покончил с первой книгой документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Первая книга, а какая страница?

ЗЕЙДЛЬ: Это на странице 92-й первой книги документов. Документ "Франк № 9".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да. Это конец первой книги, не так ли?

ЗЕЙДЛЬ: Да. Это в конце первой книги документов. Книги вторая, третья и четвертая содержат выдержки из дневника подсудимого Франка. Я не хочу давать всем этим выдержкам отдельные номера. Я прошу Суд принять дневник Франка в качестве документального доказательства за № Франк IO. Я намереваюсь здесь лишь упомянуть о некоторых кратких выдержках. Так, например, господин председатель, страницы I-27 охватывают те выдержки из дневника, которые уже пред'явлены обвинением. Я привел здесь эти выдержки, которые были пред'явлены обвинением, в более полном виде и с помощью оглашения их попытался доказать, что среди этих выдержек есть частично такие, которые не передают основную и действительную сущность записей в дневнике. Эти выдержки уже были пред'явлены американским обвинением под № США-I73 /страница I-я книги документов/ и обвинением СССР под № СССР 223 /стр.3/; США-27I - страница 8, США-6II - стр.

H1199-0005

H1199 – 0006

II книги документов.На странице I4 имеется ошибка.Эти выдержки пред'явлены не под № США-0I6, а под № США-6I3. Это находится на I4-й странице книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это начинается на I3-й странице в моем экземпляре,не так ли?

ЗЕЙДЛЬ: Нет, это - на странице I4-й. Это - записи от 25 января I943 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Документ,который имеется у меня и на который вы ссылаетесь,как я полагаю - это документ 2233-ПС, США-6I3.У меня этот документ на I3-й странице.Я не думаю, чтобы это имело какое-либо значение.

ЗЕЙДЛЬ: Это,очевидно,ошибка бюро перевода,но это не так существенно,во всяком случае,что касается этой цитаты.

Я перехожу затем к странице 20-й книги документов.На странице 22 имеется цитата,которая была пред'явлена обвинением СССР. На стр. 24-й находится цитата,которая пред'являлась как обвинением Советского Союза, так и американским обвинением, США - № 295. Я хотел бы еще добавить,что в этих выдержках речь идет лишь о некоторых примерах и тем самым я должен был показать,что в целом ряде случаев создается совершенно иное впечатление при зачитывании всей речи,по крайней мере, части этой речи.

Я перехожу к стр. 3I-й книги документов.Это записи от I0 октября I939 г. Здесь приводится поручение,которое дал подсудимый Франк - еженедельно вести переговоры с имперским министерством продовольствия, в связи с поставкой 5.000 тонн зерна.Это находится на стр. 32 книги документов.

На стр. 34 находятся записи от 8-го марта I940 г. Я цитирую первые три строчки:"Генерал-губернатор заявляет:

с этим тесно связано собственное управление Польшей. Фюрер дал указание лише рассматривать генерал-губернаторство как родину польского народа. В соответствии с этим ни с какой германизации не может быть речи".

Я перехожу затем к странице 41-й книги документов. Это записи от 19 января 1940 года, я цитирую первые 5 строчек: "Доктор Вальбаум - начальник отдела здравоохранения. Здравоохранение в генерал-губернаторстве поставлено удовлетворительно. Многое уже сделано в этой области. В одной только Варшаве было проведено 700 тысяч противотифозных прививок. Это даже и для Германии является очень высокой цифрой, это уже рекордная цифра".

Следующая цитата - на стр. 50-й книги документов. Это записи от 19 февраля 1940 года. "Господин генерал-губернатор считает далее, что потребность в официальном оформлении польского права будет возрастать. Очевидно, будет создан польский правительственный совет или же совет регентов, и таким образом руководитель польской юстиции будет нести ответственность за выполнение этих задач.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что здесь имеется небольшая разница в нумерации страниц и поэтому, если вы будете называть нам медленно и аккуратно точную дату документа, мы сможем легче сами его находить. Номера страниц, кажется, не совпадают.

ЗЕЙДЛЬ: Хорошо, господин председатель. Последняя цитата, которую я зачитывал, это - цитата из записей от 19 февраля 1940 года.

Я перехожу затем к цитате или к записи от 26 февраля 1940 года. Я цитирую дословно: "Господин генерал-губернатор в этой связи заявляет... у меня эта цитата находится на странице 51-й, это запись от 26 февраля 1940 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это на странице 40-й нашей книги документов.

9396

H1199 – 0007

H1199 – 0008

ЗЕЙДЛЬ: "В связи с этим, господин генерал-губернатор выражает желание генерал-фельдмаршала Геринга организовать работу германской администрации так, чтобы жизнь поляков была обеспечена. Нельзя действовать так, чтобы при этом создалось впечатление, что Варшава отныне германизирована. Напротив, Варшава, по желанию фюрера, должна быть одним из тех городов, которые в той части польского государства, которая по плану должна была остаться польской, будут существовать и дальше как польские".

Следующая запись от 26 февраля 1942 года посвящена вопросу о высших учебных заведениях. Я цитирую: "Господин генерал-губернатор в этой связи указывает на то, что университеты и средние школы были закрыты. Однако, невозможно прекратить на длительное время обучение врачей. Польские профессиональные школы должны быть также снова открыты, и в этом должны принять участие жители города".

Следующая цитата в моей книге документов находится на странице 56. Это запись от I марта I940 года. "В связи с этим, - я цитирую, - генерал-губернатор заявляет, что поступило указание дать полякам возможность развиваться в такой степени, в какой это не будет противоречить интересам германской империи. Теперь следует исходить из той мысли, что генерал-губернаторство является родиной польского народа". Следующая запись разбирает вопросы вербовки рабочих и отправки их в империю. Это находится на стр. 60 моей книги документов, запись от I2 сентября I940 г. Я цитирую: "Генерал губернатор...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минуту. Вы имеете в виду I сентября, не так ли?

ЗЕЙДЛЬ: I2 сентября... Нет, нет, это должно быть I2 марта I940 года, здесь была допущена ошибка I2 марта I940 г. Это страница I97 дневника. Я цитирую: "Генерал-губернатор

д-р Франк подчеркивает,что при достаточном количестве полицейских сил и при достаточном обеспечении транспортом можно, конечно, обеспечить достаточное количество рабочих,применяя при этом насилие как метод работорговли...

ЗЕЙДЛЬ: "Но что по целому ряду причин следует всегда предпочитать средства пропаганды".

Следующая цитата находится в моем документе на странице 68,это запись от 23 апреля 1940 года.Я цитирую последние пять строчек: "Господин генерал-губернатор заявляет: генерал-губернаторство преследует лишь цель охраны польской нации также и в экономическом отношении. Он склонен думать,что с поляками можно работать лучше,чем с честолюбивыми "доверенными лицами".

Я перехожу к странице 71-й моей книги документов.Это запись от 25 мая 1940 года. Генерал-губернатор заявил здесь председателю кассационного польского суда Бронишевскому.Я цитирую последние четыре строчки: "Мы не хотим вести какой-либо войны в целях уничтожения польского народа.Охрана империей польского народа в данной сфере интересов Германии означает то,что вам предоставляется возможность дальнейшего развития в соответствии с традициями вашего народа

Я перехожу к странице 77-й моей книги документов.Это записи из 3-го тома дневника Франка от июля - сентября 1940 года,стр.692. Я цитирую:

"Господин генерал-губернатор указывает на то,что в генерал-губернаторстве все еще имеются продовольственные затруднения.Он просит господина генерал-полковника фон Кюхлера позаботиться о том, чтобы снабжение прибывающих воинских частей продовольствием и другими видами снабжения не проводилось бы по возможности за счет ухудшения продовольственного положения генерал-губернаторства. В первую оче-

9398

H1199 – 0009

H1199 - 0010

редь следует запретить какие бы то ни были конфискации".

Я перехожу к страницам 85 - 86. Это записи из тома 3-го дневника от июля - сентября 1940 года. Это страница 819 дневника. Эти записи излагают вопросы,связанные с учреждением генерал-губернатором медицинской академии. Я прошу суд принять эти записи без доказательства.

Следующая цитата находится на странице 95-й книги документов. Это запись от 9 октября 1940 года.Здесь приводится речь генерал-губернатора по поводу открытия осенней ярмарки в Радоме. Я цитирую 5-ю строчку. "Ясно,что мы..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зейдль,для нас очень важны страница дневника и дата. У нас, кажется, имеются и страницы в дневнике и даты, и если вы будете называть их,это будет большой помощью для нас.

ЗЕЙДЛЬ: Хорошо,господин председатель.Дата - 9 октября 1940 года,страница 966 - 967 дневника Франка.Я цитирую 6-ю строчку. Совершенно ясно,что мы не хотим денационализировать и не будем германизировать эти территории".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перевод этого предложения в нашей книге гласит: "Ясно,что мы не хотим денационализировать и не будем дегерманизировать".

ЗЕЙДЛЬ: Очевидно, это ошибка в переводе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком переводе,в том,который я только что зачитал?

ЗЕЙДЛЬ: Да, в английском переводе я цитирую дословно: "Ясно, что мы не хотим денационализировать и не будем германизировать эти территории".Другой вариант был бы бессмысленным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это то,что я прочел. Во всяком случае в нашей книге правильно.

ЗЕЙДЛЬ: Господин генерал-губернатор хотел этим сказать

H1199 – 0011

что мы не собираемся лишить поляков их народности и не собираемся сделать из них немцев. Я перехожу к странице 101-й книги документов. Это запись от 27 октября 1940 года. В дневнике Франка это имеется на страницах 1026-1027, том IУ. Здесь говорится о совещании с имперским министром по труду Зельте. Я цитирую 7-ю строчку: "Генерал-губернатор жаловался фюреру на то, что польским сельскохозяйственным рабочим была снижена зарплата на 50 процентов и далее, что эта зарплата была использована в таких целях, которые полностью противоречат идее обмена рабочей силой".

Следующая цитата из дневника Франка находится на стр. 1085- 4-го тома. Это запись от 29 ноября 1940 г.

Я цитирую дословно: "Придворный советник /гофрат/ Ватцке сообщает далее, что со стороны ведомства рейхслейтера Розенберга имеются стремления конфисковать так называемую польскую библиотеку в Париже в пользу общества по делам наследия предков в Берлине /Аненэрбе/.

Отдел школьного образования считает, что книги из этой польской библиотеки принадлежали государственной библиотеке в Варшаве, так как 17.000 томов уже находятся в Варшаве. Господин генерал-губернатор отдает распоряжение о том, чтобы немедленно позаботились о переводе этой польской библиотеки из Парижа в Варшаву".

Следующая цитата от 6 и 7 июня 1940 г. содержит сообщение о конференции по экономическим вопросам. Я не буду их зачитывать и прошу Суд приобщить их к делу.

Следующая цитата относится к 25 февраля 1940 года. Здесь речь идет о производственном совещании начальников отделов, воевод и градоначальников Радомской области. Я цитирую стр. 12:

"После этого выступает генерал-губернатор со следующими словами: /продолжение на странице 13/. I/ "В генерал-

губернаторство входит часть оккупированной польской территории,которая не является составной частью германской империи... 2/ Фюрер сказал, что эта территория должна являться родиной польского народа. Фюрер и рейхсмаршал Геринг неоднократно заостряли мое внимание на том,что эти территории не подлежат германизации. Они должны быть предоставлены в распоряжение польского народа,как его родина.Эта территория должна представлять собой предоставленное польскому народу от имени германского народа жизненное пространство".Конец цитаты.

Конец выступления генерал-губернатора следует через две страницы, я цитирую последний абзац: "Я хочу здесь сказать вам одно: фюрер настоятельно просил меня о том,чтобы насколько это возможно,обеспечить самоуправление полякам. Следует назначать бургомистров и старост небольших поселений, пунктов обязательно из поляков. Это будет и в наших интересах".Конец цитаты.

Я затем перехожу к записям от 4 марта 1940 года.Здесь речь идет о производственных совещаниях с февраля по ноябрь 1940 года,стр. 8.

"Господин генерал-губернатор поставил на обсуждение вопрос, нельзя ли при соответствующем применении распоряжения о трудовой повинности оказать некоторое давление.Полученный из Берлина указ об издании нового распоряжения, содержащего особые меры принуждения и угрозу наказания,он отклоняет. Следует избегать мероприятий,которые вызывают волнения среди населения.Все говорит против насильственного угона людей"./Конец цитаты/.

Последняя цитата находится на странице 143 моей книги документов. Это запись от 27 января 1941 года,том I,дневник Франка,стр. 115. Это - беседа статс-секретаря д-ра Бюлера с имперским министром финансов графом Шверин фон Кро-

H1199-0012

H1199 – 0013

вик. Я цитирую последний абзац:

"Благодаря тем усилиям, которые прилагают все, кто работает в генерал-губернаторстве, после преодоления чрезвычайно больших и единственных в своем роде трудностей, наметился экономический прогресс. За время своего существования генерал-губернаторство с большой сознательностью выполняло то, что требовалось от него для усиления германского военного потенциала. Поэтому я позволяю себе просить вас, чтобы империя в будущем не превышала по отношению к генерал-губернаторству уровень своих запросов, чтобы обеспечить ведение нормального и здорового хозяйства в генерал-губернаторстве, что, в конце концов, также пойдет лишь на пользу империи"./Конец цитаты/.

На этом я закончил второй том книги документов. Я перехожу к третьему тому и прошу Суд обратить внимание на цитату на стр. I7 моей книги документов. Здесь имеется запись о заседании правительства от I8 октября I94I года. Я цитирую высказывания генерал-губернатора. Это 8-я строчка снизу. "В ответ на эти требования, - он имеет в виду требования империи, - я хочу сказать, что наши силы подходят к концу и что мы не можем взять на себя дальнейшую ответственность перед фюрером. Никакие указания, распоряжения, угрозы и т.д. не могли бы заставить меня, не ответить резким "нет" на требования, ставшие невыносимыми даже в рамках больших военных запросов. Я не допущу, чтобы наступило то, на что вы, г-н Науман, так настойчиво указываете, чтобы, например, предоставление в распоряжение войск районов для маневров привело к окончательной катастрофе со снабжением продовольствием при данном, уже достаточно неблагоприятном положении с продовольствием".

Следующая цитата находится на страницах 36 и 37 моей книги документов. Это заметки от I6-го января I942 г. Цита-

H1199 – 0014

та, которую я собираюсь сейчас огласить,находится на стр. 65-66 дневника Франка.

"В королевском зале замка после этого состоится краткая беседа с председателем главного украинского комитета"."Господин генерал-губернатор выразил пожелание относительно большего привлечения украинцев в органы администрации и генерал-губернаторства. Во все те учреждения,где служат поляки, необходимо привлечь к службе также и украинцев, в соответствии с процентным отношением между числом жителей-украинцев и поляков. Он просит профессора Кубиевича сделать конкретные предложения".

Генерал-губернатор просит профессора Кубиевича...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зейдль, если вы будете называть нам страницы вашей книги документов, то в настоящий момент это будет достаточно, потому что, кажется,сейчас страницы совпадают.

ЗЕЙДЛЬ: Очень хорошо. Я могу продолжать,господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, вы можете продолжать.

ЗЕЙДЛЬ: Я перехожу затем к странице 38-й книги документов. В этих записях идет речь об уже упомянутом проекте Гиммлера относительно закона об обращении с лицами, не относящимися к германской нации. Я цитирую:

"Генерал-губернатор распорядился об отправлении следующего письма советнику провинциального суда /ландгерихтсрату/ Ташнеру: "Я прошу вас сообщить г-ну имперскому министру д-ру Ламмерсу от моего имени следующее: "Я заявляю протест против закона об обращении с лицами,не относящимися к германской нации и я прошу Вас устроить в ближайшее время совещание соответствующих руководящих лиц по поводу этого проекта, на котором будет возможно изложить важные соображения правового и политического характера,которые в

H1199-0014

H1199 – 0015

настоящий момент находятся в чрезвычайно резком противоречии с проектом. Я сам приму личное участие в этом совещании. С моей точки зрения совершенно невозможно предоставлять полицейским органам такие широкие полномочия и не включать в разрешение этих вопросов суд. Отдел,который будет заниматься этими вопросами в главном имперском управлении безопасности,не может быть приравнен к сознании народа к судебной инстанции". Конец цитаты.

На странице 39-й я зачитываю предпоследний абзац:

"Поэтому я заявляю протест против проекта закона в его настоящей формулировке,в особенности против формулировки § I проекта распоряжения о проведении в жизнь этого закона.

Страница 40-я представляет собой запись от 7 июня 1942 г.,она также посвящена вопросу денационализации,против которой генерал -губернатор выступал самым резким образом. Я прошу этот документ принять без доказательств.

Следующая цитата находится на странице 47-й книги документов. Здесь говорится о наследии Шопена. Я цитирую второй абзац: "Председатель доктор Вальке сделал сообщение о том, что имеется возможность приобрести в Париже большую часть произведений Шопена для государственной библиотеки в Кракове. Господин генерал-губернатор заявил о своем согласии на покупку произведений правительством генерал-губернаторства".

На странице 50-й дневника говорится об обеспечении сохранности крестьянской собственности/я цитирую второй абзац: "Я стремлюсь всеми средствами вызвать, даже во время этой войны, под'ем сельского хозяйства Галиции.Тем самым я выполнил обещание,которое я дал в моем обращении к населению этой провинции год тому назад. Лояльное сотрудничество населения с немецкими властями будет способствовать дальнейшему благоприятному развитию. Германская администра-

ция в этой области намерена и имеет соответствующие указания итти навстречу желаниям населения. Она будет попрежнему с той же решительностью и принципиальной твердостью, с которыми она пресекала каждую попытку оказать сопротивление учрежденному великой германской империей порядку, защищать лояльное население генерал-губернаторства. С этой целью я издал еще один указ относительно задач германской администрации в Галиции с целью защиты интересов крестьян-единоличников в области продовольственного снабжения и сельского хозяйства". Конец цитаты.

Я перехожу к странице 55-й книги документов. Здесь говорится об обращении генерал-губернатора к главе польской делегации. Я цитирую последний абзац на 56-й странице: "Я надеюсь, что после нового урожая мы будем в состоянии оказать значительную поддержку и польским комитетам помощи. Все от нас зависящее будет сделано для того, чтобы избежать нужды. Мы также заинтересованы в том, чтобы польское население находило радость в труде и принимало участие в работе. Мы не собираемся никого истреблять или уничтожать". Конец цитаты.

Страница 6I-я книги документов содержит записи о беседе генерал-губернатора с генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, Заукелем. Я цитирую: Последний абзац, который находится на стр. 9I9 дневника. "Я хочу воспользоваться этим случаем для того, чтобы заявить вам, товарищ по партии Заукель, о нашей готовности сделать все возможное в пределах человеческих сил. Я хотел бы, однако, присовокупить к этому одну просьбу - обращение с польскими рабочими в империи, к сожалению, находится еще под давлением известных порочащих нас ограничений". Конец цитаты".

Я перехожу к стр. 62 и цитирую I0-ю строчку: "Я могу заверить вас, товарищ по партии Заукель, что для нас явилось

9405

H1199 – 0016

H1199 – 0017

бы колоссальным облегчением для организации поставки рабочей силы,если бы,по крайней мере,часть этих порочащих нас ограничений в отношении поляков в империи была бы устранена. Мне кажется,что возможность эта является вполне реальной".Конец цитаты.

Я перехожу затем к странице 66-й книги документов. Здесь находится единственная запись из дневника доктора Франка, которую он сам подписал. Здесь высказывается мысль относительно общего развития генерал-губернаторства.Это было записано после того, как он был освобожден от всех партийных должностей и после его неоднократных ходатайств об отставке. В тот момент он надеялся,что его ходатайство об отставке будет,наконец, удовлетворено.

Я прошу суд приобщить к делу эти записи,где помещены высказывания подсудимого Франка от I сентября 1942 г.Они охватывают пять страниц с 66 по 7I-ю стр. Следующая цитата находится на странице 75-й. Здесь речь идет о хранении художественных ценностей. Я цитирую пятую строчку снизу.Это слова генерал-губернатора.

"Произведения искусств были реставрированы и очищены самым тщательным образом. Таким образом в целом,примерно, 90% всего наличия произведений искусств бывшей Польши удалось сохранить на территории генерал-губернаторства. Художественные ценности являются полной собственностью генерал-губернаторства."

Я прошу Суд перейти к странице 92-й данного тома.Это заметки от 8.I2.I942 г. Здесь говорится о заседании руководителей главных управлений,на котором обсуждался вопрос продовольственного снабжения. Я прошу Суд принять этот документ без доказательства. То же самое я прошу сделать в отношении записи, находящейся на странице 93-й. В этой записи говорится, что генерал-губернатор при обсуждении

вопроса о мобилизации рабочей силы на территориях генерал-губернаторства резко осуждал всякие насильственные мероприятия.

Затем я перехожу к странице I08-й. Эти записи,на мой взгляд,являются очень существенными,и поэтому их следует здесь огласить. В них говорится о совещании представителей прессы и я прошу Суд обратить внимание на стр.II0. Я цитирую 3-й абзац: "Г-н генерал-губернатор суммирует результаты совещания и заявляет о том, что при участии председателя главного отдела пропаганды и руководителя прессы правительства все пункты,которые подверглись обсуждению, должны быть собраны в сборнике постановлений и инструкций, которые следует вручить всем главным редакторам польских газет. В этих положениях должны быть суммированы все директивы,касающиеся разработки вопросов, связанных с народами негерманского происхождения, в области прессы и культурного просвещения. В качестве руководящей идеи должна проходить мысль об умиротворяющей роли империи".Конец цитаты.

Я прошу затем Трибунал обратиться к I27 странице книги документов. Это записи о производственном совещании от 26-го мая I943 г.,на котором обсуждались вопросы продовольственного снабжения. Я цитирую восьмую строчку:

"Нам должно быть совершенно ясно,что первым моментом, на который нам нужно обратить внимание и который следует реализовать,является вопрос снабжения продовольствием польского населения. Я заявляю вам вполне авторитетно: Я при любых обстоятельствах, независимо от того,что может произойти,введу в наступающий в генерал-губернаторстве период продовольственного снабжения для самых широких слоев населения такие нормы продовольственного снабжения, за которые мы можем нести ответственность перед империей.

9407

H1199 – 0018

H1199 - 0019

Никто и ничто не сможет заставить меня изменить свою точку зрения".

Страница I3I книги документов.Здесь говорится о комитете,который был учрежден генерал-губернатором для разрешения вопросов снабжения ненемецкого населения. Я прошу Суд принять этот документ без доказательств.

Перехожу затем к странице I4I книги документов.В этих записях также обсуждаются вопросы продовольственного снабжения в генерал-губернаторстве. Я цитирую I0-ю строчку снизу:

"После проверки всех возможностей я приказал,чтобы к I сентября этого года было упорядочено продовольственное снабжение также и польского населения,проживающего на этой территории.

К I сентября этого года мы хотим ввести для населения этой территории такие нормы, которые называют нормами района реки Варты".Конец цитаты.

Я прошу позволить мне процитировать несколько предложений на стр. I42. Это заявление я хочу сделать вам здесь.

"По тому,с какой серьезностью я произношу эти слова, вы можете догадаться,что я хочу этим сказать: я лично и члены моего правительства всегда готовы итти навстречу нуждам и польского населения генерал-губернаторства. Мы здесь не для того,чтобы истребить или уничтожить его, мы не хотим подвергать еще большим мучениям население,на долю которого выпала и без того нелегкая судьба. Я надеюсь,что мы добьемся действительного удовлетворения и взаимопонимания во всех вопросах,которые иногда разделяют нас. Я лично против поляков ничего не имею".Конец цитаты.

Я перехожу к странице I48. Это совещание,на котором речь шла о подготовке врачебного персонала. Я цитирую абзац 2-й на странице I49. Это заявление генерал-губернатора:

H1199 - 0020

"Это первое,как его смело можно назвать,министерство здравоохранения по существу является новым начинанием.Это главное управление здравоохранения будет заниматься важными вопросами. Нам,врачам, проживающим на этой территории, необходимо прежде всего...

Господин председатель, я только что заметил,господин председатель,что я сделал ошибку, что то,что я сейчас зачитываю на странице 762,было сказано не генерал-губернатором,а начальником главного управления здравоохранения.Я проверю этот вопрос и затем доложу об этом суду в письменном виде.

Я перехожу затем к странице I55 книги документов.Эта запись от I4 июля I943 года,по-моему,имеет существенное значение,потому что здесь обсуждается вопрос относительно учреждения секретариата безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очевидно, этого нет в нашей книге документов.У нас нет страницы I55 и,мне кажется,что у нас нет также даты I4 июля.

ЗЕЙДЛЬ: Это от I4 июля I943 года. Это,очевидно,было упущено. Если Суду будет угодно,то я просто продиктую эти предложения для протокола.Здесь всего три предложения.

Господин генерал-губернатор указывает на то, какие неблагоприятные последствия для авторитета всего генерал-губернаторства повлекло за собой создание государственного секретариата безопасности. Была сделана попытка создать отдельное правительство полиции и СС и только в последний момент в противовес правительству генерал-губернатора,благодаря самым энергичным действиям удалось предотвратить его создание.Конец цитаты.

Я прошу суд перейти затем к странице I66 книги документов. Здесь обсуждаются общие вопросы политики Польши.Я прошу Суд принять этот документ без доказательств.

H1199 - 0020

H1199 – 0021

Страница I93 содержит записи об учреждении генерал-губернатором музея Шопена. Я цитирую стр.II57 дневника Франка. Это выдержка из речи генерал-губернатора.

"Сегодня в Кракове я открыл музей Шопена. В самых суровых условиях мы спасли предметы,связанные с жизнью и деятельностью величайшего польского музыканта,и привезли их в Краков. Это я хотел сказать для того,чтобы показать Вам, что я сам лично буду стремиться восстановить в стране порядок в той степени,в какой это только окажется возможным." /Конец цитаты/.

Последняя цитата находится на странице I99-й третей книги документов. Это выдержка из речи рейхсфюрера СС Гиммлера относительно назначения нового высшего СС и полицей-фюрера. Эта речь была произнесена им в Кракове перед членами правительства и перед высшими чиновниками СС и полиции. Это - речь, которую уже упоминал подсудимый доктор Франк во время его допроса в качестве свидетеля.Я цитирую 8-ю строчку снизу.

Ситуация вам всем очень хорошо известна.Здесь живут I6 миллионов иноземцев и всего 200 тысяч немцев.Если учесть полицейские части и войска, то это составит около 300 тысяч человек. Эти I6 миллионов чужеземцев,число которых было раньше значительно больше,так как здесь находилось огромнейшее количество евреев, которые теперь эмигрировали или были переселены на восток, - состоят в основном из поляков и незначительной доли украинцев"./Конец цитаты/.

Затем я перехожу к последнему документу в этом томе, он находится на странице 200. Это - записки от I4 декабря I943 года.Здесь говорится о речи генерал-губернатора,которую он произнес перед офицерами военно-воздушных сил.Я цитирую второй абзац:

9410

"Поэтому должно быть сделано все для того,чтобы население чувствовало спокойствие, мир и порядок; не должно иметь места ничего такого,что могло бы в какой-то степени вызвать волнение среди населения. Я здесь упомяну лишь один пример: неправильно было бы,если бы мы теперь,во время войны,стали поселять в гущу чужеземных крестьян немцев. Такого рода поселения, осуществлявшиеся в большинстве случаев с помощью принуждения,приведут прежде всего к тому, что сильно взволнуют местное крестьянское население.Это в свою очередь,может оказать очень плохое влияние на уборку урожая и проведение посевов и повлечет за собой другие неблагоприятные последствия.

Также неправильно было бы лишить население насильственным путем церквей или возможности осуществлять свои элементарные культурные запросы".

Я перехожу к странице 20I-й и цитирую последний абзац:

"Таким образом,мы вынуждены бережно относиться к этим областям и населению этих областей. К своей собственной радости и к радости всех наших сотрудников я могу констатировать,что эта точка врения доказала полностью свою состоятельность, а все то,что выдвигалось раньше против якобы неискренней дружбы поляков или мягкого обращения с ними, перед лицом фактов превратилось в ничто." Конец цитаты.

На этом я закончил третий том книги документов.Сейчас я обращаюсь к 4-му тому книги документов.На первой странице книги говорится о совещании,которое состоялось у обергруппенфюрера СС Крюгера 25 января I943 года. Я цитирую последний абзац:

"Господин генерал-губернатор заметил,что его не поставили заранее в известность о проведении большой операции по задержанию ассоциальных элементов.Эти действия находят-

H1199 – 0022

H1199 – 0023

ся в противоречии с циркуляром фюрера от 7 мая I942 года, согласно которому статс-секретарь по вопросам безопасности перед выполнением директив рейхсфюрера СС и начальника германской полиции должен получить на это согласие генерал-губернатора. Статс-секретарь Крюгер заявил,что в данном случае имелась секретная директива,которую следовало провести немедленно".:/Конец цитаты/.

Я прошу Суд приобщить этот документ к делу, обратить внимание на то,что здесь речь идет лишь об одном примере, из целого ряда бесед и разногласий во мнении,которые неоднократно имели место.

Я обращаюсь сейчас к странице 24-й этого тома документов. Здесь речь идет о совещании штаба военной экономики и комитета обороны от 22 сентября I943 года. Я надеюсь, что наши страницы полностью совпадают в этом томе документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали 24-я страница - не так ли?

ЗЕЙДЛЬ: Да, страница 24-я запись от 22 сентября I943 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кажется,нумерация страниц правильна.В нашей книге это в начале 24-й страницы,так что,пожалуй, вы можете продолжать цитировать эту страницу несколько дальше, и мы увидим,будет ли нумерация страниц итти правильно и далее.

ЗЕЙДЛЬ: Здесь имеется запись от 22 сентября I943 г. относительно совещания штаба военной экономики и комитета обороны. Я цитирую лишь первые строчки:

"В течение последних месяцев я вынужден был в тяжелой и бессмысленной борьбе проводить основную мысль о том, что полякам, наконец, необходимо обеспечить достаточное питание. Вам знакома неразумная недооценка подчиненных нам народов и,в частности,в тот момент,когда рабочая сила

этих народов является значительным потенциалом для нас и от этой рабочей силы зависит наша победа. То,что я выступал в течение всего этого времени против этого сумасбродства, сильно повредившего германскому народу, послужило поводом к обвинению меня лично, многих сотрудников моего правительства и многих из вас в дружеском отношении к полякам или мягком обращении с ними. В продолжение нескольких лет мою работу здесь в правительстве комментировали грязнейшими аргументами такого рода и за спиной старались препятствовать выполнению этих задач. Сейчас стало совершенно ясным,что было бы безумием соединять желание построить Европу с одновременным преследованием и придирками к европейским народам." /Конец цитаты/.

Я перехожу затем к странице 34 книги документов,это записи от 20 апреля 1943 года - записи о заседании правительства. Я прошу Суд обратить особое внимание на заключительные слова генерал-губернаторства,о которых говорится на стр. 38 книги документов и на стр. 41 в самом дневнике. Я затем перехожу к стр. 39 книги документов,где говорится о заседании правительства от 22 июля 1943 года.Я цитирую из второго абзаца десятую строчку:

"В этом году особенно тяжелым был для нас вопрос переселения. Я могу сообщить вам радостную весть,что переселение в общем полностью прекращено на период войны. Что касается перевода промышленных предприятий,то дело здесь идет полным ходом. Как вам известно, я придаю этому колоссальное значение.Мы должны были разрешить эту трудную для империи проблему и теперь в ближайшие месяцы мы переводим в генерал-губернаторство громадные промышленные комбинаты,имеющие мировую известность. В этом вопросе следует обратить внимание на почти полное,навязанное нам,таким образом изменение структуры генерал-губернаторства. Если раньше

H1199 – 0024

H1199-0025

ше мы выступали,как страна, снабжавшая империю рабочей силой и как аграрная европейская страна,имеющая запасы продовольствия, то в скором времени мы станем одной из важнейших промышленных областей Европы. Я напоминаю имена Круппа,Хейнкеля,Хеншеля,чьи предприятия будут перевезены в генерал-губернаторство. Конец цитаты.

Я прошу Суд обратить внимание на стр. 41 книги документов. Здесь речь идет об отчете,сделанном свидетелем д-ром Бюлером от 26 октября 1943 года,о котором он заявил, что этот отчет относительно 4 лет восстановительных работ был составлен на основании достоверных материалов,которые поступали из 13 главных управлений. Этот отчет находится на стр. 42-69 книги документов. Я не намереваюсь зачитывать его и прошу суд принять этот документ без доказательств.

Я перехожу к стр. 70 книги документов.Это запись о правительственном заседании от 16 февраля 1944 года. Я цитирую последний абзац 70 страницы четвертой книги документов.

"В противовес этому можно установить,что строительство, восстановление и обеспечение того,что сегодня имеет большое значение для этой страны были возможны только благодаря тому,что вопреки всем неприемлемым в военное время теориям основоположников идеи насилия над населением необходимо было всеми возможными положительными методами мобилизовать все материальные источники и людские запасы для завоевания победы.

Следующая цитата находится на стр. 74,это запись от 6 марта 1944 года. Я цитирую последний абзац на стр.75.В дневнике Франка это пятая страница.

"Г-н генерал-губернатор в принципе не возражает про-

тив подготовки новых кадров в духовных семинариях на том основании,что если организуют профессиональные курсы для врачей и т.д.,то надо обеспечить такую же возможность и в области религии".

Страница 77 содержит запрет генерал-губернатора эвакуировать население или часть населения,которое находилось тогда в зоне боевых действий вокруг Люблина.

Страница 80 содержит записи от I2 апреля I944 г.Я цитирую второй абзац:

"В связи с этим президент Гертейс перешел к вопросу об обращении с поляками в Германии. Это обращение,которое попрежнему остается хуншим по сравнению с обращением со всеми другими иностранными рабочими, привело к тому,что ни один поляк не хочет добровольно ехать на работу в Германию. Насчитывается 2I пункт,по которым с польскими рабочими в Германии обращаются хуже, чем с другими рабочими. Г-н генерал-губернатор просит президента Гертейса назвать ему эти 2I пункт,для отмены которых он постарается сделать все, что сможет.

Я прошу Суд перейти к стр. I00 книги документов.Здесь говорится о совещании от 6 июня I944 года по поводу проводимой крупной операции против партизанских банд в районе Билгорайского леса. Я цитирую на стр. I0I /это находится на 4-й странице дневника Франка/.

Г-н генерал-губернатор хочет быть уверен,что будут приняты меры,чтобы пощадить беззащитное население,которое само страдает от террора партизанских банд".

Страница I02, - здесь говорится о позиции генерал-губернатора по вопросу о концлагерях,это запись от 6 июня I944 года.Я цитирую последний абзац:

"Г-н генерал-губернатор заявил,что он никогда не подпишет подобного решения,так как оно означает,что данные лица

H1199 - 0026

H1199 – 0027

должны быть помещены в концлагери. Он всегда решительно протестовал против системы концлагерей,так как в ней заложено самое сильное нарушение права. Он не думал,что за такие вещи сажают в концлагери. Они были,очевидно организованы в тихомолку.Здесь следует поступать только так: в виде помилования таких лиц следует осуждать на определенное число лет тюремного заключения или каторжных работ.Например,приговор об отбытии тюремного заключения может приводиться в исполнение или пересматриваться государственными органами. Поэтому он просит сообщить статс-секретарю д-ру Бюлеру,что он, генерал-губернатор,не подпишет подобное решение. Он не хочет иметь никакого официального подтверждения существования концлагеря. Не может быть такого помилования,которое заключается в том,что людей направляют в концлагери. Сословные суды это - государственные судебные инстанции особого характера. Они скомплектованы из органов полиции,в то время,как по закону они должны быть скомплектованы из военнослужащих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зейдль,можете ли вы об'яснить перевод следующих слов,имеющихся в конце 202 стр. на английском языке? "Это могло быть проведено только таким путем, что определенные лица могли,в результате помилования,быть приговоренными к тюремному заключению на несколько лет". Можете вы об'яснить,что здесь имелось в виду?

ЗЕЙДЛЬ: Значение этого вытекает из выступления,которое сделал президент Вилле. Это находится в предыдущем абзаце, где говорится следующее /это десятая строчка сверху/:

"Кассационная комиссия спросила присутствовавшего на заседании представителя начальника полиции безопасности,в какой форме выразится это помилование.Он ответил,насколько он знает,наказание отменяется только в одном единственном случае.Во всех других случаях формулировка "наказание отме-

няется" всегда связана с мероприятиями полиции безопасности Было выражено опасение,что иначе эти люди исчезнут. Генерал-губернатор придерживается той точки зрения,что помилование может выражаться в замене смертного приговора тюремным заключением или каторжными работами,но он должен отклонить непосредственную замену смертного приговора лишением свободы в том случае,если полиция предстаивт свои возражения,основанные на соображениях безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду,что это означало замену смертного приговора тюремным заключением на определенное количество лет,но не отправкой в концлагерь,что означало бы неопределенный период времени и применение полицейских методов?

ЗЕЙДЛЬ: Да, таков основной смысл сказанного.

Я перехожу затем к странице 104-й. Эта цитата разбирает также общие вопросы относительно обращения с населением генерал-губернаторства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зейдль, вы гораздо дольше занимаетесь своими документами,чем вы сказали и Трибунал считает, что вы могли бы сократить представление документов в значительной степени. Здесь очень много материалов,говорящих об одном и том же.

ЗЕЙДЛЬ: Хорошо, господин председатель. Я тогда попрошу Суд обратить внимание на страницу 112-ю. Это записи от 10 июля 1944 года. Здесь разбирается вопрос относительно того, как следовало обращаться с произведениями искусств. Я цитирую второй абзац:

"Господин генерал-губернатор указывает референту Полевье на то,что следует составить точную опись этих произведений искусств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы уже сказали нам и привели ряд доказательств в поддержку той точки зрения,что подсудимый

H1199-0028

H1199 – 0029

Франк охранял произведения искусств или желал сохранить их в Польше и поэтому при данных обстоятельствах нет никакой необходимости продолжать зачитывать выдержки на ту же тему.

ЗЕЙДЛЬ: Я прошу тогда принять эту страницу без доказательств и я прошу суд позволить мне назвать те страницы, которые для меня являются особо важными.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, Трибунал сделает сейчас перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

ЗЕЙДЛЬ: Г-да судьи, если Трибунал пожелает, то из четвертой книги документов я приведу лишь страницы, которые кажутся мне особенно важными. Здесь речь идет о страницах 115, 121, 123, 134, 139, 152 и 182. Таким образом заканчивается 4-я книга документов.

Я перехожу к следующей книге документов, которую я закончу очень скоро. Это 5-я книга документов содержит материал в отношении всех тех обвинений, которые были пред'явлены подсудимому Франку обвинением США и относятся к деятельности Франка, как президента Академии германского права, как председателя национал-социалистского союза хранителей права и подобных должностей, которые он занимал. Страница первая. Это документ, который уже был представлен обвинением за № 1391-ПС, № США у него еще нет и я представляю его как документ Франка № 11. Это закон о создании Академии германского права с соответствующим уставом и с вытекающими из него задачами.

Я перехожу к странице 25-й книги документов. Эта цитата будет доказательством Франка № 12. Здесь речь идет о следующей фразе, которая инкриминируется подсудимому: "Справедливо то, что полезно народу". Эта цитата показывает, что подсудимый доктор Франк не хотел выразить этой фразой ни-

чего другого, как то, что уже содержится в известном латинском изречении: "salus publica suprema lex". Я прошу суд принять этот документ без доказательств и перехожу к странице 26-й. Это документ Франк № 13, который представляет собой выдержку из журнала Академии германского права. И эта цитата посвящена той же самой фразе, которая говорит,"что справедливо то, идет на пользу народа".

Теперь страница 30. Это - выдержка из документа США № 670. Здесь речь идет о митинге, "посвященном германскому праву в 1939 г. в Лейпциге, где в присутствии 25.000 человек доктор Франк произнес заключительную речь? Я цитирую на странице 31-й 10 строчка снизу:

"Только применением методов обеспечения права вынесения справедливых судебных решений и выполнения законодательного правового идеала, можно надолго сохранить общность народа.

Эта правовая методика, которая гарантирует на длительный срок выполнение общественных задач, является для Вас, блюстителей права, почетной миссией. Древне-германские принципы пережили столетия и дошли до нас"

Первое: "Никто не должен быть осужден, не получив возможности защищаться".

Второе - /на стр. 32/: "Никто не должен лишаться благ, которыми он может пользоваться согласно общественным нормам наций, даже по приговору судьи. Такими неот"емлемыми благами являются: свобода, честь, жизнь и доходы".

Третье: "Каждый, кому пред"явлено обвинение, безразлично какими судебными органами и на каких основаниях и с применением каких законов, должен иметь возможность взять защитника, который может дать за него об"яснение юридического характера, и он должен быть заслушан по всем правилам, закономерно и об"ективно." /Конец цитаты/.

9419

H1199-0030

H1199 – 0031

Я перехожу к странице 35-й книги документов. Здесь говорится о речи подсудимого Франка, которую он произнес на заседании начальников главных отделов национал-социалистского союза хранителей права 19 ноября 1941 года. Это документ Франка-14. Я процитирую несколько фраз на странице 37, сверху:

"Поэтому поставленная перед нами задача является очень серьезной и надо подчеркнуть, что она может быть выполнена лишь при наличии мужества и абсолютной готовности к работе. Я с большим вниманием наблюдаю это развитие и слежу за каждым течением, направленным против этого. Как и вам, мне слишком хорошо известны из истории попытки имеющих оружие, которым можно стрелять и полномочия, которые являются причиной исчезновения арестованных людей, эти попытки приобретают все большую власть в общественной жизни. Здесь я прежде всего имею в виду попытки, которые предпринимались не только СС, СД и полицией, а и многими другими учреждениями империи, а именно попытки освободиться от общих правовых норм"./Конец цитаты/".

Я хочу на стр. 41-й процитировать последние пять строчек: это заключительные слова Франка на том же заседании: "Право нельзя превратить в предмет торговли", его нельзя продавать, право не предмет биржевых операций".

Если право не соблюдается, то теряется и моральная опора государства, тогда государство падает в бездну мрака и ужаса".

Следующий документ находится на странице 42. Это первая большая речь подсудимого доктора Франка 8 июня 1942 года в университете в Берлине. Я это представляю как документ "Франка № 15". Я цитирую на странице 44-й, второй абзац, седьмая строчка.

"Но с другой стороны недопустимо,чтобы в государстве одного члена общества лишали чести,свободы, жизни,имущества,чтобы его отвергли и осудили,не дав ему возможности защищаться против пред'явленных ему обвинений. В этом отношении образцом для нас может служить армия.Там каждый является свободным,уважаемым и равноправным членом общества до тех пор, пока независимый судья,стоящий над ним, выслушивает обвинение и защиту и вынесет свое решение"/Конец цитаты/.

Я затем перехожу к странице 49 книги документов.Это вторая из четырех больших речей Франка. Она была произнесена в Вене и предстаавляется так же как документ "Франка № I5".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас уже было доказательство Франк I5 на 4I странице.

ЗЕЙДЛЬ: Извините, г-н председатель,я ошибся.На странице 49, это документ № I6.Я цитирую на странице 5I-й одно предложение.

"Я со всем старанием буду стремиться своими идеями доказать,что будет плохо,если полицейские идеалы будут выдаваться за национал-социалистские идеалы и все старо-германские правовые принципы отойдут на задний план.

Я прошу суд перейти затем к странице 57 книги документов.Это - речь подсудимого доктора Франка в университете в Мюнхене от 20 июля I942 года,она предстаавляется как документ "Франка № I7".Я цитирую на странице 58, - I6-я строчка.

"Но невозможно говорить о национальном обществе,если рассматривать служителей права как людей, исключенных из этого общества, и сейчас, в разгар войны обливать их грязью. Фюрер возложил на меня обязанность рейхслейтера имперского министерства юстиции и руководителя национал-

H1199 – 0032

H1199 – 0033

социалистского союза хранителей права,поэтому я обязан заявить,статья в газете "Шварце кор",где юристов называют "клоачными зверьками",является вредной и недопустимой".

Я прошу Трибунал обратиться к странице 67-й книги документов.Это речь Франка в Гейдельберге 21 июля 1942 года. Это - документ - Франк-№ 18. Я прошу Трибунал принять этот документ без доказательств. На стр. 69 я цитирую одну фразу: "Но никогда не должно существовать полицейское государство,никогда! Я его отвергаю".

Затем я перехожу к последнему документу.Этот документ уже был представлен обвинением Соединенных Штатов под № США-607, это выдержка из дневника Франка - "Заключительные соображения по поводу развития событий в последнюю четверть года". В этих выводах подсудимый д-р Франк еще раз говорит об идее правового государства, и я прошу Трибунал ознакомиться с помеченными на страницах 74 и 75 его основными высказываниями по этому вопросу. Здесь д-р Франк еще раз сформулировал те условия,которые казались ему необходимыми для существования всякого правового государства. Я цитирую на странице 74 всего несколько строчек. "Ни один гражданин не может быть осужден обычным путем на основании закона,который был в силе до совершения данного преступления. 2/ На данном процессе должна быть дана полная гарантия тому,что обвиняемый хорошо представляет себе все детали выдвинутого против него обвинения,что он будет допрошен и что ему будет предоставлена возможность свободно высказываться по данному вопросу. 3/ Обвиняемый должен иметь возможность пользоваться услугами сведущего в законах защитника на любой стадии процесса. 4/Защитник должен выполнять свои обязанности совершенно свободно и независимо от каких-либо посторонних влияний с тем,чтобы таким образом обеспечить равноправие между прокурором и обв

H1199 – 0034

няемым. 5/ Судья и суд должны принимать свое решение совершенно независимо, т.е. без какого-либо влияния на приговор со стороны каких-либо моментов, не имеющих прямого отношения к данному делу, путем логического подхода ко всем обстоятельствам данного дела и справедливого применения соответствующих статей закона. 6/ Когда наказание по данному приговору будет окончательно приведено в исполнение, можно считать, что преступление искуплено. 7/ Мероприятия по проведению арестов и превентивных заключений не могут ни исходить, ни приводиться в исполнение полицейскими органами, так же как полицейские органы не могут осуществлять наказания, наложенные на заключенных в концлагерях. Вышеупомянутые мероприятия могут проводиться в соответствии с этими принципами только после утверждения предполагаемых мероприятий со стороны уполномоченного, независимого судьи. 8/ Соответствующим образом также необходимо, чтобы гражданское судопроизводство во всех отношениях, собственно гражданского процесса, давало полную гарантию в том, что оно обеспечивает соблюдение интересов отдельных граждан". Конец цитаты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зейдль, имеются ли какие-либо отрывки из этих документов, где бы выражалось мнение о том, что те же самые принципы должны быть применены и в отношении других, а не только немцев.

ЗЕЙДЛЬ: В этом последнем документе подсудимый д-р Франк занимался в основном правовыми вопросами, не делая здесь различий между чужими народами и германским народом. Но он, будучи генерал-губернатором, всегда решительно выступал против заключения поляков, евреев и украинцев в концентрационные лагери. Об этом свидетельствует целый ряд записей в дневнике Франка. Я, таким образом, закончил представление документов по делу подсудимого д-ра Франка. Теперь

H1199 – 0034

H1199 - 0035

следует лишь получить ответы на опросные листы,которые были посланы свидетелям,допрос которых разрешен Трибуналом. Я позднее представлю эти ответы Трибуналу в специальной небольшой книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите о тех опросных листах,на которые вы еще не получили ответы,не так ли?

ЗЕЙДЛЬ: Да, это опросные листы, на которые я еще не получил ответы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.Как только вы их получите,вы передайте их обвинению и Трибуналу.

ЗЕЙДЛЬ: Так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Панненбеккер,пожалуйста.

/Адвокат Панненбеккер,защитник подсудимого Вильгельма Фрика/.

ПАННЕНБЕККЕР: Приводя свои доказательства по делу подсудимого Фрика, я отказываюсь от допроса самого подсудимого в качестве свидетеля. В тех вопросах,которые нуждаются в раз'яснениях, речь идет о проблемах формальных полномочий и действительной ответственности. Частично это было уже выяснено в процессе допроса доктора Ламмерса и другая часть неразрешенных вопросов выяснится путем представления документов.Особую область вопросов нельзя в достаточной степени разрешить представлением документов, это вопросы о действительных полномочиях полиции. Но по этому специальному вопросу должен дать показания свидетель д-р Гизевиус, он является единственным свидетелем, которого защита считает необходимым заслушать по делу подсудимого Фрика,т.е. другими словами,я отказываюсь от других свидетелей. Я прошу теперь Трибунал решить - пригласить ли мне сейчас свидетеля д-ра Гизевиуса,или же представлять документы.Я думаю,что если я сначала буду представлять

документы,то я представлю эти документы до обеда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То-есть, вы имеете в виду,что вы закончите представление документов до перерыва?

ПАННЕНБЕККЕР: Да, я думаю,что это будет так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: До часу дня?

ПАННЕНБЕККЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Безразлично ли вам,сначала вызвать свидетеля или сначала представлять документы?

ПАННЕНБЕККЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал полагает,что,пожалуй,было бы более удобным сначала представить документы.Трибунал надеется,что вы сможете закончить это относительно быстро.

ПАННЕНБЕККЕР: Да, я успею закончить.

Документы №№ I,2 и 3 книги документов.Эти документы относятся к вопросу о том,была ли подготовка агрессивной войны Гитлером известна членам имперского кабинета. Я не буду оглашать эти документы. Они уже переданы Трибуналу и доказывают,что Гитлер посвящал в свои агрессивные планы только тех сотрудников,которые должны были знать об этом для выполнения своей работы,но не посвящал в эти планы Фрика, который был министром внутренних дел и был ответственным за политику внутри страны. Фрик стал имперским генеральным уполномоченным по имперской администрации в области военных приготовлений. Он был назначен на эту должность,уже представлявшимся здесь законом о защите империи от 4 сентября 1938 г. за № США-36. Содержание этого закона не свидетельствует о том, что эта должность имела какое-либо отношение к подготовке агрессивной войны,она лишь показывает,что внутренняя администрация должна была участвовать лишь в общей подготовке и проведении мероприятий на случай возможной в будущем войны. Я представил под № 4 выдержку из этого закона для того, чтобы устранить одну

H1199 – 0036

H1199 – 0037

имевшую место ошибку.

Подсудимый Фрик в своих письменных показаниях от 14 ноября 1945 г. заявил, что он был на посту генерального уполномоченного имперской администрации с 21 мая 1935 г., то-есть с того дня, когда был издан первый закон о защите империи, который уже был представлен здесь как документ США № 24. Этот первый закон о защите империи от 21 мая 1935 г. еще не назначал главного уполномоченного имперской администрации, а лишь второй закон от 4 сентября 1938 г. назначал этого уполномоченного. Этот 2-й закон представлен здесь как документ США № 36. В виду допущенной ошибки в показаниях подсудимого Фрика, которому не были пред'явлены оба эти закона, обвинение заявило, что Фрик с 21 мая 1935г. занимал эту должность, в то время, как в действительности был им с 4 сентября 1938 г. т.е. со дня издания второго закона.

Документы №№ 5 и 6 книги документов уже были представлены обвинением. Они также доказывают, что участие Фрика в создании гражданской администрации было направлено лишь на подготовку на случай возможной войны. Я не буду оглашать и эти документы. Обвинение утверждает, что намерения Гитлера были настолько общеизвестны и ясны, что это не требует доказательств. Исходя из этого предположения, Обвинение сделало вывод, что участие в национал-социалистском правительстве в какой-либо области включало в себя сознательное требование агрессивной войны.

В документах №№ с 7 по 10 в книге документов Фрика я использовал материалы, которые уже представлялись обвинением и которые показывают, что Гитлер как в своих высказываниях перед общественностью, а также и в личных беседах со времени своего прихода к власти сознательно проводил политику сохранения мира, то-есть политику, которая об'явля-

ла о своем признании мира,как нечто самое правильное и делала это внешне вполне обоснованно. Я думаю,что я должен привлечь эти уже представленные документы для того,чтобы решить: можно ли было на основе официальной политики Гитлера со времени его прихода к власти судить о его намерении начать агрессивную войну.

Я также прошу под этим углом зрения рассматривать документы - доказательства №№ II и I2 книги документов.Они еще не были представлены и я их представляю как документы защиты под №№ I и 2. Первый документ - это телеграмма кардинала, архиепископа Шульте от 8 марта I936 г., во время занятия Рейнской области,адресованная главнокомандующему вооруженными силами в марте I936 г. Во втором документе речь идет о торжественном заявлении австрийских епископов по случаю присоединения Австрии в марте I938 г.

Я цитирую из первого документа: "Кардинал архиепископ Шульте послал телеграмму главнокомандующему вооруженными силами генерал-полковнику фон Бломбергу,в которой он в этот торжественный час,когда военные силы империи опять, как хранители мира и порядка,вступили в немецкую Рейнскую область, приветствует призванных на это дело воинов нашего народа, приветствует от всей души, воздавая должное воодушевляющему примеру готовой к самопожертвованию любви к родине, примеру мужества и веры, которые показала миру наша армия".

Я избрал именно эти два документа потому,что католическая церковь не подозревается в том,что ее прихожане помогали развязыванию агрессивных войн и вообще были склонны поддерживать преступные намерения Гитлера. Эти митинги не могли бы иметь места,если бы,как это утверждает Обвинение,преступные цели Гитлера и в особенности его намерения вести агрессивные войны были бы общеизвестны.

9427

H1199 – 0038

H1199 – 0039

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Панненбеккер, Трибунал хотел бы знать, где была взята эта телеграмма от архиепископа, документ Фрик № II?

ПАННЕНБЕККЕР: Я взял эту телеграмму № 2 из газеты "Фелькишер беобахтер" от 9 марта 1938 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А другую?

ПАННЕНБЕККЕР: А другую - также из "Фелькишер беобахтер" за 28 марта 1939 г. Из документа № I3 книги документов я цитирую одну фразу из речи Фрика, которая показывает, что Фрик придерживался точно такого же мнения. Он заявляет в этой своей речи: /я цитирую/: "Национальная революция является проявлением желания устранить любыми средствами внешне и внутренне чужеземное господство любого рода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы присвоили этому документу № I3?

ПАННЕНБЕККЕР: Да. Я предоставляю его за № I3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Простите, это должен был быть третий документ?

ПАННЕНБЕККЕР: Да, это как раз то, что я хотел сейчас сказать. Я предоставляю этот документ, как Фрик № 3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ПАННЕНБЕККЕР: Затем Фрику инкриминируется его работа для "Германского союза за границей", причем Обвинение рассматривает это как вклад подсудимого Фрика в дело подготовки агрессивной войны.

Действительные взгляды Фрика на цели "Германского союза за границей" изложены в документе № I4. Я предоставляю его, как доказательство Фрика № 4. Я цитирую:

"Германский союз за границей" не имеет ничего общего с какими-либо политическими стремлениями или с территориальными вопросами, он стремится лишь об'единить культурные стремления всех немцев во всем мире".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/: Д-р Панненбеккер,я должен, пожалуй, сказать,что в оглавлении этой книги документов, кажется, номера доказательств совпадают с номерами документов в том порядке,в котором они помещены в книге,но ведь это будет не так.

ПАННЕНБЕККЕР: Это будет не так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот последний документ,который вы только что представили как доказательство № 4,в книге помечен как доказательство № I4,что является ошибочным.Это документ № I4,но не доказательство № I4.

ПАННЕНБЕККЕР: Этот документ № I4,а доказательство Фрика № 4,документ № I5 и доказательство Фрика № 5.Я привожу по той же теме указ имперского министра внутренних дел от 24 февраля I933 г. Здесь также говорится о работе "Германского союза за границей".Я цитирую.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве он не был уже представлен? Я вижу здесь номер ПС.

ПАННЕНБЕККЕР: Да,есть номер ПС,но Обвинение не представило этот документ в качестве доказательства.Я цитирую:

"Не надо забывать нужду нашего времени,недостаток в работе и хлебе в самой Германии,но надо всегда помнить и о том,что 30 миллионов немцев, проживающих за границей,за пределами урезанной в настоящем территории Германии,являются также составной частью всего немецкого народа,которой Германия не может предоставить материальную поддержку, но которой Германия должна предоставить культурную поддержку и,прежде всего,при помощи созданного для этой цели "Германского союза за границей".

В документах с № I6 по № 24 включительно /я не буду зачитывать отдельно эти документы /я собрал законные распоряжения,которые занимаются полномочиями министерства внутренних дел, как центрального учреждения для определен-

H1199 – 0040

H1199 – 0041

ных оккупированных областей. Это центральное учреждение не имело и права издавать приказы для оккупированных областей, никакой исполнительной власти. О его задачах уже говорил здесь свидетель д-р Ламмерс. Задачи этого учреждения перечисляются в документе № 24. Я не буду представлять это как доказательство. Это официально было опубликовано в имперском сборнике законов и уже было представлено за № 3082-ПС. Подтверждением того, что центральное управление не имело права издавать приказы в оккупированных областях, являются записи в дневнике подсудимого д-ра Франка, в которых сказано, что в занятых областях издавать приказы могли лишь назначенный для управления этими областями генерал-губернатор, я не буду цитировать это место. Все полицейские полномочия в оккупированных областях были переданы рейхсфюреру СС Гиммлеру и, таким образом, Фрик не имеет к этим полномочиям никакого отношения, так как все они были представлены Гиммлеру, как рейхсфюреру СС.

Это следует из документа № 26 книги документов, это доказательство США № 319. Обвинение пред'явило Фрику обвинение в преступлениях, которые были совершены в Богемии и Моравии, начиная с августа 1943 г., на основании того, что Фрик с августа 1943 г. был имперским протектором Богемии и Моравии.

Я представляю в связи с этим документы №№ 28 и 29, которые доказывают, что при назначении Фрика ранее существовавшие полномочия были разделены, а именно – они были разделены между, так называемым, германским государственным министром Богемии и Моравии, который во всех государственных делах должен был подчиняться непосредственно приказам фюрера и имперского канцлера и имперским протектором, т.е. Фриком, который получил ряд специальных полномочий и в сущности имел право помиловать подсудимых после их осуждения

местными судами.

Затем Фрику пред'является обвинение в том,что он нес ответственность за политическую полицию, за тайную государственную полицию,т.е. за гестапо и концлагери.До 1936 года задачи полиции носили,так сказать,областной характер в Германии, и Геринг, будучи прусским премьер-министром и министром внутренних дел Пруссии создал политическую полицию и концлагери. Итак,Фрик,будучи имперским министром внутренних дел,не имел к этому никакого отношения.Весной 1934 года Фрик был назначен прусским министром внутренних дел.Но Геринг перед этим специальным законом снял с прусского министра внутренних дел полномочия,касающиеся политической полиции и подчинил политическую полицию непосредственно ведомству премьер-министра,т.е. самого Геринга.

Соответствующие законы были уже пред'явлены обвинением в документах №№ 2I04-ПС, 2I05-ПС и 2II3-ПС.То же самое следует из документа № 30 книги документов, который уже был представлен США под № США-233.Таким образом до 1936 года в области политической полиции Фрик имел лишь общее право надзора,как это было принято в империи в отношении отдельных областей. Но у него не было права издавать распоряжения,и указания в каждом отдельном случае,он лишь имел полномочия издавать директивы общего порядка,и в документах № 3I, 32, 33 я поместил эти основные директивы, которые издавались Фриком. Из документа № 3I "Фрик доказательство № 6". Я цитирую:

"Для того,чтобы избежать злоупотреблений в области превентивного заключения, министр внутренних дел в своих директивах руководителям областей и имперским наместникам от I2 апреля 1934 года указывает,что приказы о превентивном заключении могут издаваться: а/ лишь для охраны самих заключенных, б/ в том случае, если заключенный ведет себя

H1199 – 0042

H1199-0043

враждебно по отношению к государству и наносит вред безо-
пасности и порядку. Если эти факторы отсутствуют, отдавать приказание о превентивном заключении не следует. Особенно, а/ против тех лиц, которые ~~не~~ что-либо обжалуют, т.к. им дано это право согласно официальному гражданскому праву, б/если это адвокаты, защищающие интересы этих клиентов, в/по вопросам частного порядка от личных оскорблений, г/по вопросам хозяйственных мероприятий. /Вопросы зарплаты, увольнения с работы предпринимателей и т.п./. Превентивное заключение недопустимо также и для наказания преступных деяний, т.к. для этого существует суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какова дата этого документа?

ПАННЕНБЕККЕР: Это документ обвинения 779-ПС. Взят он из документов министерства. Даты здесь никакой нет. Но это, очевидно, относится к весне 1934 года, как об этом свидетельствует первое предложение. На такое распоряжение ссылается "Фелькишер беобахтер" от 14 апреля 1934 года. Я включил этот документ в книгу документов за № 32, это доказательство Фрика № 7.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Паннебекер, вы сейчас представляете этот документ как доказательство или он уже был представлен суду в качестве доказательства?

ПАННЕНБЕККЕР: Нет, этот документ еще не представлялся. Я представляю его как доказательство № 6.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сказали, что дата - 12 апреля.

ПАННЕНБЕККЕР: Да, это очевидно, было весной, вскоре после 12 апреля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 12 апреля 1934 г.

ПАННЕНБЕККЕР: На это распоряжение ссылается "Фелькишер беобахтер" от 14 апреля 1934 г. Речь идет о документе № 32 в книге документов Фрика, это доказательство № 7. Я не буду зачитывать его. Затем идет документ 33, свидетельствующий -

о том,же я предоставляю это как документ,как доказательство Фрика № 8".

Документ № 34 в книге документов я представляю как доказательство № 9. Этот документ показывает,что гестапо в действительности не придерживалось указаний Фрика и что Фрик был в этом отношении безвластным. Но мне кажется,что этот документ очень важен для того,чтобы показать,что Фрик всегда пытался и старался воспрепятствовать злоупотреблениям гестапо,но гестапо было сильнее его,т.к. имело поддержку со стороны Гиммлера,который пользовался доверием фюрера.

17 июня 1936 года дела политической полиции стали предметом общегосударственного значения.Гиммлер был назначен начальником германской полиции,который хотя формально и входил в министерство внутренних дел,но фактически был как бы отдельным полицейским министром,подчинявшимся непосредственно самому фюреру,министром,который имел право лично представлять свои дела в имперском кабинете.

Об этом свидетельствует документ № 35. Он уже был представлен под № 2073-ПС,это указ из имперского сборника законов.

Я думаю,что не следует давать ему номера доказательства,так как это - официальное издание в имперском сборнике законов. В связи с этим Обвинение представило документ 1723-ПС, как доказательство США № 206. Я представляю выдержку из этого документа,как документ № 36 книги документов. Здесь я хочу исправить одну ошибку. Этот документ является выдержкой из книги доктора Лея,заведующего организационным отделом партии.В этой книге доктор Лей дает указание партийным учреждениям о совместной работе с гестапо и в конце этой выдержки Лей цитирует распоряжение Фрика,которое свидетельствует о том,что Фрик старался обу-

H1199 - 0044

H1199 - 0045

здать произвол гестапо.

а в обвинительной реми

13 декабря 1945 года на утреннем заседании Обвинение огласило весь этот документ, как указание, данное Фриком. Я прошу исправить эту ошибку. Так как Гиммлер и начальники гестапо не придерживались указаний Фрика, Фрик в отдельных случаях сам пытался добиться облегчений в вопросе концентрационных лагерей. Этого ему не удалось добиться. Для того, чтобы привести пример, я представляю документ № 37, письмо бывшего депутата рейхстага Вулле, который без моей просьбы прислал его мне. Это будет доказательством Фрика № 10. В этом письме сказано: "Он /то-есть Фрик/, как мне сообщил мой адвокат, пытался добиться у Гитлера различными путями моего освобождения, но безрезультатно, так как концентрационными лагерями распоряжался Гиммлер. Но я должен благодарить его /то-есть Фрика/ за то, что со мной относительно хорошо обращались в концлагере Заксенхаузен. В кругу нацистских демагогов он бросался в глаза своей скромностью и сдержанностью. Он был человеком, которому было противно всякое насилие. Я с весны 1925 года боролся против Гитлера и его партии. Это была ожесточенная борьба с той и другой стороны.

Тем в большей степени заслугой Фрика я считаю то, что Фрик, несмотря на эту враждебность на своем довольно безвластном в противовес Гиммлеру посту, попытался сделать все возможное, чтобы помочь мне и моей жене пережить тяжелое время моего пребывания в концентрационных лагерях".

Обвинение утверждало здесь перед Трибуналом, на основании показаний свидетеля доктора Блаха, что Фрик знал о положении в концентрационном лагере в Дахау, посетив лагерь в первую половину 1944 года. Я с разрешения Трибунала представлю опросный лист, посланный свидетелю Гильгуберу, который сопровождал подсудимого Фрика во всех поездках.

9434

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минуту,доктор Панненбеккер. /Пауза/. Трибунал считает,что он не может принять письменные показания, данные под присягой от подсудимого Фрика, который не находится у свидетельского пульта для дачи показаний под присягой. Это можно будет сделать лишь в том случае, если он будет вызван в качестве свидетеля,поскольку тогда он может быть подвергнут перекрестному допросу.

ПАННЕНБЕККЕР: Но это не показания Фрика.Это- ошибка. Это - показания Гильгубера,свидетеля,получившего опросный лист. Это - № 40 в книге документов.Я извиняюсь.Этот документ по ошибке не был переведен. Я не передал его для перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо,скажите нам,что он собой представляет.

ПАННЕНБЕККЕР: Это -опросный лист и ответы свидетеля Гильгубера. Гильгубер был личной охраной подсудимого Фрика во всех его служебных поездках и он подтвердил в ответах на опросный лист,что Фрик никогда не осматривал этого лагеря.

Эти показания и опросный лист должны быть переданы для их перевода. Они имеются в моей книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете зачитать этот опросный лист, если Обвинение не возражает против его допустимости,или использованных в нем выражений, поскольку этот опросный лист уже был временно принят.

ПАННЕНБЕККЕР: Я оглашаю из документа Фрика № 40,который будет доказательством № II,следующее:

"Вопрос: с какого времени и по какое время вы работали у подсудимого Фрика и в качестве кого?

Ответ: С I8 марта I936 года, до прихода союзных войск, 29 или 30 апреля I945 г. я был у Фрика,как представитель имперского министерства безопасности в качестве чиновника

H1199 – 0046

H1199 - 0047

имперской службы безопасности для охраны и сопровождения министра.

ВОПРОС: Вы всегда сопровождали его в служебных поездках?

ОТВЕТ: С 1936 по январь 1942 года не всегда, а затем с января 1942 года - всегда сопровождал его во всех поездках и полетах.

ВОПРОС: Знаете ли вы что-либо о том, что подсудимый Фрик в первую половину 1944 года был в лагере Дахау?

ОТВЕТ: Насколько мне известно, Фрик не осматривал концлагеря Дахау.

ВОПРОС: Должны ли вы были знать о том, если бы это имело место и почему?

ОТВЕТ: Да, я должен был бы знать об этом, если это имело место, так как я постоянно находился при нем и мои сотрудники доложили бы мне, если бы он уехал в мое отсутствие.

ВОПРОС: У вас есть дневник его поездок и можете ли вы его представить?

ОТВЕТ: С 1941 года уже не велись такие дневники и вместо этого отчеты о поездках поступали в имперское министерство безопасности в Берлин. В апреле 1945 года все сохранившиеся в моем учреждении копии были, согласно указанию, сожжены.

ВОПРОС: Знаете ли вы что-либо о том - посещал ли подсудимый Фрик когда-либо лагерь Дахау?

ОТВЕТ: Насколько мне известно, Фрик никогда не посещал лагеря Дахау.

Мозбург, март 1946 г., подписано М.Гильгубер и затем подпись американского подполковника Леонарда Н.Дункеля".

Для выяснения вопроса о том, получал ли посетитель лагеря действительное представление о положении вещей в

лагере при своем посещении, - я прошу разрешения огласить письмо католического священника Бернарда Кетцлика, которое я получил от него несколько дней тому назад без моей просьбы. Я представил это письмо, как дополнение к документу Фрик - I.

Господин судья Джексон: Ваша честь, Обвинение возражает против этого, поскольку это показание такого рода, что его нельзя проверить. У меня имеется целая кофзина подобной переписки, содержащей обвинения против этих подсудимых, но я не думаю, что Трибунал пожелал бы принять ее. Если открыть доступ судебному материалу такого рода, то ему никогда не будет конца. Этот свидетель не пользуется никакими официальными полномочиями, которые удостоверяли бы правдивость его показаний, и я полагаю, что привлечение писем от неизвестных лиц заслуживает возражения.

ПАННЕНБЕККЕР: Разрешите мне сказать. Это письмо попало в мои руки так поздно, что я уже не мог запросить свидетеля о показаниях, данных под присягой. Если это будет нужно - я запрошу эти показания, если они представляют большую доказательную силу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что это письмо не может быть принято, но может быть в обычном порядке подано ходатайство о разрешении представить письменное показание, данное под присягой или вызвать данное лицо в качестве свидетеля.

ПАННЕНБЕККЕР: Я подам такое письменное ходатайство. Документ № 38 я не буду зачитывать, так как он содержит показания Фрика. В конце я ссылаюсь на отрывки из книги Бунтера "Inside Europe". Я представляю этот документ, как "Фрик, док. № I2", я цитирую на английском языке:

"Фрик родился в Палестине в I887 году. Гитлер не был с ним в близких отношениях, но уважал его. Министром внутрен-

H1199 - 0048

H1199-0049

них дел был назначен потому, что являлся единственным выдающимся нацистом,имевшим специальную подготовку в области государственной и гражданской службы. Будучи точным, покорным,исполнительным и нерешительным, он оказался истинным руководителем,его называли единственным честным нацистом".

И как последний документ я хочу представить выдержку из книги Гизевиуса "До горького конца". Я думаю,что мне не следует зачитывать эти отрывки,так как сам свидетель-Гизевиус будет допрошен здесь. Я даю этому документу номер доказательства I3. Затем идут ответы на два опросных листа свидетелей Мессершмита и Зегера. Я прошу дать мне разрешение зачитать эти ответы позднее, как только они будут мною получены. Этим я заканчиваю представление документов.Я не думаю,что будет целесообразным сейчас начинать допрос свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал сделает перерыв.

/Об'является перерыв до I4.00/.

ВЖ

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 апреля 1946 года.

/ Вечернее заседание /

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы подготовились к вызову Вашего свидетеля ?

Д-р ПАНЕНБЕКЕР: / защитник подсудимого Фрика/ Да, г-н президент. Я прошу Вашего разрешения вызвать свидетеля Гизевиуса. Он- единственный свидетельн по делу подсудимого Фрика, и я именно выбрал этого свидетеля, для выяснения полицейских полномочий в Германии потому, что он с самого начала стоял на стороне оппозиции и так как он по моему мнению может нарисовать наиболее ясную картину в отношении полномочий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите свое имя полностью.

СВИДЕТЕЛЬ: Ганс Бернд Гизевиус.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги.

" Я клянусь богом всемогущим и всеведущим, что буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/ Свидетель повторяет слова присяги /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель, Вы были членом НСДАП или одной из ее организаций ?

ГИЗЕВИУС: Нет.

ПАНЕНБЕККЕР: Правильно-ли, что Вы лично были участником событий 20 июля 1944 года и были в то время в ОКВ ?

H1199 – 0050

H1199 – 0051

ГИЗЕВИУС: Да.

ПАННЕБЕККЕР: Как Вы попали на службу в полицию ?

ГИЗЕВИУС: В июле 1933 года я выдержал государственный экзамен по юриспруденции. Будучи потомком старой чиновничьей семьи, я заявил о своем согласии служить в прусской администрации. Я в то время был членом немецкой народной национальной партии и организации " стальной шлем" и по тогдашним понятиям считался политически благонадежным. Таким образом моей первой службой,в качестве чиновника, была служба в политической полиции. Это значило, что я вступил тогда во вновь созданную тайную государственную полицию (гестапо). Я был тогда очень рад этому назначению на службу в полицию. Уже тогда я слышал о том, что в Германии происходят отвратительные события. Я был склонен считать, что речь идет о последних отголосках положения, которое походило на положение после гражданской войны и положения, которое мы имели в 1932-33 г.г. Так я надеялся внести свою лепту в дело создания настоящей государственной силы, которая- бы заботилась о правах, порядке и о законности в государстве. Но эта радость была недолговременной. Не пробыв и двух дней на своей службе я заметил, что там царят ужасные порядки. Это была не та полиция, которая-бы выступала против нарушителей, убийств, грабежей, против лишения свободы. Это была полиция , которая защищала преступников, поз воляющих себе подобные эксцессы. Арестовывались не те люди, которые были виновниками этих преступлений, арестовывались те, которые обращались за помощью в полицию. Не было полиции, которая предпринимала какие-бы то ни было меры по устранению беспорядков, а это была полиция, которая ставила своей задачей маскировать преступления и, более того, способствовать им, так как те

отряды СС и СА, которые представляли частную полицию все время подбодрялись, поддерживались так называемой тайной государственной полицией, им оказывалась всевозможная помощь. Всего ужаснее и всего заметнее для новичка было то, что начала действовать система лишения свободы, самая ужасная, какую можно было только выдумать; помещений гражданских новой государственной полиции нехватало для арестованных. Были созданы специальные концлагери для арестованных гестапо. И названия их останутся навсегда позорным пятном в истории. Это были Ораниенбург и собственная тюрьма, гестапо на Бабельштрассе- Колумбия Хауз или как ее еще цинично называли " Колумбийский притон". Я не хочу, чтобы здесь возникло недораз умение.

Конечно, по сравнению с тем, что мы пережили позднее, это было только началом, но это началось так и я хотел-бы передать в нескольких словах мое личное впечатление. Уже спустя два дня я спросил одного из моих коллег, он был членом старой политической полиции и перешел в новую полицию. Он был одним из тех полицейских, который как раз был осужден на несение этой службы. Итак, я спросил этого человека : " Скажите, что я здесь- в учреждении полиции или просто в разбойничьей пещере ? Я получил ответ: " Вы в разбойничьей пещере и будьте готовы ко всему. Вам предстоит еще очень многое пережить".

ПАНЕНВЕККЕР: Г-н свидетель, скажите, кому подчинялась тогда политическая полиция и какая инстанция руководила ею ?

ГИЗЕВИУС: Политическая полиция подчинялась некому Рудольфу Дильсу. Он пришел сюда из старой прусской политической полиции, он был обученным профессиональным чиновником и можно было предполагать, что ему знакомы такие

H1199 – 0052

H1199 – 0053

понятия, как право и честь. Но этот грубый и циничный человек всегда был готов на все для того, чтобы затушевать свое прошлое демократа перед новыми властями и выслужиться перед своим новым начальником - прусским премьер-министром и министром внутренних дел Герингом. Дильс изобрел эту государственную тайную полицию. Он вдохновил Геринга на первый приказ о самостоятельности этого учреждения. Дильс пустил в это учреждение СА и СС, он санкционировал мероприятия этих гражданских команд. Но скоро мне стало ясно, что один такой ренегат не может совершить столько несправедливостей. За ним должен был быть какой-то влиятельный человек. И скоро я увидел, что одно лицо каждый день и каждый час беспокоится о том, что делается в этом учреждении. Писались доклады, поступали по телефону запросы, Дильс несколько раз в течение дня ходил на доклад. Итак, прусский министр внутренних дел Геринг был тем лицом, которым держал эту тайную полицию как особый резерв. В эти месяцы ничего не происходило в этом учреждении без того, чтобы Геринг не знал бы о происходящем или лично бы не приказывал делать этого. Я особенно подчеркиваю это, так как с годами у общественного мнения сложилось совершенно другое мнение о Геринге, потому, что он заметно отошел от своих служебных обязанностей. В то время это не был тот Геринг, который в конце концов задохся в своем Каринхалерском болоте. В то время это был Геринг, который беспокоился обо всем лично, который еще не занимался строительством Карин-галлера и не переодевался в мундиры, выставляя ордена. Это был еще Геринг, одетый в штатское, который действительно являлся руководителем и начальником учреждения , и вдохновлял его и который хотел быть " железным" Герингом.

ПАНЕНБЕККЕР: Г-н свидетель, я думаю, что Вы могли бы говорить короче по некоторым вопросам.

Скажите,то о чем Вы сейчас говорите, Вы узнаете на основании собственного опыта, или откуда Вы это берете ?

ГИЗЕВИУС: Я основываюсь здесь не только на своем собственном опыте, я очень многое слышал от человека, который в то время тоже служил в государственной тайной полиции, и в моих показаниях его сведения будут играть большую роль. Итак, в то время в тайную государственную полицию был вызван виднейший специалист по уголовным делам, может быть самый выдающийся криминалист в прусской полиции некий оберрегирунерат Небе. Небе был национал-социалистом. Он находился в оппозиции к старой прусской полиции и присоединился к национал- социалистской партии. Это был человек, который верил в чистоту национал-социалистских целей. И получилось так, что на моих глазах этот человек пережил внутренний переворот, увидев, что творится в полиции. Я думаю, что здесь важно упомянуть по какой причине Небе стал решающим оппонентом, который шел по пути оппозиции вплоть до 20 июля и затем принял смерть через повешение.

В то время в августе 1933 года Небе получил от подсудимого Геринга задание убить Грегора Штрасера, бывшего деятеля нацистской партии, ~~оригинальной~~ организованной автомобильной катастрофы или на охоте. Это поручение настолько потрясло Небе, что он не захотел выполнять его и потребовал от имперской канцелярии об"яснение. Из имперской канцелярии ему ответили, что фюрер ничего не знает о таком задании. Небе после этого пригласили к Герингу, ему были сделаны тягчайшие упреки в связи с подачей такого запроса и,

H1199 – 0054

H1199 – 0055

наконец Геринг все-же предпочел дать ему повышение после всех этих упреков, для того, чтобы затеавить его замолчать. Второе , что случилось тогда, и что является также очень важным, это то, что подсудимый Геринг давал политической полиции полномочия на убийства. Тогда существовали не только законы об амнистии, которые амнистировали преступления, после их совершения, но имелся также особый закон, который разрешал прекращать расследование полицией или прокуратурой, во всяком случае при условии, если имперский канцлер или Геринг лично давали на то свои санкции своей подписью. И этот закон Геринг использовал для того, чтобы дать все полномочия начальнику тайной государственной полиции, причем был оставлен открытым вопрос только о фамилиях лиц , которые должны были быть убиты. Это потрясло Небе настолько, что он посчитал своим долгом бороться против гестапо. По нашей просьбе он остался в уголовной полиции, так как нам нужен был такой человек, который давал-бы нам необходимые сведения и мог информировать нас о положении в полиции на тот случай, если-бы суждено было осуществиться нашим планам о перевороте.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель, что Вы делали сами ? Когда Вы это все увидели ?

ГИЗЕВИУС: Я сам старался установить связь с теми гражданскими кругами, которые были доступны мне благодаря моим связям. Я посещал раз личные министерства, прусское министерство внутренних дел статс-секретаря Грауерта, многих министериальных директоров и министериальных советников, я ходил в имперское министерство внутренних дел, в министерство юстиции, я был в министерстве иностранных дел, и в военном министерстве. Я там неоднократно говорил с генерал- полковником Гамерштейном, бывшим начальником

управления сухопутных сил ; и из всех тех связей, которые я установил в то время, одна мне кажется, особенно важной для моих показаний. Я там, в только что созданном отделе контрразведки ОКВ познакомился с майором Остером. Я передал ему весь имеющий ся материал и мы начали вести сборник материалов, который мы вели до 20 июля и, прежде всего, всех документов, которые мы могли получать. Остер был таким человеком, который ничего не упускал в военном министерстве , который делал все для того, чтобы информировать о положении дел каждого офицера, с которым он говорил на службе и вне службы. Остер по протекции ад мирала Канариса в последствии стал начальником штаба контрразведки. Когда он умер на виселице, он был уже генералом. Но я должен сказать, что после всего того, что сделал этот человек, вложив незабываемый вклад в дело борьбы с гестапо, с преступлениями против человечности и мира, после всего этого, я вправе заявить, что среди всех немецких фельдмаршалов и генералов это был настоящий немецкий генерал.

Д-АНЕНБЕККЕР: Скажите, как протекала работа в гестапо, которую Вы могли наблюдать ?

ГИЗЕВИУС: Положение Германии было тогда еще таковым, что в раз личных министерствах Вас еще выслушивали, существовала еще фронда в гражданских министерствах, был еще имперский президент Гинд енбург. Итак, в конце октября 1933 г. подсудимый Геринг был принужден снять с должности начальника государственной полиции Дильса. Одновременно была составлена комиссия по чистке, для того, чтобы очистить это учреждение до основания. В эту комиссию входили, на основании распоряжения министерства, Небе и я . Но эта комиссия никогда не собиралась. Она была создана лишь на бумаге. Геринг сумел воспрепятствовать этому. Он назначил начальником и преемником Дильса еще более

H1199 – 0056

H1199 - 0057

жестокого нациста некого Гинклера, который на процессе, который велся против него, был оправдан в виду его невменяемости. И этот человек поставил дело так, что через 30 дней он был снят со службы и подсудимый Геринг мог взять обратно на службу своего Дильса.

П-АНЕНБЕККЕР: Известны-ли Вам те обстоятельства, которые привели к ~~и~~зданию прусского закона от 30 ноября 1933 года, по которому все функции гестапо были из"яты из ведомства прусского министра внутренних дел и переданы прусскому премьер-министру.

ГИЗЕВИУС: Да, это как раз то, о чем я и говорю. Г-еринг понял, что это нецелесообразно, если другие министерства слишком ун беспокоятся о его гестапо. Несмотря на то, что он сам был прусским министром внутренних дел, ему все же мешало то, что полицейский отдел прусского министерства внутренних дел вмешивался в дела его министерства, и он с этой целью сделал тайную государственную полицию самостоятельной и подчинил ее себе непосредственно, исключая все другие инстанции полиции. Это с точки зрения всякой законом установленной полиции было бессмыслицей ибо нельзя создать политическую полицию отдель от уголовной полиции и от полиции порядка. Но Геринг знал, почему было недопустимым то, чтобы какая -либо другая полицейская инстанция могла вмешиваться в дела государственной полиции.

ПАНЕНБЕККЕР: Скажите, господин свидетель, Вы сами согласились продолжать службу в полиции ?

ГИЗЕВИУС: В тот день, когда Геринг совершил этот государственный переворот, я не могу назвать это иначе- маленьких масштабов, создав себе свой собственный аппарат

гестапо, это самая тайная государственная полиция издала приказ о моем аресте. Я рассчитывал на это и укрылся. На следующее утро я пришел к начальнику отделения полиции в прусском министерстве внутренних дел к министериаль-директору Далюге, генералу СС, и заявил ему, что это не совсем справедливо, издавать приказ о моем аресте, меня арестовывать. Но туда пришел комиссар уголовной полиции для того, чтобы арестовать меня в комнате начальника прусской полиции. И Далюге был столь любезен, что дал мне возможность бежать через потайную дверь к статс-секретарю Грауэрту, а Грауэрт обжаловал этот приказ об аресте у Геринга, но Геринг, как всегда в подобных случаях, был крайне удивлен и приказал провести строжайшее расследование. Но все это дело было положено под сукно. Я уже не мог входить в гестапо и был послан, в связи с процессом о поджоге рейхстага, в Лейпциг, как наблюдатель. В конце ноября мой взор мог проникнуть в это темное дело, и так как Небе и я уже старались выяснить это преступление, я мог там обогатить свои знания. Я полагаю, что об этом меня еще спросят и поэтому хочу лишь сказать, что я в случае необходимости готов освежить в памяти подсудимого Геринга все эти события и готов напомнить ему, как он участвовал в этом первом печальном государственном перевороте и в устранении его соучастников убийством.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель, 1 мая 1934 года Фрик стал прусским министром внутренних дел. Скажите Вы сталкивались в это время с Фриком или его министерством ?

ГИЗЕВИУС: Да. После окончания процесса о поджоге рейхстага, т.е. в конце 1933 года я был отпущен со службы в полиции и был переведен на службу в Восточную Пруссию в ландрат. Я подал жалобу по поводу этого статс-секретарю Грауэрту. Так как он и министериаль-директор Далюге знали о моих трениях с тайной гос. полицией, то они перевели меня

9447

H1199 – 0058

H1199 – 0059

в министерство внутренних дел и просили меня собирать там всевозможные доклады и сообщения, которые ошибочно еще поступали в министерство внутренних дел и передавать эти доклады прусскому премьер-министру тайной государственной полиции. Когда Геринг узнал об этом, он стал возражать против включения меня в министерство внутренних дел, но за меня вступился будущий министр внутренних дел Фрик и я остался на этой должности.

Когда Фрик, стал министром я не сразу установил с ним связь, так как я был слишком мелким служащим. Но я думаю, что подсудимый Фрик знал о моей деятельности и о моем мировоззрении, так как он все время подбадривал меня и просил меня собирать все те просьбы о помощи, которые попадали ошибочно в министерство внутренних дел. Я действительно большую часть этих сообщений передал по инстанции Далюге-Грауэрту и Фрику. Конечно, трудностьзаключалась в том, что Геринг, будучи прусским президентом, запретил своему министру внутренних дел Фрику принимать во внимание такие доклады . Фрик без всяких комментариев должен был передавать эти доклады гестапо. Я, все-же, несмотря на это, передавал эти сообщения Фрику и так как Фрик одновременно был имперским министром внутренних дел, он мог, таким образом, давать указания провинциям, т.е. также и Герингу. Он, Фрик, просматривал эти доклады в имперском министерстве внутренних дел и разрешал мне посылать их Герингу. Геринг неоднократно протестовал против этого и я знаю, что в связи с этим были большие разногласия между Герингом и Фриком.

ПАНЕНБЕККЕР: Известно ли Вам, что министр внутренних дел издал тогда ряд распоряжений, ограничивающих право превентивного заключения ?

H1199 – 0060

ГИЗЕВИУС: Совершенно верно, тогда было издано множество таких распоряжений. Но если я говорю, что было издано множество распоряжений, то это значит , что они не выполнялись подчиненными учреждениями. Имперский министр внутренних дел был министром, не имеющим исполнительной власти, и я никогда не забуду, что мы , служащие, получили распоряжение в гестапо не отвечать на запросы министерства внутренних дел. Конечно, через некоторое время мы получили соответствующее напоминание от этого министерства. После того, как усердный служака накопил целую гору таких напоминаний, начальник полиции передал все эти бумажки своему начальнику Дильсу для того, чтобы показать, что он не занимается такими делами.

ПАНЕНБЕККЕР: И 30 июня 1934 г. дело дошло до так называемого путча Рема. Можете-ли Вы вкратце описать обстановку, которая предшествовала этому путчу.

ГИЗЕВИУС: Я должен сказать, что никогда не было путча Рема. 30 июня был лишь путч Геринга и Гиммлера. Я в состоянии осветить эту мрачную главу, так как я обрабатывал это дело в полицейском отделе министерства внутренних дел, и те распоряжения, которые были даны Гиммлером и Герингом по радио всей имперской полиции попали ко мне. Последняя радиограмма звучала так: " По распоряжению Геринга следует немедленно сжечь все документы, относящиеся к 30 июня. Я тогда позволил себе положить эти бумаги в мой несгораемый шкаф. Я не знаю, насколько они сохранились, это зависит от способностей подсудимого д-ра Кальтенбруннера. Я все еще надеюсь найти их. И я на основании этих документов могу заявить, что 30 июня СА не сделало ни одного выстрела. СА не участвовало в этом путче, но я не хочу опорочивать этим руководителей СА. 30 июня не погиб ни один руководитель СА, который бы не заслужил этой смерти на любом судебном процессе. Но положение 30

июня было таково, что, с одной стороны, стояло СА во главе с Ремом, а с другой - Геринг и Гиммлер. Позаботились о том, чтобы СА за несколько дней до 30 июня было бы послано на отд их. Руководители СА именно 30 июня были приглашены Гитлером на совещание в Висзее. Они ехали в спальных вагонах, хотя это и не было принято. На вокзале они узнали о событиях, что было для них полной неожиданностью, и поехали к месту этих событий.

Так называемый, мюнхенский путч развивался так, что Мюнхенское СА вообще не участвовало в нем и в часе езды от Мюнхена так называемые государственные изменники уснули вечным сном не предполагая даже о том, что в Мюнхене по рассказам Гитлера и Геринга вечером прошлого дня, якобы, состоялся путч.

Путч в Берлине, который я мог лично наблюдать, проходил без участия СА и общественности. Мы в полиции ничего не заметили. Но правильно то, что так называемый главный участник путча- группенфюрер СА в Берлине Карл Эрнст за четыре дня до 30 июня был очень озабочен и пришел к министериаль-директору Далюге и сказал ему, что в Берлине ходят слухи о том, что СА хочет путча. Затем он попросил о беседе с министром внутренних дел Фриком для того, чтобы тот мог подтвердить ему, что никакого путча не намечается. Далюге послал меня с этим ходатайством к подсудимому Фрику и я сам присутствовал при этом оригинальном признании руководителя СА, которая не хочет путча и заверяет в этом министра внутренних дел империи. Затем этот руководитель СА Карл Эрнст поехал на отдых на Мадейру, но 30 июня он с океанского парохода был доставлен в Берлин. Я сам был свидетелем его прибытия на аэродроме Темпельгоф , что показалось мне очень интересным, так как за несколько часов до этого читал в газетах официальное сообщение о его казни.

9450

H1199 – 0061

H1199 – 0062

Вот что представлял из себя так называемый путч Рема и СА. И так как я не хочу ни о чем умалчивать, то я должен еще добавить, что я присутствовал при том, когда подсудимый Геринг сам 30 июня информировал прессу об этом эпизоде. Здесь было сказано злое слово, а именно- что он, подсудимый Геринг, ждал условленного знака от Гитлера. Конечно, он сейчас же "ударил" с быстротой молнии, но, правда, он настолько расширил свои обязанности, выполняя это поручение и, это расширение обязанностей многим неповинным людям стоило жизни. Я вспоминаю генералов Шлейхера, который был убит вместе со своей женой, фон Бредов, министериального директора Клаузнера,, Эдгара Юнга и многих других.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель, Вы сами тогда были в министерстве. Каким образом Фрик получил сведения об этом и участвовал ли он сам в подавлении так называемого путча ?

ГИЗЕВИУС: Я лично присутствовал при том, как в половине десятого утра министериаль-директор Далюге пришел от Геринга и ему было сообщено обо всем, что произошло. Далюге и я пошли к Г-рауэрту. Все вместе мы поехали в министерство внутренних дел, к Фрику. Фрик выбежал из комнаты - / Это было около десяти часов/, чтобы поехать к Герингу и там узнать, что случилось в этот промежуток времени и он узнал там о том, что он, министр полиции , должен итти просто домой и больше об этом не беспокоиться. Фрик действительно поехал домой и в министерстве не показывался в эти трагические дни. Один раз Далюге поехал со мной к нему. Мне, как самому молодому в министерстве внутренних дел, в эту кровавую субботу и воскресенье нужно было сообщить министру внутренних дел империи о том, какие ужасные события произошли в Германии.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель , Вы говорили об указании, которое было дано Фрику относительно того, что он не

должен вмешиваться в это дело. Скажите, кто дал ему эти указания ?

ГИЗЕВИУС: Насколько мне известно, Геринг передал ему письменно или устно указание Гитлера. Я не знаю, было ли дано это указание в письменной форме, и не знаю также спрашивал-ли об этом Фрик. Я считаю, что Фрик не считал нужным задавать в этот день вопросов из любопытства.

ПАНЕНБЕККЕР: Скажите, после того, как все было кончено, Фрик сделал что-либо для того, чтобы как-нибудь смягчить последствия ?

ГИЗЕВИУС: Для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос , я должен прежде всего сказать, что в субботу 30 июня мы в министерстве внутренних дел не были осведомлены о том, что произошло. В воскресенье 1 июля мы получили более точные сведения и без сомнения, Фрик, после того, как эти кровавые дни были позади, ясно представлял себе картину того, что произошло. В эти дни он не скрывал передо мной своего возмущения тем, что были совершены отвратительные убийства и аресты.

Итак, для того, чтобы быть справедливым и говорить правду, я должен ответить, что первой реакцией подсудимого Фрика был закон , в котором имперские министры заявляли, что мероприятия, проведенные 30 июня , являются справедливыми. Этот закон имел невероятные последствия психологического порядка для будущих событий в Германии и его нельзя исключить из истории немецкого террора. С другой стороны, в Третьей империи происходило многое, что было непонятно простому смертному и что могли понять только министры и статс-секретари. И поэтому я должен признать, что подсудимый Фрик после издания этого закона старался исправить возникшие

H1199 – 0063

H1199-0064

неполадки. Может быть он считал, что в имперском кабинете должны были в первую очередь открыть рот другие. Я вспоминаю, например, имперского военного министра фон Бломберга, который несмотря на то, что были расстреляны два его генерала, все-же подписал этот закон, о котором я только что говорил.

Я совершенно сознательно упоминаю здесь фамилию Бломберга и прошу дать мне разрешение несколько отклониться и сообщить о том инциденте , который имел место сегодня утром.

Я находился в комнате адвокатов и разговаривал с адвокатом доктором Диксом. Господин Дикс был прерван господином адвокатом Штамером, защитником подсудимого Геринга. Я слышал, что г-н Штамер сказал г-ну Дикку ...

/ К микрофону подходит защитник Штамер /.

ШТАМЕР: / обращаясь к свидетелю/: Я не знаю, может-ли это быть представлено как доказательство-оглашение моего личного разговора с доктором Диксом ?

ГИЗЕВИУС: Я не говорю о ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: / обращаясь к свидетелю/: Не представляйте свои доказательства, пока возражение. высказывается

ШТАМЕР: Я не знаю, может -ли это быть принято как доказательство- мой личный разговор с моим коллегой доктором Диксом в нашей комнате ?

ГИЗЕВИУС: Разрешите мне сказать по этому поводу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не будете ли Вы любезны сохранять спокойствие.

ГИЗЕВИУС: Разрешите окончить мое заявление ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сохраняйте спокойствие.

ШТАМЕР: Я сегодня в комнате адвокатов имел личный разговор с господином д-ром Диксом, который относится

к делу Бломберга. Во всяком случае, этот разговор не был предназначен для свидетеля. Я не знаю этого свидетеля и я не видел его. И я не знаю, является ли это представлением доказательств, если здесь будет оглашаться разговор личного порядка.

Г-н ДЖЕКСОН: Мне сообщили об этом инциденте. Я считаю очень важным, что бы Трибуналу было известно о влиянии, которое сыграли угрозы, ~~которые делались~~ в отношении этого подсудимого во время его пребывания в суде в ожидании допроса и эти угрозы были сделаны не только против него, но также и против подсудимого Шахта. Об этом факте сообщили мне и, я думаю, что для Трибунала было-бы важно узнать об этом. Я считаю очень важным, что это стало известно. Я сам намеревался выявить это во время перекрестного допроса, если-бы об этом не было сообщено, и я считаю, что свидетелю следует разрешить сообщить имеющиеся у него сведения. Другие стороны позволили себе здесь очень многое. Этот свидетель был подвержен угрозам, насколько я понимаю, ~~вопрос~~ которые высказывались в его присутствии независимости, направлены ли они были против него или нет, и я прошу Трибунал разрешить д-ру Гизевиусу, который является одним из представителей демократических сил Германии, занять место у свидетельского пульта и рассказать то, что он желает.

ШТАМЕР: Я должен...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер, Трибунал прежде всего хотел бы выслушать, что Вы можете еще дополнительно сообщить по этому поводу. Затем Трибунал выслушает то, что сообщит д-р Дикс, если он желает, что нибудь сказать, а затем Трибунал послушает о том, желает ли сам свидетель что-нибудь сказать в ответ на все это.

H1199 – 0065

H1199-0066

ШТАМЕР: Я не испытываю опасений пояснить Трибуналу то, о чем я сказал. Я вчера говорил с Герингом о его деле и сообщил ему, что свидетель Гизевиус, очевидно....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: / перебивая/: Мы не хотим слушать ни о каких беседах, которые Вы имели с Герингом, кроме тех, которые Вы хотите использовать в качестве подтверждения Вашего возражения против выдвинутых доказательств.

ШТАМЕР: Да, г-н председатель , но это относится к этому делу. Геринг сказал мне, что его не интересует, обвинители его свидетель Гизевиус, но он не хотел бы, чтобы эти дела Бломберга, который недавно скончался , были бы оглашены перед общественным мнением, а именно; здесь речь идет о женитьбе Бломберга. И если этого нельзя избежать, то он ,Геринг со своей стороны, не будет считаться в таком случае с Шахтом,- здесь идет речь о Шахте,- который очевидно, будет оглашать эти дела. И вот это я сообщил сегодня утром адвокату Диксу. Я думаю, что д-р Дикс подтвердит это, а именно, если мне разрешат сказать...

/ к микрофону направляется защитник Дикс/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы Вас сейчас заслушаем доктор Дикс.

ШТАМЕР: Я сказал- это не было сказано ни для Шахта, ни для свидетеля или еще кого-либо, сидящего здесь. Я сказал, что просто из чувства коллегиальности и я хочу сообщить это доктору Диксу. Это я и сделал. Что Гизевиус был там, об этом я ничего не знал в тот момент, и во всяком случае, это не было предназначено для него. Я говорил с доктором Диксом в стороне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько я Вас понял, Вы сообщили доктору Диксу сущность Вашей беседы с подсудимым Герингом ? Вы сказали, что Геринг не будет возражать против предоставления фактов, если подсудимый Шахт желает, чтобы они были предоставлены. Это правильно ?

ШТАМЕР: Я сказал, что Герингу все равно, что будет говориться о нем, о Геринге, но он хочет пощадить покойного Бломберга и хочет, чтобы здесь не говорили о вещах, касающихся супружества Бломберга. Если Шахт не воспрепятствует таким показаниям-я говорил только о Шахте- то сам Геринг также не будет более считаться с Шахтом, это то, что я сказал доктору Дикусу,- сказал из чувства коллегиальности. На этом наш разговор окончился и я особо подчеркнул Дикусу, что я сообщаю ему это только из чувства коллегиальности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И это все, что Вы хотели сказать ?

ШТАМЕР: Да.

ДИКС: Я, как мне кажется, хорошо помню все то, что произошло сегодня. Я стоял сегодня в комнате адвокатов и разговаривал со свидетелем Гизевиусом. Мне кажется, что д-р Краус принимал участие в этом разговоре. В комнату вошел мой коллега Штамер, подошел ко мне и сказал, что он хочет со мной поговорить. На это я ответил ему, что сейчас я вед у срочный и важный разговор с Гизевиусом и спросил нельзя ли это отложить. На это Штамер мне ответил: " Нет, я должен поговорить с Вами сейчас же". Я отошел на 5-6 шагов от мо их собеседников вместе с коллегой Штамером. Коллега Штамер сказал мне следующее: " Вполне возможно, я не знаю точно, сказал-ли он, сначала, что он сообщает мне это из соображений коллегиальности, если он это утверждает, то, очевидно, это было так. Я не знаю этого. Он сказал следующее:

" Слушайте, Геринг считает, что Гизевиус может нападать на него сколько угодно, но если он будет нападать на умершего Бломберга, то Геринг выложет все о Шахте, так как он знает очень многое о Шахте такого, что будет ему, Шахту, неприятно. Он, Геринг, не говорил об этом в своих показаниях, но если

H1199 – 0067

H1199 – 0068

как уже сказано здесь будут даны показания против Бломберга, Геринг также высказется против Шахта. Таково было содержание разговора.

Я не могу утверждать, что коллега сказал мне, для того, чтобы я обратил на это внимание Гизевиуса. Я думаю, что если он / Штамер/ утверждает, что он этого не говорил, то это правильно. Но я воспринял это сообщение так, что я должен сообщить эти слова Геринга Гизевиусу. Я считал и я ни на минуту не сомневался , что я действую так, как хотел Геринг или д-р Штамер, что это было целью всего этого разговора, так как не можно было бы об"яснить иначе то, что г-н Штамер отозвал меня в то время,- это было перед выступлением Гизевиуса, когда разговаривал с Гизевиусом. Зачем же ему нужно было говорить, что у него нет времени, что я должен прервать разговор. Для чего он хотел сообщить мне все это, если не для того, чтобы избежать предсказанного Герингом несчастья, чтобы свидетель Гизевиус мог обдумать свои показания. И я не сомневался, что г-н Штамер этим сообщением преследует цель, чтобы я сообщил это свидетелю Гизевиусу. Но если бы, конечно, он мне не сказал,- а он сказал конечно правду,- если он говорит, что он сделал это из коллегиальных чувств- я право не могу припомнить этого выражения, но он очевидно сказал правду, то я бы все-же, если бы меня спросили, ответил, что он мне сказал, чтобы я передал это Гизевиусу. Я не хочу здесь точно дословно передавать со держание разговора. Во всяком случае в этом нет сомнения, таков был наш разговор и я сейчас же передал все это Гизевиусу, так как я думал, что я делаю это в интересах Штамера и Геринга. Я возвратился к Гизевиусу. Гизевиус стоял от нас в 5-6 шагах и, насколько я его понял, он даже частично слышал наш разговор. Я сообщил ему о нашем разговоре.

9457

Вот все, что произошло сегодня утром.

ШТАМЕР: Разрешите мне заявить еще раз следующее: конечно, я не давал поручения д-ру Диксу сделать такое сообщение Гизевиусу и не рассчитывал на это, я исходил из того, что Гизевиус будет допрошен д-ром Диксом сегодня утром и, очевидно, д-р Дикс задаст ему вопрос о женитьбе Бломберга и его личной жизни. Так по крайней мере мне сообщили. И вот поэтому, рассчитывая на этот вопрос д-ра Дикса, я указал д-ру Диксу на все эти обстоятельства, предполагая, что он откажется от такого вопроса, затрагивающего супружество Бломберга,- во всяком случае, это не было предназначено для свидетеля и я точно знаю, что я сказал д-ру Диксу, что это я делаю только из коллегиальных соображений и он еще поблагодарил меня за это. Он сказал: " Я Вам очень благодарен". Во всяком случае, если-бы он мне сказал, что он хехтвитехники сейчас же это сообщил свидетелю, то я сейчас же заявил бы ему : " Сохрани Вас бог; это сообщение предназначено только для Вас " и я очень удивлен, что д-р Дикс злоупотребляет тем доверием, которое я ему оказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р ШТАМЕР, мы уже слышали об этих фактах и мы не нуждаемся в дополнительных сообщениях по этому поводу, нам необходимо только обсудить следует ли свидетелю продолжать давать свои показания по этому вопросу.

Свидетель, охватывают ли пояснения , которые дали доктор Штамер и доктор Дикс тот вопрос, на котором Вы хотели остановиться в отношении фельдмаршала Бломберга ? Скажите, хотели Вы еще что -нибудь добавить к тому, что было сказано.

9458

H1199 – 0069

H1199 – 0070

ГИЗЕВИУС: Простите, может быть я неправильно понял Ваш вопрос. Я ничего не хотел говорить о Бломберге в данном отношении. Я хотел лишь при первой возможности, т.е. когда будет произнесена фамилия Бломберга , сказать, что я чувствовал себя под давлением после того, как я был свидетелем этой сцены. Я был так близко от доктора Штамера, что все слышал и знаю, что то, что сообщил мне доктор Дикс- нельзя было воспринимать иначе, как только так, что защитник Шахта хотел, чтобы я воздержался от высказываний подобного рода по вопросу, который , мне кажется очень важным. Этот вопрос будет освещаться позднее. Он не имеет никакого отношения к женитьбе Бломберга, он относится к той роли , которую играл при этом подсудимый Геринг. Я знаю совершенно точно, почему Геринг не хочет, чтобы я давал показания по этому вопросу, потому что это по моему мнению, самое ужасное деяние Геринга и, конечно, Геринг хочет скрыться здесь под маской рыцарства и хочет, якобы, защищать, мертвого, а на самом деле, он хочет помешать мне давать подробные показания по важному вопросу, а именно относительно кризиса Фриче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда Трибунал заслушает показания, любые показания, которые Вы желаете дать, свидетель.

ГИЗЕВИУС: Я прошу простить меня . Все то, что я хотел сказать сейчас по делу Бломберга- я уже сказал. Я хотел только в первый раз, когда было произнесено имя Бломберга, защитить себя от этого или добиться...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну, хорошо, тогда защитник будет продолжать допрос и Вы дадите показания, относящиеся к делу, когда будет проводиться прямой или перекрестный допрос д-ром Диксом от имени подсудимого Шахта.

ПАНЕНБЕККЕР: Г-н свидетель, скажите, после событий 30 июня 1948 года положение гестапо так укрепилось, что

мероприятия против гестапо не увенчались бы успехом ?

ГИЗЕВИУС: Я лично должен ответить отрицательно на этот вопрос. Несомненно, государственная полиция после 30 июня ~~больше власти~~ получила ~~со июня~~ больше власти, но в результате всевозможных нарушений, имевших место 30 июня - оппозиция против гестапо в различных министерствах настолько увеличилось, что большинство министров при удобном случае воспользовалось бы этим поводом и выступило-бы за упразднение тайной полиции. Я лично все время стремился действовать в этом направлении. Я с ведома подсудимого Фрика неоднократно был у министра юстиции Гюртнера и умолял его использовать эти частные случаи нелегальных убийств для выступления против гестапо.
Я лично был и у начальника главного управления вооруженных сил Рейхенау и также говорил ему об этом. Я знаю, что мой друг Остер также информировал Бломберга в этом отношении и предоставил ему документы.

Я хочу здесь заявить, что несмотря на эксцессы 30 июня в то время было вполне возможным еще вернуться к порядку и справедливости.

ПАНЕНБЕККЕР: Скажите, что сделал министр внутренних дел, т.е Фрик для того, чтобы поставить гестапо на легальный законный путь ?

ГИЗЕВИУС: Началась борьба против гестапо и в этой борьбе мы пытались отрезать путь Гиммлеру в министерство внутренних дел. Незадолго до того, как Геринг передал это министерство Фрику, он назначил Гиммлера начальником тайной государственной полиции в Пруссии. Гиммлер пытался отсюда завладеть всей полицией и в других провинциях. Фрик пытался воспрепятствовать этому, считая , что он, как министр внутренних дел, имеет право голоса при назначении на полицейские должности в империи. Кроме того, мы пытались воспрепятствовать

H1199 – 0071

H1199-0072

росту гестапо, все время отказывая в ходатайствах гестапо об увеличении чиновничьего аппарата. Гиммлер, к сожалению, и здесь нашел окольные пути. Он пошел к министрам финансов в землях и рассказал им, что ему нужны денежные средства для так называемых охранных отрядов в концлагерях, для соединений "мертвая голова". Он составил расчет по которому на каждого заключенного приходилось пять охранников-эсэсовцев. И всеми этими средствами Гиммлер финансировал свою тайную государственную полицию, так как он мог арестовывать людей по своему усмотрению. Мы, в нашем министерстве внутренних дел пытались другими путями воспрепятствовать этим действиям гестапо, однако все наши ходатайства, которые мы посылали в гестапо, оставались к сожалению, без ответа и опять-таки Геринг запретил Гиммлеру отвечать на наши запросы и укрывал его, когда он не хотел нам докладывать. Наконец, в последние дни моего пребывания в министерстве внутренних дел, мы сделали последнюю попытку, мы попытались хотя бы частично парализовать тайную госполицию путем предоставления нам права обжалования и надзора над превентивном заключением, и если бы нам удалось добиться ~~осуществления~~ ~~существенного этого~~ этого права надзора во всех случаях, то мы получили-бы возможность контролировать и вмешиваться в отдельные действия гестапо. Был издан закон и этот закон был передан в первую очередь совету министров самой большой провинции Пруссии. И опять-таки подсудимый Геринг всеми средствами пытался воспрепятствовать созданию и опубликованию такого закона и, в конце-концов на одном из бурных заседаний кабинета, на котором разбирался этот вопрос, встал вопрос о моем выходе из состава министерства внутренних дел.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель я представил Вам меморандум...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас будет удобно об"явить перерыв.

/ перерыв на 10 минут /

9961

H1199-0073

Встать ! Суд идет !

ПРЕЗИДЕНТ: Судья Джексон ! Трибунал просил меня сообщить Вам о том, что Трибунал считает, что Вы зададите вопросы, которые Вы сочтете необходимым задать в отношении беседы, упомянутой свидетелем, когда Вы приступите к перекрестному допросу.

Г-н Судья ДЖЕКСОН: Хорошо. Благодарю Вас.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель. Я хотел бы поговорить еще о тех попытках, которые были сделаны министерством внутренних дел, чтобы воспрепятствовать произвольным действиям гестапо особенно в концлагерях и я прошу Вас просмотреть этот меморандум, составленный имперским и прусским министерством внутренних дел. Речь идет о документе № 775-ПС, который я представил сегодня утром во время представления доказательств в качестве документа по делу Фрика № 9, документ № 34 книги документов.

ПРЕЗИДЕНТ: Какой номер Вы сказали?

ПАНЕНБЕККЕР: № 34 книги документов. № 775-ПС, документ по делу Фрика № 9.

ПРЕЗИДЕНТ: Хорошо.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель, Вы знаете этот меморандум?

ГИЗЕВИУС: Нет, я его не знаю. Повидимому, этот меморандум был составлен после моего ухода из министерства внутренних дел. Я это заключаю из того, что в этом меморандуме министр внутренних дел, собственно, отказывается от борьбы, так как он пишет, что следует принципиально выяснить ответственность кто не несет ответственность и в случае необходимости... цитирую: "И в случае необходимости ответственность со всеми ее последствиями должен взять на себя рейхсфюрер СС, который фактически руководит имперской политической полицией"

H1199-0073

H1199 – 0074

В то время, когда я работал в министерстве внутренних дел мы пытались как раз исключить эту последнюю возможность того, чтобы Гиммлер взял в свои руки руководство политической полицией т.е. приблизительно через полгода, когда опять начался террор. Обстоятельства дела, о котором здесь говорилось, мне известны.

ПАНЕНБЕКЕР: Можете ли Вы сказать что-либо об этом? Здесь речь идет о деле Пондера и деле Эстервеген - Ольденбург ?

ГИЛЬДЕБУС: Дело, о котором можно быстро рассказать, это дело Эстервегена. Оно является одним из многих. Насколько я помню - был арестован гестапо один руководитель СС или местный группенфюрер, т.к. он был недоволен положением в концлагере Папенбрук. И это был не первый случай. Я не знаю, почему попсуплимый Фрик обратил особое внимание на этот случай. Во всяком случае, Лальге показал мне однажды одну из обычных написанных от руки записок Фрика, которые он посылал Гиммлеру. Фрик зеленым карандашом писал своим крупным почерком Гиммлеру, что здесь незаконно арестован руководитель СА или руководитель местной группы или кем он там был еще. Этот человек должен быть немедленно отпущен на свободу и что если еще раз Гиммлер сделает что-либо подобное, то он, Фрик, начнет против Гиммлера уголовный процесс за применение им незаконного лишения свободы. Я очень хорошо помню эту историю, так как казалось несколько странным при тогдашней обстановке, что Фрик грозил Гиммлеру судебным процессом и Лальге сделал по этому поводу несколько иронических замечаний об отношении Фрика ко мне. Это один случай.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда это было?

ГИЗЕВИУС: Это было приблизительно весной 1935 года. Мне кажется, в марте или апреле.

ПАНЕНБЕКЕР: Г-н свидетель, знаете ли Вы, как реагировал Гиммлер на эту угрозу?

ГИЗЕВИУС: Потом был еще второй случай. Это дело Пюндера, о котором здесь говорится. И на оба эти случая он реагировал одинаково, и поэтому будет пожалуй лучше, если я сначала расскажу в этой связи и о деле Пюндера.

В отношении дела Пюндера, речь шла об одном берлинском, очень уважаемом адвокате, доверенном адвокате шведского посольства. Вдова убитого 30 июня министериальдиректора Клаузмера пришла к господину Пюндеру и просила подать жалобу, чтобы страховые общества уплатили ей ее ренту. Но так как в тот день было сообщено, что Клаузнер, якобы, покончил жизнь самоубийством, то ни один директор страхового общества не решался выплатить вдове деньги. Таким образом этот адвокат должен был подать жалобу. Нацистами был издан закон, на основании которого все такие неприятные для нацистов случаи не должны разбираться в суде. Они должны были быть переданы в так называему судебную палату министерства внутренних дел. Если я не ошибаюсь, то этот закон гласил: "Закон об удовлетворении гражданских исков". Тогда не скупились на красивые названия, формулировки. Адвокат был принужден этим законом заявить о своем иске в суде. Он предчувствовал недоброе. Он обратился в министерство внутренних дел, к статс-секретарю и сказал: "Если я в соответствии с требованиями закона стану жаловаться, то меня арестуют." Статс-секретарь министерства внутренних дел настаивал на том, чтобы он подал жалобу, но

9464

H1199 – 0075

H1199 – 0076

умудренный жизненным опытом адвокат обратился в министерство юстиции, к статс-секретарю Фрейслеру и сказал, что он не хочет жаловаться, так как он наверняка будет арестован гестапо. Статс-секретарь министерства юстиции сказал ему, что он на всякий случай должен подать жалобу и с ним ничего не случится, так как суду дано указание передавать без комментариев подобные жалобы в судебную камеру министерства внутренних дел. Адвокат подал жалобу и был тотчас же арестован гестапо за клевету, так как он утверждал, что министериаль-директор Клаузнер не покончил жизнь самоубийством. Это было для нас классическим примером, до чего мы дошли в Германии с нашей системой превентивного заключения. Я разрешил себе выбрать в этот случай из сотен и тысяч других и предложил Фрику использовать эту возможность и обратиться не только к Герингу, но и к Гитлеру. Я тогда набросал проект письма или доклада Фрика Гитлеру, который пошел также в министерство юстиции. Это было больше, чем пять страниц. Я со всевозможных точек зрения осветил в присутствии эсэсовцев самоубийство министериаль-директора Клаузнера и поданную жалобу. Этот доклад Гитлеру кончился тем, что Фрик писал, что теперь в интересах империи необходимо атаковать, выступить против проблемы превентивного заключения с точки зрения закона.

Теперь я отвечу на Ваш вопрос о том, что произошло потом. Это было приблизительно то же самое время, когда Фрик написал письмо Гиммлеру относительно лишения свободы. Гиммлер с этими двумя документами отправился на заседание рейхсляйтеров, это были, так называемые министры движения и он поставил перед ними вопрос - уместно ли это, что один

рейхслейтер, т.е. Фрик пишет другому, т.е. Гиммлеру подобные письма. Высокое собрание ответило на этот вопрос отрицательно и поставило Фрика на место. Затем Гиммлер отправился на заседание прусского кабинета, на котором обсуждался упомянутый мною закон о превентивном заключении. Я должен указать, что в то время было редкостью, что Гиммлер мог пойти на заседание прусского кабинета. В Германии был однажды такой период и он продолжался довольно долго, когда Гиммлер не был влиятельным человеком, каким он стал позже благодаря трудности буржуазных министров и генералов. Таким образом это было большой редкостью, что Гиммлер вообще мог пойти на заседание прусского совета министров и результатом этого заседания было мое увольнение из министерства внутренних дел.

ПАНЕНБЕККЕР: Г-н свидетель, я хочу зачитать из этого меморандума, который я Вам только что передал, т.е. из документа 775-ПС, два предложения и прошу Вас сказать мне, верно ли описано положение. Цитирую: "И в этой связи я указываю на случай с адвокатом Пюндером, который лишь только потому был арестован вместе со своими коллегами, что он после наведения справок в имперском министерстве юстиции и в нашем министерстве, подал жалобу, к которой его принуждает имперский закон". Да, это верно.

И другое предложение. Я цитирую: "Я приведу здесь случай с одним учителем и крейслейтером в Эстервегене, который 8 дней сидел под арестом, потому что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Паненбеккер, где находится это предложение, которое Вы только что прочли?

ПАНЕНБЕККЕР: В книге документов по делу Фрика, до-

H1199 – 0077

H1199 - 0078

кумент 34. Второе предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая это страница?

ПАНЕНБЕКЕР: В моей книге документов, на странице 80-й.

ПЕРЕВОДЧИК: Милорд, это стр.70, в книге, которая находится у перевопчика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас говорите о 3-ем абзаце на стр.70-й ?

ПАНЕНБЕКЕР: Нет, господин председатель, я вижу, что именно это предложение не переведено. Я зачитаю тогда другое предложение, которое, кажется, переведено, а именно "В § 3 того же документа." Здесь я приведу случай с моим учителем и крейслейтером в Эстервегене, который 8 дней находился под превентивным арестом потому, что он, как выяснилось позднее, передал своему гаулейтеру правильное сообщение об издевательствах СС".

ГИЗЕВИУС: Да, это соответствует действительности.

ПАНЕНБЕКЕР: Господин свидетель, Вы лично имели поддержку со стороны Фрика в отношении Вашей личной охраны?

ГИЗЕВИУС: Да, я тогда настолько был заподозрен тайной полицией, что, без сомнения, против меня планировались разные мероприятия. Поэтому Фрик приказал соответствующему полицейскому участку поставить охрану у моей квартины. У меня на квартире был поставлен прямой телефон, проведенный из полицейского участка, так что в случае внезапного посещения, я имел возможность, сняв трубку, по крайней мере, сообщить об этом кому-нибудь.

Далее гестапо применило свой обычный метод, пред'явив мне различные уголовные обвинения. Эти дела были

H1199 - 0079

кажется, направлены Гитлеру в имперскую канцелярию. Но вскоре выяснилось, что речь идет об однофамильце, и Фрик не делал, говоря по телефону, тайны из того, что эти "типы", как он говорил, еще раз налгали Гитлеру. Для гестапо, которое подслушало этот телефонный разговор, это было сигналом не работать дальше таким образом. Затем дело пошло дальше. Гейдрих был настолько добр, что сообщил мне по телефону, что у него достаточно сил, чтобы преследовать своих политических и личных противников до конца. Я сообщил по служебной линии об этой угрозе Фрику, и Фрик лично или через Лаюге говорил с Гейдрихом и, без сомнения, тем самым он оказал мне большую помощь, так как Гейдрих не любил открыто говорить о своих намерениях убить кого-либо.

ПАНЕНБЕККЕР: Господин свидетель, мог ли хоть один имперский министр не беспокоиться о своей личной безопасности, если он пытался выступать против террора гестапо и Гиммлера?

ГИЗЕВИУС: Если Вы меня спрашиваете, то я должен сказать, что только один Шахт попал в концлагерь. Но я должен также ради правды сказать, что мы все задавали себе вопрос о том, как быстро может имперский министр перекочевать в концлагерь. Что касается Фрика, то он уже в 1934 г. обратился ко мне и сказал, что имперский наместник в Баварии сообщил ему на основании достоверных сведений, что он должен быть убит во время пребывания в Баварии, и он просил меня узнать подробности. Я лично поехал со своим другом Небе в автомобиле в Баварию, начал тайное расследование и получил сведения, что такие планы обсуждались. Но, как известно, Фрик все-таки пережил это.

ПАНЕНБЕККЕР: У меня нет больше вопросов.

(К микрофону подходит доктор Дикс)

ДИКС: Я прошу решить следующий вопрос. Я вызвал свидетеля Гизевиуса, он является моим свидетелем. Я допрошу его как своего свидетеля, а не буду ставить дополнительных вопросов. Мне кажется, что будет правильным и целесообразно, если я

H1199-0079

H1199 – 0080

сейчас произведу допрос, вслед за допросом моего коллеги Паненбеккера, а наши остальные коллеги, которые хотят тоже поставить вопросы, выступят после нас обоих. Я прошу Суд решить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы - единственный защитник, который ходатайствовал о том, чтобы этот свидетель был вызван по делу подсудимого, которого Вы защищаете?

ДИКС: Я вызывал его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я знаю, но Вы единственный защитник, который вызывал его?

ДИКС: Мне кажется, что я один вызывал этого свидетеля, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, доктор Дикс, Вы будете следующим проводить его допрос.

ДИКС: Доктор Гизевиус, господин адвокат Паненбеккер уже упомянул о том, что Вы опубликовали книгу под названием: "До горького (последнего) конца". Из этой книги я представил суду цитаты в качестве документов доказательства для суда и поэтому они приняты судом как документальное доказательство. Поэтому я спрашиваю Вас, является ли содержание этой книги исторически правильным и написали ли Вы ее лишь согласно Вашим воспоминаниям или же на основании каких-либо документов?

ГИЗЕВИУС: Я могу показать с чистой совестью, что содержание книги является исторически верным. Я постоянно, насколько то было возможным, делал заметки в Германии. Я уже сказал, что мой покойный друг Остер в военном министерстве собрал большое количество документов и я в любое время мог брать их. Ни одно крупное событие, в котором участвовали мои друзья из оппозиции, я не описывал, не поговорив с ними об этом, а с 1938 г. я постоянно, вначале в виде посещений, а позже по служебным обязанностям бывал в Швейцарии и мог там спокойно продолжать свои записи. Этот том,

который был передан Суду, был закончен в основном в 1941 г. и в 1942 г. он был переслан на просмотр различным заграничным друзьям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если он говорит, что книга является правдивой, то этого вполне достаточно.

ДИКС: С каких пор Вы знаете подсудимого Шахта?

ГИЗЕВИУС: Я знаю подсудимого Шахта с конца 1934 г.

ДИКС: По какому поводу и при каких обстоятельствах Вы познакомились с ним?

ГИЗЕВИУС: Это было в то время, когда я находился в министерстве внутренних дел и собирал материалы против гестапо, получая от различных сторон консультации, если происходили инциденты или можно было опасаться этих инцидентов. Таким образом, однажды тогдашний министр хозяйства д-р Шахт послал ко мне доверенное лицо, своего уполномоченного Герберта Геринга, с запросом, могу ли я помочь Шахту. Он, Шахт, чувствует себя с давних пор преследуемым Гиммлером и гестапо и имеет основательные подозрения в том, что в его собственном доме находится сыщик или, по крайней мере микрофон. Он спрашивал меня, могу ли я помочь в этом случае. Я ответил утвердительно, нашел себе специалиста по микрофонам из имперского управления почты и на следующий день посетил квартиру Шахта. Мы пошли с экспертом по микрофонам из помещения в помещение. Ему не нужно было долго искать, т.к. тогда гастапо делало это очень неумело - они установили микрофон на слишком заметном месте и, кроме того, они наняли одну из работавших в доме служанок, которая следила за Шахтом, и в своей спальне установила специальный аппарат для подслушивания. Это было довольно легко установить и, таким образом, нам удалось разоблачить это дело. О данном случае я впервые говорил с Шахтом.

ДИКС: О чем Вы говорили с ним тогда, Вы говорили с ним на политические темы?

9470

H1199 - 0081

H1199 – 0082

ГИЗЕВИУС: Несколько странная ситуация, во время которой я с ним познакомился, обусловила этот разговор. Шахт знал, что я вел большую деятельность против гестапо, а я, со своей стороны, знал о Шахте, что он известен своими бесчисленными высказываниями против СС и гестапо. Широкие буржуазные круги Германии надеялись на него, как на единственно сильного министра, который в случае необходимости сможет их защитить. Особенно хозяйственные круги, которые тогда имели очень большое значение, надеялись и часто получали от него поддержку, так что нет ничего удивительного, что я уже при этой первой встрече, по своей инициативе, рассказал ему все, что меня волновало. Основной проблемой была тогда проблема устранения гестапо и устранения нацистского режима. И, таким образом, наш разговор имел яркий политический характер. Шахт выслушал все, что я ему говорил, очень внимательно.

ДИКС: И что он сказал?

ГИЗЕВИУС: Я сказал Шахту, что положение развивается в сторону полной радикализации и возникает сомнение, не стоит ли в конце этого курса инфляция, и что не лучше ли, если он сам вызовет эту инфляцию, так как в таком случае он заранее может предусмотреть время такого кризиса и может своевременно договориться с генералами и остальными министрами о кризисном обострении. Я ему сказал: "Вызовите инфляцию и тогда Вы удержите в своих руках законы торговли и другие не вырвут их из Ваших рук". Он ответил: Видите ли, это разница, которая нас разделяет, Вы хотите катастрофы, а я не хочу ее".

ДИКС: Из этого можно заключить, что Шахт тогда еще верил в то, что можно избежать катастрофы. Как обосновывал он это свое мнение?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется, что вообще слова о катастрофе означали для него слишком далеко идущее представление. Шахт

мыслил в рамках традиционных условий правительственного правопорядка, которые не были характерными уже со времени Брюнинга благодаря изданию закона о принудительном труде и других диктаторских мер. Но, насколько я мог заметить и замечал во всех последующих разговорах, он все еще жил мыслями имперского правительства, которое собиралось, принимало решения и где большинство министров были буржуазными министрами; он считал, что рано или поздно явится возможность принять решение о радикальном изменении курса.

ДИКС: Каково тогда было его отношение к Гитлеру?

ГИЗЕВИУС: Я не сомневаюсь, что он тогда очень хорошо думал о Гитлере. Можно даже пожалуй сказать, что Гитлер был тогда для него еще совершенно неприкосновенным человеком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас о каком периоде говорите?

ГИЗЕВИУС: Сейчас я говорю о моменте своей первой встречи с Шахтом в конце 1934 или в начале 1935 гг.

ДИКС: Кем Вы тогда были и где вы работали?

ГИЗЕВИУС: Я тогда смог уйти из министерства внутренних дел, но был переведен в имперское уголовное управление, которое тогда только основывалось.

Когда мы увидали, что гестапо расширяет свой аппарат власти, мы думали создать некоторое подобие полицейского аппарата наряду с гестапо, а именно - чисто уголовную полицию, - и мой друг Небе был нами предназначен на пост начальника этого уголовного управления - для того, чтобы создать полицейский аппарат, с помощью которого, в случае необходимости, мы могли бы оказать сопротивление гестапо. Я получил заданий от министерства внутренних дел задание организаторского характера и был послан во вновь организуемое учреждение, чтобы давать советы относительно создания аппарата.

9772

H1199 – 0083

H1199 – 0084

ДИКС: Теперь мы перейдем к 1936 году, году олимпиады. Вы тогда получили особое поручение?

ГИЗЕВИУС: Да. В начале 1936 года мне думали передать руководство полицейским командным штабом по олимпиаде в Берлине. Это было не политическим, а чисто техническим делом, и тогдашний президент полиции Берлина, граф Гельдорф считал, что благодаря моим связям с министерством внутренних дел и министерством юстиции я мог быть полезен. Однако, этот пост очень скоро был отобран у меня. Гейдрих узнал об этом и был против этого.

ДИКС: В Вашей книге приведено письмо Гейдриха, которое я ни в коем случае не намерен зачитывать целиком, которое направлено графу Гельдорфу и в котором он обращает его внимание на то, что Вы во время Вашей деятельности в имперском и прусском министерстве внутренних дел постоянно создавали всевозможные трудности гестапо. Он пишет, что отношения с Вами были очень натянутыми и продолжает:

Я цитирую: "Я опасаюсь, что его участие в полицейских приготовлениях к олимпиаде и в этих рамках не будет полезным и я прошу взвесить, не может ли Гизевиус быть заменен другим подходящим чиновником. Хайль Гитлер. Ваш Гейдрих". Это письмо, которое Вы там...

ГИЗЕВИУС: Да, и на этом основании я был уволен со своего поста. Мне пришлось полежать всего несколько недель, потом Гиммлер стал начальником полиции в империи, и в тот день, когда Гиммлер стал имперским начальником полиции, я был окончательно отстранен от всякой службы в полиции.

ДИКС: И куда Вы тогда пошли?

ГИЗЕВИУС: После моей отставки из полиции я обратился к правительству в Мюнстере, где мне была дана должность по контролю цен.

ДИКС: Могли ли Вы в Мюнстере в реферате по контролю цен продолжать свою политическую деятельность и поддерживать соответствующие связи?

ГИЗЕВИУС: Да, у меня была довольно большая возможность для служебных поездок и я мог подробно изучать не только положение цен, но и политическое положение в Вестфалии и в Рейнской области и почти еженедельно бывал в Берлине, чтобы поддерживать связь со своими друзьями.

ДИКС: Поддерживали ли Вы связь с Шахтом в это время?

ГИЗЕВИУС: С этого времени я почти еженедельно бывал у него.

ДИКС: Имели ли Вы связь с другими видными людьми из Мюнстера в смысле Вашей работы?

ГИЗЕВИУС: Да. Одной из причин, почему я поехал в Мюнстер было то, что местный оберпрезидент барон фон Люнинг был человеком старой школы - чист, корректен, профессиональный чиновник, в политическом отношении человек, стоящий за право и порядок. Он тоже окончил свою жизнь на виселице после 20 июля 1944 года. Я связался также и с регирунгспрезидентом крупнейшего района Дюссельдорфа статс-секретарем Шмидтом и, прежде всего, я тотчас же после моего прибытия в Мюнстер сделал все, чтобы связаться с местным командиром корпуса, будущим фельдмаршалом фон Клюге. Это мне удалось. Я пытался также продолжать мои старые политические разговоры.

ДИКС: Мы вернемся еще к генералу Клюге. Сейчас я хочу спросить: в это время Вашей деятельности в Мюнстере могли ли Вы заметить у Шахта изменения в отношении ко всей системе и особенно к Гитлеру по сравнению с тем, что Вы наблюдали раньше в 1934 году и сообщили Трибуналу?

9474

H1199 - 0085

H1199 – 0086

ГИЗЕВИУС: Да, это был постоянный процесс постепенного отхода Шахта от нацизма. Если нужно указать фазы, то я скажу, что вначале, т.е. в 1935 году, он считал, что только гестапо является большим злом, а Гитлер это человек, который является государственным деятелем или может стать им, а Геринг является консервативным, сильным человеком, которого надо и можно использовать, чтобы выступить против террора гестапо и установить порядок в государстве. Тогда я страстно возражал Шахту в отношении подсудимого Геринга. Я предостерегал его. Я сказал ему, что, по моему мнению, Геринг является самым худшим именно потому, что он скрывается под такой консервативной и буржуазной маской. Я заклинал Шахта проводить свою экономическую политику независимо от Геринга, так как это приведет к плохому концу. Шахт, о котором можно много сказать, но только не то, что он был хорошим знатоком людей, оспаривал это и только в течение 1936 года, когда он увидел, что Геринг не поддерживает его против партии, а поддерживает радикальные элементы против него, лишь с этого момента наметились усиливающиеся изменения в Шахте. С этих пор он считал не только Гиммлера, но и Геринга большой опасностью и только Гитлер продолжал оставаться для него человеком, с которым можно проводить политику, если удастся большинству кабинета привлечь его на сторону права и порядка.

ДИКС: Теперь Вы говорите о том времени, когда Шахт передал ведение девизной политики Герингу?

ГИЗЕВИУС: Да, это был именно тот момент, когда я его предостерегал, и если я говорю, что Геринг его уговорил и он видел, что Геринг не поддерживает его против радикальных элементов, то речь идет как раз о том периоде времени.

ДИКС: Это был отрицательный момент, когда пошли на уступки и передали девизную политику Герингу. Но когда потом в нем постепенно выросло новое сознание, были ли у Шахта кое-какие положительные мысли относительно организации переворота?

ГИЗЕВИУС: Да, он жил тогда той мыслью, которой тогда жило много людей в Германии, можно сказать, даже большинство. Все зависело от того, чтобы усилить буржуазные круги в кабинете и, прежде всего, и в качестве предпосылки для этого завоевать на свою сторону имперское военное ~~правительство~~ министерство под руководством Бломберга. Шахт считал, таким образом, что нужно все поставить на борьбу за Бломберга и как раз в этом пункте я был согласен с ним, т.к. это была та же самая борьба, которую я вел вместе со своим другом Остером в скромных масштабах и более скромными методами.

ДИКС: Было ли им сделано что-нибудь для достижения этих целей?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДИКС: Я говорю здесь о мерах, предпринятых Дрейзе, вице-президентом рейхсбанка.

ГИЗЕВИУС: Да. Он тогда сначала пытался установить тесный контакт с соответствующим референтом в военном министерстве, с будущим руководителем штаба военной экономики генералом Томасом. Томас был человеком, который с самого начала относился скептически или даже отрицательно к национал-социализму. Чудом он потом вышел живым из концлагеря. И Шахт начал тогда борьбу за Бломберга через Томаса. В этой борьбе я тоже принимал посильное участие, так как Шахт через Остера использовал меня в качестве посредника, частично я знал об этих связях от Герберта Геринга, частично эти сведения были доверены мне в разговорах с Томасом и я могу засвидетельствовать, что уже тогда было чрезвычайно трудно установить связь между Бломбергом и Шахтом,

H1199 – 0087

H1199 – 0088

ибо я был настолько наивен, что неоднократно говорил Шахту, что он просто должен позвонить Бломбергу и попросить свидания. Шахт ответил мне, что Бломберг определенно будет уклоняться и что такой разговор возможен лишь, если он подготовит его заранее через Остера и Томаса. Это было сделано. Я помню с каким ожиданием мы встречали неоднократные беседы Бломберга с Шахтом. Я, конечно, не присутствовал при этом, но мы очень подробно обсуждали эти разговоры. Я сделал себе заметки, и я был очень рад, что эти мои воспоминания точно соответствуют воспоминаниям Томаса, записи которого у меня имеются. Бломберг неоднократно делал выговор Томасу, он говорил, чтобы тот не надоедал ему своими мыслями Шахта. Шахт просто бунтарь и он, Томас, должен...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс. Неужели необходимо вдаваться во все эти подробности?

ДИКС: Я думаю, Ваша честь, что это необходимо. Это превращение из убежденного сторонника Гитлера в его убежденного противника и революционера, даже заговорщика является настолько сложным психологическим процессом, что я думаю, что Трибуналу нельзя отказаться от этих подробностей. В отношении незначительных вещей я, конечно, буду сокращать показания, но я буду очень благодарен, если этому свидетелю, а это - единственный свидетель по этому вопросу - будет дана возможность осветить все подробности. Но я прошу Вас...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что Вы можете сказать о существе этого вопроса, не вдаваясь в такие подробности. Вы должны стараться, насколько это будет возможно, вдаваться, как можно меньше, в ненужные детали.

ДИКС: Я охотно это сделаю. Итак, доктор Гизевиус, Вы слышали желание Суда и, я думаю, Вы сами будете в состоянии гово-

рить лишь о самом важном. Можете ли Вы сказать еще что-нибудь существенное о связи с Бломбергом через Томаса, или мы можем покончить с этим вопросом?

ГИЗЕВИУС: Нет, я хочу еще попытаться коротко описать эту другие пути. Я не могу сказать, в какой степени это интересно Суду, но я хочу сказать, что Шахт пытался сблизиться с командующим сухопутными силами бароном фон Фрич, но так как это было очень трудно, он послал тула своего вице-президента рейхсбанка Дрейзе, чтобы установить с ним контакт, а также мы сделали большую попытку через генерала Кюге дойти до Бломберга и Фриче.

ДИКС: Короче говоря, что было целью этих действий? Что пытались делать генералы? Я имею в виду названных генералов.

ГИЗЕВИУС: Целью действий было об'яснить Бломбергу, что этот курс переходит в крайности, что экономическое положение вещей ухудшается и что всеми средствами надо положить конец террору гестапо.

ДИКС: Следовательно тогда имели место лишь экономические соображения и соображения террора? Никаких опасений войны?

ГИЗЕВИУС: Нет, только страх перед крайностями.

ДИКС: Теперь мы перейдем к 1937 году. Вы знаете, что этот год является годом увольнения Шахта с поста имперского министра хозяйства. Говорил ли Шахт с Вами о том, почему он остался тогда президентом рейхсбанка?

ГИЗЕВИУС: Да, я подробно следил за борьбой за увольнение Шахта с поста министра хозяйства. Он сам хотел уйти из министерства. Если я не ошибаюсь, это шло не так то гладко и Шахт однажды сообщил Ламмерсу, что если он до определенного момента не получит официального сообщения о своем увольнении, то он со своей стороны будет считать себя уволенным и сообщит об этом

H1199 – 0089

H1199 – 0090

в прессу. При этом Шахта просило большое количество людей не уходить в отставку. Как и во все эти годы всякий раз, когда кто-либо уходил со своего поста, ставился вопрос - не станет ли его преемник проводить еще более радикальный курс. Шахта просили не уходить, так как тогда радикализм возьмет в свои руки и хозяйство. Я называю здесь только имя Лея, как руководителя трудового фронта. Шахт ответил, что он не может нести такую ответственность, но что он как президент рейхсбанка надеется, как он говорил, одной ногой остаться в министерстве. Под этим подразумевалось, что ему казалось тогда, что в общем и целом он будет иметь общий надзор над экономикой и занимая пост председателя рейхсбанка, некоторым образом сможет влиять на все политико-экономические мероприятия. Я могу показать, что Шахта просили очень многие люди, которые вошли позже в оппозицию, занять эту позицию и, по крайней мере, остаться хотя бы одной ногой в министерстве.

ДЖКС: Не играло ли при принятии этого решения известную роль его отношение и его мнение об отдельных генералах, особенно генерал-полковнике Фрич?

ГИЗЕВИУС: Совершенно верно. Одним из самых роковых стечений обстоятельств, было то, что многие в Германии полагали, что Фрич был сильным человеком. Я неоднократно присутствовал при том, когда высшие офицеры, а также высшие чиновники министерства говорили, что мы можем быть вполне спокойны, Фрич подкарауливает, Фрич ждет лишь подходящего момента, Фрич, с помощью путча, в один прекрасный день положит конец террору. Например, я это слышал, от генерала фон Клюге, близкого друга Фрича, и, таким образом, все мы жили, теперь я это могу сказать, в совершенно ложном представлении о том, что в один прек-

расный день произойдет большой путч вооруженных сил против СС. Но вместо этого получилось как раз обратное - произошел бескровный путч СС, а именно - знаменитый кризис Фрича, в результате которого не только Фрич потерял свой пост, но и все руководство армии было политически сражено и отныне все наши надежды...

ДИКС: Простите, что я Вас перебиваю, мы еще вернемся к кризису Фрича. Теперь я хочу... Это было в 1938 году?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДИКС: Чтобы исчерпать вопрос о действиях Шахта в 1937 г., - об этом говорится также в Вашей книге, - скажите, не играла ли здесь роль также неудавшаяся связь с генералом Клюге и поездка Шахта в Мюнстер?

ГИЗЕВИУС: Я думал, что я могу лишь коротко сказать об этом, хотя это была серьезная попытка Шахта - приблизиться к Фричу. Нельзя было назначить разговора в Берлине. При таинственных обстоятельствах этот разговор был назначен в Мюнстере, так как генерал фон Клюге боялся тогда открыто говорить с Шахтом.

Это была погоня друг за другом, и в конце концов, получилось так, что они не нашли друг друга, так как было невозможно свести вместе имперского министра и командующего округа. Это было обескураживающим событием.

ДИКС: Где Вы были тогда, что Вы тогда делали? Были ли Вы еще в Мюнстере или уже в другом месте?

ГИЗЕВИУС: В это время я был еще в Мюнстере, но в середине 1937 г. Шахт пожелал, чтобы я вернулся в Берлин. Чем сильнее становилось его разочарование, тем более он был склонен принять мое предостережение об увеличивающейся радикализации и считать серьезной опасность возникновения путча СС. Осенью

9480

H1199 – 0091

H1199 – 0092

1937 года положение в Германии было таково, что всякий человек в оппозиции чувствовал, что подготавливается что-то неподоброе. Мы думали тогда, что повторится кровавое 30 июня. Мы хотели защитить себя от этого, и Шахт связался с Остером и Канарисом и выразил желание, что бы я каким-нибудь образом вернулся в Берлин. Не имелось ни одного официального учреждения, которое согласилось бы дать мне какую-либо должность. Мне не оставалось ничего другого как получить отпуск с государственслужбы, якобы, для изучения экономики. Шахт, с согласия Канариса и Остера, устроил так, что я получил такую должность на одном Бременском заводе, но я не смел туда никогда появляться. И, таким образом, я окончательно вернулся в Берлин, чтобы окончательно в кругу своих друзей предоставить себя в распоряжение надвигающимся событиям.

ДИКС: Ваша честь, теперь мы переходим к январю 1938 года и кризису Фрича. Я думаю, что не стоит тогда прерывать показаний свидетеля и я предлагаю, чтобы Ваша честь, сейчас об'явила перерыв, т.к. иначе мы должны говорить еще по меньшей мере полчаса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну, тогда мы сейчас об'явим перерыв.

(Об'является перерыв до 25 апреля 1946 г. 10.00)

ас
вз

H1199 – 0093

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 25 апреля 1946 г.

/ Утреннее заседание/ .

ДИКС: Г-н доктор Гизевиус, мы вчера остановились на 1938 годе. Вы вернулись в Берлин на несуществующий пост, который предоставил вам Шахт, и поддерживали постоянный контакт со своими доверенными лицами - Шахтом, Остером, Канарисом и Небе. Вы показали в конце, что тогда в вашем кругу все чувствовали, что готовится какой-то удар. Теперь мы перейдем к так называемому кризису Фрича, по моему мнению, решающему внутриполитическому моменту подготовки к войне. Изложите, пожалуйста, в этой связи общий ход событий и фон этого кризиса, особенно учитывая тот факт, что история этого кризиса связана со вступлением в Австрию, и, конечно, учитывая позицию и действия Шахта, о которых, собственно, идет речь.

ГИЗЕВИУС : Сперва я расскажу о ходе кризиса, как такового. Это верно, что все мои друзья считали его решающим моментом в ходе подготовки к войне.

Я изложу события в их последовательности, и считаю нужным, чтобы не запутать общую картину, опустить описание личности Шахта, так как положение вещей, как таковое, и так достаточно сложно.

В моем описании я также не буду говорить об источниках нашей информации и о своих собственных действиях, пока меня об этом не спросят.

12 января 1938 года германская общественность с удивлением узнала о том, что бывший тогда имперским военным министром фельдмаршал фон Бломберг женился. Подробности о его жене и

фотоснимки не были опубликованы. Через несколько дней появилась единственная фотография - маршал со своей новой женой перед обезьяней клеткой зоологического сада в Лейпциге. В столице стали распространяться многочисленные слухи, сообщавшие злые вещи относительно прошлого супруги маршала.

Через несколько дней на письменном столе берлинского полицей президента находилась толстая папка документов, из которой явствовало следующее. Жена маршала фон Бломберга была аморальной особой, имевшей судимость. Она была зарегистрирована, как особа легкого поведения, в семи крупных немецких городах. Ее имя стояло в берлинском регистре лиц, подвергавшихся аресту. Я сам видел оттиски ее пальцев и фотографии, и, наконец, она была осуждена берлинским судом за распространение порнографических открыток. Берлинский полицей-президент был обязан передать эти документы служебным порядком шефу полиции Гиммлеру.

ДИКС: Простите, кто был тогда полицей-президентом ?

ГИЗЕВИУС: Полицей-президентом был тогда граф Хельдорф. Граф Хельдорф понимал, что передача этого материала имперскому фюреру СС поставит вооруженные силы в невыносимое положение. Тогда Гиммлер имел бы материал, нужный ему для того, чтобы погубить карьеру Бломберга и нанести удар руководству вооруженными силами.

Хельдорф обратился с этими документами к ближайшему сотруднику маршала Бломберга, тогдашнему начальнику военно-политического управления военного министерства Кейтелю, который тогда как раз вступил в родство с фельдмаршалом Бломбергом посредством женитьбы обоих детей.

Фельдмаршал Кейтель, тогда генерал-полковник Кейтель, подробно просмотрел эти документы и предложил полицей-президенту Хельдорфу скрыть весь скандал и замолчать документы.

9483

H1199 – 0094

H1199 – 0095

ДИКС: Может быть, вы скажете суду, откуда вы это знаете ?

ГИЗЕВИУС: Я знаю это от графа Хельдорфа, который мне рассказал весь ход событий, и от Небе, который тогда служил в качестве оберрегирунгсрата в берлинском полицейпрезидиуме, а позже стал имперским криминальдиректором. Кейтель отказался поговорить с Бломбергом о последствиях. Он отказался сообщить о деле начальнику генерального штаба Беку или командующему сухопутными силами генерал-полковнику Фричу. Он отослал графа Хельдорфа с документами к Герингу. Хельдорф представил подсудимому Герингу эти документы. Геринг утверждал, что он ничего не знал о том, что имя жены Бломберга находилось в регистре лиц, подвергавшихся аресту, и об ее судимости. Однако, и в этом первом разговоре, а затем в последующих разговорах он признал, что ему было известно следующее: во-первых, что маршал Бломберг уже за несколько месяцев до того спросил Геринга, допустимо-ли, чтобы он вступил в связь с дамой низкого происхождения. Через некоторое время Бломберг спросил Геринга, не сможет ли он помочь получить разрешение на брак для этой дамы с прошлым", как он выразился. Затем Бломберг снова пришел к Герингу и рассказал ему, что, к сожалению, эта его дама сердца имеет другого любовника и он вынужден просить Геринга помочь ему, Бломбергу, устранить этого любовника.

ДИКС: Простите, это рассказывал тогда Геринг Хельдорфу и вы это узнали от Хельдорфа ?

ГИЗЕВИУС: Да, это рассказывал Геринг, а при дальнейшем расследовании мы узнали это также и от других. Геринг после этого устранил любовника, дав ему деньги и отправив его в Южную Америку. Несмотря на это, Геринг ничего не сказал об этой истории Гитлеру. Наоборот, он вместе с Гитлером присут-

ствовал на венчании маршала Блоберга, которое произошло 12-го января. Здесь я должен заметить, что ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, Трибунал хотел бы знать, каким образом все эти моменты личного характера относятся к обвинениям, пред"явленным подсудимым Шахту, Герингу, Фрику ?

ДИКС: Я представляю здесь лишь справедливые интересы подсудимого Шахта. Необходимо изложить этот кризис со всеми ужасающими подробностями, чтобы понять, какое революционизирующее влияние он оказал на Шахта и его окружение в их отношении к режиму. Я уже раньше говорил, что в эволюции Шахта из приверженца и / до известной степени/ почитателя Гитлера в смертельного врага, покушавшегося на его жизнь, поворотным пунктом является кризис Фрича. Трибунал не сможет понять этот душевный поворот, если Трибунал сам не получит того же впечатления, которое получил тогда Шахт. Я ни в коем случае не заинтересован в том, чтобы без нужды перемывать здесь грязное белье. Решение задать этот вопрос и побудить свидетеля в необходимых подробностях рассказать весь кризис Фрича, обосновывается лишь тем, что дальнейшее развитие дела Шахта и действие этого кризиса на круг лиц, связанных с Остерроом и Канарисом, к которому относился и Шахт, вообще нельзя понять, не зная всей чудовищности этого кризиса; учитывая этот факт, как это ни неприятно, приходится довести до сведения Трибунала эти, в ряде случаев, в высшей степени личные дела. К сожалению, я не могу отказаться от этого. В этом - альфа и омега моей защиты.

/ К микрофону подходит судья Джексон /.

9485

H1199 – 0096

H1199 – 0097

Г-н судья ДЖКСОН: Господа судьи ! Сейчас не лишне было бы выяснить нашу точку зрения на случай, если вопрос станет о том, следует ли выслушивать эти показания или нет. Я хотел бы, если этого еще не касались, поднять этот вопрос во время перекрестного допроса в нескольких аспектах. Один из аспектов показывает подоплеку вчерашнего инцидента, который является весьма важным при оценке правдивости показаний. Другой - касается захвата власти заговорщиками. В Германии были некоторые люди, от которых заговорщики должны были избавиться. Некоторых из этих людей заговорщики могли убивать беспрепятственно, некоторых других - как мы видим по примеру чистки Рема, когда убивали тех, кто восставал, - устраняли другими методами. Методы, которые применялись против Фрича и Бломберга, указывают, как на заговор по захвату власти, так и на заговор по устранению тех людей, которые могли помешать их подготовке к войне и развязыванию этой войны. Фрич и Бломберг, мне кажется, принадлежали к той части германского народа, которая позволила нацистам добиться того, чего они хотели, и они являлись благодаря этому лицами, которых нацисты считали надежными; они полагали, что, по крайней мере, эти два человека будут охранять их интересы; и те методы, которыми эти люди были раздавлены и удалены со сцены, представляют собой очень важную часть истории заговора, и я хочу просить остановиться на этом во время перекрестного допроса.

Может быть, эта информация окажется полезной для Трибунала при решении вопроса о том, следует ли продолжать допрос сейчас.

Д-р ДИКС: Можно мне сказать еще несколько слов ?

9486

H1199 – 0098

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, доктор Дикс. Трибунал считает, что ввиду сказанного вами и в связи с выступлением судьи Джексона, ваш допрос свидетеля должен быть продолжен, но ~~я~~ я не сомневаюсь в том, ~~что~~ вы постараетесь ограничиваться только политическим аспектом всего этого дела при допросе.

ДИКС: Да, конечно. Но личное в данном случае сыграло настолько большую политическую роль, что его нельзя обойти.

Таким образом, г-н доктор Гизевиус, вы видите трудность ситуации. Мы хотели бы говорить лишь о том, что необходимо знать при исследовании истины. В наши цели совершенно не входит производить сенсацию или что-либо в этом роде. Но, если необходимо говорить о такого рода вещах, чтобы сделать Суду понятным весь ход развития, то я прошу вас говорить, не стесняясь.

ГИЗЕВИУС: Я прошу высокий Суд учитывать стоящие передо мной трудности. Я также не очень охотно говорю об этих вещах. Я должен добавить, что Геринг был единственным начальником отдела наблюдения, учреждения, которое ведало подслушиванием телефонных разговоров по всей третьей империи. Этот отдел наблюдения не удовлетворялся, как здесь говорилось, только подслушиванием телефонных разговоров и их дешифровкой. У него была собственная служба информации, аппарат вплоть до мелких чиновников, так что было очень легко получить достоверные сведения также и о жене маршала Бломберга. Когда Хельдорф передал эти документы Герингу, Геринг счел себя вынужденным передать эти документы Гитлеру. С Гитлером случился нервный приступ и он решил немедленно уволить в отставку маршала Бломберга. Как Гитлер позже на официальном заседании говорил генералам, первой его мыслью было сделать преемником Бломберга генерал-полковника Фрича. В тот момент, когда он сказал об этом решении, Геринг и Гиммлер напомнили ему, что это невозможно, так как биография Фрича не совсем чиста, так как на

основании одного документа 1939 г. он обвинялся в тяжком уголовном преступлении.

ДИКС: Прошу прощенья, г-н доктор, откуда вы знаете об этом разговоре Гитлера с генералами и о сообщении Геринга ?

ГИЗЕВИУС: Многие генералы, которые принимали участие в этом заседании, рассказывали мне об этом и я говорил уже, что в процессе дальнейшего развертывания событий, о которых я еще расскажу, Гитлер сделал много различных заявлений, и в нашем распоряжении имелись вплоть до 20 июля подлинные документы прошедшего впоследствии имперского военного суда. Документ 1935 г. который в январе 1938 г. был представлен Гитлеру, относился к следующему : гестапо в 1934 году пришло к мысли, наряду с другими врагами государства, преследовать также гомосексуалистов, как уголовных преступников. В поисках материала гестапо обратилось в тюрьмы к осужденным преступникам, которые занимались вымогательством у гомосексуалистов; гестапо потребовало, чтобы они дали материал о гомосексуалистах и назвали их имена. При этом один из каторжников рассказал ужасную историю, которая в действительности настолько отвратительна, что я не могу ее здесь передать. Достаточно сказать, что, по словам этого каторжника, к этому ~~сюда~~ имел отношение некий господин Фрич или Фриш, точного имени каторжник не мог вспомнить. Гестапо передало этот документ в 1935 г. Гитлеру. Гитлер был поражен его содержанием. Он сказал генералам, что о таком свинстве он ничего не желает знать. Гитлер приказал немедленно сжечь этот документ. А теперь в январе 1938 г., Геринг и Гиммлер напомнили Гитлеру об этом документе и Гейдрих ловко сделал так, что документ, который, якобы, был сожжен в 1935 году, снова представили Гитлеру, причем дополнили его большим следственным материалом. Гитлер в

9488

H1199 – 0099

H1199 – 0100

этот момент, как он сказал генералам, после разочарования, которое принес ему Бломберг, считал, что и от Фрича он может ожидать всего, что угодно. Подсудимый Геринг предложил Гитлеру привезти каторжника из тюрьмы на допрос в имперскую канцелярию. Перед тем, в Каринхалле Геринг грозил этому каторжнику смертью, если он не подтвердит свои показания.

ДИКС: Откуда вы это знаете ?

ГИЗЕВИУС: Об этом говорилось в имперском военном суде. Затем Фрич был вызван в имперскую канцелярию и Гитлер обратил его внимание на пред"явленные ему обвинения. Фрич, честный человек с головы до ног, через адьютанта Гитлера получил конфиденциальное предостережение, но оно было настолько неопределенным, что Фрич пришел в имперскую канцелярию страшно испуганным. Он вообще не понял, в чем его обвинял Гитлер. Он с негодованием оспаривал все, что ему инкриминировалось. В присутствии Геринга он дал Гитлеру честное слово в том, что все эти обвинения ложны. Тогда Гитлер подошел к двери, открыл ее, и вошел тот самый каторжник. Он поднял руку, указал на Фрича и сказал: "Это он". Фрич онемел. Он мог лишь потребовать одного, чтобы было произведено судебное следствие. Гитлер потребовал его немедленной отставки и был согласен оставить все дело в покое только при условии, что Фрич будет молчать. Фрич обратился к начальнику генерального штаба Беку, который, в свою очередь, обратился к Гитлеру. Началась ожесточенная борьба за то, чтобы эти ужасные обвинения против Фрича были расследованы судом. Эта борьба длилась приблизительно неделю. В имперской канцелярии происходили драматические сцены. Затем наступило знаменитое 4 февраля, когда генерал

были вызваны в Берлин; до этого дня, т.е. в течение 10 дней после отставки Бломберга и Фрича, они даже не подозревали, что оба их начальника уже находятся не у дел. Гитлер лично представил генералам документ в такой форме, что и они совершенно растерялись и удовлетворились тем, чтобы дело было расследовано судом. Одновременно Гитлер неожиданно сообщил генералам ...

ДИКС: Вы получили эти сведения от участников совещания ?

ГИЗЕВИУС: Да, от участников совещания. Одновременно Гитлер неожиданно сообщил генералам, что у них будет новый главнокомандующий - генерал-полковник фон Браухич. Часть генералов была уволена со своих постов; как раз, накануне/вечером появилось сообщение в газетах о том, что Гитлер с целью концентрации правительственной власти уволил министра иностранных дел фон Нейрата, произвел смену людей в министерстве экономики, уволил большое количество дипломатов, и потом, в качестве дополнения к этому было сообщено об изменениях в военном министерстве и руководстве армией. Снова началась продолжавшаяся неделю борьба за созыв военного суда с целью реабилитации генерал-полковника Фрича. Это было для нас тем моментом, когда мы думали, что мы сможем перед высшим немецким судом показать, какими средствами гестапо разделывается со своими политическими противниками. Это была единственная возможность под присягой допросить свидетелей о том, как плелась вся эта интрига. Мы принялись за работу, чтобы подготовить этот процесс.

ДИКС: Что означает "мы" в этом случае ?

ГИЗЕВИУС: Я в этой связи говорю, прежде всего, о человеке, который, как юрист и судья, был членом этого военного суда, это - тогдашний советник имперского военного суда, а позже

9420

H1199 – 0101

H1199 – 0102

главный судья армии - министериальдиректор д-р Зак. Этот человек верил, что он обязан, в интересах права, всеми средствами содействовать раскрытию этого дела. Он сделал это и был казнен после 20 июля. При этом расследовании выяснилось следующее:

Судьи имперского военного суда допрашивали со своей стороны свидетелей гестапо. Они изучали протоколы гестапо, проводили дополнительный вызов свидетелей и вскоре они с помощью криминалиста Небе точно выяснили, что во всем этом деле речь идет о двойнике, не о генерал-полковнике Фрич, а о каком-то отставном капитане фон Фрише, который давно уже был на пенсии.

Далее, при этом расследовании судьи констатировали, что они могут предстаить доказательства того, что гестапо уже 15 января проникло в квартиру этого двойника Фриша и допросило его экономку. Разрешите теперь сопоставить обе даты : 15 января для гестапо было ясно, что Фрич невиновен, а 24 января подсудимый Геринг приводит с собой каторжника и свидетеля обвинения в имперскую канцелярию для того, чтобы доказать вину генерал-полковника Фрича. Мы думали, что здесь перед нами интрига совершенно невероятных размеров и что теперь любой генерал-скептик должен видеть, что не только в низших слоях гестапо, незаметно, скрытно, без ведома имперской канцелярии и министров, делаются такие дела, которым всякий честный человек должен воспрепятствовать. Это явилось причиной того, что мы собрались большой группой и увидели, что нам нужно не только собирать секретный материал о гестапо. Это было очень трудно. Мы бесконечно много слышали, но, если бы мы передали этот материал дальше, то мы всякий раз предавали бы гестапо

9991

людей, доставлявших нам материал. А здесь мы могли пользоваться легальными путями; мы начали борьбу за то, чтобы побудить генерал-полковника фон Браухича подать в имперский военный суд соответствующее ходатайство о представлении доказательств.

ДИКС: Что означает здесь "мы"?

ГИЗЕВИУС: В этот момент собралась группа, в которую входил также д-р Шахт, который, я должен сказать, был тогда очень активен. Он ходил к генерал-адмиралу Редеру, к Браухичу, Рундштедту, Гюртнеру и повсюду говорил, что теперь происходит величайший кризис, теперь мы должны действовать, теперь задача генералов - освободить нас от режима террора.

Но я должен назвать также в этой связи и другое имя. Уже в 1936 году Шахт познакомил меня с доктором Герделером. Я с тех пор имел честь итти вместе с этим смелым человеком одним путем вплоть до 20 июля. Я не хочу назвать в первый раз это имя, не сказав в этом зале, в котором стали известны столь ужасные вещи, что это имя немца, который был смелым, неустрашимым борцом за свободу, право и честь, о котором я думаю, что он станет не только для Германии примером того, что можно выполнять свой долг даже при терроре гестапо и оставаться верным своему долгу до смерти.

Доктор Герделер, всегда неустрашимый и неустанный борец, в эти дни показал беспримерную смелость. Как и доктор Шахт, он ходил из одного министерства в другое, от одного генерала к другому и он тоже думал, что теперь пробил час, когда мы сможем создать великий фронт честных людей во главе с генералами. Браухич не отказал тогда Герделеру; в своих обеща-

H1199 - 0103

H1199 – 0104

ниях Герделеру относительно пункта он дошел до границы религиозного.

Я могу засвидетельствовать, что Браухи торжественно заверял меня в том, что он использует эту возможность для борьбы против гестапо. Но Браухи поставил одно предварительное условие. Это предварительное условие было принято всеми генералами. Браухи сказал: "Гитлер является еще настолько популярным человеком, что мы боимся мифа о Гитлере. Мы хотим дать немецкому народу и всему миру последнее доказательство в форме заседания имперского военного суда и его приговора". Поэтому Браухи перенес срок своего выступления на день вынесения приговора имперским военным судом. Имперский военный суд собрался, началось его заседание. Однако заседание было внезапно, при драматических обстоятельствах, прервано. Я должен еще кое-что добавить. Гитлер назначил председателем этого имперского военного суда подсудимого Геринга. Собрался имперский военный суд под председательством Геринга. Я знаю от Небе, что Геринг за день до того долго совещался с Гиммлером и Гейдрихом об этом суде. Я знаю, что Гейдрих сказал Небе: -этот имперский военный суд будет концом моей карьеры.

ДИКС: Вам это сказал Небе ?

ГИЗЕВИУС: Да, причем в тот же день. Имперский военный суд представлял собой большую опасность для гестапо. Собрался этот имперский военный суд, заседал несколько часов и был приостановлен при драматических обстоятельствах, ибо это был день, когда было принято решение о вступлении немецкой армии в Австрию. Уже тогда у нас не было никаких сомнений, почему председатель этого воен-

ного суда был так невероятно заинтересован в том, чтобы уже в этот день войска получили приказ о марше, чтобы они двинулись не на внутреннего врага, а маршировали в ином направлении. Лишь через неделю имперский военный суд мог снова собраться. Но тогда Гитлер был триумфатором, генералы вернулись после своего первого удачного похода, было возвещено о народном плебисците, ликование было велико, а замешательство среди генералов - еще больше. И таким образом этот военный суд разочаровал. Была установлена невиновность Фрича, но Браухич считал, что в той новой психологической ситуации, которая возникла в результате аннексии Австрии, он уже не может отвечать за путч.

Такова ~~была~~ в общих чертах история, которая практически лишила военное министерство его руководящих лиц, привела генералов в небывалое замешательство, и с этого момента мы начали свой путь к радикализму.

ДИКС: Я прошу разрешения Суда в этой связи зачитать одну фразу из документа, представленного мной под номером Шахт №15. Моя книга документов еще переводится, но я надеюсь, что к моменту допроса Шахта она будет готова. Это только одна фраза, которая интересна в этой связи, из двухгодичного отчета генерального штаба ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, были ли эти документы переданы вообще обвинению и Трибуналу?

ДИКС: Да, документы подробно обсуждались дважды, о них говорило обвинение - один раз в связи с переводом, а другой раз относительно допущения их в качестве доказательства. Затем г-н Додд говорил о них на открытом заседании. Я твердо уб-

9494.

H1199-0105

H1199 – 0106

ден, что обвинение хорошо знает этот документ. Это всего одна фраза и я не думаю, что со стороны Обвинения имеются возражения против оглашения этой фразы, так как иначе будет разорвана связь с документальными доказательствами. Я вообще хочу время от времени, если это практически целесообразно, уже сейчас представлять документы. Это одна фраза их двухгодичного отчета генерального штаба США ...

Г-н судья ДИКСОН: Я не знаю, ваша честь, что это за документ. Я хотел бы знать, что это такое, так как у нас могут возникнуть вопросы по этому документу. Я не хотел бы задерживать доктора Дикса, но я не получил копию этого документа и я не знаю, что это за документ.

ДИКС: Я только хотел сократить процесс, но так как я вижу, что возникают трудности и нужна длительная дискуссия, я представлю этот документ позже, когда буду представлять свои документальные доказательства. /Обращается к свидетелю/. Может быть, вы смогли бы в дополнение, для понимания Трибунала, сказать о роли председателя суда в немецком военном судебном процессе, сказать, что в его руках находится контроль над допросом и вообще весь процесс.

ГИЗЕВИУС: Г-н доктор Дикс, я не сомневаюсь, что вы смогли бы сами сказать лучше и более ясно, с юридической точки зрения, о компетенции председателя. Я могу сказать лишь следующее: я читал стенограмму этого заседания, ибо это один из тех документов, который мы хотели в один прекрасный день предать гласности, и я надеюсь, что мы его когда-либо еще найдем. Из него следует, что подсудимый Геринг, как председатель, задавал тон

при ведении дела и допросах. Он спрашивал свидетелей обвинения и заботился о том, чтобы не задавались другие вопросы, которые могли быть неудобными.

Я должен сказать на основании изучения этого об"емистого протокола, что Геринг сумел затушевать истину своим методом ведения процесса.

ДИКС: В своем вступительном слове в начале заседания я назвал кризис Фрича решающим моментом внутриполитической подготовки к войне. Вы, г-н доктор, повторили мое выражение. Не хотите ли вы после описания кризиса Фрича обосновать это высказанное мною мнение, которое вы подтвердили, и сказать, каково было влияние этого кризиса на ваш круг, особенно на Шахта ?

ГИЗЕВИУС: Я должен еще раз указать на то, что до кризиса Фрича было очень трудно в среде немецкой оппозиции высказать мысль о возможности войны. Это об"яснялось тем, что в Германии оппозиционные круги были настолько проникнуты уверенностью в силе армии и ее руководящих лиц, что они думали, что достаточно иметь такого честного человека, как Фрич, во главе германской армии. Казалась невероятной мысль, что Фрич будет терпеть террор или вползание в войну. Лишь немногие говорили, что законом каждой революции является то, что в один прекрасный день она должна перейти через границы своего народа. На основании истории мы считали, что эта опасность грозит нам со стороны национал-социалистской революции, и предостерегали тех, которые верили в эту революцию, не только от диктатуры, но и от того, что в один прекрасный день революционеры, в качестве последнего средства, прибегнут к войне. Чем яснее становилось по

3496

H1199-0107

H1199 – 0108

ходу кризиса Фрича, что радикализм берет верх, все более широким кругам стало ясно, что от военной опасности нельзя отмахнуться.

ДИКС: Относился ли к этим кругам также подсудимый Шахт ?

ГИЗЕВИУС: да, в дни кризиса Фрича, Шахт, как и многие другие, сказал: " Это-война"; это было сказано недвусмысленно также фон Браухичу, тогдашнему главнокомандующему армией.

ДИКС: Теперь встает вопрос, почему Шахт финансировал вооружения, по крайней мере, вначале ?

ГИЗЕВИУС: Шахт говорил всегда в качестве обоснования, что он поддерживал всеми средствами вооружение для оборонительных целей. Шахт долгие годы был убежден в том, что такой большой народ в центре Европы, по крайней мере, должен иметь средства для обороны.

Разрешите мне указать на то, что тогда широкие круги немецкого народа были проникнуты убеждением в том, что на них может быть совершено нападение с Востока. Нельзя забывать, какой пропагандой накачивался тогда немецкий народ, и что особенно подчеркивалась опасность с Востока, причем указывалось на стремления Польши захватить Восточную Пруссию.

ДИКС: Говорил ли вам Шахт тогда, что он этим вооружением преследует политические цели, так как хочет с их помощью снова поднять вопрос о всеобщем разоружении ?

ГИЗЕВИУС: Я прошу прощения, я , к сожалению, забыл сам подчеркнуть этот пункт. Шахт считал, что нужно любыми средствами снова поднять вопрос о разоружении. Ему казалось, что

H1199 – 0109

уже очень скоро / по-моему, он уже с 1935 года придерживался этого мнения/ противная сторона обратит внимание на немецкое вооружение, и, что, таким образом, Гитлер будет вынужден из-за своего, всем известного, вооружения, снова начать переговоры на конференции по разоружению.

ДИКС: То, что вы сказали, было об"ектом ваших разговоров с Шахтом в то время или это вывод, сделанный вами теперь ?

ГИЗЕВИУС: Нет, я помню этот разговор очень хорошо, потому что я тогда считал, что у Гитлера совсем иные устремления, нежели созыв конференции по разоружению. Я, со своей стороны, представлял себе совершенно иначе образ мыслей Гитлера и был несколько удивлен, что Шахт вообще считает возможными такие мысли у Гитлера.

ДИКС: Вынесли ли вы из разговоров с Шахтом впечатление, что он был ориентирован о роде, размерах и темпах вооружения во всех деталях?

ГИЗЕВИУС: Я отчетливо помню, как часто Шахт спрашивал меня и моих друзей, не можем ли мы помочь ему в том, чтобы установить об"ем вооружений путем запросов в военном министерстве. Уже вчера я говорил о попытках, которые он предпринял, чтобы узнать детали через Остера и Томаса.

ДИКС: Можете ли вы что-нибудь сказать Трибуналу, о том, старался ли вообще Шахт тогда ограничить ассигнования на вооружения, а тем самым темп и об"ем вооружений. Если это так, то когда начались его усилия в этом направлении ?

9498

H1199 – 0109

H1199 – 0110

ГИЗЕВИУС: Насколько я помню, эти усилия начались уже в 1936 году. В оживленных спорах об уходе Шахта с поста министра экономики в 1937 году эти усилия играли очень большую роль. Я вспоминаю, что, собственно, всякий разговор вращался вокруг этого пункта.

ДИКС: Обвинение говорит, что обоснованием, которое Шахт приводил в официальных просьбах о необходимости этих ограничений, было то, что эти ограничения должны быть произведены на основании чисто финансовых соображений, т.е. он говорил как обеспокоенный руководитель экономики и президент рейхсбанка, а не как обеспокоенный патриот, который опасался, что его страна может быть вовлечена в войну. Были ли у вас беседы с Шахтом, на основании которых вы можете сказать Трибуналу что-либо полезное по этому поводу ?

ГИЗЕВИУС: Во всех предварительных разговорах обсуждались десятки набросков писем, которые писал Шахт. Они обсуждались в кругу друзей. Я приведу лишь один пример: Шахт неоднократно обсуждал такие письма с Герделером. Речь всегда шла об одном вопросе: что можно сказать для того, чтобы письмо не было воспринято, как провокация, а чтобы оно выполнило задачу - привлечь остальных министров и особенно военного министра фон Бломберга на сторону Шахта, ибо все дело заключалось в том, чтобы убедить таких министров, как Бломберг, Нейрат, Шверин-Крозик, которые немного лояльнее относились к Гитлеру, примкнуть к Шахту, и чтобы они не говорили, что Шахт своим обычным резким языком провоцирует Гитлера и Геринга.

9499

H1199 – 0111

Все эти письма можно понять только на основании тактических соображений, которые, как сказано, подробно обсуждались с руководящими лицами оппозиции.

ДИКС: Как сложилась после кризиса Фрича политическая заговорщическая работа, которую вы вели вместе с вашими друзьями и Шахтом?

ГИЗЕВИУС: Я вполне согласен со словом "заговор". Если до этого момента наша деятельность была более или менее лишь оппозиционной, то тут действительно создался заговор; теперь на передний план выступает человек, которому позже предстояло сыграть большую роль, как главе заговора. Тогдашний начальник генерального штаба, генерал-полковник Бек считал, что пришло время, когда немецкий генерал должен подать сигнал тревоги для страны и заграницы.

Я думаю, для Трибунала важно узнать также последнюю причину, почему Бек решился на этот шаг. Начальник генерального штаба присутствовал, когда Гитлер в мае 1938 г. в Оберзальцберге выступал перед генералами с большой речью.

Эта речь была задумана, как реабилитация Фрича; несколько слов, действительно, было сказано о Фриче; но больше говорилось, причем в первый раз говорилось открыто перед немецкими генералами, в широком кругу, о намерении Гитлера выступить с войной против Чехословакии.

Бек выслушал эту речь. Он был возмущен тем, что он, начальник генерального штаба, в первый раз узнал о подобном намерении в таком большом обществе, причем его не спрашивали и не информировали об этом заранее. Еще во время заседания Бек послал Браухичу записку, в которой он просил немедленной беседы с ним. Браухич отказался и заставил Бека

9500

H1199-0111

H1199 – 0112

ждать несколько недель. Бек так долго не мог терпеть, он написал об"емистый меморандум, в котором он, как начальник генерального штаба, выступал против того, чтобы немецкий народ был втянут в военную авантюру.

Бек заявлял в конце меморандума о своей отставке, и здесь, я думаю, наступило время сказать несколько слов также о начальнике генерального штаба ...

ДИКС: Подождите, г-н доктор, пожалуйста, скажите, от кого вы имеете эти сведения о мыслях Бека и о беседе Бека с Брауничем ?

ГИЗЕВИУС: Бек доверял мне; я последние годы работал вместе с ним и до последнего момента его жизни, 20 июля, был всегда рядом с ним; я могу сообщить, и это важно знать Суду, что Бек постоянно сталкивался с проблемой, что должен делать начальник генерального штаба, если он видит, что дело идет к войне. Помня о нем и о моей присяге, я обязан сказать о том, что Бек, - единственный немецкий генерал, который сделал вывод, - уйти добровольно со своего поста, чтобы показать, что и для генералов на руководящих постах имеется граница, когда они с риском для своего положения и своей жизни, должны уйти в отставку и больше не принимать приказов.

Бек считал, что генеральный штаб является не только об"единением военных специалистов; Бек видел в немецком генеральном штабе совесть немецкой армии, и в таком духе он воспитывал своих генштабистов; в последние годы своей жизни он бесконечно страдал от того, что люди, воспитанные им в этом духе, не пошли по этому пути совести. Памяти этого человека я обязан сказать, что он обладал несгибаемым характером ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, но можно перейти к вопросу, что же в действительности делал Бек.

H1199 – 0113

ДИКС: Я хочу как раз это сделать, но Ваша честь....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть пора сделать перерыв. Я имею в виду следующее. Свидетель показал, что Бек возражал в своем меморандуме и подал прошение об отставке. Это заявление свидетель сделал несколько минут назад, но он так и не сказал, что же в действительности сделал Бек.

ДИКС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сделаем перерыв.

/ Перерыв на 10 минут /

H1199 – 0113

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Утром в субботу открытого заседания Трибунала не будет, а состоится закрытое заседание судей.

ДИКС: Вы остановились на том, что после ютербогской речи генерал-полковник Бек решил подать в отставку. Что он сделал далее?

ГИЗЕВИУС: Гитлер и Браухич очень просили Бека остаться на своем посту. Бек отказался и продолжал настаивать на своей отставке. Тогда Гитлер и Браухич стали настаивать, чтобы, по крайней мере, в печати не было опубликовано об его отставке и чтобы он отложил ее на несколько месяцев. Бек, который тогда еще не встал на путь государственной измены, решил, что он должен удовлетворить эту просьбу. Он позднее очень сожалел о такой лояльной позиции. Во всяком случае, в конце мая или в начале июня его преемник генерал Гальдер принял все дела начальника генерального штаба, и Бек с этого момента фактически не состоял на службе.

ДИКС: Разрешите мне повторить свой вопрос: все эти факты известны Вам из собственных наблюдений или из разговоров и с кем именно?

ГИЗЕВИУС: Об этом происходили частые беседы между Беком, Остером, Герделером, Шахтом и еще целой группой лиц. Вопрос о том, что он не об'явил о своей отставке, был для Бека впоследствии крайне тягостным, так что мы с ним постоянно говорили об этом вплоть до самого последнего дня.

ДИКС: Это - относительно отставки Бека. Но, очевидно, вставала также проблема возможной отставки Шахта. Скажите, этот вопрос о необходимости или целесообразности отставки Шахта, насколько Вам известно из Ваших наблюдений, обсуждался Беком и Шахтом?

ГИЗЕВИУС: Да, он очень детально обсуждался. Бек счи-

H1199 – 0114

H1199 – 0115

тал,что одна только его отставка не будет достаточно эффективной. Поэтому он попросил Шахта присоединиться к его отставке. Это детально обсуждалось, с одной стороны, лично Шахтом и Беком, с другой стороны,- Остером и мною, как посредниками.

Я должен признаться,что я в этих разговорах придерживался мнения,что Шахту необходимо уйти в отставку. Я давал ему этот совет. Остер же просил Шахта остаться на должности министра, так как для того, чтобы оказывать влияние на генералов, нужен был Шахт - министр.

Оглядываясь назад,я должен теперь сказать,что я был неправ, советуя Шахту уйти в отставку,так как события, о которых я должен буду еще рассказать, подтвердили,насколько было важно для Остера и других, чтобы Шахт остался на своей должности.

ДИКС: Это был тяжелый момент для Шахта, это был вопрос совести. Вы сказали Трибуналу,какого мнения придерживались Вы и какого мнения придерживался Остер.Но следовало предполагать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте,продолжайте.

ДИКС: Вы упоминали здесь о мнении Остера. Скажите,Шахт, делился с Вами своими угрызениями совести и всеми за и против, когда он принимал окончательное решение?

ГИЗЕВИУС: Да.

Господин СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я не возражаю против того,чтобы защитник вел свое дело так, как ему кажется удобным,но, я думаю, мы делаем допрос мало эффективным. Шахт - здесь и он сам может сказать нам об этих угрызениях совести и я, не думаю, чтобы какой-нибудь другой свидетель смог ~~бы~~ лучше, чем он, дать показания по этому вопросу. Мне кажется,что ответ на

этот вопрос не будет иметь доказательной силы. Я возражаю поэтому...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, лучше будет,если свидетель сообщит Вам, что делал Шахт.

ДИКС: Можно мне сделать краткое замечание по этому поводу? Конечно,господин судья Джексон прав,говоря,что сам Шахт может дать суду более точные показания о своих переживаниях.Но это очень трудный и спорный вопрос.Насколько я понял,Обвинение считает неоправданным тогдашнее решение Шахта и мысли, которые привели его к этому решению. Я считаю,что для Трибунала будет важным узнать все эти причины из уст очевидца; это должно доказать,что Шахт не выдумывает сейчас, сидя на скамье подсудимых,задним числом каких-либо новых причин,в чем обычно подозревают каждого подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, Трибунал считает, что свидетель может показать,что Шахт говорил и что Шахт делал, но не может показать того,что думал Шахт.

ДИКС: Совершенно верно,милорд,но он должен сказать,что ему сообщал Шахт в свое время о своей точке зрения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю,чтобы мы нуждались в дискуссиях по этому поводу. Свидетель слышал,что я сказал, и вы можете спросить его о том, что делал Шахт, но не то,что думал Шахт.

ДИКС: Итак, что сказал Вам Шахт о причинах своей отставки.[2]

ГИЗЕВИУС: Шахт тогда сказал,что после того, что мы пережили,нельзя надеяться на генералов, на то,что генералы когда-нибудь устроят путч. И именно поэтому он, как политический деятель, должен считаться с теми возможностями,

H1199-0116

H1199 - 0117

которые без путча могут изменить положение в Германии. Поэтому он составил себе план, который он тогда мне изложил. Шахт сказал мне дословно следующее: "Я схватил Гитлера за горло". Этим он хотел сказать, что теперь близок день, когда все долги, принятые имперским банком, должны будут быть уплачены министром финансов, т.е. всем имперским кабинетом. Шахт сомневался, чтобы министр финансов Шверин-Крозик просто взял на себя все моральные и правовые обязательства в связи с этими платежами.

И вот, Шахт считал, что как раз в этот момент ему следует потребовать отставки и одновременно с этим подать коллективное письмо от правления имперского банка. Он надеялся, что при такой ситуации все имперские министры, которые в то время в большинстве своем были буржуазными, присоединятся к нему. Вот, что он думал, говоря мне: "У меня есть еще одна стрела в колчане и это будет тот момент, когда даже такие, как Нейрат, Гюртнер и Зельдте, должны будут последовать за мной". Я ответил тогда Шахту, что я сомневаюсь в том, что вообще состоится такое заседание кабинета. Я считал, что все шаги по устранению кого-либо будут гораздо более простыми. Шахт не поверил мне и сказал, что он обязательно добьется одного, а именно того, что кабинет будет вынужден говорить об этом, и, таким образом, в Германии создастся такая же напряженная ситуация, как в феврале 1938 года во время кризиса Фрича. Следовательно, он рассчитывал на радикальное изменение состава кабинета и на выступление генералов, которое было бы, таким образом, облегчено в психологическом отношении.

ДИКС: Вы сказали вначале, что Шахт не надеялся на путч генералов. Каких генералов он здесь подразумевал и что он вообще подразумевал при этом?

ГИЗЕВИУС: Шахт подразумевал при этом первую попытку путча в мае - сентябре 1938 года, когда мы переживали кризис в связи с войной против Чехословакии. Уходя в отставку, Бек уверил нас, а именно: Гёрделера, Шахта и других политических деятелей, что он оставляет преемника, еще более энергичного, чем он сам, который твердо решил организовать путч в том случае, если Гитлер начнет войну. Этот человек, на которого надеялся Бек и которого он нам представил, был генерал Гальдер. Действительно, генерал Гальдер сразу же после вступления в должность завязал переговоры на эту тему с Шахтом, Гёрделером, Остером и всей нашей группой. Он через несколько дней пригласил к себе Остера и сообщил ему, что, по его мнению, дело идет к войне и что в таком случае он произведет государственный переворот. Он спросил Остера, что тот, со своей стороны, предпринял для того, чтобы вовлечь в заговор также и гражданских лиц.

ДИКС: О каких гражданских лицах шла речь, кроме Шахта и Гёрделера?

ГИЗЕВИУС: Об этом как раз и спросил Гальдер Остера. И Остер в тот момент, когда у нас был такой маленький кружок, дал ему точные сведения. Он сказал, что ему известны только два гражданских лица, с которыми Гальдер может вести предварительные политические переговоры - Гёрделер и Шахт. Гальдер отказался говорить лично с таким подозрительным человеком, как Гёрделер. Он обосновал это тем, что для него будет слишком опасным принять человека, которого он сегодня еще не знает, в то время, как он может найти какие-нибудь служебные мотивы для переговоров с Шахтом. Гальдер попросил Остера быть посредником и помочь ему встретиться с Шахтом. Остер через меня обратился к Шахту. Шахт был согласен. Встре-

9587

H1199 – 0118

H1199-0119

титься они должны были где-то у третьих лиц.Я предостерегал Шахта,говоря ему: "Пригласите Гальдера к себе в квартиру для того,чтобы Вы могли быть совершенно уверены". В конце июля 1938 года Гальдер лично посетил Шахта в его квартире и сообщил ему,что скоро начнется война. Он,Гальдер,хочет организовать путч и спрашивает Шахта, готов ли тот помочь ему,как руководителю в политическом отношении.Мне об этом рассказал тогда Шахт, а Гальдер рассказал это Остеру.

ДИКС: А Остер сообщил Вам?

ГИЗЕВИУС: Да, я был постоянным посредником в этих переговорах. Шахт ответил,как он говорил мне, сразу же после этого визита Гальдера,что он готов на все,если только генералы решатся устранить Гитлера. Гальдер пригласил к себе на следующее утро Остера,рассказал ему об этой беседе и спросил Остера, все ли подготовлено для путча по полицейской линии. Остер предложил Гальдеру переговорить об этом лично со мной. Темной ночью мы долго беседовали с Гальдером об этом путче. Я думаю,что будет важно здесь также рассказать о том,что мне тогда говорил Гальдер о своих намерениях. Сначала Гальдер заверил меня в том,что он не сомневается, в отличие от многих других генералов,что Гитлер хочет войны. Гальдер описал мне Гитлера, как кровопийцу,и сослался при этом на кровавую баню 30 июня. Но в то же время Гальдер заявил мне,что, к сожалению,неимоверно трудно об'яснить генералам и, в особенности молодым офицерам,действительные намерения Гитлера, так как офицеров убедили,что дело идет только о грандиозном блефе,что армия может быть уверена в том,что Гитлер не хочет войны, а лишь хочет оказать дипломатическое давление больших масштабов. Поэтому Гальдер считал крайне необходимым доказать самому последнему

офицеру, что Гитлер не блефует, а что он действительно отдал приказ начать войну. Гальдер решил тогда, что для того, чтобы раз'яснить это немецкому народу и офицерству, следует даже примириться с началом войны. Но даже тогда Гальдер боялся мифа о Гитлере; поэтому он предложил мне в день начала войны бросить в Гитлера бомбу и об'явить немецкому народу, что Гитлер погиб в своем поезде в результате бомбового налета противника. Я ответил тогда Гальдеру, что, может быть, я слишком молод, но все же я не могу понять, почему он не хочет сказать немецкому народу, хотя бы позднее, что сделали немецкие генералы. Гальдер после этого целую неделю не давал о себе знать. Кампания прессы против Чехословакии принимала все более угрожающие формы. Мы чувствовали, что через несколько дней или недель начнется война. И в этот момент Шахт решился еще раз посетить Гальдера в его собственной квартире и спросить его напрямик. Я считал необходимым, чтобы при этом был какой-либо свидетель и поэтому пошел вместе с Шахтом. У меня было впечатление, что Гальдер не был слишком обрадован присутствием свидетеля. Гальдер вторично подтвердил, что он твердо решил начать путч, но опять-таки он сказал, что хочет подождать того момента, когда немецкий народ получит доказательство воинственных замыслов Гитлера, а это будет тогда, когда он получит приказ начать войну. Шахт указал Гальдеру на несомненную опасность такого эксперимента. Он раз'яснил Гальдеру, что нельзя начинать войну лишь для того, чтобы уничтожить легенду о Гитлере в немецком народе. После подробного и очень взволнованного разговора Гальдер заявил, что он готов начать путч не после официального об'явления войны, а в тот момент, когда Гитлер даст армии окончательный приказ о

9509

H1199 – 0120

H1199-0121

выступлении. Мы спросили Гальдера, будет ли он в состоянии тогда руководить делом и не поразит ли его Гитлер каким-нибудь неожиданным ударом. Гальдер ответил тогда буквально следующее: "Нет, меня он не сможет обмануть. Планы генерального штаба мною составлены так, что я буду знать за 48 часов до того, как это совершится". Я считаю, что это важно, так как впоследствии промежуток времени между приказом о выступлении и действительным его началом был значительно сокращен. Гальдер заверил нас, что он, кроме переворота в Берлине, подготовил еще танковую дивизию в Тюрингии под командованием генерала Гёппнера, которая должна будет остановить эсэсовский полк телохранителей, находящийся в Мюнхене, в том случае, если он пойдет на Берлин. Несмотря на то, что Гальдер нам все это сказал, у меня и у Шахта от этой беседы остался неприятный привкус. Дело в том, что Гальдер сказал Шахту, что он, Шахт, хочет заставить его преждевременно начать путч; я и Шахт считали, что Гальдер в самый последний момент может обмануть. Мы сейчас же сообщили Остеру о наших неблагоприятных впечатлениях и сказали ему, что необходимо сделать что-либо для того, чтобы привлечь на свою сторону еще какого-нибудь другого генерала на тот случай, если Гальдер в последнюю минуту не начнет действовать. Остер согласился. Такова предистория того, как генерал-фельдмаршал фон Вицлебен впервые вступил в наш заговор.

ДИКС: Кто привлек фон Вицлебена?

ГИЗЕВИУС: Шахт. Остер пошел к Вицлебену и рассказал ему все, что произошло. Затем Вицлебен пригласил меня к себе, я заявил ему, что, по моему мнению, положение дел в полиции таково, что он, как генерал, командующий берлинским корпусом, вполне может начать путч. Вицлебен спросил меня так,

как спрашивал нас каждый генерал, - правильно ли,что из-за какого-то дипломатического инцидента на Востоке дело дойдет до войны, или правы Гитлер и Риббентроп,которые все время конфиденциально говорили генералам,что существует негласное соглашение с западными державами о предоставлении Германии свободы рук на Востоке. Вицлебен заявил, что,если действительно существует такое соглашение, то он,разумеется, не может начать путча. Я заявил Вицлебену,что только Шахт может ответить на этот вопрос, так как ему хорошо известен англо-саксонский образ мышления. Было условлено,что Вицлебен встретится с Шахтом; Вицлебен взял с собой своего дивизионного генерала фон Брокдорфа, который должен был лично проводить этот путч. Вицлебен, Брокдорф и я поехали вместе на дачу к Шахту. Там мы беседовали в течение часа.Эта беседа окончилась тем, что Вицлебен был убежден Шахтом в том, что западные державы ни в коем случае не откроют Германии путь на Восток и что теперь наступил конец гитлеровской политике неожиданностей. Вицлебен решился после этого,со своей стороны, независимо от Гальдера,сделать все приготовления, необходимые для дальнейших действий. Он дал мне подложные документы и включил меня в командование военного округа для того,чтобы я, находясь под его личной защитой,мог ~~бы~~ провести полицейскую и политическую подготовку, необходимую для этого путча. Он откомандировал генерала Брокдорфа и я об'ехал с ним в Берлине все районы, которые он должен был занять со своей потсдамской дивизией. Г-жа Штрюнк сидела за рулем и мы, как туристы, осматривали все и определили то,что было необходимо.

ДИКС: Это-свидетельница Штрюнк.Простите,что я Вас перебил.

9511

H1199-0122

H1199-0123

ГИЗЕВИУС: Я должен,мне кажется,еще сказать,почему сотрудничество Вицлебена было так необходимо.Не так-то было легко найти генерала,который действительно мог заставить свои войска действовать. Например,которые генералы в провинции не могли заставить свои войска выступить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, неужели необходимо в таких деталях обсуждать вопрос о том,зачем надо было привлечь генерала Вицлебена?

ДИКС: Все эти причины включения Вицлебена,может быть, не нужны для нашего дела и мы можем оставить эту тему. /Обращаясь к свидетелю/. Скажите,пожалуйста,доктор Гизевиус, был ли Шахт все время в курсе тех военных и полицейских подготовительных мероприятий,о которых Вы говорили?

ГИЗЕВИУС: Да, Шахта все время информировали. Мы встречались по вечерам в квартире Вицлебена и я показывал все планы, которые я в письменной форме вырабатывал за день.Мы обсуждали все детали.

ДИКС: Скажите,наряду с упомянутыми Вами полицейскими и военными мероприятиями играли роль также и политические мероприятия?

ГИЗЕВИУС: Да,безусловно. Мы должны были детально разработать то,что необходимо было сказать в данном случае немецкому народу. Конечно,были также мероприятия,которые мы должны были провести во внешне-политическом отношении.

ДИКС: Что это значит "во внешне-политическом отношении"? Значит ли это,что министерство иностранных дел имело к этому отношение?

ГИЗЕВИУС: Очень трудно говорить об этих вещах; трудно говорить о сотрудничестве с заграницей во время войны или непосредственно накануне войны,так как это весьма спорная

проблема. Если Вы хотите говорить со мной об этом,то не менее важно,чем сроки и даты,указать на причины,почему велись такие переговоры с заграницей.

ДИКС: Я думаю, что Трибунал разрешит Вам осветить эти мотивы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю,что выражу мнение Трибунала,если скажу,что Трибунал полагает,что Вы слишком детально рассматриваете все эти вопросы. Трибунал готов воспринять показания данного свидетеля,как правдивые; согласно этим показаниям, Шахт в то время вел переговоры с ним и с генералом Вицлебеном с целью предотвратить войну.И мне кажется, что Вы не сможете доказать этого,прибегая к многочисленным подробностям этих переговоров,которые,кстати сказать, не являются такими уж важными.

ДИКС: Мне кажется, что следует осветить всю серьезность и интенсивность этой заговорщической деятельности.Мне кажется,что недостаточно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но Вы уже с 10 часов утра занимаетесь этим.

ДИКС: Милорд, я сейчас исхожу из интересов Шахта.Должен ли свидетель изложить политическую историю Шахта и тем самым...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сейчас напомнили,что Вы сказали в прошлый раз,что у Вас это займет только полчаса.Вы помните это? Или может быть это было неправильно переведено.

ДИКС: О,нет, это большое недоразумение. Я сказал,что, если я сейчас должен начать и закончить кризис Фрича,то это займет у меня полчаса, т.е. кризим Фрича.

Господа судьи, дело обстоит так.Сейчас освещается история политической оппозиции,в которой Шахт играл руководящую

H1199 – 0124

H1199 – 0125

роль. И если подсудимый Геринг, или кто-либо другой имел возможность осветить со своей точки зрения все эти события, причем тратил на это целые дни, то я считаю, что справедливость требует, чтобы люди, которых в этом деле представляет Шахт, люди, боровшиеся в условиях страшного террора против этого режима, тоже имели право осветить в деталях историю своего оппозиционного движения. Я не хочу никаких излишних показаний. Я очень прошу Трибунал дать возможность свидетелю рассказать о мероприятиях заговорщиков - Бека, Шахта, Канариса и других. Уверяю Вас, что я считаю это крайне важным. Я предполагаю, милорд, что если это не будет сделано сейчас, то Обвинение будет задавать соответствующие вопросы во время перекрестного допроса, и считаю, что сейчас это займет меньше времени, чем при перекрестном допросе Обвинением, т.к. сейчас это связано со всей данной темой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, Трибунал не намеревается указывать Вам, как Вы должны вести Ваше дело. Но, однако, Трибунал указывает, что Вы должны произвести это в возможно короткий срок и без ненужных деталей.

ДИКС: Вы можете быть в этом уверены.

Итак, господин свидетель, Вы здесь говорили о "внешне-политических мероприятиях". Вы хотели осветить мотивы, которые побудили некоторых из вас установить связь с заграницей для того, чтобы и за границей Ваша оппозиция нашла поддержку. Продолжайте, пожалуйста.

ГИЗЕВИУС: Я хотел бы ограничиться лишь заявлением о том, что, начиная с этого момента, велись очень серьезные переговоры с заграницей для того, чтобы сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать началу войны, ее затягиванию или распространению. Но, так как я не имею возможности говорить

здесь о мотивах в этом очень щекотливом деле,которое в Германии рассматривалось бы как измена родине,я ограничусь тем, что скажу,что эти переговоры действительно имели место.

ДИКС: Я не понял Трибунал в том смысле,что он запретил Вам говорить об этих мотивах. Вы можете говорить об этих мотивах.

ГИЗЕВИУС: Отдавая должное моей совести и,прежде всего, погибшим, я должен заявить,что здесь мы находились в некотором противоречии. Мы знали,что нас будут обвинять в том, что мы вели тайные переговоры с заграницей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибуналу,конечно,известно,что этого нельзя было делать, не подвергаясь опасности.Однако мы здесь не для того,чтобы беседовать о людях,расставшихся с жизнью. Мы сейчас рассматриваем дело Шахта и все относящееся к этому делу.

ДИКС: Вы неправильно поняли свидетеля. Он не хочет говорить о людях, которые поплатились своей жизнью, он не хочет говорить об опасностях,которые стояли на их пути; он хочет лишь говорить о том,какие они испытывали душевные конфликты, заключая и ведя эти переговоры. Я считаю, что это нужно разрешить свидетелю,раз он касается здесь,перед лицом всей общественности, этого очень деликатного дела. Я прошу об этом. Иначе свидетель сейчас ограничится лишь общими замечаниями,которые для защиты будут недостаточны; я думаю, что обвинение будет задавать об этом вопросы при перекрестном допросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Постарайтесь перейти к сущности вопроса; мы не можем сказать, о чем он еще хочет говорить, мы можем только сказать то, о чем он говорит.

ДИКС: Итак, пожалуйста, кратко расскажите о тех мотивах,

H1199-0126

H1199 – 0127

которые побудили к установлению таких связей с заграницей, и о самой связи.

ГИЗЕВИУС: Господин председатель, это не только вопрос совести, дело в том, что некоторые из этих людей до сих пор живы, и они могут подвергнуться несправедливым обвинениям; поэтому я должен сказать, касаясь переговоров с заграницей, что даже в нашем узком кругу друзей не было единого мнения по вопросу о границах допустимого в этих переговорах. Одни расширяли, а другие старались сузить эти границы. Например, я обязан памяти покойного адмирала Канариса опровергнуть многочисленные неправильные сообщения прессы. Я должен заявить, что Канарис отрицательно относился к установлению связи с заграницей. Я должен сказать, что все то, что я здесь говорю, не должно быть отнесено к людям, имена которых я здесь назвал. Вот почему я и хотел сделать это предварительное заявление. Я хотел также сказать, что наши друзья, устанавливавшие эти связи, вовсе не считали себя изменниками. Мы просто чувствовали себя обязанными предпринять эти шаги.

ДИКС: Что же произошло далее?

ГИЗЕВИУС: Произошло следующее. Сразу же после того, как Гитлер заявил о своем желании начать войну с Чехословакией, наши друзья все время старались информировать английское правительство, как об этом намерении, так и об окончательном решении. Эти шаги начались с того, что весной 1938 г. Гёрделер поехал в Лондон, где он сообщил о существовании оппозиционной группы, которая готова на все. От имени этой оппозиционной группы английское правительство было информировано о ходе дел и о том, что необходимо сделать ясным для немецкого народа и для генералов, что переход чешской границы явится для западных держав основанием для войны. Когда кризис приблизил-

ся к кульминационному пункту и когда мы подготовили все для путча, мы предприняли обычный по форме и по содержанию шаг и оповестили английское правительство о том, что в дипломатических переговорах, которые должны были состояться, речь будет итти не о Судетской области, как утверждал Гитлер, а что Гитлер намеревается занять всю Чехословакию; если английское правительство останется твердым, мы могли поручиться, что дело не дойдет до войны. Таковы были наши попытки обеспечить себе и с внешней стороны некоторую поддержку в наших стараниях психологически подготовить путч.

ДИКС: Итак, мы переходим к сентябрю 1938 г. и к кризису, который привел к Мюнхену. В чем заключалась деятельность группы заговорщиков в это время?

ГИЗЕВИУС: Чем ближе кризис подходил к Мюнхену, тем больше мы старались убедить Гальдера начать без промедления путч. Когда позиция Гальдера стала не совсем ясна, Вицлебен провел всю подготовку сам. Я сейчас опишу два последних драматических дня.

27 сентября стало совершенно ясно, что Гитлер хочет пойти на все. Для того, чтобы духовно подготовить немецкий народ к войне, он устроил в Берлине парад войск. Вицлебен должен был руководить этим парадом. Но парад оказал прямо противоположное действие. Население, думая, что войска идут на войну, открыто проявило свое недовольство. Войска не видели никакого ликования, а видели лишь сжатые кулаки. Гитлер наблюдал все это из окна имперской канцелярии; он рассвирепел, отошел от окна и сказал: "С таким народом я не могу воевать". Вицлебен вернулся домой возмущенным и сказал, что он бы с удовольствием открыл огонь по толпе. На следующее утро...

ДИКС: Позвольте, это Вам сказал Вицлебен, что он хотел

9517

H1199 – 0128

H1199-0129

бы открыть огонь по толпе?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДИКС: Скажите, откуда вам известно о словах Гитлера, сказанных им, когда он уходил с балкона?

ГИЗЕВИУС: Об этом говорили все в имперской канцелярии.

ДИКС: Продолжайте.

ГИЗЕВИУС: На следующее утро /это было 28 числа/ мы решили, что представилась возможность для путча. В это утро мы узнали, что Гитлер отклонил последнее предложение английского премьер-министра Чемберлена и отослал посредника Вильсона с отрицательным ответом. Вицлебен получил письмо с этим сообщением и поехал с ним к Гальдеру. Он считал, что это достаточное доказательство того, что Гитлер хочет начать войну. Гальдер согласился с этим и отправился к Браухичу, а Вицлебен ожидал его в его комнате. Гальдер возвратился через несколько минут и сказал, что Браухич также считает, что нужно начать действовать; он хочет лишь поехать в рейхсканцелярию для того, чтобы убедиться в том, что Вицлебен и Гальдер правильно описали ему положение вещей. Итак, Браухич поехал в имперскую канцелярию после того, как Вицлебен по телефону заявил, что все готово. Это было 28 сентября в полдень, когда неожиданно последовало вмешательство Муссолини и Гитлер под влиянием Муссолини согласился поехать в Мюнхен, так что в последний момент выступление было отменено.

ДИКС: В результате Мюнхенского соглашения?

ГИЗЕВИУС: Само собой разумеется.

ДИКС: Ну, хорошо, Мюнхенские события прошли; что же было дальше с вашей группой заговорщиков?

ГИЗЕВИУС: Мы были в весьма подавленном состоянии и были уверены, что Гитлер в самое ближайшее время пойдет на все.

Мы не сомневались в том, что Мюнхен является сигналом для мировой войны. Часть наших друзей стала подумывать об эмиграции, об этом говорили с Гёрделером и Шахтом. Гёрделер послал по этому поводу одному из наших политических друзей в Америку письмо,в котором он спрашивал, должны ли оппозиционеры эмигрировать? Гёрделер говорил,что существует только одна возможность, а именно - применить методы Талейрана для того,чтобы вообще быть в состоянии вести политическую работу в Германии. Мы решили выждать, и затем развернулись события от еврейских погромов до захвата Праги.

ДИКС: Прежде чем перейти к Праге,Вы здесь говорите об еврейских погромах, + очевидно, имея в виду ноябрь 1938 года? Скажите,знаете ли, или помните Вы что-либо о том,как относился Шахт к этим событиям?

ГИЗЕВИУС: Шахт был возмущен еврейскими погромами. Он выразил свое возмущение в публичной речи, которую он произнес перед работниками имперского банка.

ДИКС: Я позднее представлю эту речь как документ и процитирую ее. Как дальше развертывались события? Мы дошли до конца 1938 года. Скажите, были ли на политическом горизонте еще какие-либо события,которые стимулировали деятельность заговорщиков?

ГИЗЕВИУС: Дело дошло до отставки Шахта с поста председателя имперского банка. Желание Шахта,чтобы имперский кабинет рассматривал этот вопрос, не было выполнено.Наша надежда на министерский кризис оказалась тщетной.Таким образом, наша оппозиционная группа не могла начать действовать, и мы должны были выжидать дальнейших событий в связи с захватом Праги.

H1199-0130

H1199 – 0131

ДИКС: Вы здесь говорите об отставке Шахта с поста президента рейхсбанка. Знаете ли вы что-либо более подробно об этом; чем это сопровождалось,каково было ее влияние на Шахта и т.д.?

ГИЗЕВИУС:Я был свидетелем того,как составлялись различные письма и меморандумы правления рейхсбанка,как они все более смягчались и как произошла отставка.Через несколько минут после получения от Гитлера письма об отставке Шахт прочел мне его. Он был страшно возмущен содержанием этого письма; он перечитывал мне те места, где Гитлер благодарил его за содействие вооружениям Германии, и Шахт говорил: "Теперь он хочет публично об'явить меня соучастником своей военной политики".

ДИКС: Но Шахт ведь остался министром без портфеля.Обсуждали ли вы с Шахтом вопрос о том,должен ли он был остаться или должен был поступить иначе?

ГИЗЕВИУС: Да, он неоднократно говорил о своей отставке. Он говорил об этом с Ламмерсом и я думал,что Ламмерс отвечал ему на это, как обычно.

ДИКС: Что же, Шахт считал,что ему необходимо остаться, что он вынужден остаться?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДИКС: Вы хотели уже несколько раз начать говорить о Праге. Скажите, как это повлияло на заговорщиков и на Шахта?

ГИЗЕВИУС: С декабря наша группа располагала точными доказательствами того,что Гитлер хочет напасть на Прагу в марте месяце. Эта операция была цинично названа "Мартовским вихрем". Так как об этом говорилось очень открыто в берлинских кругах, мы надеялись, что сведения об этом проникнут в английское и во французское посольства.Мы были твер-

до убеждены,что здесь уже будет невозможен какой-либо неожиданный успех. Но Гальдер придерживался другого мнения. Он считал,что западные державы открыли Гитлеру дорогу на Прагу. Он отказался от предшествующих переговоров и хотел дождаться того,будет ли Прага захвачена без боя.И это произошло именно так.

ДИКС: Вы уже говорили о том,что Вы делали для того, чтобы осведомить английское и французское посольства.Вы хотите еще что-либо сказать?

ГИЗЕВИУС: Нет,я сказал, что мы не предпринимали никаких шагов.

ДИКС: Ну, хорошо, события,связанные с Прагой,прошли, Вы поехали с Шахтом в Швейцарию для выполнения заданий Вашей группы? Верно это?

ГИЗЕВИУС: Не только с Шахтом,но и с Гёрделером.

Мы считали,что Шахт в Германии...Извините,я ошибся.Я хотел сказать,что захват Праги окажет огромное психологическое влияние в Германии. Для заграницы пражские события послужили сигналом тому,что с Гитлером нельзя заключать никакого мира и никакого договора. Мы должны были,к сожалению, констатировать,что народ и генералы в Германии были убеждены в том, что Гитлер может сделать все,что он захочет, и никто не остановит его,т.к. его охраняет само провидение. Это нас встревожило.

Мы видели,с одной стороны, что западные державы больше уже не будут терпеть. С другой стороны,мы видели, что в Германии растет иллюзия о том, что западные державы не вступят в войну. Мы видели,что войну можно предотвратить только в том случае,если западные державы не только министру иностранных дел Гитлеру,но и всему немецкому народу

H1199 – 0132

H1199 – 0133

всеми средствами пропаганды недвусмысленно покажут,что каждый дальнейший шаг на восток означает начало войны.Это казалось нам единственной возможностью предостеречь генералов и побудить их начать путч,и это послужило материалом для бесед во время моей поездки в Швейцарию вместе с Шахтом и Гёрделером сразу же после захвата Праги.

ДИКС: С кем велись эти беседы?

ГИЗЕВИУС: Мы встретились с человеком,который имел прочные связи с английским и французским правительствами. Этот человек подробно информировал западные державы,в особенности,французское правительство. Я могу это доказать,т.к. мы нашли после захвата Парижа копии этих докладов в секретных бумагах Даладье.Этот человек получил от нас исчерпывающие сведения о том,что не позднее осени начнется борьба за Данциг. Мы сказали,что мы, будучи хорошими немцами,считаем,что Данциг является немецким городом и что когда-нибудь этот вопрос нужно будет обсудить. Мы лишь предостерегали от ведения переговоров изолированно об одном Данциге, ибо Гитлер хочет не только Данцига - он хочет всю Польшу; он хочет не только Польшу,он хочет также и Украину. Поэтому иностранная пропаганда должна была раз'яснить Германии,что теперь предел достигнут,и что западные державы начнут действовать. Мы сказали,что только в этом случае у нас была бы возможность начать путч.

ДИКС: В этом смысле и была передана информация названным Вами доверенным лицом?

ГИЗЕВИУС: Да, он передал информацию и я должен сказать, что вскоре с английской стороны через прессу,через радио, в палате общин и т.д. начали рассеивать сомнения,имевшиеся на этот счет у германского генералитета и немецкого народа. С английской стороны были приняты все усиливавшиеся меры

для того,чтобы заставить встрепенуться немецких генералов.

ДИКС: Не встретился ли Шахт тогда в Швейцарии со своим другом Монтегью-Норманом и не говорил ли с ним в таком же духе? Вы знаете это,Вы присутствовали при этом?

ГИЗЕВИУС: Да. Мы считали,что Шахту не следует упускать этой возможности поговорить с доверенным лицом Чемберлена; Шахт беседовал с ним и подробно рассказал ему о психологической ситуации,которая создалась в Германии после захвата Праги,а также просил его, чтобы английское правительство раз'яснило свою позицию.

ДИКС: Скажите, не обращались ли Вы тогда к заграницe с советом противопоставлять немецкий народ нацистам?

ГИЗЕВИУС: Да,таков был тон всех наших разговоров. Мы хотели,чтобы немецкому народу было раз'яснено,что западные державы не выступают против Германии,они выступают лишь против нацистской политики неожиданностей и нацистских террористических методов как внутри страны, так и заграницей.

ДИКС: Итак, Вы вернулись из Швейцарии. Что случилось затем,в частности, с Шахтом?

ГИЗЕВИУС: Мы увидели, что в Германии дело все быстрее идет к августовскому кризису, что генералы все еще убеждены,что Гитлер лишь блефует и будет опять что-либо вроде Мюнхена или Праги. Мы начали предпринимать все возможное для того,чтобы повлиять на генералов и в особенности на Кейтеля, чтобы предотвратить войну с Польшей.

ДИКС: Возвратимся к Шахту. Вы возвратились из Швейцарии,это было весной 1939 года. Вам известно,что Шахт затем покинул Германию и поехал в Индию?

ГИЗЕВИУС: Да, он поехал в Индию и думал остаться там как можно дольше для того,чтобы поехать в Китай. Но в пути

9523

H1199 – 0134

H1199 – 0135

он получил приказ Гитлера,запрещавший ему высаживаться в Китае; он должен был возвратиться и, насколько я помню,за несколько дней до начала войны прибыл в Германию.

ДИКС: Вы говорили о Китае; скажите,симпатизировал ли Шахт Чан-Кай-Ши,несмотря на союз с Японией?

ГИЗЕВИУС: Да, он очень симпатизировал китайскому правительству,как и весь наш кружок. У нас были очень хорошие, милые китайские друзья,с которыми мы старались поддерживать связь, несмотря на союз с Японией.

ДИКС: Когда,примерно,Шахт вернулся из Индии?

ГИЗЕВИУС: Я думаю, что в начале августа,но не могу...

ДИКС: Итак,дело шло к войне. Скажите,Шахт до начала войны предпринимал что-либо,чтобы избежать этой войны?

ГИЗЕВИУС: Да,он предпринимал многое в этом направлении, но эти шаги нельзя описать изолированно,т.к. тогда создастся впечатление,что только один Шахт предпринимал такие шаги.

В действительности дело обстояло так: боролась большая группа; каждый делал все возможное в своей области и каждый информировал другого о своих действиях и о том,что следовало бы еще предпринять другому. Поэтому я боюсь,что создалось бы неправильное впечатление,если бы я изолированно начал говорить о всех этих отчаянных попытках,начиная с августа 1939 г. до нападения на Голландию и Бельгию,заострял внимание только на Шахте.

ДИКС: Трибунал уже принял к сведению,что не следует понимать это как деятельность Шахта. Но здесь ведь разбирается дело Шахта и поэтому я прошу Вас рассказать о действиях Шахта.

ГИЗЕВИУС: В таком случае я должен сказать,что Шахт был

осведомлен о многих других вещах и в известном смысле был их соучастником. О нем самом в данный момент я могу лишь сказать,что Шахт был одним из составителей меморандума Томаса генералу Кейтелю и двух меморандумов,в которых он вместе с нашей группой указал Кейтелю на все опасности войны. Далее, Шахт через Томаса и Канариса предпринимал шаги для того,чтобы ускорить действия Гальдера и Браухича. Но я должен подчеркнуть,что все другие шаги, которые были предприняты Беком и Гёрделером,были предприняты с ведома Шахта и при непосредственном его сотрудничестве. Речь идет здесь о больших мероприятиях.

ДИКС: Скажите,сыграла какую-нибудь роль попытка Шахта в последний момент,в конце августа,через Канариса предстаявиться Браухичу в главной ставке?

ГИЗЕВИУС: Да. После неудачи двух меморандумов генерала Томаса,после того,как Томас попросил Кейтеля принять Шахта или Гёрделера,что тоже потерпело неудачу, Шахт попытался встретиться с Браухичем или Гальдером. Томас вторично посетил с этой целью генерала Гальдера. Но характерным было то,что в эти критические дни он не мог попасть к Гальдеру в кабинет, так как в приемной сидел генерал фон Штюльпнагель. Гальдер скрывался и лишь передал,что он не хочет видеть Шахта.В богатый драматическими событиями день 25 августа нами были предприняты дальнейшие шаги.Это-день, когда Гитлер отдал приказ о выступлении.

Как только мы получили сообщение о том,что Гитлер приказал Гальдеру выступать,Шахт и я встретились с Томасом и затем вместе с Томасом поехали к адмиралу Канарису для того, чтобы Томас и Канарис могли сопровождать Шахта в главную ставку в Цоссен,куда он направлялся без доклада,чтобы

H1199 – 0136

H1199 – 0137

поставить своим появлением там Браухича и Гальдера перед совершившимся фактом. Шахт хотел обратить внимание Браухича и Гальдера на то, что по действующей конституции перед началом войны нужно заслушать имперский кабинет; Браухич и Гальдер нарушили бы свою клятву, если бы они стали выполнять военный приказ без ведома соответствующих политических инстанций.

Вот в общих чертах то, что хотел сказать Шахт для того, чтобы мотивировать свой шаг.

Когда Томас и Шахт прибыли на Бендлерштрассе, Томас пошел к Канарису; это было около шести часов...

ДЖКС: На Бендлерштрассе находилось ОКВ. Это необходимо знать Трибуналу. "Бендлерштрассе" значит ОКВ... ОКХ.

ГИЗЕВИУС: Когда мы прибыли в ОКВ и долго ожидали внизу, на углу улицы, Канарис прислал нам Остера. Это как раз был тот момент, когда Гитлер внезапно между 6 и 7 часами сообщил Гальдеру об отмене приказа о выступлении. Высокий Суд помнит, что Гитлер, находясь под впечатлением нового вымогательства Муссолини, внезапно отменил приказ о выступлении. К сожалению, Канарис и Томас и все ваши друзья были под впечатлением этого и считали, что отмена приказа полностью погубила престиж Гитлера. Остер считал, что в истории войн не было еще такого случая, чтобы главнокомандующий отменил подобный приказ в результате нервного потрясения. Канарис сказал мне: "Теперь мир в Европе спасен на 50 лет, так как Гитлер потерял весь свой престиж в глазах генералов". Мы, поддавшись этому впечатлению, считали, что можно с уверенностью смотреть в будущее. Поэтому, когда Гитлер тремя днями позднее все же отдал приказ о выступлении, это было для нашей группы совершенно неожиданным. Остер позвал

меня в ОКВ. Шахт поехал со мной. Мы снова спросили Канариса, не может ли он опять устроить разговор с Гальдером и Браухичем. Но Канарис ответил мне: "Теперь уже поздно". В его глазах были слезы и он мне сказал: " Это - конец Германии".

ДИКС: Милорд, мы теперь переходим к войне и я думаю, что с войной мы покончим после обеда.

/Об'является перерыв до 14.00/.

9527

H1199 – 0138

H1199 – 0139

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 25 апреля 1946 года.

/Вечернее заседание/

/Прямой допрос свидетеля Гизевиуса д-ром Диксом. Продолжение/.

ДИКС: Господин доктор Гизевиус! Вы перед обеденным перерывом остановились на событиях, непосредственно предшествовавших войне, и я должен вначале, с тем, чтобы было понятно то, что последовало за этим, спросить Вас, какова была ваша деятельность во время войны?

ГИЗЕВИУС: В день начала войны я получил фальшивый приказ от генерала Остера и был призван в контрразведку. Но поскольку существовало указание о том, что все офицеры или другие сотрудники контрразведки перед призывом должны быть проверены гестапо и поскольку я никогда бы не получил разрешение на службу в контрразведке, то было использовано это средство и мне был просто вручен фальшивый приказ о моем призыве в контрразведку, и я остался потом в распоряжении Остера и Канариса, не неся, по существу, никаких служебных обязанностей.

ДИКС: Какова была заговорщическая деятельность вашей группы, состав которой Вы описали после начала войны? Кто руководил этой группой? Кто участвовал в ее деятельности и чем она занималась?

ГИЗЕВИУС: Немедленно после начала войны генерал-полковник Бек стал во главе всех оппозиционных группировок, которые вообще существовали в Германии, за исключением коммунистов, с которыми мы тогда не имели контакта. При этом мы исходили из того, что только генерал во время войны может быть руководителем такого заговора. И с другой

H1199 – 0140

стороны,деятельность Бека настолько выходила за рамки чисто военной деятельности,что он был именно тем человеком, который мог об'единить все группы, начиная с самых правых и кончая самыми левыми. Своим ближайшим помощником Бек назначил доктора Гердлера.

ДИКС: Таким образом, гражданскими лицами в этой группе только заговорщиков были,как раньше, так и потом,Шахт и Гердлер?

ГИЗЕВИУС: Нет. Я должен дополнить.Наоборот, все оппозиционные группы, которые до этого имели очень незначительный контакт друг с другом, в период войны об'единились.Особенно это относится к левым группам, которые в первые годы сильно уменьшились в своем составе, так как все их руководители были арестованы. В особенности эти левые группы примкнули к нашему гражданскому фронту. Я назову из них лишь Лейпцлера и доктора Карла Мюлендорфа. Но я должен назвать также и христианские профсоюзы во главе с Хаберманом и д-ром Якоб Кейзером. Дальше я должен упомянуть католические круги, руководителей конфессиональной церкви или таких политиков,как посол фон Кассель, статс-секретарь Планч, министр Попиц и многих,многих других.

ДИКС: Какова была позиция этих левых кругов, в частности,по вопросу о путче, о насильственном устранении Гитлера или даже о покушении, которое позже было осуществлено вашей группой?

ГИЗЕВИУС: Левые круги находились под очень сильным впечатлением от того,что легенда о покушении уже нанесла очень большой ущерб Германии и поэтому левые круги не хотели подвергать себя опасности того,чтобы потом сказали: Гитлер или германская армия потерпели поражение не на поле боя.Левые круги в течение многих лет придерживались того мнения,что немецкому народу во что бы то ни стало надо доказать, что милитаризм в Германии сам погубил себя,как

H1199 – 0140

H1199 – 0141

ни дорого обойдутся эти испытания немецкому народу.

ДИКС: Я уже представил Суду письмо, которое Вы, господин доктор, примерно в это время, в конце 1939 года, направили в Швейцарию Шахту нелегальным путем. Это письмо бывшему президенту Международного банка в Базеле, который стал позднее президентом главного Национального банка в Нью-Йорке. Этот человек имел большое влияние и личный доступ к президенту Рузвельту. До этого у меня было намерение до пред'явления доказательств по этому вопросу огласить это письмо сейчас, в связи с тем, что я во время дискуссии о допустимости доказательств уже сообщил основные моменты его содержания. Но у судьи Джексона еще не имеется книги документов Шахта и он заметил, что он не желает, чтобы я сейчас начал представление своих доказательств; в силу этого я отказываюсь от своего первоначального намерения огласить содержание всего письма. Я это сделаю при представлении моих доказательств. И только для того, чтобы напомнить свидетелю об этом письме, я указывал, что квинт-эссенция этого письма заключается в том, что Шахт сделал предложение президенту Фрэзеру.

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: У меня нет возражений против использования письма Шахта к Леону Фрэзеру, как письма одного банкира к другому, но если вы сказали, что г-н Фрэзер имел какое-то влияние на президента Рузвельта, Вы должны доказать это, а против зачтения письма у меня нет возражений.

ДИКС: Таким образом, это письмо от 14 января 1945 года. Я его оглашу не полностью, так как оно состоит из шести страниц. Его содержание...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какую дату вы назвали?

H1199 – 0142

ДИКС:У меня было не то письмо.Это письмо от 16 октября 1939 года. Это документ № 31 в моей книге документов. Шахт пишет Фразьеру,что сейчас самый подходящий момент для того,чтобы вместе с президентом Рузвельтом дать миру мир - это была бы победа,в том числе и победа Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это письмо написано Шахтом?

ДИКС: Да,это письмо Шахта - Фразьеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас есть доказательства в подтверждение этого письма ?

ДИКС: Если суд сочтет это желательным,то Шахт даст показания в отношении этого письма.Тогда я лишь спрошу свидетеля,правильно ли,что он нелегально переправил это письмо в Швейцарию? Ответьте,пожалуйста,на мой вопрос,господин свидетель.

ГИЗЕВИУС? Да, я в свое время переправил это письмо в Швейцарию и сдал его на почту.

ДИКС: Хорошо.Скажите,что было сделано вашей группой для того,чтобы достичь мира,или для того,чтобы повести борьбу против распространения войны? Проводила ли Ваша группа заговорщиков или оппозиционеров какие-либо внешнеполитические мероприятия в этом направлении?

ГИЗЕВИУС: Решающим для нас было: всеми средствами предотвратить распространение войны.Это распространение войны могло последовать за счет втягивания в нее Бельгии, Голландии и Норвегии.Мы хорошо знали,что если будет сделан хоть один шаг в этом направлении,то он будет чреват ужасными последствиями не только для Германии, но и для всей Европы.Таким образом мы всеми средствами хотели воспрепятствовать этому развязыванию войны на Западе.

Немедленно после окончания польской кампании Гитлер принял

H1199 – 0142

H1199 – 0143

решение о переброске своих войск с Востока на Запад и о подготовке нападения на Голландию и Бельгию путем нарушения нейтралитета этих стран.Мы думали, что если бы нам удалось предотвратить это ноябрьское нападение, то мы в наступающие зимние месяцы выиграли бы достаточно времени для того,чтобы убедить отдельных генералов,во главе с Браухичем и Гальдером и командующих фронтов,в том,чтобы они,по крайней мере, воспрепятствовали расширению войны. Однако Гальдер и Браухич уклонились от этого,заявив,что теперь уже слишком поздно,что теперь противник до последнего будет вести войну с Германией и уничтожит ее.Мы не придерживались этого мнения.Мы верили в то,что можно достичь еще почетного мира,причем под почетным миром я понимаю, что мы,разумеется, полностью искореним нацистское господство,что иностранные государства пожелают не уничтожения германского народа,а лишь обеспечения себя от нацистского террора.Для доказательства этого мы предприняли всевозможные шаги заграницей,и началом для этого или небольшим эпизодом из картины всех этих попыток было то письмо Шахта Фрезьеру,в котором идет речь о том,чтобы указать на то,что предстояли некоторые внутриполитические события и что если мы выиграем время,т.е.что если мы переживем еще зиму,то возможно мы сможем тогда побудить генералов к путчу.

ДИКС: Благодарю Вас. Разрешите прервать Вас на одну минуту.Я уже сейчас прошу разрешения указать суду,что свидетель ссылается на определенные строки этого письма и на указание,данное в них. Письмо написано на английском языке и у меня нет немецкого перевода,поэтому я должен прочитать одно предложение на английском языке.

"Тем легче будет повлиять на развитие существующего

H1199 – 0144

положения,чем скорее начнутся переговоры.Таково мое мнение!

/К микрофону подходит судья Джексон/.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Я хочу высказать возражение. Я не уверен, что Вы не поняли это.

Я считаю,что то, что Шахт имел в виду - это не тот вопрос, который должен быть обращен к этому свидетелю.Я ничего не буду иметь против,если Шахт об'яснит нам,что он именно имел в виду говоря таким витиеватым языком,но я не считаю, что этот свидетель может раз'яснить мысли Шахта,если он не имеет каких-либо сведений помимо того,что мы сейчас выяснили. Я бы не хотел быть слишком формальным,но мне кажется, что этот вопрос должен быть раз'яснен самим Шахтом.

ДИКС: Судья Джексон, безусловно, прав, однако, этот свидетель показал, что он нелегально переправил это письмо в Швейцарию. И я полагаю,что он обсудил с Шахтом содержание письма и потому был в состоянии изложить это в критических выражениях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он еще не говорил этого, он не говорил, что он видел письмо, он сказал,что он видел письмо только с виду.Он не говорил,что он видел письмо.

ДИКС: Пожалуйста, высказетесь по этому вопросу, свидетель, Вы когда-либо видели это письмо и знаете ли Вы его содержание?

ГИЗЕВИУС: Я прошу извинить меня, что я неясно выразился. Я участвовал в составлении этого письма, как в подготовке, так и в написании этого письма.

ДИКС: Я думаю,что судья Джексон в таком случае откажется от своих возражений.

ДЖЕКСОН: Да.

ДИКС: Итак,ответьте,пожалуйста, на мой вопрос: что следует подразумевать под этими критическими словами?

H1199 - 0144

H1199 – 0145

ГИТЕНИУС: Мы хотели указать, что мы в Германии стремимся содействовать развитию некоторых событий и что мы ждем ободряющих слов со стороны противника, я не хочу, однако, чтобы здесь возникли недоразумения. В этом письме было ясно указано на то, что президент Рузвельт за это время пережил очень много разочарований, связанных с действиями Германии, так что мы должны были просто просить его о том, чтобы он все же предпринял соответствующие меры. Ведь господин Рузвельт неоднократно предпринимал различные шаги на пути к миру.

ДИКС: Далее я попрошу Вас остановиться на действиях Ватикана.

ГИТЕНИУС: Наряду с этой попыткой установить контакт с Америкой, мы думали, что необходимо добиться заявления английского правительства. Поэтому мы стремились только к тому...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можно ли все еще получить подлинник этого письма или он только по памяти рассказывает?

ДИКС: Да, можно получить копию оригинала, Ваша честь, копию, подписанную лично Шахтом. Она здесь имеется, она сохранилась во время войны в Швейцарии и теперь привезена нам этим свидетелем из Швейцарии.

Итак, расскажите о "действиях Ватикана".

ГИТЕНИУС: Мы стремились всеми средствами предоставить генералу Гальдеру и генералу Ольбрихту доказательство того, что их тезис неправилен, что теперь нельзя вести переговоры о каком-либо достойном немецком правительстве. Мы думали, что необходимо избрать более надежный и верный путь. Папа римский лично старался помочь нам в этом, так как английское правительство по

правду не было уверено в том, существует ли вообще какая-либо группа в Германии, которая заслуживает доверия и с которой можно вести переговоры. Я вспоминаю, что вскоре после этого произошел инцидент в Венло, во время которого под предлогом того, что здесь действует какая-то оппозиционная немецкая группа на голландской границе, были убиты агенты английской разведки. Таким образом, нам необходимо было показать, что здесь имеется группа, которая честно прилагала все усилия и которая в данном случае сдержала бы свое слово при любых обстоятельствах. Мне кажется, мы с нашей стороны сдержали свое слово в отношении того, что мы обещали, мы совершенно откровенно заявив, что мы не можем выжать путч, точно так же, как мы раньше откровенно сказали, на что мы надеемся. Эти переговоры происходили в октябре-ноябре 1939 года. После этого они были возобновлены только весной и привели к заключению соглашения. Если меня спросят, я могу об этом рассказать.

ДИКС: Да, пожалуйста, расскажите о том, как закончились эти переговоры.

ГИТЕНИУС: Мне кажется, вначале следует указать, что в ноябре 1939 года генерал Гальдер действительно был одержим мыслью о путче и что эти планы путча опять провалились, так как Гитлер в последний момент отказался от наступления на Западе. Позиция Гальдера в то время, казалось, давала нам основание продолжать переговоры с Ватиканом. Было заключено так называемое джентльменское соглашение, на основании которого я считаю себя вправе заявить здесь, что мы представили генералам недвусмысленные доказательства того, что в случае падения гитлеровского режима следует добиться соглашения с немецким гражданским правительством.

H1199 – 0146

H1199-0147

ДИКС: Вы сами видели документы, господин доктор?

ГИЗЕВИУС: Имели место устные переговоры, которые были затем изложены в пространном отчете. Этот отчет был просмотрен послом Гассель и доктором Шахтом до того, как он был направлен Гальдеру через генерала Томаса. Гальдер был так поражен содержанием этого отчета, что он передал этот большой документ генерал-полковнику фон Браухичу. Браухич был весьма недоволен и грозил арестом посредника, т.е. генерала Томаса. Таким образом, эта акция сорвалась, хотя имела все шансы на успех.

ДИКС: Вы, господин доктор, уже показали...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, последняя запись в моей книге их гласит следующее: "Что мы знали, что если на Голландию, Бельгию и другие страны нападут, то это будет иметь очень тяжелые последствия. И поэтому мы вели переговоры с Гальдером и Браухичем, но они не были в состоянии помочь нам прекратить войну в то время. Мы хотели почетного мира, исключая всякую политику. Мы предприняли необходимые шаги. С тех пор, как я это записал у себя, я думаю, мы потратили целых 10 минут на подробности, которые абсолютно не имеют никакого отношения к дальнейшим переговорам. Если они предприняли все возможные меры, то какой смысл говорить о всех этих подробностях?

ДИКС: Да, Ваша честь, если свидетель может дать показания по столь важному вопросу, то защитник подсудимого должен всегда учитывать то, что люди, которые придерживаются другого мнения, скажут, что это лишь общие слова. Мы хотим знать факты, детали. Тогда я не могу отказаться от того, чтобы свидетель хотя бы в общих чертах, например, дал показания о том, что предпринимались попытки добиться выполнения планов этой группы через папу римского, если он скажет здесь, что результатом этих действий явился

обширный отчет, который был пред"явлен генерал-полковнику Браухичу и выше упомянутому...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я согласен с тем, что одно предложение относительно переговоров с Ватиканом действительно имело отношение к делу, а все остальное - ненужные подробности.

ДИКС: Мы закончили показания по этому вопросу, ваша честь. Вы уже показали, что намеченный на ноябрь путч не был осуществлен, так как не состоялось наступление на Западе. Поэтому мы не будем останавливаться больше на этом вопросе. Теперь я хотел бы Вас спросить; ваша заговорщическая группа не предпринимала никаких действий зимой, а в особенности весной, или в это время намечались и проводились в жизнь очередные планы?

ГИЗЕВИУС: Непрерывно предпринимались попытки повлиять на всех генералов, на которых можно было повлиять. Кроме Гальдера и Браухича, мы пытались установить связь с генералами танковых войск на Западе. Я вспоминаю о переговорах между Шахтом и генералом Геппнером.

ДИКС: Геппнером?

ГИЗЕВИУС: Геппнером. Точно также мы пытались оказать влияние на фельдмаршалом Рундштедта, Бока и Лееба. И здесь генерал Томас и генерал Канарис были посредниками.

ДИКС: Как реагировали на это генералы?

ГИЗЕВИУС: Когда надо было, они не дали своего согласия.

ДИКС: Теперь мы переходим к лету 1941 года. Ставка Гитлера-в Париже. Предстоит воздушное нападение на Англию. Как в это время и в последующее время выглядела деятельность Вашей группы?

ГИЗЕВИУС: После того, как был взят Париж, наша группа в течение многих месяцев осталась бар всякого влияния. Успех Гитлера вскружил голову всем, и нам стоило больших

9537

H1199 – 0148

H1199 – 0149

усилий всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами предпринять по крайней мере попытку для предотвращения бомбардировки Англии. Здесь опять-таки группа действовала совместно, сплоченно, и мы пытались через генерала Томаса и адмирала Канариса и других воспрепятствовать этому несчастью.

ДИКС. Если я Вас правильно понимаю, то, говоря о "группе", Вы имеете ввиду группу, которой руководил генерал Бек и в которой принимал также участие Шахт ?

ГИЗЕВИУС. Да.

ДИКС. В это время имела ли место в этом направлении какие-либо переговоры Шахта в Швейцарии ?

ГИЗЕВИУС. Это было несколько позже-в 1941 году. Во время этой поездки Шахта в Швейцарию он пытался добиться, чтобы как можно скорее начать мирные переговоры. Мы знали, что Гитлер планировал нападение на Россию, и мы знали, что нам необходимо предпринять все для того, чтобы, по крайней мере, воспрепятствовать еще и этому несчастью. Этой мыслью были проникнуты беседы Шахта в Швейцарии в то время. Я сам был посредником во время одной из таких бесед, которая имела место в Базеле с президентом "Базлер иллюстрирте цейтунг" м-ром Китриком, американцем. Я присутствовал на той беседе, в которой Шахт пытался,по крайней мере, высказать эту мысль: необходимо сделать все для того, чтобы начать переговоры о мире.

ДИКС. Я разрешу себе указать Трибуналу в этой связи на статью в газете "Базель Нахрихтен".Я остановливалась уже на этой статье, когда мы дискутировали относительно допущения документов в качестве доказательств. В ней речь идет об аналогичной беседе Шахта с американским экономом. Это - та же поездка, о которой говорит свидетель. Я во

время предъявления доказательств еще раз остановлюсь на этой статье.

/Обращаясь к свидетелю/: Итак, война продолжалась. По вопросу о предстоящей тогда войне с Россией Вы ничего не можете сказать ?

ГИЗЕВИУС. Я могу лишь сказать, что Шахт опять-таки знал о тех неоднократных попытках, которые мы предпринимали для того, чтобы предотвратить эту катастрофу.

ДИКС. Теперь мы переходим к периоду Сталинграда. Что предпринималось Вашей группой заговорщиков после этого критического момента войны ?

ГИЗЕВИУС. После того, как нам не удалось убедить "побеждающих" генералов в необходимости путча, мы попытались убедить их в необходимости этого путча в тот момент, когда они уже пережили эту великую катастрофу. Эту катастрофу, которая в Сталинграде нашла свое первое и ясное выражение, с декабря 1942 года во всех деталях предвидел генерал-полковник Бек. Немедленно мы приняли все меры для того, чтобы к моменту катастрофы, наступление которой можно было теперь высчитать с математической точностью, в то время, когда армия Паулюса была полностью разбита и должна была капитулировать, чтобы хотя к этому моменту организовать военный путч. Я сам в это время был вызван в Швейцарию и участвовал во всех переговорах и подготовке. Я могу засвидетельствовать только это, что в этот раз для подготовки путча действительно было сделано очень много. Была установлена связь с фельдмаршалами на востоке и с Видлебеном на западе. Однако и на этот раз события развивались иначе. Фельдмаршал Паулюс капитулировал вместо того, чтобы подать нам сигнал, который должен был принять Клюге, для того, чтобы начать путч на востоке.

ДИКС. К этому времени, очевидно, относится так назива-

9539

H1199 – 0150

H1199 – 0151

емое покушение Штауфенберга ?

ГИЗЕВИУС. Нет, это имело место немного позднее.

ДИКС. Тогда я хотел задать попутный вопрос: до сих пор Вы нам описывали цели группы, которой руководил генерал-полковник Бек, которого поддерживали Шахт, Герделер и другие, как цели организации путча, другими словами, движения, которое хотело свергнуть правительство. Не становятся ли теперь целью этого движения покушение на Гитлера ?

ГИЗЕВИУС. Да, с того момента, когда генералы эпизода оставили нас в решающий момент, мы убедились в том, что теперь путча нельзя достичь, и с этого момента мы предпринимали все шаги для того, чтобы добиться совершения покушения.

/К микрофону подходит д-р Латернзер, защитник генерального штаба и ОКВ/.

ЛАТЕРНЗЕР. Господин председатель. Я должен здесь заявить протест против показаний свидетеля. Свидетель д-р Гизевиус в своих показаниях обвиняет ту группу, которую я представляю. Эти показания, однако, отчасти даны в общих чертах, так что нельзя судить об отдельных фактах. Далее, он только что заявил, что фельдмаршалы на востоке оставили в решающий момент группу заговорщиков. Эти показания являются оценкой, которую дает им этот свидетель, но не фактами, которыми он должен ограничивать свои свидетельские показания. Поэтому я прошу ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Латернзер ...

ЛАТЕРНЗЕР. Господин председатель, я еще не закончил. Я хотел закончить тем, что я ходатайствую и прошу суд вынести решение о том, чтобы вычеркнуть из стенограммы заседания показания свидетеля, в которых он

утверждал, что генералы "оставили в решающий момент" группу заговорщиков,

ДИКС: Разрешите мне ответить на это возражение. Я не могу согласиться с мнением моего весьма уважаемого коллеги д-ра Латернера, которое заключается в том, что выражение "генералы оставили нас в решающий момент" - не основывается на фактах.

Председатель: Я думаю, что нет дальнейшей необходимости обсуждать этот вопрос. Этот вопрос не будет исключен из протокола, пока мы не обсудим его и доктор Латернер будет иметь возможность допросить свидетеля и добиться всех необходимых ему доказательств.

ЛАТЕРНЕР: Господин председатель! Однако, если мое ходатайство основывается на том, что свидетель дает показания, которые не входят в его компетенцию, как свидетеля, что он дает свою оценку этому, то эти показания свидетеля недопустимы и должны быть вычеркнуты из стенограммы заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если вы имеете в виду, что эти доказательства являются слухами, то это будет совершенно ясно Трибуналу; это не делает доказательства недопустимыми, и у Вас будет возможность подвергнуть его перекрестному допросу на эту тему.

ЛАТЕРНЕР: Господин председатель! Меня неправильно поняли. Я не обосновываю свое ходатайство тем, что свидетель сообщил то, что он знает по слухам, а я говорю, что это не изложение фактов, а оценка, которую дает свидетель, утверждая, что генералы на Востоке "оставили группу заговорщиков в решающий момент".

ДИКС: Разрешите мне кратко ответить на это, господ-

H1199 - 0152

H1199 – 0153

дин председатель одним предложением, что Если я с группой генералов договорился провести путч, а потом она отказалась от путча, то это факт, и этот факт я вполне могу выразить словами: "генералы оставили нас в решающий момент Я, конечно, могу сказать: "они не приняли участия в путче" но в этом нет никакой разницы. В обоих случаях - это факты; а не оценка действий. Он ведь не оценивает образ действий генералов с этической, военной или политической стороны. Он просто констатирует: "Они не хотели этого".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте Ваш допрос.

ДИКС: Таким образом, если я правильно помню, Вы хотели сказать как раз о том, что группа заговорщиков перешла от политики путча к подготовке покушения. Я правильно понял Вас?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДИКС: Можете ли Вы еще что-либо сказать по этому допросу?

ГИЗЕВИУС: Вы спросили меня о первых шагах, предпринятых в этом направлении, с тех пор, как генерал-полковник Бек оставил всякую надежду на то, чтобы привлечь еще хотя бы одного генерала к участию в путче. Тогда было сказано, что теперь ничего не остается, кроме как освободить от тирана Германию, Европу и мир путем покушения. Немедленно после принятия этого решения была начата подготовка покушения. Остер говорил с Лахузеном. Лахузен дал из арсенала, который находился в его распоряжении, бомбы. Бомбы были доставлены в ставку Клюге, в Смоленске, и всеми средствами пытались организовать покушение, которое сорвалось лишь потому, что при посещении фронта, которое предпринял Гитлер, бомба, заложенная в его самолете, не взорвалась.

Это было весной 1943 года.

ДИКС. Далее, в отделе контрразведки ОКВ произошло событие, которое сыграло большую роль в последующем развитии событий и отразилось на дальнейшем поведении Шахта, а также и на Вашем пребывании в Германии. Не хотите ли Вы показания по этому вопросу ?

ГИЗЕВИУС. Постепенно и Гиммлер узнал о том, что происходило в ОКВ, и по настоянию генерала СС Шелленберга было предпринято большое расследование по делу группы Канариса. Был назначен специальный комиссар. Уже в первый же день расследования Остер был отстранен от своей должности, а целый ряд его сотрудников были арестованы. Через короткий промежуток времени Канарис был также отстранен от должности... Я сам с тех пор не имел возможности проживать в Германии. Таким образом, эта группа, мероприятия которой до тех пор были в известной степени законспирированы, была ликвидирована.

ДИКС. В это время, в январе 1943 года, Шахт также был смещен с поста рейхсминистра без портфеля. С этого времени Вы встречались когда-нибудь с Шахтом ?

ГИЗЕВИУС. Да, я случайно в этот день был в Берлине и при мне им было получено это письмо об увольнении. Оно было написано в необычно резких выражениях. Я помню, что ночью меня попросили прибыть на дачу Шахта, а так как в этом письме было написано, что Шахт отстраняется от своего поста, мы совещались по вопросу о том, следует ли ожидать его ареста.

ДИКС. Я прошу господ судей вспомнить, что это письмо во время допроса Ламмерса было мною оглашено и предъявлено Ламмерсу. Я имею в виду здесь письмо об увольнении Шахта, подписанное Ламмерсом. Это письмо было уже оглашено и

9543

H1199 – 0154

H1199 – 0155

будет включено в мою книгу документов.

Таким образом, Вы были в Швейцарии. Но 20 июля 1944 года Вы были в Берлине... Как это произошло?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду 20 июля 1944 года?

ДИКС: Да, знаменитое 20-е июля. Мы приближаемся к концу допроса.

ГИЗЕВИУС: Через несколько месяцев после ликвидации группы Канариса-Остера вокруг генерала Ольбрихта нами была организована новая группа. Тогда полковник граф фон Штауфенберг присоединился к этой группе. Он взял на себя все функции Остера, когда после нескольких месяцев и неоднократных неудачных попыток переговоров, совещаний, в июле 1944 года это было, наконец, достигнуто, то я тайно вернулся в Берлин для того, чтобы принять участие в этих событиях.

ДИКС: Но во время этой попытки произвести покушение Вы не имели никаких непосредственных связей с Шахтом?

ГИЗЕВИУС: Нет, я сам тайно прибыл в Берлин и видел лишь Герделера, Бека и Штауфенберга и мы совершенно точно договорились, что на этот раз никакие гражданские лица, кроме Герделера, Лейшнера и меня, не будут заранее знать об этом покушении. Таким образом, мы надеялись избежать излишних жертв, которые неминуемы, когда об этом знают многие лица.

ДИКС: Теперь я перехожу к моему последнему вопросу: я хочу указать вам на то, что Шахт все же занимал выдающиеся посты в правительстве Гитлера. Вы,господин доктор,были,как вытекает из ваших сегодняшних показаний,смертельным врагом гитлеровского режима. Несмотря на это, вы,что тоже следует из ваших сегодняшних показаний,питали особое доверие к Шахту. Как вы об'ясняете этот сам по себе противоречивый факт?

ГИЗЕВИУС: Я могу в ответ на это, естественно,дать лишь свою личную оценку этому. Я хочу,как можно короче,сказать об этом. Однако,я хочу подчеркнуть,что в отношении Шахта не только я не раз задумывался над этим,но также и мои друзья.Шахт оставался для нас всегда вопросом,загадкой. Может быть,противоречивым существом этого человека об'ясняется то обстоятельство, что он так долго занимал этот пост в правительстве Гитлера. Безусловно, что он вошел в состав правительства Гитлера из патриотических побуждений и я хочу засвидетельствовать,что в тот момент,когда он окончательно разочаровался в Гитлере, из тех же патриотических побуждений,он решительно перешел на сторону оппозиции. Несмотря на многие противоречия и загадки, которые представлял для нас Шахт,нас привязывало к нему то,что он имел необычайное гражданское мужество и глубоко уважал основы нравственности и что он думал не только о Германии,но и об идеалах всего человечества. Поэтому мы шли вместе с ним и считали его нашим. И,если вы лично меня спросите,то я могу сказать, что от того сомнения, которое я часто питал по отношению к Шахту в период драматических эпизодов в 1938 и 1939 гг. я окончательно отказался.Он тогда действительно боролся, и этого я никогда не могу забыть. Я очень рад,что здесь я могу засвидетельствовать это.

ДИКС: Господа судьи, я на этом заканчиваю допрос этого свидетеля.

H1199 – 0156

H1199 – 0157

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли другие защитники поставить вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит доктор Бем, защитник СА/.

БЕМ: Господин свидетель, вы вчера заявили, что вы были членом "Стального шлема". Скажите, с какого и по какое время вы были его членом?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется, я вступил в "Стальной шлем" в 1929 году и в 1933 году я вышел из состава членов "Стального шлема".

БЕМ: Вы знаете характер идей организации "Стального шлема". Вы знаете, что это были почти исключительно те лица, которые принимали участие в первой мировой войне. И я хочу вас спросить, являлись ли внутренние и внешне-политические цели, которые преследовались членами "Стального шлема", легальными или они добивались их революционным путем?

ГИЗЕВИУС: Насколько я знаю, "Стальной шлем" всегда пропагандировал легальный путь.

БЕМ: Велась ли борьба "Стального шлема" против Версальского договора, борьба, которую вела всякая организация, имевшая национальные тенденции, велась ли эта борьба легальными средствами или революционными, другими словами, насильственными средствами?

ГИЗЕВИУС: Мне очень трудно давать показания по вопросу обо всем "Стальном шлеме". Но я могу лишь сказать, что мне и тем членам "Стального шлема", с которыми я соприкасался, было известно, что "Стальной шлем" хотел пойти по законному пути.

БЕМ: Правильно ли, что в 1932 и 1933 году сотни тысяч людей без различия партийной и национальной принадлежности вступили в "Стальной шлем"?

ГИЗЕВИУС: Это правильно. Чем сильнее обострялись собы-

тия в Германии,тем больше людей переходили в правые партии. Я сам,как оратор,выступавший часто на собраниях, с 1929 по 1933 год был свидетелем этого роста "Стального шлема" и выразился бы так: те,кто не хотел вступить в НСДАП и СА,сознательно вступали в "Стальной шлем" для того,чтобы внутри этого немецкого правого движения создать противовес коричневому потоку, который все более усиливался. Это был основной мотив нашей вербовки в "Стальной шлем".

БЕМ: Вам хорошо известно, что "Стальной шлем" в 1934 году полностью был включен в СА.Я хотел бы спросить вас: имели ли каждый член "Стального шлема" при этом возможность при его переводе в СА сказать "нет" или протестовать против этого перевода в СА?

ГИЗЕВИУС: Само собой разумеется,что это было возможно точно так же,как в Третьей империи все было возможно.

БЕМ: И какие могли бы быть последствия этого?

ГИЗЕВИУС: Возможными последствиями были бы резкие разногласия с местными партийными руководителями НСДАП или СА. Я сам тогда не был уже членом "Стального шлема",и могу только сказать,что многим людям,особенно в сельских местностях очень трудно было отказаться от перехода в СА после того, как их вождь министр Зельдте предал или,как тогда говорили, продал их СА. Отказ от перехода в СА был открытым вотумом неповерия к национал-социализму.

БЕМ: Из моей корреспонденции с бывшими членами "Стального шлема" следует,что те, которые,как члены "Стального шлема" были переданы СА,остались в СА чужеродным телом и находились в постоянной оппозиции к НСДАП и СА. Это правильно?

ГИЗЕВИУС: Так как я сам уже не принадлежал к"Стальному шлему",то я могу лишь сказать, что я предполагаю,что эти члены "Стального шлема" чувствовали себя,вероятно,очень не-

9547

H1199 – 0158

H1199 – 0159

хорошо в этой новой для них организации.

БЕМ: Знаете ли вы, принимали ли участие члены "Стального шлема" до 1934 г., а с 1934 года в составе СА участие в преступлениях против мира, против евреев, церкви и т.д.?

ГИЗЕВИУС: Нет, это мне неизвестно.

БЕМ: Я хочу еще спросить вас, поскольку вы хорошо осведомлены относительно СА. В отношении фюреров СА? Вы говорили по крайней мере уверенно. Я попрошу вас ответить на мой вопрос, который я вам поставлю, относительно того круга членов СА, к которому принадлежат лица, начиная от рядовых членов СА до командиров полков или бригад СА /штандартенфюрер и бригаденфюрер/. Можете ли вы, исходя из позиции и деятельности их от рядового члена СА до командира полка или бригады СА /я ограничиваюсь этим кругом лиц, потому что я хорошо помню ваши вчерашние показания относительно группенфюреров и обергруппенфюреров СА/, – можете ли вы заключить, что эти люди намеревались совершить преступления против мира?

ГИЗЕВИУС: Конечно, очень трудно ответить на такой общий вопрос. Если вы спросите меня относительно большинства членов СА, – я могу только отрицательно ответить на этот вопрос.

БЕМ: Г-н свидетель, наблюдали ли вы, что члены СА также арестовывались и направлялись в концентрационные лагери?

ГИЗЕВИУС: Это я очень часто наблюдал. Очень многие члены СА в 1933 – 1934 – 1935 гг. т.е. в те годы, когда я занимался этим вопросом были арестованы гестапо, избиты до смерти или в лучшем случае их мучили и отправляли в конц-лагери?

БЕМ: Мог ли человек, который был в составе СА или даже посторонний человек, судя по деятельности СА и действиям ее членов, или судя по отдельным случаям заключить о характе-

ре деятельности всей организации в целом и сделать общий вывод о том, что организация СА намеревалась совершить преступления против мира?

ГИЗЕВИУС: Нет. Когда я подумаю о том, с каким трудом нам даже в СКВ...удавалось узнать, планирует ли Гитлер войну или нет, то,по-моему, рядовой член СА, безусловно, не мог знать о том,чего совершенно определенно не знали даже мы.

БЕМ: Обвинение утверждает, что СА подстрекала молодежь и немецкий народ к войне. Вы не сделали такого заключения в этом направлении? Вы были сотрудником гестапо и такая деятельность вряд ли могла остаться незамеченной вами?

ГИЗЕВИУС: Это опять-таки чрезвычайно общий вопрос, и я не знаю,в какой степени можно песни или подобные вещи понимать,как подготовку к войне. Во всяком случае,я не могу представить себе,что в годы до 1938 у большинства членов СА имелись другие настроения,чем те, что были в массе немецкого народа,которые сводились к тому,что мысль о войне - это сплошное безумие.

БЕМ: Обнаружили ли вы такие моменты,по которым вы могли бы заключить, что СА намеревалась совершить военные преступления или что она совершала такие преступления?

ГИЗЕВИУС: По отношению к рядовому члену СА я и на этот вопрос должен ответить отрицательно. То же самое и в отношении большинства членов СА. Состояли ли в заговоре какие-либо высшие чины СА и участвовали ли они во всех этих страшных преступлениях,о которых мы здесь услышали, - этого я не могу показать. Но большинство членов безусловно не знало об этом.

БЕМ: Господин свидетель, нельзя отрицать,что целый ряд членов СА делал ошибки и совершал преступные действия и что эти члены безусловно должны быть наказаны. Вы знаете СА и знаете,что произошло в период революции и после нее. Вы в состоянии оценить или выразить в процентах,какой про-

H1199 – 0160

H1199 – 0161

цент из всех членов СА совершил преступления? При этом я хотел бы обратить ваше внимание на то, что СА примерно до 1932-1933 г. ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один момент, доктор Бем, Трибунал считает, что это не подходящий вопрос для свидетеля, вопрос о том, какой процент подобной группы, состоящий из сотен тысяч людей придерживался определенной точки зрения.

БЕМ: Но выяснение этого вопроса для меня очень важно, господин председатель. Здесь речь идет о свидетеле, который не входил в состав СА (как) сотрудник гестапо, возможно, был одним из немногих, кто имел возможность наблюдать и наблюдал за деятельностью СА. Одновременно с этим свидетель является тем человеком, которому суд верит и который знал, какие были проведены процессы по делам преступников. К тому же он знает количество членов СА и является одним из немногих, кто в состоянии дать показания по этому вопросу. Показания, которые он даст, будут иметь очень важное значение и для суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал уже решил, что не только этот свидетель, но и другие свидетели не имеют права давать показания по этому вопросу; и поэтому эти показания не принимаются.

БЕМ: Господин свидетель, знаете ли вы случаи, когда члены СА вели оппозиционную деятельность в составе СА?

ГИЗЕВИУС: Я уже ответил на этот вопрос, когда сказал, что целый ряд членов СА был арестован гестапо.

БЕМ: Да. Знаете ли вы, какие процессы велись против членов СА и, если да, то какое число их?

ГИЗЕВИУС: К сожалению, слишком мало, если вы так ставите вопрос.

БЕМ: Да.

ГИЗЕВИУС: К сожалению, имелось довольно много преступников в СА, которые оставались на свободе. Простите, что я так должен ответить.

БЕМ: Конечно. И каков их процент по отношению ко всем членам СА?

ГИЗЕВИУС: Да,но таким образом,мы опять подошли к вопросу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это тот же самый вопрос.

Вы повторяете тот же самый вопрос.

БЕМ: Знаете ли вы, при каких обстоятельствах можно было выйти из состава СА?

ГИЗЕВИУС: При тех же обстоятельствах,при которых можно было выйти из состава всех партийных организаций. Безусловно,такое решение требовало мужества.

БЕМ: Благодарю вас. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ЛАТЕРНЗЕР:/защитник генерального штаба и ОКВ/: Господин свидетель, вы в ответ на вопрос моего коллеги - доктора Дикса, показали Суду,что после поражения у Сталинграда должен был быть организован военный путч. Вы сказали по этому вопросу,что уже имели место совещания и велась подготовка к нему и что проведение военного путча было сорвано в силу того, что фельдмаршалы на Востоке в решающий момент оставили группу заговорщиков.

Я прошу вас дать более подробные показания по этому комплексу вопросов с тем,чтобы я мог проследить за вашим выводом,который заключается в том, что фельдмаршалы оставили в решающий момент группу заговорщиков.

ГИЗЕВИУС: С начала войны генерал-полковник Бек пытался установить связь то с одним, то с другим фельдмаршалом. Он писал письма,он посылал своих курьеров.Я вспоминаю о переписке с генерал-фельдмаршалом фон Манштейном и я лично читал ответ генерала фон Манштейна от 1942 года. На чисто военные соображения Бека о том,что война проиграна и почему она проиграна,Манштейн нашел только один ответ:

H1199 – 0162

H1199 – 0163

война до тех пор не проиграна, пока он сам не признает, что она проиграна.

Бек сказал, что такой ответ фельдмаршала безусловно не дает возможности обсуждать с ним стратегические вопросы. Через несколько месяцев снова была предпринята попытка привлечь на свою сторону генерал-фельдмаршала фон Манштейна. Генерал фон Тресков, один из тех кто явился жертвой событий 20 июля, поехал в ставку Манштейна. Обер-лейтенант граф фон дер Шуленбург тоже прибыл в ставку Манштейна, однако, привлечь Манштейна на нашу сторону нам не удалось.

Ко времени событий в Сталинграде мы установили контакт с фельдмаршалом фон Клюге, и он опять-таки установил связь с Манштейном. На этот раз переговоры зашли так далеко, что фон Клюге совершенно определенно заявил нам о своем согласии и заверил нас, что он привлечет на нашу сторону также генерал-фельдмаршала фон Манштейна, во время переговоров, которые были назначены на определенное число в ставке фюрера. В связи с важностью этого события была установлена особая телефонная линия между ставкой генерали войск связи Фельгибеля и генерал-полковником Ольбрихтом в ОКВ в Берлине. Я сам принял эту телефонограмму и еще сегодня у меня перед глазами лежит этот листок бумаги, на котором в очень скупых выражениях сказано, что Манштейн, вопреки своему, данному прежде заверению, дал себя убедить Гитлеру остаться на своем посту. И что фон Клюге тоже удовлетворился незначительными уступками стратегического характера. Это было тогда большим разочарованием для нас и поэтому я позволю себе еще раз повторить здесь то, что сказал тогда Бек: "Нас оставили в решающий момент".

ЛАТЕРНЗЕР: Какая дальнейшая подготовка велась в связи с этим?

ГИЗЕВИУС: Мы установили связь с генерал-фельдмаршалом Вицлебеном. Вицлебен был командующим Западным фронтом и поэтому

он должен был сыграть очень важную роль в обеспечении организации и проведении путча на Западе. Далее, у нас была надежная договоренность с командующим войсками в Бельгии генерал-полковником Фалькенгаузен. Далее так же, как 30 июля 1944 года, некоторый контингент танковых войск, мы сосредоточили в районе Берлина; и мы уже собрали в ОКВ тех командиров частей, которые должны были принять участие в этой акции.

ЛАТЕРНЗЕР: Это было в период после падения Сталинграда?

ГИЗЕВИУС: В связи со сталинградским путчем.

ЛАТЕРНЗЕР: Продолжайте, пожалуйста.

ГИЗЕВИУС: Мы провели все политические мероприятия, которые являлись частью подготовки путча и которые необходимо было провести. Я не могу хорошо рассказывать историю путча в Третьей империи.

ЛАТЕРНЗЕР: Каковы были причины того, что этот планировавшийся военный путч не был осуществлен?

ГИЗЕВИУС: Что было причиной?

ЛАТЕРНЗЕР: Господин свидетель, каковы были причины того, что планировавшийся группой заговорщиков путч не был проведен?

ГИЗЕВИУС: Против всякого ожидания фон Паулюс капитулировал. Это, как известно, было первой массовой капитуляцией генералов, в то время как мы считали, что Паулюс со своими генералами перед своей капитуляцией опубликует воззвание к немецкому народу и ко всем солдатам Восточного фронта, в котором он подобающим образом заклеймит Гитлера, который оставил на произвол судьбы сталинградскую группу войск. По этому сигналу генерал-фельдмаршал фон Клюге должен был заявить, что он в дальнейшем не будет выполнять военных приказов ~~Гитлера~~ Гитлера. Мы надеялись, что таким образом, нам удастся обойти вопрос о присяге, над которым нам всегда приходи-

H1199 – 0164

H1199-0165

лось много задумываться,путем отказа одного фельдмаршала за другим от послушания Гитлеру, после чего Бек должен был взять в свои руки верховное командование в Берлине.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин свидетель,вы только что говорили о военной присяге. Знаете ли вы что-нибудь относительно того, что Бломберг и генерал-полковник Бек оказывали сопротивление или пытались оказывать сопротивление тому, чтобы армия приводилась к присяге Гитлеру.

ГИЗЕВИУС: Я знаю лишь,что Бек до последнего дня своей жизни говорил о самом черном дне своей жизни,который был днем, когда он дал присягу Гитлеру, и подробно описал мне, насколько неожиданно было для него принятие этой присяги. Он рассказал мне, что ему было приказано явиться на военный сбор,и внезапно было заявлено, что все должны дать присягу новому главе государства, и совершенно неожиданно был зачитан новый текст присяги. И Бек никогда не мог освободиться от мысли о том, что может быть ему тогда не следовало давать этой присяги, и он говорил мне,что,возвращаясь домой,он сказал одному из своих товарищей:"Это самый черный день моей жизни".

ЛАТЕРНЗЕР: Господин свидетель,в ваших показаниях вы сказали,что между польской кампанией и западной кампанией, или с момента начала западной кампании планировался еще один военный путч и что этот путч сорвался по той причине, что Гальдер и фельдмаршал фон Браухич уклонились от участия в путче. Вы употребили это выражение "уклонились" во время ваших показаний. Я прошу вас теперь указать мне, на основании каких фактов вы пришли к такому выводу о том, что оба генерала уклонились от путча.

СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я не выдвигаю никаких возражений о том, что это принесло какой-либо вред для нас,если у нас имеется много времени,но эти показания об этих путчах и угрожавших путчах и путчах по слухам все же допустимы, ~~как~~

здесь, с нашей точки зрения, как имеющие отношение только к позиции подсудимого Шахта. Мы не судим этих генералов за то, что они участвовали в путче или не участвовали. Для нас дата лучше, если они не участвовали в путче. Я не знаю, какая цель может быть в повторении всего этого. Я обращаю внимание Трибунала на ограниченное количество причин, по которым был допущен этот исторический материал и считаю, что нет никакого смысла в связи с этим рассматривать его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы ответите на это доктор Латернзер?

ЛАТЕРНЗЕР: После того, как свидетель дал показания по этому комплексу вопросов и указал, что как Гальдер, так и Брухич "уклонились", и я не могу констатировать, правильна ли та оценка, которую дал свидетель, употребив это слово "уклонились". Я считаю - на основе имеющихся фактов - своим долгом выяснить этот момент.

Я хотел бы еще добавить, что и обвинение вправе требовать раз'яснения этого пункта. Я напомню о заявлении представителя французского обвинения. Он заявил, что при всех этих обстоятельствах остается непонятным, почему Гальдер, как и весь немецкий народ, не поднялся, как один человек против этого режима. Таким образом, если я буду исходить из соображений обвинения, то раз'яснение этого момента, которое я сейчас требую, безусловно, весьма важно. Поэтому я прошу допустить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинение, выдвинутое против верховного командования заключается в том, что оно было преступной организацией в соответствии с определением, данным в уставе, то-есть, иначе говоря, что они разработали план агрессивной войны, или что они совершали военные преступления или преступления против человечности в связи с агрессивной войной. Короче говоря, участвовали ли они в путче или нет, либо планировали принять участие в путче, чтобы прекратить войну.

H1199 - 0166

H1199 – 0167

Как видно,не имеет никакого отношения ни к одному из этих вопросов.

ЛАТЕРНЗЕР: Я вполне согласен с мнением г-на председателя о том, что это не имеет большого значения,все же я считаю,если какой-нибудь момент...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не сказал, что это не имеет особого значения, я сказал,что это не имеет существенного отношения к делу.

Трибунал не считает,что какие-либо из этих вопросов относятся к делу.

ЛАТЕРНЗЕР: Тогда я отказываюсь от этого вопроса.

У меня еще один, последний вопрос. Господин свидетель, можете ли вы назвать мне фамилии тех генералов,которые участвовали в событиях 20-го июля?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое это имеет отношение к какому-либо из обвинений, выдвинутых против верховного командования?

ЛАТЕРНЗЕР: Генеральному штабу вменяется в вину,что он являлся участником заговора. Вопрос относительно участия...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы здесь не собираемся рассматривать вопрос о чести верховного командования. Мы рассматриваем здесь являются ли эти организации преступными, как это предусмотрено уставом,и это единственный вопрос,который будет нами рассматриваться постольку,поскольку это касается вас.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель! Генеральному штабу и ОКВ инкриминируется,что они являлись якобы участниками заговора. Если я докажу,как я пытался добиться этого постановкой моего вопроса,что как раз вместо того,чтобы участвовать в заговоре,некоторые члены генерального штаба участвовали в действиях,направленных против режима,то ответ на вопрос по этому пункту,безусловно докажет,что действия генерального штаба были совершенно ~~ими~~ противоположными тем,в которых его обвиняют. Исходя из этого,я прошу допу-

стить мой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не считает,что то, что сказал генеральный штаб в июле 1944 года,когда условия совершенно отличались от условий сентября 1939 года,имеет какое-либо отношение к вопросу о том,принимал ли он участие до сентября или в сентябре 1939 года.

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н председатель,если я встану на точку зрения обвинения,то я должен сказать,что обвинение предполагает,что заговор продолжался.Из данных,которые предъявило обвинение, нельзя сделать вывод,что заговор в известный момент перестал существовать.

Таким образом,ответ на этот вопрос имеет большое значение,мне кажется,даже решающее значение.Я хотел бы еще добавить,господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Доктор Латернзер...

ЛАТЕРНЗЕР: Я хотел бы еще добавить,что как раз для определения принадлежности к представляемой мною группе очень важно определить период между 1938 годом и маем 1940 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду группу,которая изменялась в своем составе.Таким образом,она могла изменяться в 1944 году?

ЛАТЕРНЗЕР: Я добавлю,что особенно большое количество лиц,принадлежащих к этой группе, только в течение 1944 г. вследствие занимаемой ими должности,попало в эту группу. Я считаю,что это весьма важно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин свидетель,мой вопрос гласил:можете ли вы мне назвать фамилии тех генералов,которые принимали участие в покушении 20 июля 1944 г.?

ГИЗЕВИУС: Это были: генерал-полковник Бек, генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, генерал Ольбрихт,генерал Геппнер.

ЛАТЕРНЗЕР: Попутный вопрос.Генерал Геппнер был ранее

H1199 – 0168

H1199 – 0169

командующим танковой армией?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется,да. Участвовали также генерал фон Гаазе, и,повидимому, еще большое количество генералов, которое я не могу так быстро перечислить. Я назвал лишь фамилии тех,которые в этот день в послеобеденное время были на Бендлерштрассе.

ЛАТЕРНЗЕР: Еще один вопрос, г-н свидетель. Знаете ли вы,участвовал ли в покушении 20 июля 1944 года фельдмаршал Роммель?

ГИЗЕВИУС: Я не могу ответить на этот вопрос только словом "да". Это факт,что Роммель, как и фельдмаршал фон Клюге, участвовал в этих событиях. Но возникло бы неправильное представление,если бы фельдмаршал Роммель оказался в категории тех лиц,которые боролись против Гитлера. Фельдмаршал Роммель,как типичный партийный генерал,слишком поздно попытался примкнуть к нам и у нас остался очень неприятный осадок от его слов, когда вдруг господин Роммель, перед лицом своей личной военной катастрофы,сделал нам предложение о том, чтобы мы произвели покушение на Гитлера, одновременно с этим,если возможно, то и на Геринга и Гиммлера. И даже тогда он не желал,по его словам, при первой же возможности принять участие в этом,а он хотел,как он выразился,остаться в резерве,чтобы позже предоставить свою популярность в наше распоряжение. Таким образом,остается неразрешенным вопрос: примкнули ли эти господа к нашей группе, как разбитые величины? Пришли они к нам,как люди,которые хотели спасти свою репутацию, или как люди, которые с самого начала жертвовали собой ради чести и порядочности.

ЛАТЕРНЗЕР: Вы когда-нибудь лично говорили с фельдмаршалом Роммелем по этому поводу?

ГИЗЕВИУС: Нет,я никогда не придавал значения личному

знакомству с ним.

ЛАТЕРНЗЕР: Следующий вопрос. В событиях 20 июля офицеры генерального штаба принимали участие?

ГИЗЕВИУС: Да, очень многие.

ЛАТЕРНЗЕР: Какое количество, по вашему мнению, составляли эти офицеры?

ГИЗЕВИУС: Я не могу точно сказать, потому что мне не сообщали тогда, сколько офицеров генштаба находилось в распоряжении Штауфенберга. Я не сомневаюсь, что генерал Штауфенберг, полковник Гансен и некоторые другие мужественные люди нашли известное количество честных, храбрых офицеров генерального штаба, и что они могли положиться на круг многих порядочных офицеров ген. штаба, которых раньше они, безусловно, не могли посвятить в свои планы.

ЛАТЕРНЗЕР: Хорошо. Этого достаточно по моему вопросу. У меня имеется еще один вопрос. Вы упоминали генерала фон Трескова. Знали ли вы лично графа Трескова?

ГИЗЕВИУС: Да.

ЛАТЕРНЗЕР: Знаете ли вы что-либо о том, что генерал фон Тресков, после того, как он узнал об издании приказа о комиссарах, явился к Рундштедту с возражениями против него, и что эти возражения способствовали тому, что приказ о комиссарах в районе действий армии генерал-фельдмаршала Рундштедта не был передан войскам.

ГИЗЕВИУС: Фон Тресков в течение многих лет принадлежал к нашей группе, и не было ни одной акции, которая бы бесчестила нас, в которой он с самого начала мужественно не обращал бы внимания своих начальников на недопустимость таких ужасных приказов. Я помню в отношении этого известного приказа о комиссарах, который вначале нам был известен только по слухам, что мы непосредственно послали курь-

H1199 – 0170

H1199-0171

ера к фон Трескову и сообщили ему,что существует намерение издать такой позорный приказ. И далее,после того,как мы сообщили об этом фон Трескову,он после издания этого приказа явился к фельдмаршалу Рундштедту и сделал ему свое заявление в таком духе,как вы только что описали это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не так давно вы сказали, что вы собираетесь задать последний вопрос?

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель, к сожалению, я не мог ограничиться намеченным числом вопросов. Целый ряд вопросов возник в ходе показаний свидетеля.Но это был мой последний вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал сделает перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

H1199-0172

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие защитники поставить вопросы свидетелю ? /Пауза /.

Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Господа судьи, у меня есть несколько вопросов к вам, доктор Гизевиус, и если вы на них ответите, так точно, как возможно - да или нет, т.е. я имею в виду правдивый ответ, то тем самым вы сэкономите большое количество времени. Трибунал возможно должен узнать ваши отношения с обвинением. Является ли фактом то, что два месяца спустя после того, как Германия сдалась, Вы встретились со мной в Висбадене и вы рассказывали мне о вашем опыте в этом заговоре, о котором здесь вы рассказывали.

ГИЗЕВИУС: Да, это так.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И вы позднее были сюда доставлены и здесь были опрошены Обвинением, также как и защитниками Шахта и Фрика ?

ГИЗЕВИУС: Да, это правильно.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Итак, ваше отношение и ваша точка зрения, насколько я вас понял, заключается в том, что вы, как немец чувствовали, что верность немецкому народу требовала кажется постоянной оппозиции нацистскому режиму. Это правильное определение вашей позиции ?

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И что вы имели очень большую практику в вопросах полиции в Германии.

ГИЗЕВИУС: Да, это так.

H1199 – 0172

H1199 – 0173

Г-н судья ДЖЕКСОН: Если ваши путчи или другие мероприятия для того, чтобы достигнуть власти в Германии, были бы успешны, планировалась что вы руководили бы полицией во вновь организованной стране. Так это было ?

ГИЗЕВИУС: Да, это правильно.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Или же, как министр внутренних дел или же комиссар полиции, каков бы ни был ваш титул.

ГИЗЕВИУС: Да, наверное.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Дальше, вы верили в то, что не было необходимости управлять Германией при помощи концентрационных лагерей и при помощи методов гестапо. Это правильно ?

ГИЗЕВИУС: Да, это правильно.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И вы нашли, что все пути передачи ваших взглядов немецкому народу были отрезаны теми методами гестапо, которые использовались нацистским режимом. Это факт ?

ГИЗЕВИУС: Да, это верно.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И, таким образом, не было никакого открытого пути для вас, чтобы достичь изменения в германской политике за исключением восстания или покушений, или средств подобного рода ?

ГИЗЕВИУС: Нет. Я убежден в том, что до 1937 года или до начала 1938 года существовала возможность изменения положения в Германии с помощью решения большинством голосов в имперском кабинете или с помощью оказания давления на действия вооруженных сил.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И, таким образом, вы считаете 1937 год тем временем, когда стало невозможно достичь изменения

политики Германии мирными средствами ? Правильно это ?

ГИЗЕВИУС: Да, я бы оценил события таким образом.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Только после 1937 года Шахт присоединился к вашей группе ? Это является фактом ?

ГИЗЕВИУС: Да, я сказал, что сама группа образовалась в 1937-38 г.г., но Шахт свел меня, например, с Гердлером уже в 1936 году, а знакомство Шахта с Остером существовало уже с 1936 года. Также и других членов этой группы Шахт знал уже в течение долгого времени.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Но Шахт не был еще убежден, насколько я понял вас,, до периода времени после 1937 года, до путча, что он не сможет застанить Гитлера изменить политику каким-либо мирным путем. Правильно это ?

ГИЗЕВИУС: Каким путем? Мирным путем или ...

Г-н судья ДЖЕКСОН: Мирным путем.

ГИЗЕВИУС: Все же Шахт до конца 1937 года верил в то, что легальное устранение Гитлера является вполне возможным.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Но к концу 1937 года, как вы сейчас сказали, возможность убрать Гитлера мирным путем стала фактически невозможной.

ГИЗЕВИУС: Да, по нашему мнению, этой возможности уже не было.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Далее, насколько я понял вас, вы обратились к генералам, так как кроме армии, не было такой силы в Германии, которая могла бы справиться с гестапо ? Это верно ?

ГИЗЕВИУС: Да, я бы ответил утвердительно на этот вопрос.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Т.е. в дополнение к гестапо, этот нацистский режим также имел частную армию в лице СС ? Не так ли ? И в течение некоторого периода времени в лице СА ?

H1199 – 0174

H1199 – 0175

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И для того, чтобы успешно сражаться с нацистским режимом вы должны были иметь такую силу людей, которую представляла собой армия. Правильно это ?

ГИЗЕВИУС: Да людей, которых можно было найти лишь в армии. Но, одновременно, мы старались привлечь на свою сторону некоторых сотрудников полиции; нам также были нужны порядочные люди из чиновничьего круга и вообще широкая масса народа.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Но вооруженные силы были источником силы, которая была способна бороться с СС и гестапо, если бы генералы желали этого.

ГИЗЕВИУС: Да, таково было наше убеждение.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И это было причиной того, что вы постоянно искали помощи генералов и почувствовали упадок духа, когда они вам отказали в помощи ?

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Затем пришло время, когда каждый, связанный с вашей группой, знал, что война была проиграна ?

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И война была проиграна до этих покушений на жизнь Гитлера, как явствует, до покушения в Швабендорфе и до покушения 20 июля. Не так ли ?

ГИЗЕВИУС: Я хочу здесь для полной ясности заявить, что в нашей группе не было никого, кто уже вначале войны не знал бы, что Гитлер никогда не выиграет эту войну.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И с течением времени стало гораздо более явным не только то, что война будет проиграна Германией, но также и то, что Германия будет физически разрушена в результате войны. Это правильно ?

ГИЗЕВИУС: Да, это было так.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И, несмотря на это, при той системе, которая была установлена нацистским режимом, у вас не было пути для изменения хода событий в Германии, за исключением восстания или покушения ? Это правильно ?

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Итак, вы прибегли к этим крайним мерам, будучи уверенным, что Гитлер никогда не заключит мира с союзниками ?

ГИЗЕВИУС: Да, это так.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И вашей целью при этом было спасти Германию от последних разрушительных ударов, которые она имела несчастье терпеть, как считали немцы. Это факт ?

ГИЗЕВИУС: Я хочу все же сказать, что, собственно говоря, с самого начала войны мы не думали лишь о Германии. Мне кажется, что я имею все основания сказать, что на нас лежала ответственность перед Германией и перед всем миром.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Хорошо. То, что вынуждались сделать, заключалось в том, чтобы прекратить войну, так как вы не смогли предотвратить начала войны. Не смогли, да?

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Но это было невозможно до тех пор, пока Гитлер был у власти и эта группа лиц, которая поддерживала его ?

ГИЗЕВИУС: Да.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Далее, имел место также другой заговор в части покушения на жизнь Гитлера, о котором вы не упомянули. Не было ли там бомбы, которая, как впоследствии была обнаружена, была заложена коммунистами. Было ли так ?

ГИЗЕВИУС: Это было 9 ноября 1939 года в Мюнхене, в Бюргербрейкеллере. Это был смелый коммунист - одиночка.

H1199 – 0176

H1199 – 0177

Г-н судья ДЖЕКСОН: Далее, ни в одном из случаев, когда жизнь Гитлера была в опасности в результате странного совпадения, не присутствовали ни Гиммлер, ни Геринг. Это правильно ?

ГИЗЕВИУС: Да, это так.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Вы придавали какое-либо важное значение этому факту ?

ГИЗЕВИУС: Мы иногда сожалели об этом. Например, может быть покушение удалось бы, если бы 17 июля Геринг и Гиммлер сопровождали бы Гитлера. Но с течением лет стало таким образом, что эта клика держалась настолько сепаратно и так охраняла себя, что их совершенно невозможно было застать вместе где-нибудь. Геринг же постепенно настолько увлекся своим коллекционированием и каринтальскими делами, что у него едва оставалось времени для присутствия на серьезных совещаниях.

Г-н судья ДЖЕКСОН: далее. Покушением на Гитлера ничего не было бы достигнуто с вашей точки зрения, если бы на его место вступил Гитлер № 2. Не так ли ?

ГИЗЕВИУС: Об этом много спорили. Брауэич, например, вообразил себе, что с Герингом можно было бы создать переходный режим. Наша же группа всегда протестовала против этого. Мы не желали совершенно хотя бы в течение одного часа находиться вместе с этим человеком.

Г-н судья ДЖЕКСОН: В случае вашего успеха, что вы планировали делать с другими подсудимыми, которые находятся здесь, за исключением подсудимого Шахта, поскольку всех их вы рассматриваете, как я понимаю, как часть нацистского правительства ?

ГИЗЕВИУС: Эти господа очень быстро оказались бы за крепким замком и решеткой и, мне кажется, что им не пришлось бы долго ждать вынесения решения относительно их.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Относится ли это к каждому из сидящих

на скамье подсудимых, за исключением Шахта ?

ГИЗЕВИУС: Да, к каждому.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Т.е. вы считали, ваша группа считала их всех участниками, притом важными участниками, нацистского режима, нацистской конспирации. Это факт ?

ГИЗЕВИУС: Я не хотел бы употреблять слова "нацистский заговор". Мы считали этих людей ответственными за те несказанные бедствия, которые они принесли германскому народу и всему миру.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно гестапо. Вы дали общие показания в связи с преступлениями, которые были совершены этой организацией и я хотел бы, чтобы вы заявили, включаются ли в них пытки и сожжение большого количества лиц ?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется, что ко мне поступил неправильный перевод. Я попрошу еще раз перевести.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Я спрашиваю вас относительно преступлений, совершенных гестапо, и включали ли эти преступления пытки и сожжение тысяч людей ?

ГИЗЕВИУС: Конечно.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Входило ли сюда незаконное заключение тысяч невинных людей ?

ГИЗЕВИУС: Да, это так.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Бросание их в концлагери, где их мучили, избивали и убивали ?

ГИЗЕВИУС: Да, это так.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Занималось ли гестапо массовой конфискацией имущества ?

ГИЗЕВИУС: Да, и в очень большом размере. Они называли это конфискацией имущества враждебных государству элементов.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И также использовала ли она практику искоренения евреев и других народностей ?

H1199 – 0178

H1199 – 0179

ГИЗЕВИУС: Да, в тысячах, в миллионах случаев.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Ставило ли гестапо препятствия и вредило ли общественным деятелям, которые были слишком знамениты, чтобы их можно было убить до тех пор, пока они не уходили в отставку или не были изгнаны со своего поста ?

ГИЗЕВИУС: Гестапо пользовалось всеми средствами для достижения своих целей, начиная от убийств и кончая только-что описанным вымогательством.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Здесь возникает вопрос о том, знали ли члены гестапо о том, что делала вся организация гестапо ? И, пожалуйста, расскажите Трибуналу о том, каково было положение с членством в этой организации и с знанием общей ее программы.

ГИЗЕВИУС: Я уже говорил об этом в самом начале моих показаний. Каждый член гестапо с первого или второго дня своей деятельности должен был знать, что происходило в гестапо.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Далее. Были некоторые люди, которые были взяты в гестапо с самого начала, которые были переведены туда из разных отраслей гражданской службы, не так ли, которые были в некотором смысле, недобровольными членами гестапо ?

ГИЗЕВИУС: Да, эти члены гестапо в течение первого года были исключены из гестапо, как политически неблагонадежные.

Г-н судья ДЖЕКСОН: И этот перевод имел место тогда, когда Геринг организовал гестапо, не так ли ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что хочет сказать свидетель словом "исключены"

Г-н судья ДЖЕКСОН: Я думаю, исключены из гестапо.

ГИЗЕВИУС: Они были отстранены от своих должностей в гестапо.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Далее, после чистки 30 июня 1934 года, были ли приняты особые меры для того, чтобы не допускать в организацию никого, кто не симпатизирует ее программе ?

ГИЗЕВИУС: Эти попытки начались с 1 апреля 1934 года, когда

гестапо перешло в руки Гиммлера и Гейдриха. С того времени никто не мог быть в гестапо, чье мировоззрение не соответствовало требованиям Гиммлера и Гейдриха. Возможно, что в первые месяцы в гестапо прибывало некоторое количество чиновников, которое не было еще известным образом просеяно СС. Гестапо было весьма крупным учреждением. Само собой разумеется, что потребовалось некоторое количество времени для того, чтобы СС обучило и воспитало своих чиновников-криминалистов.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Однако, пришло ли время /и я хочу, чтобы вы как можно точнее определили его/, после которого каждый член гестапо должен был знать преступную программу этой организации?

ГИЗЕВИУС: Я сам раздумывал над этим вопросом в течение долгих лет, говорил об этом со своими друзьями и с Небе, в частности. В самом ответе на этот вопрос лежит большая ответственность и, сознавая эту ответственность, я сказал бы, что с начала 1935 года по крайней мере, каждый должен был знать, в какое учреждение он поступал и какие приказы ему придется исполнять в том или ином случае.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Вы дали показания о тех расследованиях, которые вы производили, когда вы были связаны с полицейской администрацией, и вы упомянули о поджоге рейхстага, но вы не рассказали нам о том, что было обнаружено, когда вы расследовали это. Расскажите нам, пожалуйста.

ГИЗЕВИУС: Чтобы быть кратким и чтобы вначале передать факты, я скажу следующее: мы установили, что Гитлер в общих чертах высказал желание о проведении какого-нибудь крупного пропагандистского мероприятия. Геббельс взял на себя разработку нужных предложений. У Геббельса первого возникла мысль о поджоге рейхстага. Он переговорил об этом с начальником берлинской бригады СА Карлом Эрнстом и во всех подробностях обрисовал, как

H1199 – 0180

H1199 – 0181

следует произвести поджог. Был выбран определенный раствор /тинктура/, который известен всякому пиротехнику. Этот раствор должен был быть разорван и через некоторое время, спустя несколько часов или минут он воспламеняется. Для проникновения во внутрь рейхстага использовали тот вход, который вел от дворца президента рейхстага к зданию рейхстага. Десять благонадежных членов СА были подготовлены для производства поджога. Геринг после этого был проинформирован о всех деталях этого плана, так что Геринг в этот вечер "случайно" не выступил с большой предвыборной речью, а до очень позднего времени сидел за своим столом в министерстве внутренних дел в Берлине. От Геринга скидали и он заверил действительно в том, что он в момент первого шока так проинструктирует полицию, что она пойдет по неправильным следам. Уже с самого начала это преступление хотели свалить на голову коммунистов. В этом же духе были проинструктированы те 10 членов СА, которые должны были осуществить это преступление.

Вот как я могу кратце обрисовать весь ход этих событий. Что касается отдельных деталей, то мы о них узнали следующим образом. Один из этих десяти членов СА, который должен был разбрызгивать раствор, был известным уголовным преступником. Через полгода он был исключен из рядов СА и когда он не получил обещанного ему вознаграждения за поджог, он решил сообщить то, что он знает имперскому суду, который заседал в то время в Лейпциге. Он говорил с одним следователем по этому вопросу. Был составлен соответствующий протокол, но гестапо, узнав об этом, захватило в свои руки письмо его в имперский суд и уничтожило его. Этот же член СА, по фамилии Рель, который предал все дело, был с ведома подсудимого Геринга убит самым подлым образом по распоряжению начальника гестапо Дилля. После обнаружения его трупа, мы напали на истинный след событий.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Что случилось с теми десятью членами СА, которые осуществили поджог рейхстага. Кто-нибудь из них жив сейчас ?

ГИЗЕВИУС: Насколько нам известно, ни один из них не остался в живых. Большинство из них было убито под предлогом участия в путче Рема 30 июня, за исключением некоего господина Гевера Хейма, которого сделали офицером полиции. Мы следили за ним. Во время войны он погиб на восточном фронте, будучи офицером полиции.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Я думаю, что вы показали, что вы расследовали также и все дело Рема и убийства, которые последовали за путчем Рема. Вы давали показания по этому поводу ?

ГИЗЕВИУС: Я не могу прямо сказать, что я "проводил" расследование, поскольку мы были, собственно, исключены министерством внутренних дел из всей этой сферы. Но после 30 июня все призывы о помощи и все жалобы лиц, которые были задеты последовавшим преследованием , приходили к нам, в министерство внутренних дел. В течение дня 30 июня из непрерывно поступавших радиограмм, благодаря присутствию Геринга во дворе, а также из сообщения Небе мы узнали все подробности данного дела.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Примерно, сколько было убито людей в ходе этой чистки ?

ГИЗЕВИУС: Точно мы никогда не узнали этого количества. Но я полагаю, что около 150 или 200 человек были лишены жизни. По тогдашним понятиям это было колоссальное число. Я лично сам занимался этим вопросом с министром юстиции Гюртнером и сравнивал списки относительно числа убитых, которые были ему присланы Герингом и Гитлером. Мы констатировали, что каждый список, в котором говорилось о 77 убитых, чье убийство было необоснованным, в два раза превышалось числом тех лиц, об убийст-

H1199-0182

H1199 – 0183

ве которых мы узнали из донесений прокуратуры и жалоб, которые поступали от служащих министерства внутренних дел.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Вы установили, кто отбирал тех людей, которые были убиты в ходе этой чистки ?

ГИЗЕВИУС: Вначале мы установили, что Гиммлер, Гейдрих и Геринг составили точные списки лиц, которые должны были быть убиты. Я, будучи во дворце Геринга, сам слышал об этом, я слышал подтверждение этого от Далюге, который находился там, и от Небе, который с первой же минуты был там, что ни один из убитых не назывался по фамилии. Там лишь говорилось: "номер такой-то уже устранен," такой-то номер еще отсутствует в списке, сейчас настанет очередь номера такого-то". Несомненно, у Гиммлера и Гейдриха имелись еще особые списки. В этих списках стояли фамилии некоторых католиков и других лиц. Здесь под присягой я точно не могу сказать, произошло ли убийство Шлейхера по специальному указанию Геринга и был ли этот человек включен в особый список Гиммлера и Гейдриха.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Подсудимый Фрик был ли полностью информирован о тех фактах, которые вы знали относительно беззаконных действий гестапо ?

ГИЗЕВИУС: Да, потому что я весь тот материал, который поступал к нам и являлся в какой-то степени важным, должен был пред"являть ему. Я уже здесь говорил о том, что о всех этих событиях мы докладывали для ознакомления гестапо и министерствам внутренних дел в провинциях. Дело обстояло так: лично Фрику докладывались только самые важные материалы. Я ежедневно получал несколько сот такого рода жалоб, но самые важные я должен был уже потому представлять Фрику, что он сам должен был подписывать их, так как Геринг всегда жаловался, если он видел, что такой молодой чиновник подписывал такие важные

документы и докладывал о них министерствам внутренних дел провинций.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Знал ли Фрик о ваших заключениях относительно чистки Рема ?

ГИЗЕВИУС: Да, так как еще в субботу, когда убийства продолжались, я беседовал с Фриком относительно убийства Шлейхера, Штрассера, Клаузнера и многих других. Фрик был особенно возмущен убийством Штрассера, поскольку он относся к этому убийству, как к акту личной мести Геринга и Гиммлера по отношению к этому человеку. Он также возмущался убийством Клаузнера, Бозе, Эдгара Юнга и многих других, которые были убиты, не будучи виновными.

Г-н судья Джексон: Но, когда Фрик подписывал декрет вместе с Гитлером, в котором эти убийства об"являлись законными и которым приказывалось не проводить судебных расследований по поводу этих убийств, то Фрик точно знал от вас, что именно имело место ? Это факт ?

ГИЗЕВИУС: Он знал об этом от меня. Он сам это видел. Эта история, без сомнения, Фрику была очень хорошо известна.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Говорил ли Фрик когда-либо с вами относительно Гиммлера и Гейдриха, как о плохих, очень опасных и очень жестоких людях ?

ГИЗЕВИУС: Еще в воскресенье 1 июля Фрик сказал мне: "Если Гитлер в скором времени не поступит с СС и с гестапо точно также, как он поступил с СА, то ему придется в будущем с СС еще хуже, чем с СА. Я был глубоко потрясен таким предвидением, которое Фрик выразил мне с такой откровенностью.

Г-н судья ДЖЕКСОН: Но, несмотря на ту оценку, которую он дал этим людям, как опасным людям, разве он обоих их не назначил в свое министерство внутренних дел ?

H1199 – 0184

H1199 – 0185

ГИЗЕВИУС: Это назначение в конечном итоге последовало от Гитлера. Но я могу только сказать, что когда я в мае 1935 года оставил свой пост в министерстве внутренних дел, то Фрик дословно сказал мне следующее: В ходе вечных скандалов из-за меня, он научен тому, что с нынешнего момента он будет принимать в министерство иностранных дел только членов партии и, в частности, если будет возможно, то только таких, у которых есть золотой значек партии. Он также сказал: Может быть, в ходе этих событий я буду вынужден взять Гиммлера в свое министерство. Но убийцу Гейдриха я ни при каких обстоятельствах в свое министерство не пущу. Это были последние слова, которыми мы обменялись с Фриком.

9574

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН. Обоим были поручены дела, которые находились под его легальным контролем, не так ли ?

ГИЗЕВИУС. Да, они стали членами имперского министерства внутренних дел, а Фрик оставался их начальником.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали, что это были последние слова, которыми Вы обменялись с подсудимым Фриком ?

ГИЗЕВИУС. Да, это было в 1935 г. Больше я уже его не видел и не говорил с ним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Далее. С 1934 года Фрик был министром, который занимался руководством и контролем над концентрационными лагерями ? Не так ли, доктор Гизевиус ?

ГИЗЕВИУС. По моему мнению, имперский министр внутренних дел с самого начала был ответственным за все полицейские мероприятия в империи, в том числе и за концентрационные лагери. И я не думаю, что можно сказать, что эту ответственность он несет, начиная только с 1934 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, я готов принять Ваше изменение моего вопроса. Я прошу, чтобы Вам показали документ № 3751-ПС от Соединенных Штатов, который еще не был представлен в качестве доказательства. Это, как видно, сообщение от доктора Гюртнера, министра юстиции - имперскому и прусскому министру внутренних дел, то-есть от Вашего друга доктора Гюртнера - Фрику. Так это ?

ГИЗЕВИУС. Мне кажется, я услышал слово "друг". Гюртнер в период своей деятельности на посту министра не вел себя так, чтобы я мог назвать его своим другом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, хорошо, расскажите нам о Гюртнере. Расскажите нам о положении Гюртнера в этих условиях, так как у нас здесь есть сообщение, которое исходит явно от него.

ГИЗЕВИУС Гюртнер ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

H1199 - 0186

H1199 – 0187

ГИЗЕВИУС. Гюртнер в то время, несомненно, делал очень много попыток, чтобы раскрыть все ужасы, происходившие в лагерях, и начать судебное расследование. Гюртнер вообще пытался многое сделать в отдельных случаях, но после 30 июня он подписал закон, оправдывавший все эти ужасы. И он никогда не был последовательным в своих взглядах. Но как раз этот документ, который Вы мне предъявляете, был очередной попыткой Гюртнера и многих других порядочных чиновников из министерства юстиции осветить вопрос о терроре гестапо. Насколько я помню, этот документ представляет собой одно из трех писем, которое мы обсуждали, чтобы в известной мере спровоцировать ответ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сейчас хочу зачитать некоторые части этого документа для того, чтобы они были внесены в протоколы суда. Это будет доказательство Соединенных Штатов № 828. Я представляю его сейчас, как таковое. Будьте добры следить за мной по немецкому тексту и смотрите, правильно ли я буду цитировать.

"Мой дорогой имперский министр, здесь Вы найдете приложенной копию отчета инспектора тайной государственной полиции от 28 марта 1935 года. Этот отчет дает мне возможность установить мое основное отношение к вопросу исправления заключенных. Множество случаев плохого обращения, которые сейчас стали известны руководящим органам правосудия, указывают на три различные причины существования подобного зверского отношения к заключенным:

1. Избиение, как дисциплинарное наказание в концентрационных лагерях;

2. плохое обращение в большинстве случаев с политическими заключенными для того, чтобы заставить их говорить;

3. плохое обращение с заключенными, возникающее просто

бесцельно, либо с целью садизма".

Я думаю, что я не буду отнимать времени у Трибунала оглашением здесь комментариев по первому и по второму пунктам. "О третьем пункте..." Вы найдете это в немецком тексте:

"Опыт первых революционных лет показал, что люди, которым было поручено избиение, обычно скоро теряли чувство цели и значения своих действий и руководствовались личными чувствами мести или садистическими тенденциями. Таким образом, члены охраны бывшего концентрационного лагеря в Брецау близ Штеттина полностью раздели проститутку, которая вступила в ссору с одним из них, и избили ее плетьми из телячьей кожи до такой степени, что через два месяца эта женщина все еще имела на своем теле открытые глубокие раны.

Я не буду описывать размеры, они не играют роли.

В концлагере в Комне близ Вупперталя заключенных запирали в узкие шкафы для одежды и мучили, пуская в шкафы дым от сигарет и переворачивая шкаф, и т.д. В некоторых случаях заключенным сперва давали сильно засоленную селедку для того, чтобы возбудить особо сильную и мучительную жажду. В Саксонии, в концлагере Гогенштейн, заключенным приходилось стоять под специально сконструированным капающим устройством до тех пор, пока капли воды, падающие через равные промежутки времени им на головы, не создавали серьезных заразных ран у них на черепе. В концлагере в Гамбурге четырех заключенных привязывали целыми днями, один раз без перерыва в течение трех суток -днем и ночью, другой раз в течение пяти суток,- привязывали в форме креста к решетке и давали такое мизерное количество пищи,

9577

H1199 – 0188

H1199 – 0189

состоящей из сухого хлеба, что они чуть не умерли с голоду. Эти несколько примеров указывают на такую степень зверства, которая является оскорбительной для каждого немца, имеющего чувство собственного достоинства, и исключают возможность обсуждения смягчающих вину обстоятельств. В заключение я хотел бы выразить свое мнение об этих трех пунктах Вам, мой дорогой господин рейхсминистр, как члену кабинета, отвечающему за заведения и лагеря предварительного заключения. И дальше вносится ряд предложений о действиях, которые должны быть предприняты министром. Я не знаю, желает ли Трибунал, чтобы это зачитывалось далее.

Было ли проведено какое-либо улучшение в условиях, о которых говорилось в связи с этим сообщением Фрику ?

ГИЗЕВИУС. Это сообщение поступило как раз в тот день, когда я оставил министерство внутренних дел. Относительно этого письма я хотел бы сказать лишь одно: то, что здесь обрисовано, это лишь маленькая частичка того, что мы знали. Я участвовал в составлении этого письма и разговаривал с референтами из министерства юстиции. Министр юстиции смог здесь привести только такие примеры, которые случайно стали известными легальным путем в результате уголовного процесса, но не может быть никакого сомнения в том, что для письма поводом явилось очень смелое письмо Гейдриха Герингу от 28 марта 1935 года, в котором он оспаривает право министра юстиции давать распоряжения о судебном преследовании за жестокое обращение в этих лагерях. Поэтому я считаю, что этот отчет /письмо/ не вносит ничего нового в мои показания. И Вы сами все убедились в том, что с того времени такое положение не исчезло, а с каждым разом все более и более ухудшалось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем пришло время, когда было совершено покушение на Гейдриха в Праге ? Было ли так ?

ГИЗЕВИУС. Да, очень смелые чехи могли добиться того, чего мы, к сожалению, не могли добиться. Это будет им вечной славой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Далее я предполагаю, что чехи ожидали и Вы ожидали, что убийство Гейдриха вызовет какое-то улучшение в общих условиях ?

ГИЗЕВИУС. Мы спрашивали себя - мы, Канарис, Остер, Небе и другие члены группы - возможно ли будет отыскать и найти на его должность более отвратительного человека, чем Гейдрих. Мы думали, что, может быть, наступит облегчение, террор гестапо утихнет, может быть, и в Германии наступит известная справедливость или, по крайней мере, ослабление жестокости.

ДЖЕКСОН. Затем явился Кальтенбруннер. Заметили ли Вы какие-нибудь улучшения после назначения Кальтенбруннера ? Расскажите нам об этом.

ГИЗЕВИУС. Пришел Кальтенбруннер, и положение в целом становилось все хуже. ~~Все~~ Мы более убеждались, что, может быть, импульсивность и темпераментность такого убийцы, как Гейдрих, не были такими страшными, как эта холодная юридическая логика адвоката Кальтенбруннера, который взял на себя управление таким общеопасным инструментом, как гестапо

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете ли Вы нам сказать, применял ли Кальтенбруннер еще более садистические приемы, чем Гиммлер и Шелленберг ? Было ли Вам об этом известно ?

ГИЗЕВИУС. Да, я знаю, что Гейдрих, делая такие позорные дела, в определенном смысле чувствовал, что совесть его нечиста при этом. Во всяком случае, он не любил, когда об этом открыто говорилось в кругу гестаповцев. Небе, ко-

H1199 - 0190

H1199 – 0191

торый был начальником уголовной полиции и имел тот же ранг, что и начальник гестапо Мюллер, рассказывал мне всегда, что Гейдрих старался умалчивать о своих преступлениях. С вступлением Кальтенбруннера на эту должность с этой привычкой было покончено. С этих пор начали открыто, в кругу начальников управлений гестапо говорить о всех этих деяниях. Тогда была уже война. Все эти господа собирались вместе за обедом, и я неоднократно видел, как Небе возвращался с обедов, совершенно обессиленным, его нервы не выдерживали, и однажды у него случился нервный припадок. Два раза он должен был поехать в длительный отпуск для поправки здоровья, поскольку он просто не мог больше выносить этой циничной откровенности, с которой говорилось о массовых убийствах и о технике этих убийств.

Я вспоминаю еще о страшном времени сооружения первых газовых камер, которые подробно обсуждались в этих кругах, и о тех экспериментах, с помощью которых можно было скорее всего и основательнее устранять евреев. Это было самое ужасное, что я когда-либо слышал в своей жизни, поскольку бесконечно страшнее было слышать тогда о таких преступлениях от человека, который находился под впечатлением всех этих разговоров и который был разбит этими разговорами в психическом и физическом отношении, чем теперь слышать об этом из документов. Небе так тяжело заболел, что уже 20 июля у него появилась мания преследования. После всего того, что он пережил, он превратился в полнейшую человеческую развалину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Было ли обычной традицией устраивать ежедневные обеденные конференции начальников главного управления безопасности, тех, которые находились в городе ?

ГИЗЕВИУС. Да, у них ежедневно собирались такие конфе-

реции. За обедом обсуждались все вопросы. Для нас это было особенно важно, потому что члены нашей группы имели возможность слышать там во всех деталях о борьбе гестапо с нашей группой. В качестве примера я могу здесь привести следующее: издание приказа об аресте Герделера 17 июля было решено на одном из таких обедов. Небе нас тотчас же предупредил. Это было причиной того, что Герделеру удалось бежать на значительное время и мы могли знать о том, в какой степени гестапо было осведомлено о нашем заговоре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И кто регулярно присутствовал на этих совещаниях за обедами ?

ГИЗЕВИУС. Кальтенбруннер председательствовал, затем начальник гестапо Мюллер, Шелленберг, Зленгорф и Небе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Известно ли Вам о том, что на этих совещаниях обсуждались новые способы пыток и техника убийства газом и другие меры в концлагерях ?

ГИЗЕВИУС. Да. Эти вопросы все обсуждались до деталей. Я об этом узнавал через несколько минут после окончания обеда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каково было положение в связи с информацией министерства иностранных дел о поведении гестапо ? Сможете ли Вы нам сказать, что было сделано с тем, чтобы проинформировать министерство иностранных дел время от времени о преступлениях, совершаемых гестапо ?

ГИЗЕВИУС. Министерство иностранных дел, особенно в первые годы, постоянно осведомлялось об этом, поскольку каждый день какой-нибудь иностранец или избивался до полусмерти или ограблялся. Естественно, что дипломатические миссии жаловались и эти жалобы из министерства иностранных дел поступали в министерство внутренних дел, и они поступали в мой отдел. Часто я в день получал таких дипломати-

H1199 – 0192

H1199-0193

чесних нот о нападениях гестапо по 4-5 штук, и я могу засвидетельствовать, что в течение лет едва ли имелось хоть одно преступное деяние гестапо, о котором бы не говорилось в этих нотах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Делали ли Вы отчеты министерству иностранных дел, которые были бы таким образом переданы, что Вы были бы совершенно уверены, что они дойдут до Нейрата.

ГИЗЕВИУС. Риббентроп еще не был тогда министром иностранных дел. Тогда был ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я имею в виду Нейрата.

ГИЗЕВИУС. Я очень часто лично обсуждал эти вопросы с референтами из министерства иностранных дел, поскольку эти вопросы были особенно скользкими. Поскольку референты министерства иностранных дел очень возмущались этим, то я неоднократно просил их доложить об этом по служебной линии министру иностранных дел. Кроме того, я представлял большое количество материалов начальнику протокольного отдела, ближайшему сотруднику министра иностранных дел фон Бюлов-Шванте и, согласно заявлению Бюлов-Шванте, которое он мне делал, он неоднократно представлял этот материал Нейрату.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Далее. Были ли некоторые сотрудники ближними сотрудниками фон Папена? Фон Папен подвергался каким-либо действиям со стороны гестапо ?

ГИЗЕВИУС. Вначале за всем кругом знакомых Папена гестапо все время следило, поскольку, во-первых, в течение многих лет в широких кругах народа утвердилось мнение, что Папен в Германии является лучшим воплотителем справедливости и порядочности. Вокруг Папена образовалась большая группа и, само собой разумеется, что гестапо очень тща-

тельно следила за этими людьми. Так как в бюро Папена на все эти жалобы, которые поступали туда пачками, была составлена точная опись и так как сам Папен, несомненно, часто отправлялся с этими бумагами к Герингу или во дворец Гинденбурга, поэтому за его ближайшими сотрудниками гестапо особенно следила. Так 30 июня 1934 г. обергруппенфюрер /главный советник правительства/ фон Бозе, ближайший сотрудник Папена, был застрелен в дверях министерского кабинета Папена. Двое других были посажены в тюрьму, а тот молодой человек, который работал предварительно над речами, которые Папен произносил по радио, Эдгар Юнг - был арестован уже за неделю до 30 июня и утром найден убитым в придорожной канаве около Ораниенбурга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Папен продолжал занимать свой пост после этого ?

ГИЗЕВИУС. Я никогда ничего не знал о том, что он выходит в отставку, и знаю, что вскоре после убийства австрийского канцлера Дольфуса он был послан в Вену в качестве посланца Гитлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Выступал ли он с какими-либо протестами, о которых Вам известно ?

ГИЗЕВИУС. Мне лично тогда ничего не было известно об этом, хотя мы и очень прислушивались к тому - не выступал ли какой-нибудь министр с протестом. Во всяком случае от Папена не поступало в министерство внутренних дел ни одного письма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Были ли убиты некоторые из его сотрудников после аншлюса в Австрии ?

ГИЗЕВИУС. В день аншлюса, при вступлении СС в Австрию, первым был взят гестапо ближайший сотрудник Папена, советник посольства барон фон Кеттлер.

H1199 - 0194

H1199-0195

Мы в течение нескольких недель искали его. Спустя 3 или 4 недели его труп был прибит водой к берегу Дуная.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. После этого продолжал ли Папен принимать участие в гитлеровском правительстве и занимать дальнейшие посты по указанию Гитлера.

ГИЗЕВИУС. Тогда он уже не был членом правительства, а после вступления германских войск в Австрию его деятельность, как посланника в Австрии, тотчас прекратилась. Но это продолжалось недолго и вскоре он был послан посланником в Анкару.

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН. Желает ли Трибунал сейчас прервать заседание ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотели бы еще немного времени уделить этому свидетелю, не так ли ?

ДЖЕКСОН. Да. Это займет еще немного времени, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы сейчас прервем заседание.

/Об"является перерыв до 26 апреля 1946 года до 10.00 /

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 26 апреля 1946 г.

/Утреннее заседание/

Продолжение перекрестного допроса Ганса Бернда Гизевиуса.

Встать! Суд идет!

ДЖЕКСОН: Господа судьи!

Доктор Гизевиус, вчера вы неоднократно ссылались на Герберта Геринга, заявив, что Шахт сообщил вам о том, что в его доме гестапо установило микрофон. Скажите, кто был Герберт Геринг и в каком родстве он находится с подсудимым Герингом?

ГИЗЕВИУС: Герберт Геринг был двоюродным братом подсудимого Геринга. Я знал его в течение многих лет, и Герберт так же, как и его остальные братья и сестры, заранее предупреждал меня о том несчастье, которое разразится над Германией, если когда-нибудь такой человек, как его кузен Герман Геринг, займет хотя бы самый незначительный ответственный пост. Они говорили мне о многих личных качествах подсудимого Геринга, с которыми мы затем сами смогли познакомиться, начиная с его тщеславия, его страсти к роскоши, его безответственности, его беспринципности, которая не остановилась бы ни перед чем. Таким образом я уже был в какой-то степени осведомлен, чего следует ожидать от подсудимого Геринга.

ДЖЕКСОН: В течение периода, когда вы производили эти расследования, и во время ваших более ранних бесед с Шахтом, которые имели место, примерно, до 1937 г., вы, как я понял, относились очень критически к Шахту, поскольку он содействовал приходу нацистов к власти и оказывал им поддер-

H1199 – 0196

H1199 – 0197

жку.Это правильно?

ГИЗЕВИУС: Я не понимал,как такой умный человек,с такими большими познаниями в экономической области,как Шахт, мог так крепко связаться с Гитлером. Это было для меня тем более загадочным,что,с другой стороны, тот же самый Шахт с самых первых дней в тысяче мелочей оказывал сопротивление нацистам,а германская общественность с удовольствием узнавала многочисленные замечания Шахта,очень меткие и остроумные,которые он делал относительно нацистов. Это было для меня загадкой до тех пор,пока я не познакомился сам с Шахтом. А тогда...

ДЖЕКСОН: В течение этого периода Шахт,несомненно,оказывал большое влияние на германский народ, не так ли, в особенности на тех представителей германского народа,которые стояли у власти?

ГИЗЕВИУС: Он имел большое влияние, так как многие немцы видели в нем поборника права и порядочности, и слышали,что он предпринимал шаги в этом направлении. Я напомню о его деятельности в имперском министерстве экономики,где многие чиновники,которые не были членами партии...

ДЖЕКСОН: Мне кажется,что этот вопрос освещен уже достаточно. Мне хотелось бы перейти к следующему вопросу и поэтому я позволю себе вас прервать.

ГИЗЕВИУС: Хорошо.

ДЖЕКСОН: В течение этого времени вы представляли доктору Шахту отчеты о результатах вашего расследования преступной деятельности гестапо,не так ли?

ГИЗЕВИУС: Да, я говорил с каждым разом все более открыто и совершенно ясно,что...

ДЖЕКСОН: И по его мнению,насколько я вас понимаю,Гитлер и Геринг ничего не знали о том,что происходило.

ГИЗЕВИУС: Да,ему казалось,что Гитлер ничего не знал

об этих ужасных вещах,а Геринг знал только частично.

ДЖЕКСОН: И он вплоть по 1937 г. являлся сторонником Геринга, до тех пор, пока Геринг не отстранил его от работы в отделе экономики,не так ли?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется,что это было уже в конце 1936 г., хотя,может быть, я и ошибаюсь. Мне кажется,что скорее можно сказать,что он искал поддержки Геринга и надеялся,что Геринг защитит его от партии и гестапо.

ДЖЕКСОН: Другими словами,Шахт не прислушивался к вашим предупреждениям о Геринге до конца 1936 г. или 1937 г.?

ГИЗЕВИУС: Да, это верно.

ДЖЕКСОН: И в течение этого периода не было сомнений в том,что Шахт был выдающейся фигурой в области экономики, особенно в осуществлении программы перевооружения, пока он не был заменен Герингом,в связи с реализацией 4-летнего плана?

ГИЗЕВИУС: Я не знаю,точно ли поступил ко мне перевод. Конечно,занимая пост министра экономики,он был руководящим лицом германской экономики,причем не только в области вооружения, но и во всей германской экономике. Вооружение составляло лишь часть экономики Германии.

ДЖЕКСОН: Таким образом,как Шахт,так и вы,насколько я понимаю,в то время считали,что по германским конституционным законам война не могла быть об'явлена без санкции имперского кабинета. Так ли это?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: Другими словами,насколько я вас понимаю, с точки зрения германской конституции и в соответствии с германским правом,война ,которая была об'явлена и проведена Гитлером,являлась незаконной?

ГИЗЕВИУС: Да, это является нашим твердым убеждением.

H1199 – 0198

H1199 – 0199

ДЖЕКСОН: Насколько я помню, вчера мы говорили с вами о том положении, которое вы должны были занять в случае, если бы удалось свергнуть гитлеровский режим. Если бы это движение оказалось успешным, Шахт, очевидно, мог бы стать канцлером. Не так ли?

ГИЗЕВИУС: Нет, это правильно только в свете первого предложения, которое сделал Гёрделер в июле или августе 1938 года во время своего первого визита к Шахту. Согласно поступившей ко мне информации, Гёрделер спросил тогда Шахта, готов ли он в случае переворота занять этот пост, и Шахт ответил, что он будет готов ко всему, если генералы свергнут нацистское господство и Гитлера. Уже в 1939 г. из отдельных оппозиционеров образовалась наша группа, и с того времени, как Бек стал признанным главой всех заговорщиков, как левых, так и правых, вместе с Беком выдвинулся на передний план Гёрделер. С этого момента на пост рейхсканцлера намечался Гёрделер.

ДЖЕКСОН: Теперь я хочу задать вам несколько вопросов о подсудимом Кейтеле. Конечно, мы знаем о том, что Гитлер фактически являлся главой государства. Но я хочу спросить вас, действительно ли Кейтель занимал руководящий пост и обладал достаточной властью в империи.

ГИЗЕВИУС: Кейтель занимал одно из самых влиятельных мест в Третьей империи. Я хотел бы здесь сказать, что я был в самых дружественных отношениях с четырьмя ближайшими сотрудниками Кейтеля. Это были: начальник управления вооружения в ОКВ, впоследствии убитый генерал Ольбрихт; начальник управления разведки и контрразведки адмирал Канарис /он был также убит/; начальник правового отдела ОКХ министериальдиректор Зак /который был также убит/ и, затем, начальник управления военной экономики генерал Томас, который чудом спасся от смерти. Со всеми этими людьми /мне кажется,

H1199 – 0200

я имею право это сказать/ меня связывала тесная дружба; от них я узнавал со всей точностью,какое громадное влияние имел Кейтель на ОКВ и на все дела в армии и,тем самым,на взаимоотношения армии и народа.Может быть,на самого Гитлера Кейтель не имел особого влияния, Но я должен сказать,что Кейтель имел тем большее влияние на ОКВ и армию. Кейтель решал,какие документы и какой материал должны передаваться Гитлеру. Было невозможно,чтобы генерал Канарис или кто-нибудь из других упомянутых мною выше лиц мог сам послать Гитлеру какой-либо срочный доклад без ведома Кейтеля. Кейтель брал все отчеты к себе; все, что ему не нравилось,он не передавал дальше или же давал этим лицам приказ не делать сообщений в таком духе.

Кейтель неоднократно угрожал этим лицам и говорил,что они должны ограничиться только теми вопросами,которые им поручены, и что за все критические высказывания политического характера против партии, против гестапо, против преследования евреев, против убийств в России или преследования церкви они будут отвечать сами, что он их защищать не будет. Позднее он им заявил,что он не поколеблется удалить их из рядов вооруженных сил и передать в руки гестапо.

Я сам читал записи в дневнике адмирала Канариса по этому вопросу; я читал записи генерала Остера относительно совещаний в ОКВ.Я говорил об этом с верховным судьей сухопутных сил д-ром Заком,и хочу заявить здесь,что генерал-фельдмаршал Кейтель,который должен был защищать своих офицеров,неоднократно грозил передать их в руки гестапо. Он оказывал постоянный нажим на этих офицеров,и они воспринимали это,как сознательно наносимое оскорбление.

ДЖЕКСОН: Другими словами,независимо от того,мог ли Кейтель контролировать действия Гитлера или нет, он,во всяком случае,осуществлял полный контроль над ОКВ,которое

находилось в его подчинении. Это правильно?

ГИЗЕВИУС: Гитлера? Нет,я имею в виду Кейтеля.

ДЖЕКСОН: Независимо от того, мог ли Кейтель контролировать действия Гитлера или нет, он осуществлял полный контроль над ОКВ,которое находилось в его подчинении?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: Другими словами,каковы бы ни были личные намерения Гитлера, эти люди, сидящие здесь на скамье подсудимых,образовали вокруг него кольцо с той целью,чтобы Гитлер не получал от вас информации относительно всего происходящего; и Гитлер действительно ничего не знал за исключением тех случаев,когда они сами хотели,чтобы Гитлер получил те или иные сведения? Так ?

ГИЗЕВИУС: Да. Мне кажется,что я должен упомянуть здесь о двух особенно ярких примерах.Во-первых,всеми средствами пытались побудить фельдмаршала Кейтеля,чтобы он предостерег Гитлера от вступления в Голландию и Бельгию и сообщил ему,что представленная им информация относительно мнимого нарушения нейтралитета Бельгией и Голландией является ложной. Эти изобличающие сведения о Бельгии и Голландии должно было изготовить управление разведки и контрразведки. Адмирал Канарис отказывался тогда подписать эти отчеты.Я прошу проверить правильность моих слов. Он неоднократно говорил Кейтелю,что этот,якобы, изготовленный ОКВ отчет является ложным.Это один пример,когда господин Кейтель не сообщил Гитлеру того,что он должен был сообщить. Второй пример. Томас и Канарис однажды попросили Кейтеля сообщить Гитлеру подробности об убийствах в Польше и России. Для адмирала Канариса и его друзей было важно,пресечь эти массовые убийства в самом начале и уведомить о них Кейтеля уже в то время,когда гестапо делало первые приготовления к этим позорным деяниям. Мы узнали обо всем

H1199 – 0201

H1199-0202

этом через Небе и других лиц. Кейтель был проинформирован об этом самым подробным образом,но и здесь он вначале не оказал никакого противодействия гестапо; а если кто-либо с самого начала не пресечет работу гестапо, то он не должен удивляться,когда впоследствии будут совершены миллионы злодеяний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон, насколько я понял, вы спросили: "Разве эти люди,сидящие здесь на скамье подсудимых, не создали вокруг Гитлера такое кольцо,которое мешало вам иметь доступ к Гитлеру,а ответ,данный на этот вопрос, относился скорее только к одному Кейтелю.Если вы хотели задать вопрос в отношении всех подсудимых,то я считаю,что этот вопрос следовало бы задать в более ясной форме.

ДЖЕКСОН: Да,ваша честь,вы правы. Каждый из этих подсудимых,который занимал тот или иной пост в одном из министерств,контролировал все отчеты,поступавшие к Гитлеру из каждого соответствующего министерства.Не так ли,свидетель?

ГИЗЕВИУС: На такой общий вопрос я должен ответить очень осторожно. Около Гитлера был узкий круг лиц,через который не могло пройти то,о чем не следовало говорить. Я,конечно,не могу отнести сюда такого человека, как Папен или как Нейрат.Ясно,что Папен или Нейрат или,может быть, еще кто-либо из подсудимых,спустя определенное время,не имели возможности регулировать доступ сведений к Гитлеру, поскольку у Гитлера наряду с Нейратом уже давно был свой Риббентроп.Таким образом,я могу лишь сказать,что определенная,всем известная группа составляла тот узкий круг,о котором я говорил.

ДЖЕКСОН: Я хочу,чтобы вы назвали тех подсудимых,которые имели доступ к Гитлеру,и тех подсудимых,которые могли

бы каким-либо образом предотвратить доступ к Гитлеру,используя для этого своих подчиненных. Это относится к Герингу, Риббентропу,Кейтелю,Кальтенбруннеру,Фрику и Шахту /до того времени,когда он отошел от них,как вы сами заявили об этом в своих показаниях/, а также к Деницу,Редеру, Заукелю и Шпееру.Не так ли?

ГИЗЕВИУС: Многих вы назвали напрасно,а многих пропустили. Мне кажется,что следует назвать здесь подсудимого Иодля и указать на то губительное влияние, которое он оказывал,и на особое положение,которое он занимал при Гитлере. С другой стороны,мне кажется, из моих показаний ясно видно,что Шахт не занимал такого особого положения при Гитлере и мог только радоваться,когда его честные и откровенные отчеты или отчеты из других министерств попадали к Гитлеру.

Что касается подсудимого Фрика,то мне не кажется,чтобы он также занимал особое положение.По-моему,все дело о Фрике может быть решено лишь в свете решения вопроса о понятии "ответственности".

ДЖЕКСОН: Следует ли Функа включить в число тех лиц,которые имели доступ к Гитлеру?

ГИЗЕВИУС: Функ, несомненно,имел доступ к Гитлеру в течение долгого времени и,конечно,Функ в своей области несет ответственность за то,что дела в министерстве экономики и в имперском банке шли так, как хотелось Гитлеру.Функ, бесспорно,поставил свои выдающиеся знания в экономических вопросах на службу Гитлеру.

ДЖЕКСОН: Далее, подготавливали ли вы или принимали ли вы участие в подготовке отчетов,которые посылались Кейтелю касательно преступной деятельности гестапо?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: Другие лица также участвовали вместе с ва-

H1199 – 0203

H1199 – 0204

ми в подготовке этих отчетов?

ГИЗЕВИУС: Да, это была коллективная работа. Мы собирали сведения о планах гестапо и подготовке к их осуществлению. Мы также собирали материалы о первых злодеяниях. На фронте смельчаки из числа офицеров генерального штаба и сухопутных сил составляли протоколы, делали фотоснимки, после чего этот материал поступал в группу Канариса и Остера. Затем возникла проблема, каким образом можно будет пред'явить эти материалы Кейтелю. Как известно, офицерам, в том числе и высшим офицерам, как Канарис и Томас, было запрещено делать какие-либо отчеты по политическим вопросам. Таким образом, трудность заключалась в том, чтобы Канарис и Томас не были заподозрены в политической деятельности. Мы выбрали окольный путь: мы изготовили так называемые отчеты агентов разведки, действовавших в других странах, в том числе и оккупированных, и под предлогом, что эти фотографии были найдены агентами, а отчеты о зверствах составлены ими, мы пред'явили весь материал фельдмаршалу Кейтелю.

ДЖЕКСОН: Принимали ли Канарис и Остер участие в передаче этих отчетов Кейтелю?

ГИЗЕВИУС: Да. Без Канариса и Остера разработка и собирание материала было бы вообще немыслимо.

ДЖЕКСОН: Какие посты занимали у Кейтеля Канарис и Остер в то время, когда передавались эти отчеты?

ГИЗЕВИУС: Канарис был одним из старейших начальников управления в ОКВ. Формально он должен был даже замещать Кейтеля во время его отсутствия. Но Кейтель заботился о том, чтобы его заместителем был кто-либо другой, главным образом, партийный генерал Рейнеке. Остер, будучи начальником штаба у Канариса, находился в самых тесных отношениях с Канарисом. Кейтель мог, таким образом, получать самую правдивую информацию, поддерживая контакт с начальником службы

информации вооруженных сил.

ДЖЕКСОН: Итак, эти отчеты, которые посылались к Кейтелю, исходили от лиц, занимавших наиболее высокие посты в управлении, подчинявшемся Кейтелю?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: Итак, какие отчеты они представляли Кейтелю? Разрешите мне спросить вас, посылали ли они ему отчеты относительно систематического проведения программы убийств нервнобольных людей.?

ГИЗЕВИУС: Да. Об этом были составлены подробные протоколы, к которым были приложены полные отчаяния доклады заведующих больницами для умалишенных. Об этом случае я помню так точно, потому, что у нас были большие трудности при квалификации этих отчетов. Мы докладывали о них, как об отчетах заграничных врачей, которые были глубоко возмущены всеми этими событиями.

ДЖЕКСОН: Упоминалось ли в этих докладах относительно преследования и убийств евреев и относительно проведения программы истребления евреев?

ГИЗЕВИУС: Начиная с первых еврейских погромов в 1938 г., Кейтель был самым подробным образом информирован о всех "акциях", предпринимавшихся против евреев. В частности, он был осведомлен о создании первой газовой камеры, о первых массовых могилах на Востоке и о сооружении фабрик смерти.

ДЖЕКСОН: Сообщалось ли в этих отчетах о зверствах, совершавшихся в Польше против поляков?

ГИЗЕВИУС: Да. Я хотел бы еще сказать, что злодеяния в Польше начались с отдельных убийств, которые были настолько ужасны, что мы себе в то время позволили роскошь сообщать о каждом отдельном убийстве и указывать фамилии ответственных за это фюреров СС. Полсудимый Кейтель знал обо всех этих ужасах.

H1199 – 0205

H1199 – 0206

ДЖЕКСОН: Практиковалась ли также передача сообщений Кейтелю относительно зверств, совершенных против населения других оккупированных стран?

ГИЗЕВИУС: Да. В первую очередь я должен, разумеется, назвать те ужасы, которые имели место в России. При этом я должен особенно подчеркнуть тот факт, что Кейтель на основании зверств в Польше + мог знать о том, что следует ожидать в России. Я знаю, что такие приказы, как приказ о расстреле комиссаров и приказ "мрак и туман", подготавливались в течение недель в ОКВ. Уже в самые первые дни разработки этих приказов мы просили Канариса и Остера сделать соответствующие представления Кейтелю. Я хотел бы здесь добавить, что у меня нет сомнений в том, что и другие порядочные люди выступали с возражениями по этому вопросу у Кейтеля. На основании того факта, что я принадлежал к определенной группе, может возникнуть впечатление, будто бы лишь принадлежавшие к этой группе выступали с возражениями. Я не сказал бы самого существенного, если бы не упомянул, что как раз в ОКВ и генеральном штабе были замечательные люди, которые делали все для того, чтобы каждый своим путем повлиять на Кейтеля. Во многих министерствах были также порядочные люди, которые убеждали каждого офицера, с которым только встречались, прекратить эти безобразия.

ДЖЕКСОН: Говорилось ли в отчетах, передаваемых Кейтелю, о насильственном угоне в рабство миллионов иностранных рабочих и об их отправке в Германию?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: Эти рабочие, угнанные в рабство, представляют собой большой процент лиц, находящихся в настоящее время в Германии и не имеющих постоянного местожительства. Это так?

ГИЗЕВИУС: Да, здесь я хотел бы отметить, что в наших отчетах уже было сказано, какую ответственность понесут во-

H1199 – 0207

оруженные силы,когда эти люди,подвергавшиеся мучениям,окажутся на свободе. Мы уже тогда предчувствовали,что должно произойти,и тот,кто составлял тогда отчеты,понимает теперешнюю обстановку.

ДЖЕКСОН: Имелись ли в этих отчетах сообщения о преследовании церкви в оккупированных странах?

ГИЗЕВИУС: Да.Я хотел бы привести пример,как однажды мы послали в Норвегию руководящих деятелей церкви под видом агентов.Они установили контакт с епископом Бергграфом и доставили нам затем очень подробные отчеты о том,что думает епископ Бергграф по поводу преследования церкви в Норвегии и других странах. Этот отчет стоит у меня до сих пор перед глазами,т.к. Кейтель написал на нем одно из своих известных изречений в национал-социалистском духе.

ДЖЕКСОН: Эти отчеты,таким образом,состояли из информаций, передаваемых Канарисом и Остером, и из отчетов,поступавших из различных районов,предусмотренных данной программой?

ДЖЕКСОН: Я хочу задать несколько вопросов об организациях СА и СС. В вашей книге,о которой я вас уже спрашивал, насколько я помню,вы охарактеризовали СА,как частную армию нацистской организации. Это правильная характеристика?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: В течение начального периода борьбы за власть СА представляла собой эту частную армию для проведения приказов нацистской партии,не так ли?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: В СА было принято большое количество членов, но затем наступило время,когда создалась опасность,что многие из них пожелают покинуть эту организацию.Не так ли?

ГИЗЕВИУС: Да,это правильно.

ДЖЕКСОН: И убийство Рема и его сотрудников являлось,

H1199 – 0207

H1199-0208

собственно, борьбой за власть между Герингом и Гиммлером. С одной стороны, нацисты сотрудничали с Герингом и Гиммлером, с другой стороны - они поддерживали Рема и его сторонников?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: После убийства Рема организация СА, которая была в то время очень большой, в значительной степени утратила свое значение?

ГИЗЕВИУС: Да, полностью.

ДЖЕКСОН: И СС, которая была меньшей по численности и более компактной, чем СА, заняла место СА и стала выполнять роль частной армии, не так ли?

ГИЗЕВИУС: Да, частной армии, которая имела решающее значение.

ДЖЕКСОН: Итак, вернемся к деятельности СА в период, который предшествовал началу борьбы за власть, результатом которой явилось убийство Рема. Какую роль играла СА в борьбе за власть и в захвате власти?

ГИЗЕВИУС: Как пелось в песне, "она расчищала улицу ~~им~~ для коричневых батальонов". Несомненно, при так называемом захвате власти СА сыграла выдающуюся роль. Ясно, что без СА Гитлер не пришел бы к власти.

ДЖЕКСОН: Теперь давайте перейдем к рассмотрению методов, которые использовала СА. Мне кажется, что я могу сократить обсуждение этого вопроса, если я приведу цитаты из вашей книги. Вы, кажется, говорите, что "организация СА принимала решения за каждого, кто не имел своего собственного мнения. Их методы были примитивны, но всегда являлись более эффективными. Например, каждый очень быстро изучил новый гитлеровский салют; проходя по тротуару мимо марширующей колонны войск СА даже в дни, когда не было парадов, Вы могли наблюдать, как некоторые из марширующих "отборных

членов СА били по голове тех пешеходов, которые не отдавали правильного салюта, по крайней мере, за три шага от флага СА. Таким же образом действовали штурмовые войска". Это правильная характеристика их деятельности и влияния?

ГИЗЕВИУС: По-моему, да.

ДЖЕКСОН: Вы знаете, что это так, не правда ли?

ГИЗЕВИУС: Да, да, это мое собственное описание, не мне давать оценку этой книге.

ДЖЕКСОН: Да, но вы видели эти вещи собственными глазами? Не так ли? Вы были в Германии в то время?

ГИЗЕВИУС: Да, Конечно

ДЖЕКСОН: Видите ли, доктор, нам сейчас очень трудно, хотя мы и располагаем всеми документами, представить себе ясную картину всех событий, происходивших изо дня в день. Вы были там, в то время, а мы - нет.

Я хочу привести еще одну цитату:

"Хроника событий в жизни этой частной армии является поистине яркой и драматичной. Она изобилует скандалами в пивных, уличными драками, поножовщиной, расстрелами и кулачными боями. Все это вместе взятое, представляет собой побоища ландскнехтов, которые не останавливались ни перед мятежами, ни перед путчами. В этом содружестве ярых германских националистов, без сомнения, было кое-что от идеализма, но в то же время в СА находили приют многие политические отщепенцы.

"В СА находили приют все обиженные судьбой, лишенные наследства и головорезы. Основной состав СА, т.е. постоянная оплачиваемая группа, состоявшая главным образом из руководителей, набирался с течением времени в основном из подонков общества периода политического и социального упадка".

Эта цитата правильно отражает ваше представление об СА в то время?

ГИЗЕВИУС: Да.

H1199 - 0209

H1199 – 0210

ДЖЕКСОН: Разрешите обратить ваше внимание на другую цитату: "Организация СА организовывала крупные налеты. Члены СА обыскивали дома, конфисковывали собственность, допрашивали людей и сажали их в тюрьмы. Короче говоря, СА назначила себя постоянным вспомогательным отрядом полиции и не обращала внимания на обычаи, установившиеся в период существования Веймарской республики. Самым ужасным для беспомощных властей было то, что СА никогда добровольно не возвращала своей добычи. Она не выпускала никого, кто попадал в ее лапы. С этого времени начинают свое существование так называемые "бункеры", т.е. те индивидуальные тюрьмы, которые обязательно имелись при каждом штурмовом отряде СА. "Угон" стал неот'емлемым правом СА. Оценка деятельности штандартенфюрера определялась числом арестованных им лиц. Хорошая репутация члена СА зависела от эффективности, с которой он "воспитывал" — это слово вами взято в кавычки, - "воспитывал" своих заключенных. В борьбе за власть уже более не применялись уличные драки, однако, "борьба" продолжалась, но удары исходили от тех, кто был облечен полной властью". Это правильное изложение ваших наблюдений относительно деятельности СА?

ГИЗЕВИУС: Да, конечно.

ДЖЕКСОН: Вы, кажется, употребили термин "бункер". Это - несколько технический термин, с которым не все из нас знакомы. Может быть вы скажете Трибуналу, что представляла собой система бункеров в СА?

ГИЗЕВИУС: Это были подвалы или другие помещения за толстыми стенами, куда запирали несчастных пленников и где их били и большей частью забивали до смерти. Это - те частные тюрьмы, где в первые месяцы систематически обезвреживали руководителей левых партий и профсоюзов. Этим об'ясняется тот факт, что впоследствии левые партии долго не могли на-

чать действовать,так как все руководство их было уничтожено.

ДЖЕКСОН: Вы также сказали:"угон стал неот'емлемым правом СА". Слово "угон" вы взяли в кавычки. Расскажите нам,что вы понимаете под этим, как производились эти угоны?

ГИЗЕВИУС: Это были поголовные аресты,причем родственники арестованных в течение недель и месяцев не знали,куда попадали несчастные жертвы,и были рады,когда последние вообще возвращались домой.

ДЖЕКСОН: Вы также сделали в своей книге следующее заявление: "Каждый эксцесс,оправданный,как рвение послужить делу национал-социалистской революции,являлся доказательством того,что он был официально санкционирован; он неизбежно влек за собой новый эксцесс. Именно то обстоятельство,что эти зверства допускались в течение первых месяцев, явилось впоследствии поощрением к совершению садистских убийств в концлагерях. Разнузывание зверских инстинктов и безрассудных стремлений в самом населении далеко за пределами гестапо,как это случилось к концу революции,явилось неизбежным следствием первых безответственных попыток развязать руки коричневорубашечникам для насилий и беззаконий."

Эта цитата также правильно отражает вашу точку зрения на СА?

ГИЗЕВИУС: Да, и не только на СА,но и на общее положение в Германии.

ДЖЕКСОН: Далее я попрошу вас рассказать о следующем. Правильно ли я вас понял,что после путча Рема несколько видоизменилась роль СА,как частной армии,и под руководством Гиммлера была создана меньшая по составу,но более компактная и более надежная частная армия?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется, что мне следует выразиться та-

H1199-0211

H1199 – 0212

ким образом. Давно созданная Гиммлером гвардия взялась тогда за дело. Я не сомневаюсь,что Гиммлер и круг его приближенных уже в течение ряда лет стремились с помощью охранных отрядов в один прекрасный день установить в Германии систему террора. До 30 июня СС составляли лишь часть СА и Рем был также верховным фюрером СС. Путь Гиммлера к посту руководителя полицией в Германии,к господству эла был расчищен лишь тогда,когда Рем со своими куда более значительными отрядами СА был устранен. Но следует предположить,что жажда власти была у СС,с их путанными и бесчестными идеями,и у руководства СС еще задолго до этого времени.

ДЖЕКСОН: Итак,организация СС отбирала своих членов с большой тщательностью,не правда ли?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: Может быть, вы расскажете нам о том,что практически нужно было знать,чтобы стать членом СС? Кто мог быть членом СС?

ГИЗЕВИУС: Члены СС должны были принадлежать к так называемому нордическому типу. Анкету с соответствующими вопросами я всегда считал хорошим материалом для юмористического журнала. Поэтому я сейчас не в состоянии сообщить деталей. Я могу сказать лишь,если не ошибаюсь,что даже подмышечный пот являлся признаком нордического происхождения. Я помню,что при выборе членов СС для службы в полиции Гейдрих и Гиммлер принимали окончательные решения только тогда,когда у них в руках находилась фотокарточка их будущих жертв. Я знаю,что Небе неоднократно спасал чиновников, которым грозил перевод из уголовной полиции в гестапо, тем, что он пред'являл их очень плохо изготовленные фотографии, где они выглядели, по возможности, менее нордически. В таких

случаях их кандидатуры немедленно отводились. Но мы слишком отклонились бы в сторону, если бы я в этом зале стал говорить более подробно обо всех подобных ужасах.

ДЖЕКСОН: Набирались ли члены СС только из так называемых фанатичных нацистов, т.е. надежных нацистов?

ГИЗЕВИУС: Мне кажется, что здесь мы должны сделать разграничение во времени. В первые годы существования СС очень многие из порядочных немцев, прежде всего, крестьяне и люди из провинций, вступали в СС, т.к. они поверили заверениям Гиммлера, что СС является такой организацией, которая восстановит порядок в Германии и послужит противовесом террору СА. Насколько я знаю, многие лица до 1933 года и даже в 1933-1934 гг. вступили в СС, т.к. надеялись, что это - организация, охраняющая порядок и справедливость. Я считаю своим долгом упомянуть о трагедии этих людей. Необходимо в каждом отдельном случае расследовать, провинились они впоследствии или остались порядочными. Но с определенного времени - я вчера назвал 1935 год - истинные цели СС стали ясны для всех. С того времени - я принимаю вашу формулировку - в ряды СС вступали только фанатичные национал-социалисты, так сказать, сверх-национал-социалисты.

ДЖЕКСОН: Будучи компетентным лицом, считали ли вы, что, начиная с 1935 г. и впредь, лица, которые вступали в СС, знали, о том, какова была действительная деятельность СС?

ГИЗЕВИУС: Да. Каждый знал, на что он шел и какие приказы ему придется исполнять.

ДЖЕКСОН: Трибунал просил меня попросить вас в связи с инцидентом и узнать, имеются ли у вас по этому поводу какие-либо дополнительные сведения. У меня больше нет никаких материалов относительно этого инцидента и угроз, которая имела место. Вы хотите что-нибудь добавить по поводу

H1199 – 0213

H1199 – 0214

этого инцидента с целью раз'яснения этого вопроса Трибуналу. Можете ли вы сообщить о том, что еще неизвестно Трибуналу?

ГИЗЕВИУС: Я хотел бы здесь раз'яснить, что д-р Дикс сообщил мне не только о разговоре с д-ром Штамером. В то утро я пришел в комнату адвокатов; я здесь не хочу сообщать деталей, но атмосфера, которая меня там встретила, не была особенно благожелательной. Я должен был сказать тогда кое-что д-ру Диксу. Господин д-р Штамер приблизился к нам, видимо, очень взволнованный, и попросил д-ра Дикса поговорить с ним. Д-р Дикс отказался, заявив, что он не может, т.к. разговаривает со мной. Д-р Штамер заявил громким голосом, что ему совершенно необходимо тотчас же поговорить с д-ром Диксом. Д-р Дикс отошел на два шага в сторону. Между ними начался разговор, который д-р Штамер вел таким громким голосом, что я не мог не слышать его. Я сказал стоявшему рядом адвокату -д-ру Краусу: "Вы только послушайте, как ругается д-р Штамер". Ко мне подошел тогда очень возбужденный д-р Дикс. На мой вопрос, что дословно просил передать мне подсудимый Геринг, д-р Дикс повторил то, что я сам почти полностью слышал. Я подчеркиваю, что если бы у меня была возможность рассказать самому об этой истории, то я заявил бы следующее: у меня сложилось впечатление, что д-р Штамер с помощью этого разговора просто передал мне угрозу со стороны подсудимого Геринга.

ДИКСОН: Далее, после того, как Гитлер пришел к власти, практиковалась ли, с вашей точки зрения, при нацистском режиме система обогащения нацистских министров и нацистских чиновников за счет конфискации собственности евреев и других лиц?

ГИЗЕВИУС: Да, это с каждым годом принимало все более циничный характер и мы даже вели списки, кто из министров,

H1199 – 0215

фельдмаршалов и генералов принимал участие в этой системе обогащения. Мы намеревались позднее спросить этих генералов и министров, употребили ли они эти деньги для своих личных целей или положили эти дотации на особый закрытый счет.

ДЖЕКСОН: Можете ли вы сообщить Трибуналу, кто из подсудимых занимался самообогащением таким путем, о котором вы сейчас говорили?

ГИЗЕВИУС: К сожалению, я могу дать суду лишь сведения отрицательного характера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ко мне не поступает перевод.

ГИЗЕВИУС /повторяет/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перевод все еще не поступает.

ГИЗЕВИУС /повторяет/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, сейчас следует об'явить перерыв на 10 минут.

/ П е р е р ы в /.

ДЖЕКСОН: Доктор Гизевиус, у меня имеется еще несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать в связи с войной и движением сопротивления, участником которого вы являлись.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон. У меня есть один вопрос к свидетелю.

Вы сказали, что у вас есть список министров и генералов, занимавшихся самообогащением. Откуда у вас эти сведения?

ГИЗЕВИУС: Мы получали информацию из различных министерств, из приемных министров и из министерства финансов. Но я не совсем еще ответил на вопрос. Я сказал, что на вопрос о том, какие подсудимые обогащались, я могу ответить лишь в отрицательном смысле. Говоря о подсудимом

H1199 – 0215

H1199 – 0216

Шахте, я должен сказать, что я лично не видел этих списков, а только участвовал в опросе Шахта – и знал поэтому, что он лично не обогащался. Я не хочу сказать, что все подсудимые, в особенности подсудимый Папен или Нейрат, обогащались. Я не знаю этого и только хотел сказать одно, что мы знаем, я лично знаю, что Шахт не участвовал в этой системе обогащения.

ДЖЕКСОН: В дополнение к этой системе обогащения за счет конфискованной собственности – практиковались также открытые подарки от Гитлера генералам и министрам, которые давались или в виде крупных денежных сумм или в виде имений?

ГИЗЕВИУС: Да. Это были знаменитые дотации, которыми систематически подкупался высший генералитет после того, как началась война.

ДЖЕКСОН: Эти подарки получали многие министры?

ГИЗЕВИУС: Я в этом не сомневаюсь.

ДЖЕКСОН: Далее, насколько я понял ваши показания, независимо от того, какие были у вас сомнения до 1938 года, кризис Фрича, представлявший собой событие, или, скорее, серию событий, убедил даже Шахта в том, что Гитлер собирался развязать агрессивную войну.

ГИЗЕВИУС: После кризиса Фрича Шахт был убежден в том, что уже невозможно предотвратить экстремистский курс и – тем самым – курс на войну.

ДЖЕКСОН: Итак, у вас, членов движения сопротивления, больше не было никакого сомнения в том, что атака на Польшу в сентябре 1939 г. была агрессией со стороны Гитлера?

ГИЗЕВИУС: Нет, в этом не могло быть никакого сомнения.

ДЖЕКСОН: И что не были окончательно истощены дипломатические средства для выяснения тех несправедливостей, которые, по мнению Германии, существовали в отношении кори-

H1199 – 0217

пора и Данцига?

ГИЗЕВИУС: Я могу только сослаться на имеющиеся документы. Желания сохранить мир не было.

ДЖЕКСОН: Участники германского движения сопротивления, как я вас понял, были согласны с тем,что нужно добиться различных изменений Версальского договора,а также различных экономических улучшений для Германии,которых бы желал германский народ. В этом вы все всегда соглашались,не так ли?

ГИЗЕВИУС: Мы все считали,что в Европе следует сначала восстановить спокойствие и разумное равновесие,если даже и необходимо будет внести изменения в Версальский договор мирным путем переговоров.

ДЖЕКСОН: Ваше отличие от нацистской группы по этому вопросу заключалось,главным образом,в применяемом методе?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: С самого начала, как я вас понял,ваша группа считала,что война явится ужасным бедствием для Германии и для всего мира?

ГИЗЕВИУС: Да.

ДЖЕКСОН: И что необходимые изменения легко могли бы быть достигнуты мирным путем?

ГИЗЕВИУС: Да, это совершенно правильно.

ДЖЕКСОН: Я полагаю,что именно в связи с различиями во мнениях,ваше движение сопротивления против существовавшего режима в Германии осуществляло свои предложения о путчах и покушениях,которые вы описывали?

ГИЗЕВИУС: Да,но я должен дополнить,что мы не только думали о больших внешних опасностях,но также сознавали те внутренние опасности,которые заключала в себе эта система террора. С самого начала в Германии существовала группа

H1199-0217

H1199-0218

людей, которые вообще еще не думали о возможной войне и, несмотря на это, все же восставали против несправедливости, лишения свобод и религиозных преследований. Таким образом, вначале это была борьба не против войны, а борьба, если можно так сказать, за права человека. И с первого же момента во всех слоях народа, среди людей всех профессий и возрастов были люди, готовые за эти идеи бороться, страдать и умереть.

ДЖЕКСОН: Далее, в данном случае может возникнуть вопрос о том, каковы были ваши мотивы и ваши цели в этом движении сопротивления по отношению к германскому народу. Я прошу вас заявить Трибуналу, каковы были общие цели движения сопротивления тому правительству, которое стояло у власти в вашей стране.

ГИЗЕВИУС: Я хочу сказать, что только потому, что смерть пожинала такой богатый урожай среди этой группы участников движения сопротивления, именно я выступаю здесь, в ином случае другие более компетентные и достойные люди могли бы дать ответ на этот вопрос. Только указав на это, я считаю себя в праве ответить, что и среди евреев, и среди христиан в Германии были люди, которые думали о свободе религии, о праве и человеческом достоинстве, причем не только для немцев; они чувствовали на себе, как на немцах, большую ответственность за то, что происходило во всей Европе и во всем мире.

ДЖЕКСОН: Насколько я вас понял, это была группа, которая составляла движение сопротивления?

ГИЗЕВИУС: Это была не только одна группа. Было много людей, которые не хотели, чтобы секрет их участия в сопротивлении был записан в протоколы гестапо, и уносили его с собой в могилу; лишь немногим из них выпала честь быть упомянутым сегодня в качестве членов группы движения сопротивления.

ДЖЕКСОН: Большинство людей, которые вместе с вами принимали участие в движении сопротивления, уже умерли?

ГИЗЕВИУС: Да, почти все.

ДЖЕКСОН: Доктор Гизевиус, желаете ли вы еще что-нибудь добавить, чтобы раз'яснить Трибуналу занимаемую вами позицию?

ГИЗЕВИУС: Извините, я не совсем понял вас.

ДЖЕКСОН: Желаете ли вы еще что-нибудь добавить, чтобы Трибунал мог понять, какую вы занимали позицию, каковы были ваши взгляды, с тем, чтобы Трибунал мог понять и оценить ваше отношение ко всем этим вопросам.

ГИЗЕВИУС: Я не хотел бы говорить о себе. Я хотел, г-н обвинитель, лишь поблагодарить вас за то, что вы предоставили мне возможность со свидетельского пульта дать важные свидетельские показания от имени мертвых и живых.

ДЖЕКСОН: На этом я заканчиваю свой допрос.

Генерал АЛЕКСАНДРОВ: Господин председатель!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не было ли договоренности между обвинителями о том, что свидетели, вызываемые подсудимым Фриком, будут допрошены только одним обвинителем?

Генерал АЛЕКСАНДРОВ: Г-н председатель, между обвинителями имеется договоренность, что допрос подсудимого Шахта и его свидетелей производится американским обвинением; при наличии же дополнительных вопросов в перекрестном допросе, принимает участие и обвинитель от Советского обвинения. В виду наличия у Советского обвинения вопросов к свидетелю Гизевиусу, имеющих существенное значение для дела, я прошу разрешить задать свидетелю эти вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каковы эти вопросы, которые, по вашим словам, представляют особую важность для Советского Союза? Я не имею в виду отдельных вопросов, меня интересует общий характер этих вопросов.

H1199 – 0219

H1199 - 0220

Генерал АЛЕКСАНДРОВ: Это - вопросы, связанные с ролью подсудимого Фрика в подготовке к войне, вопросы, связанные с отношением подсудимого Шахта к гитлеровскому режиму и ряд других существенных вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал сейчас прервет заседание для того, чтобы рассмотреть вопрос о том, следует ли продолжить перекрестный допрос в дополнение к тому, который уже имел место ранее.

/Об'является перерыв/.

H1199 – 0221

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал имеет перед собой два документа, представленные главными обвинителями, о порядке проведения перекрестного допроса. В первом документе излагается определенный порядок проведения перекрестного допроса подсудимых Кейтеля, Кальтенбруннера, Франка, Фрика, Штрейхера и Функа, причем указывается, что перекрестный допрос подсудимого Фрика и его свидетеля будет произведен американским обвинением. Этот документ был представлен в связи с пожеланием Трибунала не тратить слишком много времени на перекрестные допросы и поэтому чтобы он проводился только одним из обвинителей.

В дополнение к этому документу имеется еще один документ, который представляет собой ориентировочное соглашение обвинителей по вопросу о подсудимом Шахте. В этом соглашении предусматривается, что основной допрос будет проводить американская делегация, а советская и французская делегации впоследствии решат, будут ли они также допрашивать свидетелей.

В связи с этими двумя документами, в первом из которых предусматривается, что обвинение решило, что только один обвинитель будет производить перекрестный допрос свидетелей подсудимого Фрика, а во втором указывается, что в дополнение к американскому обвинению советское и французское обвинения также могут произвести перекрестный допрос подсудимого Шахта и его свидетелей,—Трибунал разрешает дополнительный перекрестный допрос в данном случае. Трибунал также считает, что не следует изобилать жестких правил касательно ведения перекрестных допросов. Однако Трибунал надеется, что в данном случае, после проведенного перекрестного допроса обвинителем от Соединенных Штатов, советский обвинитель проведет свой перекрестный допрос по возможности кратко.

357 Трибунал надеется, что в будущем обвинители будут договариваться между собой о том, чтобы перекрестный допрос свидетелей проводился только одним из обвинителей и чтобы при всех

условиях дополнительный перекрестный допрос проводился по возможности кратко.

АЛЕКСАНДРОВ. Господин свидетель, в целях сокращения времени я прошу отвечать на мои вопросы по возможности кратко.

Скажите, какую роль играло германское министерство внутренних дел и подсудимый Фрик лично в подготовке второй мировой войны ?

ГИЗЕВИУС. На этот вопрос мне трудно ответить. Я ушел в мае 1935 г. ушел из министерства внутренних дел и относительно последующего периода я могу сказать только то, что может сказать каждый немец, а именно, что министерство внутренних дел было частью всей государственной машины и что там, конечно, как и во всех других министерствах, велась подготовка к войне, которая обычно проводится в ходе военных приготовлений.

ПАННЕНБЕКЕР /защитник подсудимого Фрика/. Разрешите мне сказать несколько слов. Свидетель заявил, что он может ответить на этот вопрос только так, как ответил бы на этот вопрос каждый немец. Я считаю, что при таком положении вещей свидетель не может давать подобного рода показаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он только что сказал то же самое. Это то, что он сам сказал, и я не вижу причины для Вашего вмешательства. Свидетель сам сказал так.

ПАННЕНБЕКЕР. Я лишь хотел сказать, что он не может быть допрошен по этим вопросам в качестве свидетеля.

АЛЕКСАНДРОВ. Я лишен по вполне понятным причинам возможности задать подобный вопрос каждому немцу, однако, ответом Гизевиуса я вполне удовлетворен.

Вам известно что-нибудь о Коллегии трех ? Она состояла из генерального уполномоченного имперской администрации, генерального уполномоченного по экономике и представителя ОКВ и на нее была возложена подготовка всех основных вопросов в связи с войной.

H1199 – 0222

H1199 – 0223

ГИЗЕВИУС. Я лично не могу дать никаких сведений по этому вопросу.

АЛЕКСАНДРОВ. Вам известно что-нибудь о том, какую деятельность проводило министерство внутренних дел на оккупированной Германией территории ?

ГИЗЕВИУС. Насколько мне известно, министерство внутренних дел посылало своих руководящих чиновников в военную администрацию, но я не знаю, подчинялись ли они после этого министерству внутренних дел или ОКВ.

АЛЕКСАНДРОВ. Вам, в частности, известно о том, что аппарат рейхскомиссариатов на оккупированной территории Советского Союза комплектовался министерством внутренних дел или, во всяком случае, при его существенной помощи ?

ГИЗЕВИУС. Я предполагаю, что да. Я, по крайней мере, хочу ответить утвердительно на вопрос относительно помощи, оказывавшейся в этой области. Например, министерство по делам русских оккупированных областей получало работников только из отдела кадров министерства внутренних дел.

АЛЕКСАНДРОВ. Что Вам известно о посещении подсудимым Фриком концлагерей ?

ГИЗЕВИУС. В то время, когда я был в министерстве внутренних дел, я об этом ничего не слышал.

АЛЕКСАНДРОВ. А после этого ?

ГИЗЕВИУС.Я тоже ничего не слышал об этом.

АЛЕКСАНДРОВ. Могло ли быть такое положение, при котором подсудимый Фрик, являясь министром внутренних дел, не был осведомлен о системе созданных в Германии концентрационных лагерей и о творившихся там произволах, насилиях и беззакониях ?

ГИЗЕВИУС. Я думаю, что вчера я дал исчерпывающий ответ, сказав, что мы были осведомлены обо всем.

АЛЕКСАНДРОВ. Меня интересует в данном случае подсудимый Фрик. Что Вам о нем известно в этом смысле ?

H1199 – 0224

ГИЗЕВИУС. Я вчера сказал, что в имперское министерство внутренних дел поступали бесчисленные просьбы о помощи, вчера мы здесь видели письмо из министерства юстиции, и я также сослался на ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот вопрос был полностью освещен вчера.

АЛЕКСАНДРОВ. Я перехожу к следующему вопросу. Вам известен действовавший в Германии в 1940 году секретный закон об умерщвлении больных и престарелых ?

ГИЗЕВИУС. Да.

АЛЕКСАНДРОВ. Какое отношение имел подсудимый Фрик к изданию этого закона и проведению его в жизнь ?

ГИЗЕВИУС. Я предполагаю, что он, как министр внутренних дел, подписал этот закон.

АЛЕКСАНДРОВ. Я перехожу к следующему вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот закон, если он существовал, был издан после 1935 г., не так ли ? О каком именно законе Вы сейчас упоминали ? Если это было в 1935 г., то свидетель в то время не был в министерстве внутренних дел.

АЛЕКСАНДРОВ. Я говорю о законе, изданном в 1940 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он не может знать об этом более, чем кто-либо другой.

АЛЕКСАНДРОВ. Я удовлетворен тем ответом, который я получил от свидетеля.

Сейчас разрешите перейти к вопросам, касающимся подсудимого Шахта. Господин свидетель! Вы в течение длительного времени находились с подсудимым Шахтом в близких отношениях. Я правильно Вас понял ?

ГИЗЕВИУС. Да.

АЛЕКСАНДРОВ. Таким образом, Вы были достаточно осведомлены о государственной и политической деятельности подсудимого Шахта ?

H1199 – 0224

H1199 – 0225

ГИЗЕВИУС. Я думаю, что да.

АЛЕКСАНДРОВ. Скажите, что Вам известно о роли подсудимого Шахта в захвате власти Гитлером ?

ГИЗЕВИУС. Это как раз относится к тому времени, когда я не был знаком с Шахтом, и я не могу ничего сказать по этому поводу.

АЛЕКСАНДРОВ. Что Вам известно об этом ?

ГИЗЕВИУС. Я знаю только, что он вступил в кабинет и что он, без сомнения, помогал Гитлеру в предшествовавших этому политических переговорах.

АЛЕКСАНДРОВ. Вам известно было что-нибудь об организации Шахтом встречи Гитлера с крупными промышленниками в феврале 1933 года ?

ГИЗЕВИУС. Нет.

АЛЕКСАНДРОВ. Результатом этой встречи являлось создание денежного фонда для обеспечения успехов нацистской партии на выборах.

Что Вам известно об этом совещании ?

ГИЗЕВИУС. Мне ничего не известно об этом совещании. Я в своей книге написал, что, насколько мне известно, основную сумму денег для избирательной борьбы 1932 года дали Тиссен и Грауэрт, бывший в то время членом Рейнско-Гессенского комитета тяжелой промышленности.

АЛЕКСАНДРОВ. Какова была в этом роль подсудимого Шахта ?

ГИЗЕВИУС. Я не видел тогда Шахта в Рурской области и не знаю, был ли он там. Я еще раз подчеркиваю - я его тогда вообще не знал.

АЛЕКСАНДРОВ. Это мне известно. В своей книге под названием "До тяжелого конца", опубликованной в 1946 году, и в Ваших ответах на вопросы адвоката Дикса Вы характеризуете подсудимого Шахта с положительной стороны. Правильно это ?

ГИЗЕВИУС. Последние слова я не понял.

H1199 – 0226

АЛЕКСАНДРОВ. Я повторяю: Вы характеризуете подсудимого Шахта с положительной стороны. Правильно это ?

ГИЗЕВИУС. Да, да.

АЛЕКСАНДРОВ. Вы утверждаете, что подсудимый Шахт, начиная с 1936 года, находился в оппозиции к гитлеровскому режиму и в достаточно открытой форме высказывал эти свои взгляды. Так ли это ?

ГИЗЕВИУС. Нет, я определенно сказал, что с 1936 года он начал понимать многое, но его переход в оппозицию против Гитлера произошел лишь во время кризиса Фрича.

АЛЕКСАНДРОВ. К какому году Вы относите этот перелом ?

ГИЗЕВИУС. К концу 1937 и началу 1938 гг. В начале 1938 г. был кризис Фрича.

АЛЕКСАНДРОВ. Скажите, возможно ли было при существовавшем тогда в Германии режиме, чтобы Гитлер не был осведомлен об оппозиционных настроениях Шахта, которые появились у него, по Вашим словам, в конце 1937 года.

ГИЗЕВИУС. Вы думаете, что Гитлер после 1938 года не был осведомлен ?

АЛЕКСАНДРОВ. Нет, я Вас спрашиваю, могло ли быть такое положение при существовавшем в Германии тогда режиме, что Гитлер не был осведомлен об оппозиционных настроениях Шахта.

ГИЗЕВИУС. Гитлер знал, что Шахт был настроен очень критически по отношению к нацистской системе и часто выступал против нее. Он часто получал письма от Шахта и, конечно, многое слышал. Но насколько далеко зашла эта оппозиция, он не знал.

АЛЕКСАНДРОВ. Каким же образом Шахт вплоть до января 1943 г. мог оставаться в составе имперского правительства,

H1199 – 0226

H1199 – 0227

являясь министром без портфеля и личным советником Гитлера, если, по Вашим словам, Гитлер был осведомлен о критическом отношении Шахта к политике Гитлера ?

ГИЗЕВИУС. Гитлер всегда стремился к тому, чтобы выдающиеся люди незаметно исчезали или были поставлены в тень так, чтобы иностранная пропаганда не могла использовать этого. Случай с Шахтом - не единственный, когда Гитлер старался замаскировать открытый кризис.

АЛЕКСАНДРОВ. Вам не было известно письмо Гитлера от 19 января 1939 г., которое было направлено им Шахту в связи с освобождением его от обязанностей президента райхсбанка. Я напомню Вам содержание этого письма. В этом письме Гитлер писал Шахту: "В связи с Вашим отозванием с поста президента райхсбанка я пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам мою искреннюю и самую горячую благодарность за службу, которая была сослужена Германии, и за помощь, оказанную лично мне на этом посту в течение этих долгих и трудных лет. Ваше имя будет всегда связано с первым этапом национального вооружения. Я счастлив иметь возможность пользоваться Вашей помощью для разрешения новых задач на Вашем новом посту имперского министра".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это уже вчера рассматривалось и свидетель давал показания по этому поводу.

АЛЕКСАНДРОВ. Прошу извинить меня, но в связи с этим письмом у меня имеется вопрос к свидетелю. Таким образом, из содержания этого письма следует, что в январе месяце 1939 года,-я подчеркиваю, господин свидетель, эту дату,- Гитлер несколько иначе оценивал деятельность Шахта, чем Вы в своих показаниях здесь. Как Вы можете об"яснить подобное расхождение с Вашим утверждением о том, что подсудимый Шахт находился в оппозиции к гитлеровскому режиму уже в конце 1937 года и в начале 1938 года ?

ГИЗЕВИУС. Я хотел бы ответить на это, что я вообще не при-

вык рассматривать какие-либо письменные или устные заявления Гитлера, как правдивые. Этот человек всегда говорил только то, что казалось ему в данный момент целесообразным для того, чтобы ввести в заблуждение мир или Германию. В этом случае Гитлер не хотел, чтобы создалось впечатление, что уход Шахта может привести к тяжелому экономическому кризису. Здесь я говорю больше о том, что мог думать Гитлер. Вчера я говорил о том, с каким возмущением принял Шахт это письмо. Он воспринял это, как насмешку и подлость.

АЛЕКСАНДРОВ. Тогда я сошлюсь на другой документ, на собственное письмо подсудимого Шахта, адресованное Гитлеру. Это его меморандум от 7 января 1939 года на имя Гитлера. Шахт писал тогда Гитлеру: "С самого начала райхсбанк отдавал себе отчет в том, что успешная внешняя политика может быть проведена только путем перестройки германских вооруженных сил. Он поэтому в значительной мере взял на себя ответственность за осуществление программы вооружения, несмотря на то, что это угрожало стабильности валюты. Это требовалось необходимостью, которая заслоняла собой все другие соображения ....

и тайного проведения программы вооружения для того, чтобы делать возможным проведение внешней политики, которая вызывала бы уважение". Вы также сможете расценить этот документ, как отражение оппозиционных настроений подсудимого Шахта ?

ГИЗЕВИУС. Насколько я Вас понял, Вы ссылаетесь на письмо 1935 года ? Это правильно ?

АЛЕКСАНДРОВ. На письмо от 7 января 1939 года.

ГИЗЕВИУС. Извините, пожалуйста, я могу сказать по этому вопросу только то, что я уже сказал вчера, а именно то, что все эти письма были тщательно продуманы, чтобы их нельзя

9617

H1199 – 0228

H1199 – 0229

было принять за провокацию, и их смысл был облечен в такую форму, чтобы Гитлер не заявил: "Это - личные нападки на меня". Я вчера уже говорил, что мы хотели убедить остальных министров, которые не были так оппозиционно настроены, и привлечь их на свою сторону.

АЛЕКСАНДРОВ. Каково было отношение подсудимого Шахта к аншлюсу ?

ГИЗЕВИУС. Аншлюс произошел в тот момент, когда кризис Фрича достиг своего драматического апогея, и поэтому мы были твердо убеждены, что это очередная отвлекательная маскировка и были возмущены этим. Мы не сомневались в том, что таким путем хотели отвлечь немецкую армию от внутренних дел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /вмешиваясь/. Подождите минутку, свидетель. Вас спросили, знаете ли Вы, как Шахт относился к аншлюсу в то время ? Вы не отвечаете на этот вопрос. Знаете Вы это или нет ?

ГИЗЕВИУС. Я не могу точно ответить на этот вопрос, так как мы все были убеждены, что проблема Австрии должна быть разрешена легальным путем. В нашей группе были разногласия по этому вопросу. Большинство из нас надеялось, что суверенитет Австрии будет сохранен. Как раз с немецкой точки зрения было бы желательным, чтобы существовало второе немецкое государство, особенно на тот случай, если бы опять была созвана Лига Наций, или велись дипломатические переговоры. Я не могу поручиться, что Шахт лично придерживался этого мнения, может быть, он был за аншлюс. Но он был определенно против той формы, в которой аншлюс был проведен.

АЛЕКСАНДРОВ. Я приведу Вам выдержку из речи Шахта, произнесенной им в Вене в марте 1939 года. Цитирую: "Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать

свой путь потому, что Адольф Гитлер об"единил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами и, в конце концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией".

Эти высказывания подсудимого Шахта Вы также можете квалифицировать, как оппозиционные к гитлеровскому режиму ?

ГИЗЕВИУС. Я должен был бы прочесть эту речь полностью. Я лично никогда бы не произнес такой речи. Но я не думаю, что здесь нужна моя оценка этой речи. Может быть, лучше спросить самого Шахта о том, что он этим хотел сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Эта речь может быть предъявлена Шахту, когда он будет выступать в качестве свидетеля по своему делу.

АЛЕКСАНДРОВ. Скажите, свидетель, Вы сейчас проживаете в Швейцарии, в каком городе ?

ГИЗЕВИУС. Я проживаю в деревне Коммюньи, недалеко от Женевы.

АЛЕКСАНДРОВ. Как долго Вы живете в Швейцарии ?

ГИЗЕВИУС. С 1 октября 1940 года.

АЛЕКСАНДРОВ. Вам было известно о приезде подсудимого Шахта в Швейцарию в 1942 году ?

ГИЗЕВИУС. Нет, он в 1943 году не приезжал в Швейцарию.

АЛЕКСАНДРОВ. В 1942 году ?

ГИЗЕВИУС. Нет, он также не приезжал в Швейцарию.

АЛЕКСАНДРОВ. Ни в 1942, ни в 1943 году Шахт не был в Швейцарии ?

ГИЗЕВИУС. Нет, не был.

АЛЕКСАНДРОВ. За это время, что Вы сами живете на территории Швейцарии, у Вас происходили какие-нибудь встречи с подсудимым Шахтом или нет ?

9619

H1199 – 0230

H1199-0231

ГИЗЕВИУС. Да, неоднократно. Я, по крайней мере, каждые 4 или 8 недель, бывал в Берлине, и до 1943 года ...

АЛЕКСАНДРОВ. Я спрашиваю Вас относительно посещения Шахтом Швейцарии.

ГИЗЕВИУС. Это было во время войны, в 1941 году, он один раз посетил Швейцарию, когда совершал священное путешествие, и я его там видел.

АЛЕКСАНДРОВ. Это было в 1941 году ?

ГИЗЕВИУС. Да.

АЛЕКСАНДРОВ. 14 января 1946 года в газете "Вечерние известия" была опубликована статья "Как Шахт мыслил". Вы имеете какое-нибудь отношение к этой статье ?

ГИЗЕВИУС. Нет.

АЛЕКСАНДРОВ. Что Вам известно об этой статье ?

ГИЗЕВИУС. Только то, что я прочел в газете. Я попыталась узнать, кто был тот американец, с которым говорил Шахт.

АЛЕКСАНДРОВ. Меня подробности не интересуют.

И последний вопрос. Вам не было известно что-нибудь о совещании у Гитлера в Берхтесгадене летом 1944 года ? На этом совещании обсуждался вопрос об уничтожении угнанных в Германию иностранных рабочих, в случае дальнейшего успешного наступления союзных войск. Не слышали ли Вы что-нибудь об этом совещании ?

ГИЗЕВИУС. Нет. Я в это время уже не мог приезжать в Германию, так как против меня был начат процесс. Об этом совещании я ничего не слышал.

АЛЕКСАНДРОВ. У меня вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желаете ли Вы задать дополнительные вопросы свидетелю ? Может быть, другие защитники желают задать дополнительные вопросы ?

ПАНИНБЕКЕР /защитник подсудимого Фрика/. Господин

свидетель, вчера во время перекрестного допроса американский обвинитель предъявил Вам письмо имперского министра юстиции от 14 мая 1935 года министру внутренних дел империи и Пруссии. В приложении к этому письму говорится о копии письма инспектора тайной государственной полиции.

Г-н свидетель, правильно ли я понял, что Вы лично участвовали в составлении этого письма ?

ГИЗЕВИУС. Через министерство внутренних дел мы осуществляли связь с другими учреждениями и иногда я считал желательным, чтобы из другого министерства поступило резкое письмо, которое я мог представить моему министру; не сомневаюсь, что Фрику тоже было приятно получать такие резкие письма, чтобы можно было потом поставить вопрос перед кабинетом. Я припоминаю, что вопрос об отправке этого письма был согласован мною с господами из министерства юстиции.

ПАННЕНБЕКЕР. Правильно ли я понимаю, что это письмо означало совместную попытку министерства юстиции и министерства внутренних дел предпринять что-либо против террора гестапо ?

ГИЗЕВИУС. Во всяком случае, я могу сказать это лично про себя, а я был тогда сотрудником министерства внутренних дел. Я, конечно, не говорил об этом со своим начальником.

ПАННЕНБЕКЕР. В этом письме на стр. 5 немецкого текста находится следующая фраза. Я цитирую: "В концлагере Хоэнштейн в Саксонии арестованные должны были стоять под специально сконструированным для этой цели аппаратом по тех пор, пока не появлялись большие гнойные язвы на голове, на которую равномерно падали капли воды".

Известно ли Вам, что охрана этого лагеря была строго наказана за это ?

9621

H1199 – 0232

H1199 – 0233

ГИЗЕВИУС. Нет, и если это имело место, то это было поразительным исключением.

ПАННЕНБЕКЕР. Теперь, господин свидетель, еще один вопрос в связи с Вашим заявлением о том, что в комнате защиты Вас встретила неприязненная атмосфера. Ряд моих коллег чувствует себя затронутыми этим заявлением; эти коллеги как раз приветствовали то, что Вы так открыто обрисовали положения, существовавшее в Германии. Скажите, относилось ли Ваше заявление ко всем защитникам ?

ГИЗЕВИУС. Я благодарен Вам за то, что могу исправить свое явно ошибочное выражение. Я имел в виду другой случай, который произошел в комнате адвокатов, я не хочу о нем здесь говорить,и только хочу заявить, что прошу извинения у господ адвокатов, о тяготах работы которых я осведомлен, если у них создалось впечатление, что я хотел упрекнуть большую часть адвокатов, которые совершают такую тяжелую работу.

ПАННЕНБЕКЕР. Я благодарю Вас. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Гизевиус, я хочу задать Вам несколько вопросов с целью выяснения, какие посты Вы занимали и где Вы находились в различное время ? Насколько я понял, в 1933 г. Вы были на гражданской службе ? Правильно это ?

ГИЗЕВИУС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И затем Вы стали сотрудником гестапо ?

ГИЗЕВИУС. Первую свою должность я занял, вступив в политическую полицию. У нас в Германии становишься чиновником еще во время обучения, и поэтому я должен сказать, что свою первую должность я получил в августе 1933 г., когда поступил в гестапо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А когда Вы ушли с этого поста ?

ГИЗЕВИУС. В конце декабря 1933 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой пост Вы заняли после этого ?

ГИЗЕВИУС. Затем я попал в министерство внутренних дел, в прусское министерство внутренних дел. В 1934 г. я поступил одновременно в имперское министерство внутренних дел, а в мае 1935 г. был уволен из министерства внутренних дел. Затем я поступил в секретное государственное управление уголовного розыска, начало которому было положено в полицейпрезидиуме в Берлине. В день назначения Гиммлера на должность начальника имперской полиции, то-есть 17 июня 1936 г., я был окончательно уволен с полицейской службы. Затем я был переведен на службу в Мюнстер. Там я осуществлял контроль над ценами. В середине 1937 г. я ушел в отпуск без сохранения содержания под предлогом изучения экономики. Этот отпуск в начале 1939 г. был прерван министерством внутренних дел, и я был послан в Потсдам, около Берлина. Там я должен был наблюдать за строительством дорог.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В середине 1937 г. Вы заняли неоплачиваемый пост и изучали экономику. Так я Вас понял ? Или Вы говорили о неоплачиваемом отпуске ?

ГИЗЕВИУС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но в таком случае Вы еще оставались на гражданской службе, не так ли ?

ГИЗЕВИУС. Да, до 20 июля 1944 г. я все время был чиновником.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем, в начале 1939 г. Вы работали в министерстве внутренних дел и были командированы в Потсдам ?

ГИЗЕВИУС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте. Что было после этого ?

ГИЗЕВИУС. В начале войны возникли трудности : у меня не

H1199 – 0234

H1199 – 0235

было мобилизационного предписания, а, с другой стороны, мои друзья хотели, чтобы я служил в ОКВ. С начала войны до 1 октября 1940 г. я жил с фальшивым мобилизационным документом и каждый день ожидал, что все выяснится и я буду наказан. После падения Парижа я заявил Канарису и Остеру, что теперь я должен просить их освободить меня из этой сложной ситуации, но положение Канариса было таким шатким, что он решил устроить меня в качестве разведчика в генеральное консульство в Цюрихе. Я получил звание вице-консула в генеральном консульстве в Цюрихе и оставался там как контрразведчик до 20 июля, хотя формально я не принадлежал к разведке. После 20 июля меня лишили всех моих должностей и, может быть, даже гражданства,- я об этом не узнавал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возвращались ли Вы в Германию в течение того времени, когда Вы находились в Цюрихе до 20 июля ?

ГИЗЕВИУС. Да, я почти все это время был в Германии и только иногда Остер и Канарис использовали меня как курьера в Швейцарию. При получении виз в швейцарском посольстве мне оказывал помощь Шахт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В течение того времени, когда Вы являлись сотрудником гестапо, с августа по декабрь 1933 г., в чем фактически заключалась Ваша работа и каковы были выполняемые Вами функции ?

ГИЗЕВИУС. Когда я получал свою первую должность, я еще продолжал учебу и был прикреплен для обучения к обергруппенгерату Небе, руководителю исполнительного отдела. После того, как был издан приказ об арестах, в конце октября 1933 г. я был послан для составления отчетов в Лейпциг, на процесс о поджоге рейхстага.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вчера Вы очень часто ссылались на человека, имя которого я не совсем точно помню. Кажется, это был

Небе.

ГИЗЕВИУС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какое положение он занимал ?

ГИЗЕВИУС. Небе был известным криминалистом в берлинском полицайпрезидиуме до 1933 г. Как национал-социалист, он в июле 1933 г. был направлен на работу в гестапо и работал там до начала 1934 г., дослужившись до чина оберрегирунгсрата. С помощью подсудимого Фрика нам удалось перевести его на некоторое время в министерство внутренних дел. Он стал основателем и начальником имперского управления уголовного розыска. В день назначения Гиммлера на должность начальника имперской полиции он был включен в совещавшееся тогда главное имперское управление государственной безопасности, затем был принят в СС, стал сначала группенфюрером СС, затем - генералом СС и до 20 июля был одним из ближайших сотрудников подсудимого Кальтенбруннера. Подсудимый Кальтенбруннер был начальником как гестапо, так и уголовной полиции, а также службы информации; таким образом, Небе был подчинен Кальтенбруннеру и получал от него служебные приказы так же, как и начальник гестапо Мюллер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотели задать свидетелю вопросы, доктор Дикс ?

ДИКС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что лучше сделать это после перерыва. Сейчас мы об"являем перерыв до 14ч.15 м.

/Перерыв до 14ч.15 мин./.

9625

H1199 – 0236

H1199-0237

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 26/1У-46г.

(вечернее заседание)

Встать! Суд идет!

(К микрофону подходит доктор Дикс).

ДИКС (защитник подсудимого Шахта). Доктор Гизевиус, представитель советского Обвинения задал Вам вопрос о присоединении Австрии. В то время, как Вы отвечали, Вас прервали. Вы дословно сказали: "Но форма ...". Я прошу Вас теперь закончить ответ на этот вопрос.

ГИЗЕВИУС. Я хотел сказать, что Шахт безусловно был против того, чтобы это присоединение было произведено именно в такой форме.

ДИКС. Затем еще один и последний вопрос в связи с так называемым инцидентом, имевшим место позавчера. Я вчера беседовал с Вами по поводу этого инцидента и высказался относительно моего коллеги г-на Штамера, причем я оставил за собой право в случае необходимости воспользоваться этим своим заявлением. Я прошу Вас повторить его.

ДЖЕКСОН. Ваша честь, я думаю, что это противоречит обычному порядку, когда доктор Дикс указывает свидетелю, что именно данный свидетель должен сообщить Трибуналу. Я не возражаю, когда свидетеля просят говорить о том, что ему самому известно, но я против того, чтобы доктор Дикс устанавливал, что должен говорить свидетель. Это противоречит обычной процедуре.

ДИКС. Нет, дело обстоит иначе. Я сделал свидетелю заявление относительно доктора Штамера. Я придаю большое значение этому своему заявлению и считаю необходимым, чтобы свидетель

передал содержание его суду. Это случай, который наблюдал сам свидетель. Я предпочту подтверждение свидетеля, я не вижу в этом ничего, что нарушало бы принятые правила; я прошу решить этот вопрос, иначе я сам повторю свое заявление, но я считаю, что будет лучше, если свидетель сообщит, что я ему сказал сразу же после того, как этот инцидент имел место.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что Вы можете надлежащим образом поставить вопрос свидетелю.

ДИКС. Да, я уже поставил свой вопрос. Я прошу Вас ответить на него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не вполне уверен, в чем именно заключался ваш вопрос. Однако вы можете задать вопрос свидетелю. Содержит ли Ваш вопрос что-либо имеющее отношение к инциденту, о чем еще свидетель не сообщил Трибуналу, а вы хотели бы, чтобы он сообщил?

ДИКС. Вопрос этот относится к беседе между мной и свидетелем. Итак, г-н свидетель, что я Вам вчера сказал?

ГИЗЕВИУС. Вы сказали, что, по вашему мнению, ваш коллега Штамер не хотел оказывать на меня какого-либо недопустимого давления, но что это недопустимое давление исходило от подсудимого Геринга.

Д-р ДИКС. У меня больше нет вопросов.

(К микрофону подходит защитник Зайдль).

ЗАЙДЛЬ (защитник подсудимого Рудольфа Гесса и доктора Франка). Господин свидетель, Вы были во время войны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, что Вы сейчас пытаетесь подвергнуть свидетеля повторному допросу?

ЗАЙДЛЬ. Г-н председатель, я хотел поставить только один вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думал не о том, сколько времени Вам может

9627

H1199 – 0238

H1199 – 0239

потребоваться, а о том можно ли Вам позволить сейчас задавать дополнительные вопросы. (Пауза).

Продолжайте, доктор Зайдль.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы во время войны в какой-либо период служили в иностранной разведке какой-либо державы?

ГИЗЕВИУС. Никогда.

ЗАЙДЛЬ. Неправильным является также и то ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам не следовало бы задавать подобного вопроса свидетелю во время повторного допроса.

ЗАЙДЛЬ. Г-н председатель, этот вопрос должен установить то, насколько можно верить этому свидетелю. И если окажется, что этот свидетель, немецкий подданный, или, по крайней мере, бывший немецкий подданный, служил в разведке какой-либо иностранной державы, то этот факт, безусловно, имеет значение для установления достоверности его показаний.

ДЖЕКСОН. Я хотел бы сказать, что, во-первых, я думаю, (не) следовало бы оспаривать достоверность показаний этого свидетеля; во-вторых, я считаю, что тот факт, что свидетель не должен был бы принимать участия в подобного рода деятельности, не говорит о том, что его показания недостоверны. Я думаю, что все эти нападки на достоверность его показаний, если они вообще имеют какое-либо основание (ведь свидетель был вызван не Обвинением, а подсудимыми) - неуместны, несвоевременны и не могут иметь какого-либо отношения к вопросу о достоверности показаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал разрешил поставить этот вопрос.

ЗАЙДЛЬ. Ответьте еще раз под присягой на этот вопрос.

H1199 – 0240

ГИЗЕВИУС. Господин адвокат, Вам нет никакой необходимости напоминать мне о моей присяге. Я уже сказал, что я не служил ни в одной иностранной разведке. Я служил честному порядочному немецкому делу.

ЗАЙДЛЬ. Вы во время войны получали деньги от какого-либо государства, с которым Германия находилась в состоянии войны?

ГИЗЕВИУС. Нет.

ЗАЙДЛЬ. Знаете ли Вы, что означают три буквы ОСС?

ГИЗЕВИУС. Да.

ЗАЙДЛЬ. Что означают эти буквы?

ГИЗЕВИУС. Это название одной из организаций американской разведки.

ЗАЙДЛЬ. Вы не имели никакого отношения к этой организации?

ГИЗЕВИУС. Со многими членами этой организации я поддерживал дружественные отношения и отношения политического характера.

ЗАЙДЛЬ. У меня нет больше вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я надеюсь, что защитники будут помнить о том, что все они имели полную возможность подвергать перекрестному допросу этого свидетеля.

КУБУШОК (защитник подсудимого фон Папена). Ввиду того, что имя фон Папена упоминалось лишь во время перекрестного допроса со стороны американского обвинения, я не мог раньше допросить свидетеля.

Господин свидетель, Вы вчера на вопрос главного обвинителя американской делегации о том, выражал ли подсудимый фон Папен когда-либо протест, ответили отрицательно. Вы указали, пра-

H1199-0240

H1199 – 0241

вда, на то, что от фон Папена в министерство внутренних дел никаких писем не поступало. Для выяснения этого вопроса я хотел бы знать, относится ли это утверждение только к министерству внутренних дел? На странице 133 Вашей книги Вы указываете на то, что одно из основных занятий господина фон Папена, как вице-канцлера, заключалось в том, что он заявлял протесты главным образом Гинденбургу и Герингу?

ГИЗЕВИУС. Вчера или сегодня последнее мною особо подчеркивалось. Какой-либо протест Папена министру полиции после 30 июня 1934 года мне, по крайней мере, по служебной линии не был известен. Я знаю лишь, что это было бы чрезвычайно действенной поддержкой для управления полиции, если бы в министерство внутренних дел поступил такой протест с указанием обстоятельств убийства ближайшего сотрудника фон Папена.

Тогда этот слух о самоубийстве или загадочной смерти Бозеса и Юнга не нашел бы такого широкого распространения.

КУБУШОК. Не думаете ли Вы, что это само собой разумеется, особенно если учесть положение Фрика, который играл весьма незначительную роль, или был весьма невлиятельным человеком, а именно само собой разумеется то, что в том случае, если это было возможно, подобные протесты передавались вышестоящим органам?

ГИЗЕВИУС. В тот момент, когда министры стали придерживаться той точки зрения, что они могут обращаться только в вышестоящие органы, т.е. к самому диктатору, они ведь сами подорвали конституционные полномочия отдельных министерств и имперского кабинета. Таким образом, большое значение имело бы то, если бы г-н фон Папен продолжал придерживаться старого официального пути.

КУБУШОК. Но Вы не оспариваете того, что говорится в Вашей книге, а именно, что фон Папен и по другим вопросам направлял протесты в вышестоящие органы?

ГИЗЕВИУС. Да, он часто подавал протесты.

КУБУШОК. Вы вчера, давая показания, дали неблагоприятную характеристику подсудимому фон Папену. Эта характеристика совпадает с той характеристикой, которая дана в вашей книге. В Вашей книге вы останавливаетесь на некоторых деталях, на основании которых вы потом делаете выводы. Так как подсудимому фон Папену в Вашей книге уделено сравнительно мало места и Вы по служебной линии не имели с ним, очевидно, никакого контакта, то вы, давая ваши показания, наверное опирались на информацию от третьих лиц. Так как эта информация, поскольку она касается фон Папена, является неверной, я должен кратко на ней остановиться.

Во-первых, Вы исходите из того, что фон Папен, несмотря на события 30 июня, не подал в отставку. Но исторически важным является то, что Папен еще после того, как ему было запрещено опубликовывать его марбургскую речь, подал в отставку, что об этой отставке велись переговоры между Гитлером и Гинденбургом и что Гитлер непосредственно после освобождения Папена 3 июля принял его новое требование об отставке. Однако, несмотря на просьбы Папена, Гитлер разрешил опубликовать сообщение об этой отставке лишь позднее.

Возможно ли, свидетель, что Вы не знали или не были правильно осведомлены обо всех этих событиях?

ГИЗЕВИУС. Вполне возможно, что я не имел точных сведений об этих событиях внутриполитического характера. Но я хотел бы подчеркнуть, что министр или вице-канцлер обязан опубликовывать свои установки и свои решения. И я могу только сказать, что, независимо от того, что Папен обсуждал лично с Гитлером, он мастерски сумел скрыть от немецкого народа свои намерения уйти в отставку или свою действительную отставку. И это именно

H1199 – 0242

H1199 – 0243

важно.

КУБУШОК. Известно ли Вам, что как раз в этом подсудимый фон Папен за несколько недель до этого был научен горьким опытом, когда прессе было запрещено опубликовывать выдержки из марбургской речи, а все люди, распространяющие эту речь, были подвергнуты наказанию?

ГИЗЕВИУС. Мы были возмущены тем, что вице-канцлер германской империи таким образом сам лишил себя слова. И, мне кажется, что 30 июня не было бы пролито столько крови, – это касается гражданских лиц, – итак, не было бы пролито столько крови, если бы вице-канцлер фон Папен занял мужественную позицию и решительно ответил – "нет".

КУБУШОК. Я только что говорил о том, что фон Папен после запрещения публиковать марбургскую речь подал в отставку. Вы этого сейчас не учитываете. Во-вторых, Вы исходите из того, что фон Папен 3 июля принимал участие в заседании кабинета. На этом заседании был принят закон о том, что меры, которые принимались в связи с 30 июня, были необходимы ввиду чрезвычайного положения в стране. Знаете ли Вы, что фон Папен не участвовал в этом заседании, что он, напротив, как раз в это время был освобожден, пришел в имперскую канцелярию в тот момент, когда происходило это заседание, и Гитлер попросил его пойти в смежную комнату; там фон Папен опять потребовал отставки. Гитлер удовлетворил это ходатайство. После этого фон Папен немедленно ушел из имперской канцелярии, не приняв участия в заседании. Известно ли Вам это? Этим вопросом я хотел установить, что фон Папен не участвовал в заседании кабинета 3 июля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, почему Вы не ставите сви-

детелю вопрос, участвовал ли Папен в заседании 3 июля или нет. Если только в этом заключается вопрос, почему Вы его так не ставите?

КУБУШОК. Мой вопрос заключается лишь в том, можно ли несоответствующее этому заявлению, сделанное свидетелем в его книге, также об'яснить себе неправильной информацией, полученной от третьего лица?

ГИЗЕВИУС. Это об'ясняется молчанием фон Папена. Эта информация и ввела меня в заблуждение.

КУБУШОК. Вы исходите из того, что фон Папен после этого, хотя и направился к Гинденбургу, но все-таки не выступил с достаточно решительным протестом против этих мероприятий. Известно ли Вам, что Папен делал все, чтобы добиться приема у Гинденбурга, однако, его старались не допустить и что впервые после 30-го июня он направился в Нойдекк, где находился Гинденбург, и прибыл туда лишь после смерти Гинденбурга? Что утверждения, которые имеются в Вашей книге и которые противоречат этому, может быть, также можно об'яснить неправильной информацией?

ГИЗЕВИУС. Да. Если Вы мне говорите, что он, будучи вице-канцлером империи, даже не имел доступа к президенту и несмотря на это оставался на своем посту, несмотря на то, что в Германии был дипломатический корпус и было достаточно таких немцев, которые умели прислушиваться и сами могли говорить, если Вы это утверждаете, мне остается только принять к сведению поведение вице-канцлера Германии.

КУБУШОК. Правда, г-н свидетель, Вы забываете, что он к тому времени уже в течение нескольких недель был вице-канцлером в отставке и не занимал уже никакой должности.

9633

H1199 – 0244

H1199-0245

Вы исходите из того, что фон Папен принимал участие в заседании рейхстага, на котором были оправданы мероприятия, проведенные 30 июня. Известно ли Вам, что фон Папен, несмотря на то, что Гитлер потребовал, чтобы он участвовал в этом заседании, все же не принял в нем участия? Что и в этом вопросе Вас тоже неправильно проинформировали?

ГИЗЕВИУС. Мне кажется, что Вы меня об этом уже спрашивали.

КУБУШОК. Нет, это не заседание кабинета, а заседание рейхстага.

ГИЗЕВИУС. Значит меня неправильно информировали.

КУБУШОК. Спасибо.

(К пульту подходит защитник генштаба и ОКВ Латернзер).

РУДЕНКО. Господин председатель, мне кажется, что защите была уже предоставлена возможность произвести допрос свидетеля. После допроса свидетеля Обвинением, после того, как произошел перекрестный допрос, защита опять возвращается к допросу свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, Трибунал считает, что он сам в состоянии руководствоваться процедурой и не нуждается в репликах подобного рода. Мы сами сможем разобраться с ходатайством д-ра Латернзера о перекрестном допросе.

РУДЕНКО. Я понимаю, я только хотел заявить это в связи с тем, что мы стремимся к сокращению процесса, а поэтому Обвинение хотело бы, чтобы в такой же мере относилась к этому и защита.

ЛАТЕРНЗЕР. (защитник генерального штаба и ОКВ). Господин председатель, у меня есть еще несколько вопросов к свидетелю, возникших после перекрестного допроса, которому был подвергнут свидетель. Я полагаю, что против этих вопросов не может быть

H1199-0246

никаких возражений со стороны Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если они вытекают из перекрестного допроса.

ЛАТЕРНЗЕР. Господин свидетель, Вы вчера на вопрос представителя американского обвинения заявили, что путч против существовавшего тогда режима был бы возможен лишь при взаимодействии с генералитетом, но что длительные переговоры, имевшие место, не могли привести к такому взаимодействию. Я хотел Вас только спросить, господин свидетель, с какими генералами Вы лично беседовали относительно намерений Вашей группы провести такой путч?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Надеюсь, что Вы не будете заниматься всеми генералами германской армии, а только теми, которые причастны к деятельности преступной группы?

ЛАТЕРНЗЕР. Да, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда Вы должны спрашивать либо их, либо о них.

ЛАТЕРНЗЕР. Тогда я попрошу Трибунал разрешить свидетелю, отвечая на этот вопрос, ограничиться только группой генералов, принадлежавших к генштабу и ОКВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что Вы могли бы его спросить таким образом: поддерживал ли он связь с кем-либо из членов генштаба, которые обвиняются в причастности к деятельности ~~к~~ преступной организации. Вы же знаете этих генералов?

ЛАТЕРНЗЕР. Да, я дам свидетелю сначала краткое раз'яснение, а затем поставлю вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так какой же все-таки вопрос Вы хотите поставить?

ЛАТЕРНЗЕР. Для того, чтобы свидетель мог ответить на вопрос, ограничивая свой ответ так, как этого пожелал Суд, я хочу свидетелю сначала дать краткое раз'яснение относительно того круга лиц, который входит в эту группу, и задать ему вопрос о том, с кем из них он лично говорил, желая привлечь их на свою сторону, осуществляя этот план, составленный его группой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но если это только Вы сделаете в краткой форме.

H1199 – 0246

ЛАТЕРНЗЕР. Хорошо. Господин свидетель, под группой генерального штаба и ОКВ подразумеваются лица, занимавшие определенные посты с февраля 1938 года по май 1945 года. Эти посты следующие: командующие частями вооруженных сил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы что, собираетесь все их перечислить? Все 130?

ЛАТЕРНЗЕР. Господин председатель, это перечисление очень краткое, я иначе не могу поставить вопрос и, с другой стороны, число лиц не так уж велико, иначе я не выполню того требования, которое предъявляет ко мне Высокий Суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не знаю, что Вы имеете ввиду. Я спрашиваю, вы что, собираетесь здесь перечислять всех 130 генералов и всех офицеров?

ЛАТЕРНЗЕР. Нет, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ах, нет. Ну хорошо, тогда продолжайте.

ЛАТЕРНЗЕР. В эту группу входят лица, занимавшие определенные посты, короче говоря, все те, которые с февраля 1938 года по май 1945 года были главнокомандующими.

Теперь я задаю вам вопрос: с какими генералами из этой группы вы лично беседовали, а именно по вопросу о планах проведения путча, для того, чтобы привлечь их к участию в запланированном путче?

ГИЗЕВИУС. Вы имеете ввиду командующих фронтами?

ЛАТЕРНЗЕР. Командующие армий, фронтов, составных частей вооруженных сил и начальников генштабов частей вооруженных сил.

ГИЗЕВИУС. Я уже назвал Гальдера и Браухича.

ЛАТЕРНЗЕР. Еще один вопрос, г-н свидетель. Вы гово -

9636

H1199 – 0247

H1199-0248

рили с фельдмаршалом фон Браухичем о путче против режима или только о путче против гестапо?

ГИЗЕВИУС. Я говорил с ним как о том, так и о другом, и он сначала на все ответил утвердительно, но впоследствии стал действовать так, как будто бы он дал отрицательный ответ. Я говорил с Гальдером и фельдмаршалом Вицлебеном. С Клюге я был знаком еще раньше. Я не знаю, когда он вошел в ту категорию лиц, о которой Вы только что говорили. Во всяком случае, я никогда не прерывал связи с Клюге. Возможно, что я еще говорил с некоторыми лицами, входившими в эту группу.

ЛАТЕРНЗЕР. Однако, это все же большое событие, когда с такими высокопоставленными лицами говорят о планируемом путче. Если Вы говорили с фельдмаршалом о путче, Вы должны это помнить сейчас?

ГИЗЕВИУС. Большим событием это не было, г-н адвокат. Фельдмаршалы в 3-ей империи были не такими уж выдающимися людьми.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Латернзер, то что с генералами говорили о путче и то, что они не отказались присоединиться к нему, не является преступлением, согласно определениям Устава.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, я уже говорил вчера, что этот момент для меня очень важный, так как он может исключить обвинение в заговоре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Латернзер, боюсь, что Вам ответ с заявлением о важности этого момента неудовлетворителен. Будет ли это относиться к делу, если Вы покажете, что генералы обсуждали вопрос о путче против режима? Я говорю Вам, что это не является преступлением, согласно Уставу.

ЛАТЕРНЗЕР. Да, но это обстоятельство исключило бы предположение относительно того, что существовал заговор, предположение, выдвинутое здесь Обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, разве это исключает обвинение в заговоре вести агрессивную войну. Это не имеет ничего общего.

ЛАТЕРНЗЕР. Я не совсем правильно понял Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопрос о перевороте в Германии с целью устранения режима, по-моему, не связан с заговором для ведения агрессивной войны. И поэтому все то, что относится к перевороту, не относится к тому вопросу, которым Вы сейчас занимаетесь.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, заговор, как раз и упоминался здесь в связи с агрессивными войнами и заговор будет исключен в том случае, если соответствующие военные руководители выступали против существовавшего режима, причем в такой резкой форме, что они даже обсуждали планы проведения путча и проводили эти планы в жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Латернзер, Трибунал считает, что вопрос, который, насколько понимает Трибунал, Вы хотите задать, следует сформулировать таким образом: Кто из генералов был готов присоединиться к участию в этом перевороте? Этот вопрос Вы можете задать.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, для того, чтобы установить, в какой степени весь этот круг лиц был готов к участию в таких путчах, я должен спросить свидетеля, со сколькими генералами он говорил и сколько генералов дали согласие на участие в путче.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете спросить сколько ... Спросите, сколько их было ...

H1199 - 0249

H1199 – 0250

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, это как раз и был тот вопрос, который я задал вначале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я и говорю, Вы можете задать его.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н свидетель, со сколькими генералами этой группы Вы говорили об этом?

ГИЗЕВИУС. За все эти годы их, возможно, было полдюжины, или несколько дюжин, но я хотел бы здесь указать на то, что было скорее задачей генерал-полковника Бека и Остера или Канариса вести переговоры с этими господами, это не моя задача. То, о чем Вы здесь хотите услышать, я Вам полностью осветить не смогу, по крайней мере, имея ввиду фамилии. Но я могу сократить Ваш вопрос в том отношении, что, к сожалению, было чрезвычайно мало высокопоставленных генералов, которые когда-либо серьезно заявляли о своих желаниях свергнуть эту систему.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н свидетель, это я как раз и хочу установить. Вы беседовали с фельдмаршалом фон Браухичем, фон Вицлебеном и Гальдером?

ГИЗЕВИУС. И Ольбрихтом.

ЛАТЕРНЗЕР. Да, но он не относится к этой группе. Итак, Вы говорили с этими тремя?

ГИЗЕВИУС. А также с Клюге.

ЛАТЕРНЗЕР. Относительно намерений провести путч?

ГИЗЕВИУС. Да, это само собой разумеется.

ЛАТЕРНЗЕР. Из этих четырех, которых Вы сейчас упомянули, фельдмаршал фон Вицлебен дал Вам согласие?

ГИЗЕВИУС. Нет, вначале все они давали согласие, но только Вицлебен сдержал свое слово.

ЛАТЕРНЗЕР. Он участвовал в путче?

ГИЗЕВИУС. Да.

H1199 – 0251

ЛАТЕРНЗЕР. Я, очевидно, вчера Вас правильно понял, когда Вн говорили, что путч 20 июля в основном был организован армией, т.е. генералитетом и офицерами генерального штаба, и что они хотели ограничить до минимума круг участников путча 20 июля?

ГИЗЕВИУС. Нет, я так именно не поворил. Я хочу сказать следующее: в условиях террористической системн путч может быть осуществлен только военнымн; в этом отношении будет правильнам сказать, что те немногие генералы, которне принимали участие в путче, и являлись людьми, осуществившими этот путч. Однако основная тяжесть событий 20 июля легла на широкие массн, т.е. на гражданских лиц, которне в течение долгих лет вели борьбу, являясь сторонниками этих генералов, и потом в ходе собнтий были обмануты этими генералами. Поэтому 20 июля мн на этот раз решили ждать до тех пор, пока генералы начнут действовать, для того, чтобн не подавать пустых надежд и не заставлять многих граждан - ских лиц мучиться угрнзением совести. Вот, что я хотел сказать, делая подобное ограничение.

ЛАТЕРНЗЕР. Таким образом, первым и единственным эта - пом путча, которнй вообще был проведен, руководили генералитет и штаб/фрера.

ГИЗЕВИУС. Также и гражданские лица?

ЛАТЕРНЗЕР. Да. И возглавлял эту группу, как Вы сами говорили, генерал-полковник Бек?

ГИЗЕВИУС. Да.

ЛАТЕРНЗЕР. Генерал-полковник Бек также относится к той группе, которая здесь обвиняется под общим названием "генеральный штаб и ОКВ". Еще один вопрос. Знаете ли Вы о

9640

H1199-0251

H1199 – 0252

связях этих высокопоставленных военных руководителей с министром финансов Попицем, который также намеревался провести путч и который в целях устранения Гитлера даже вел переговоры с Гиммлером? Знаете ли что-нибудь об этом?

ГИЗЕВИУС. Да, это правильно. Попиц прилагал очень большие усилия к тому, чтобы склонить генералов к путчу и к покушению. Я сожалею, что я своевременно не упомянул его фамилию. Он был также одним из тех, кто, начиная с 1938 или 1939 г., делал все возможное для того, чтобы свергнуть существовавшую систему.

ЛАТЕРНЗЕР. Вы говорили когда-нибудь с министром Попицем об этом?

ГИЗЕВИУС. Да, неоднократно.

ЛАТЕРНЗЕР. Говорил ли он Вам, с какими высокопоставленными военными руководителями он для этой цели стремился установить связь?

ГИЗЕВИУС. Он поддерживал связь с Беком. Очевидно, он поддерживал связи также с Вицлебеном, Гальдером и Браухичем. Список разочарований Попица, пожалуй, такой же, как и наш.

ЛАТЕРНЗЕР. Что он разочаровался во всем и называл себя обманутым?

ГИЗЕВИУС. Да, этот человек считал, что горько обманут. Темой наших бесед было горькое и вечное разочарование и это как раз было трудностью для всех гражданских лиц, г-н адвокат.

ЛАТЕРНЗЕР. Других возможностей для устранения не было?

ГИЗЕВИУС. Нет, После того, как по вине генералов в Германии нельзя было использовать никаких средств легально-

H1199 – 0253

го или нелегального порядка и генералы, единственные носители национального оружия, позволили Гитлеру управлять собой, нельзя было другими путями начать борьбу. Я напоминаю Вам о том, что после 1938 г. всякая попытка левых начать забастовку была бы наказана во время войны, как мятеж, и я хочу Вам напомнить множество смертных приговоров, которых насчитывались сотни и которые были вынесены по делам гражданских лиц на основании военных законов.

ЛАТЕРНЗЕР. Теперь я перехожу к другому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал полагает, что все эти вопросы были уже полностью охвачены и в действительности они даже не относятся к делу. Этот свидетель уже подвергался перекрестному допросу ранее и Трибунал больше не желает слушать каких-либо дополнительных показаний по этому вопросу.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, я сейчас закончу. Господин свидетель, когда Вы узнали о положении вещей во время кризиса, связанного с именем Фрича?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думал, что Вы сказали, что Вы закончили допрос?

ЛАТЕРНЗЕР. Господин председатель, я был, к сожалению, неправильно понят. Я говорил, что я закончил с вопросом о планах путча. Я хотел бы перейти теперь к другому моменту и поставить один вопрос в связи с кризисом Фрича.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой вопрос?

ЛАТЕРНЗЕР. Я хотел бы спросить свидетеля по поводу кризиса Фрича, когда он точно узнал о всех обстоятельствах этого дела. И сообщал ли он подробности этого дела высокопоставленным военным руководителям или поручил ~~ли~~ он сделать это кому-либо другому.

H1199 - 0253

H1199 – 0254

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кризис Фрича не имеет ничего общего с обвинением, предъявленным высшему командованию. Высшее командование обвиняется в том, что оно совершало преступления, предусмотренные Уставом. Кризис Фрича не имеет к этому абсолютно никакого отношения.

ЛАТЕРНЗЕР. Тогда я отказываюсь от этого вопроса.

Господин свидетель, Вы сегодня во время перекрестного допроса ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О чем Вы собираетесь сейчас его спрашивать?

ЛАТЕРНЗЕР. Господин председатель, я хотел бы сейчас задать свидетелю вопросы относительно того, что было затронуто во время перекрестного допроса представителем американского Обвинения. Мне кажется, что здесь необходимы некоторые пояснения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дело не в том, считаете ли Вы пояснения необходимыми или нет, а в том, считает ли это необходимым сам Трибунал. И поэтому Трибунал хотел бы знать, о чем именно Вы хотите спрашивать сейчас.

ЛАТЕРНЗЕР. Хорошо. Свидетель, сегодня, давая свои показания, упомянул о том, что у него якобы были документы относительно убийств в Польше и России. Я хотел бы сейчас спросить его, кто составил эти отчеты и, в частности, известен ли ему какой-либо общий отчет генерал-полковника фон Бласковица, который он составил, будучи командующим войсками в Польше, и был ли этот отчет передан в вышестоящие учреждения для получения дальнейших распоряжений? Это чрезвычайно важно. Генерал-полковник Бласковиц является представителем защищаемой мною группы и из этого факта,

который можно здесь доказать, следовало бы сделать вывод, что члены этой группы тогда выступали против всяких зверств, если о них сообщалось им в каких-либо донесениях. Следовательно, я должен установить, что те отчеты, которые должны были пресекать зверства, следует также объяснять деятельностью генералов, которые принадлежали к этой обвиняемой группе.

ДЖЕКСОН. Мне кажется, Ваша честь, что защитник считает себя обязанным останавливаться на деятельности отдельных генералов. Мы имеем дело со всей группой в целом. Если то, что говорит данный защитник о генерале Бласковиц, — правда, то это является защитительным доводом для него, и я буду вправе заявить, что генерал Бласковиц действительно стоял против нацистского заговора. И если этот факт подтвердится, то его нельзя будет наказывать за поступки, против которых он стоял сам. Мне кажется, что мы сейчас разбираем индивидуальные защитительные доводы из-за ошибочного понимания того, что якобы мы в данном случае должны судить каждого генерала в отдельности. Мы не обвиняем их в причастности или непричастности к путчу или к делам Фрича. О Фриче мы упоминаем лишь для того, чтобы установить время, когда именно подсудимый Шахт окончательно убедился в том, что целью нацистского режима являлась агрессивная война. О путче же речь зашла лишь только потому, что Шахт заявил в свою защиту о том, что он уговаривал присоединиться к путчу. Но это не относится к делу о генеральном штабе. Большинство из членов генерального штаба, которые принимали участие в путче, были повешены, и я не вижу, как могут те, которые

9644

H1199-0255

H1199 – 0256

остались в живых и находятся сейчас под судом, использовать в качестве защитительного довода тот факт, был ли осуществлен путч или не был.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, разрешите мне коротко высказаться. Если мне не будет разрешено задавать вопросы относительно поведения членов групп именно в этом направлении, что является весьма важным, т.к. на основании этого можно сделать вывод, что они боролись с зверствами, - если мне не будет разрешено задавать такие вопросы, я не смогу показать суду характерные для военных руководителей установки. Необходимо разрешить мне поставить эти вопросы, так как я не располагаю другими доказательствами. Я могу лишь тогда объявить какую-либо группу преступной, если, например, большинство членов этой группы совершило преступления. Таким образом, я должен иметь возможность в данном случае поставить вопрос о том, как генерал Бласковиц выступал против убийств, которые имели место в Польше?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас состоится перерыв и Трибунал рассмотрит в это время этот вопрос.

/ Перерыв /

Встать, суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Латернзер, Трибунал считает, что Ваши вопросы очень далеко отходят от сути дела, если они вообще имеют какое-нибудь отношение к делу. Мы не можем разрешить, чтобы перекрестный допрос длился неопределенное время, так как это поведет лишь к напрасной трате времени. Мы считаем, что вопрос, который Вы желаете поставить, может быть сформулирован следующим образом: свидетель уже говорил о тех отчетах, о которых вы его спрашивали,- это отчеты о зверствах на Востоке, и я думаю, что вы можете спросить его, кто представил эти отчеты.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н свидетель, я прошу Вас ответить на этот вопрос: от кого поступали сообщения об убийствах в Польше и в России?

ГИЗЕВИУС. Мне известно только одно сообщение, один доклад, который был составлен в первые месяцы войны с Польшей генерал-полковником Бласковицем на основании полученной им информации из подчиненных ему военных организаций. Кроме этого, такие доклады, насколько мне известно, составляла только группа Канариса-Остера. Но я бы не хотел, говоря это, утверждать, что такие доклады не составлялись еще кем-нибудь другим.

ЛАТЕРНЗЕР. Какова была цель этих докладов генерал-полковника Бласковица?

ГИЗЕВИУС. Генерал-полковник фон Бласковиц хотел...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отчет, который сделал этот генерал, не доказывает того, является ли данная организация преступной или нет.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, это вспомогательное средство для того, чтобы установить, каково было отношение

9646

H1199-0257

H1199 – 0258

этой группы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что отчет одного из генералов не представляет собой доказательства того, ~~что~~ является ли организация преступной или нет.

ЛАТЕРНЗЕР. Г-н председатель, допущен ли этот вопрос? Я спросил о целях доклада?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что содержание этого отчета неприемлемо в качестве доказательства.

ЛАТЕРНЗЕР. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться. Д-р Панненбекер, заканчивается ли на этом представление вами доказательств защиты?

ПАННЕНБЕКЕР (защитник подсудимого Фрика). Таким образом, рассмотрение дела подсудимого Фрика закончено. Остается еще только представить ответы на опросные листы, которые еще не поступили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо... Защитник подсудимого Штрейхера.

(К микрофону подходит адвокат Маркс).

МАРКС (Защитник подсудимого Штрейхера). С разрешения суда, господин председатель, я вызываю в качестве свидетеля подсудимого Юлиуса Штрейхера.

(Подсудимый Штрейхер подходит к свидетельскому пульту).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Юлиус Штрейхер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги.

Клянусь богом...

ШТРЕЙХЕР. Клянусь богом...

H1199-0259

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всемогущим и всеведущим...

ШТРЕЙХЕР. Всемогущим и всеведущим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что я буду говорить чистую правду...

ШТРЕЙХЕР. Что я буду говорить чистую правду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

ШТРЕЙХЕР. Ничего не утаю и ничего не прибавлю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете сесть.

МАРКС. Господин свидетель! Сначала кратко расскажите суду Вашу биографию.

ШТРЕЙХЕР. Я хотел бы просить высокий суд, разрешить мне в интересах моей защиты установить прежде всего следующее:

Во-первых...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам следовало бы отвечать на вопросы, которые вам будут ставить.

ШТРЕЙХЕР. Ваша честь, мой защитник не может сказать того, что должен сказать я. Этого он не может сделать. Поэтому я хотел бы просить разрешить мне по-деловому и кратко заявить следующее: мой защитник вел защиту не так, как я этого хотел. Я хочу об этом сообщить суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, вы понимаете, что Трибунал не желает терять времени, останавливаясь на несущественных вопросах. Если то, что вы говорите, вы считаете для себя исключительно важным моментом, Трибунал просит вас изложить это в наиболее краткой форме.

ШТРЕЙХЕР. Я назову только факты. Их четыре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ШТРЕЙХЕР. Устав, созданный для этого Международного Военного Трибунала, гарантирует подсудимому право беспрепятственной и тем самым справедливой защиты.

H1199-0259

H1199 – 0260

Во-вторых, до начала этого процесса подсудимые получили список фамилий адвокатов, из которых подсудимый мог выбрать себе защитника. Так как мюнхенский адвокат, которого я выбрал для своей защиты, не мог быть предоставлен в мое распоряжение, я просил Высокий Суд предоставить мне нюрнбергского адвоката доктора Маркса. Так это и случилось.

В-третьих, когда я впервые встретился со своим защитником, я сказал ему, что он должен быть готовым к открытым нападкам. Вскоре последовал выпад со стороны одной коммунистической газеты, издаваемой в русской зоне в Берлине. Международный Военный Трибунал считал себя обязанным в официальном заявлении отвергнуть выпад этой газеты и заверить моего защитника в том, что он находится под защитой Международного Военного Трибунала.

В-четвертых: хотя вследствие заявления Международного Военного Трибунала не могло существовать никаких сомнений в том, что Суд желает, чтобы защита подсудимых была беспрепятственной, - последовал новый выпад-на этот раз по радио. Диктор сказал: "среди защитников имеются замаскировавшиеся нацисты и антисемиты". То, что этот террор производился с намерением запугать защитников,- это совершенно ясно. Эти террористические выпады, как

мне кажется, привели к тому, что мой собственный защитник отказался представить суду большое количество моих ходатайств, которые я считал важными.

В-пятых, настоящим я констатирую, что перед этим Международным Военным Трибуналом мне не была дана возможность вести беспрепятственную и тем самым справедливую защиту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете быть уверены, что Трибунал позаботится о том, чтобы все, что связано с Вашим делом и имеет отношение к нему, а также все то, что является в той или иной степени существенным, ~~будет~~ было предоставлено на рассмотрение. Вам будет дана полная возможности вести защиту.

ШТРЕЙХЕР. Благодарю. О своей жизни...

МАРКО. Простите, господин председатель. Разрешите мне совсем коротко высказаться по этому поводу.

Высокий Суд, когда в свое время перед мной был поставлен вопрос взять на себя защиту господина Штрейхера, у меня, естественно, были очень большие опасения. Я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Марко, я не думаю, что Вам необходимо на этой стадии делать какие-либо об"яснения личного характера.

H1199-0261

H1199 – 0262

Вполне возможно, что у подсудимого было совершенно иное мнение по этому вопросу. Кем следует лучше продолжать вести защиту.

МАРКС: Несмотря на это, я прошу, господин председатель, разрешить мне высказаться относительно одного пункта; речь идет здесь о следующем:

Как адвокат и как защитник подсудимого, я должен был оставить за собой право установить, каким образом я буду вести защиту. Если клиент считает, что известные документы или книги относятся к делу, а адвокат считает, что они не относятся к делу, тогда возникают разногласия между защитником и его клиентом. Если господин Штрейхер считает, что я не в состоянии или не способен проводить его защиту, то пусть он просит предоставить ему другого защитника. Но я полностью сознаю, что на этой стадии процесса очень трудно также и для меня сделать соответствующий вывод и сказать, что я прошу освободить меня от ведения этой защиты. Я не считаю себя терроризированным каким-либо газетным писакой; другое дело, если мой клиент не питает доверия к своему защитнику. Поэтому я считаю необходимым просить Суд вынести решение по этому вопросу: могу ли я при таких обстоятельствах далее вести защиту и как относится к этому Суд.

/Судьи совещаются/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что те об"яснения и заявления, которые Вы только что сделали, согласуются с обычными правилами судопроизводства, и поэтому дело должно продолжаться.

Продолжайте, подсудимый...

H1199 – 0263

ШТРЕЙХЕР: Итак, о моей жизни. Я родился 12 февраля 1885 года в маленькой деревне в Баварской Швабии.

Я был последним ребенком, а всего их было девять. Мой отец был учителем в народной школе и я также стал учителем в народной школе. После того, как я несколько лет на моей родине, в Баварской Швабии, работал по своей профессии, я в 1909 году был назначен в городскую школу в Нюрнберг. Здесь я имел возможность познакомиться с семьями детей рабочего предместья, и здесь я имел возможность познакомиться с социальными противоречиями, и эти познания привели к тому, что я в 1911 году решил заниматься политической деятельностью. Я вступил в демократическую партию. В 1912 году я, молодой демократический оратор, выступал перед выборами в Рейхстаг. Автомашина, предоставленная в мое распоряжение, оплачивалась банковским домом Кон. Я подчеркиваю это потому, что я в то время часто имел возможность общаться с евреями также и в демократической партии. Таким образом; это было моей судьбой, а именно то, что я позже стал расово-политическим писателем и оратором.

Наступила мировая война, и я попал на фронт ефрейтором пехотного полка. Потом я стал офицером в пулеметном батальоне и вернулся на родину с двумя железными крестами, с Баварским орденом и редким австрийским крестом за заслуги на ленточке, которая давалась за храбрость.

Когда я вернулся на родину, я не хотел опять заниматься политической деятельностью, я намеревался в одиночестве работать по своей специальности.

В Германии я увидел кроваво-красные плакаты революции и я в первую очередь попал в эту неистовавшую массу. Когда

9852

H1199 – 0263

H1199 – 0264

оратор на собрании окончил свою речь, я попросил слова, как совершенно чужой человек. Внутренний голос послал меня на трибуну и я говорил. Я говорил о возникших прениях и о том, что произошло в Германии. В Германии после ноябрьской революции 1918 года, евреи и их друзья захватили в свои руки политическую власть. Евреи были в имперском правительстве, а также во всех областных органах управления. На моей родине, в Баварии, премьер-министром был польский еврей Эйгнер Космоновский. Реакция в Германии среди буржуазии выразилась в создании об"единения, которое называлось: "Туту и Трутубунд". Во всех крупных городах Германии были основаны местные группы этого союза "Туту и Трутубунд" и волею судьбы, однажды, когда я выступал на собрании в прениях, после моего выступления подошел ко мне один гражданин и попросил меня притти в "Культурферейн", в золотой зал, и послушать, что там говорят.

Таким образом, господа, я вступил в то, что привело меня сюда. Судьба сделала меня тем, чем хотела меня сделать заграничная пропаганда. Меня об'явили кровавой собакой, меня об"явили кровавым царем Франконии, затронули мою честь. Преступника оплачивали тремя сотнями марок, здесь, в этом зале, заставили поднять руку, произнести присягу и заявить, что он видел, что я во время войны во Франции, будучи офицером, якобы, изнасиловал в Атисе у Перонны некую учительницу мадам Докон.

Господа, прошло два года, прежде чем была выяснена в этом зале правда, [illegible]. Была представлена квитанция на 300 марок, этими деньгами хотели отнять у меня мою честь. Я только напоминаю об этом случае, ибо мое дело является

9653

H1199 – 0265

особым делом, господа, и если по моему делу хотят принять справедливое решение, то мне необходимо разрешить мимоходом упомянуть такие случаи. Может быть, в этой связи я могу сказать, господа, что неслучайно первый вопрос допрашивающего офицера Советской Делегации был вопрос, совершил ли я преступления против нравственности? Вам, господа, я уже сообщил, что сама судьба сделала меня членом "Туту и Трутубунда".

Я рассказал Вам, каково было положение в Германии. И я, естественно, не пошел на собрание революционеров для того, чтобы выступать там в прениях. Я чувствовал в себе призвание самостоятельно устраивать собрания и я там выступал. Я могу сказать теперь, что в течение 15 лет почти каждую пятницу я выступал перед аудиторией от 5-ти до 6-ти тысяч человек. Я говорил в течение 20 лет и я совершенно открыто это признаю; я выступал в крупнейших городах Германии, иногда на стадионах и городских площадях, перед аудиторией в 150-200 тысяч человек. Я это делал 20 лет и я заявляю здесь, что партия меня не оплачивала. Представителям обвинения не удалось даже путем публичного воззвания призвать в этот зал кого-либо, кто мог бы показать, что я оплачивался партией. Я получал маленькое жалование, которое было за мной оставлено после того, как я в 1924 году перестал заниматься своей профессией. Несмотря на это, я был единственным неоплачиваемым гаулейтером во всем движении. То, что позднее я получал деньги за свою журналистскую деятельность, деньги, на которые жил я и мои сотрудники, является делом само собой разумеющимся. Теперь, господа, - я снова возвращаюсь к 1921 году; итак, в 1921 году я отправился в Мюнхен. Я был любопытен, мне кто-то сказал, что надо

9654

H1199 – 0265

H1199 – 0266

послушать Адольфа Гитлера, - и вот снова судьба! Эту трагедию можно понять, если рассматривать ее не только материалистически, но и принимать во внимание какие-то высшие силы, которые действуют и по сей день.

Я отправился в Мюнхен, в "Бюргербрау". Там говорил Адольф Гитлер. Я слышал лишь эту фамилию. Этого человека я еще никогда не видел и я сидел там как чужой среди чужих. Я увидел этого человека после трехчасовой речи, время близилось к полуночи, он стоял весь потный и сияющий. Сосед рядом со мной сказал, что ему кажется, что он видит вокруг его чела святое сияние. Высокий Суд, и я чувствовал что-то необ"яснимое,-это было не повседневным явлением. Когда Гитлер окончил свою речь, внутренний голос приказал мне подняться, я направился к трибуне и, когда Адольф Гитлер спустился с трибуны, я назвал ему свою фамилию.

Представители обвинения пред"явили Трибуналу документ, который напоминает об этом событии.

Адольф Гитлер в своей книге "Моя борьба" пишет, что мне, очевидно, стоило больших усилий передать ему то движение, которое я создал в Нюрнберге. Я упоминаю об этом, так как обвинение решило, что оно должно представить эту выдержку из книги Гитлера "Моя борьба" и использовать ее против меня. Да. Я горжусь тем, что я сам победил себя и добровольно передал движение, созданное мной во Франконии, Гитлеру. Благодаря этому франконскому движению, движение, созданное Адольфом Гитлером в Мюнхене и в Южной Баварии, распространилось и на Северную Германию. Это было моим делом. В 1923 году я принимал участие в первой национальной революции, † т.е. это была

9655

попытка организовать революцию, она вошла в историю, как путч Гитлера. Адольф Гитлер просил меня в связи с этим приехать в Мюнхен. Я отправился в Мюнхен и там принимал участие в том собрании, на котором Адольф Гитлер договорился с представителями буржуазии вместе пойти в Северную Германию и положить конец царившему там хаосу. Я шел вместе с этой демонстрацией до Фельдхернхалле, затем был арестован, и вместе с Адольфом Гитлером, Рудольфом Гессом и другими попал в Ландсберг на реке Лехе. Через несколько месяцев после этого народный блок выдвинул меня в кандидаты в депутаты баварского ландтага и в 1924г. я был избран в ландтаг. В 192[illegible]г., после того, как движение было вновь разрешено и Адольф Гитлер вышел из тюрьмы, я был назначен гауляйтером Франконии. В 1928г. я стал депутатом рейхстага. В 1933 или 34 г. я получил почетный титул СА - группенфюрера. В феврале 1940 года я был уволен в отпуск. Я жил 5 лет до окончания войны в своем имении. В конце апреля я поехал в Южную Баварию, в Тироль, я хотел покончить жизнь самоубийством. Но здесь произошло событие, о котором я не хочу рассказывать, я могу сказать лишь одно, а именно то, что я заявил своим друзьям: я 20 лет произносил речи и известен мировой общественности, я не хочу покончить жизнь самоубийством. Я хочу продолжать свой путь, каким бы он ни был, хочу оставаться фанатическим приверженцем истины до конца! Может быть, Вы разрешите мне сделать здесь одно замечание: я сознательно дал своему боевому листку "Штюрмер" следующий подзаголовок: "Еженедельник борьбы за истину". Я сознавал, что я не могу познать всей истины, но я также сознавал, что

2656

H1199 – 0267

H1199 – 0268

на 80-90 процентов я, без сомнения, познал ее. Разрешите мне теперь закончить описание своей жизни. Я хочу закончить его описанием события, которое Вам, господа судьи, должно показать, что иногда, помимо желаний государственного руководства могут происходить такие вещи, которые не соответствуют законам человечности и гуманности.

Господа судьи! Я был арестован и в плену пережил такие вещи, которые теперь приписываются нам и гестапо. Четыре дня я сидел раздетый в камере. Мне прижигали сигаретами соски, меня били кнутом по половым органам, меня бросали на пол, на меня были надеты железные цепи, я должен был целовать ноги негров, мне плевали в лицо. Мне сунули в рот два гвоздя и один белый офицер плевал мне в рот, а когда я его больше не открывал, он мне его открыл палкой; когда я попросил воды, меня отвели в уборную и мне приказали пить из унитаза. В Висбадене надо мной сжалился один врач и я признаю также, что еврей, начальник тюрьмы, вел себя там корректно. И я заявляю здесь, чтобы быть правильно понятым, что евреи - офицеры, которые охраняют нас здесь в тюрьме, вели себя до сих пор корректно, а врачи, которые лечили меня здесь, отнеслись ко мне даже внимательно. Из этого заявления Вы видите, какая разница существует между положением в тюрьме в Фрейслинге и в настоящий момент. Я сообщал все это американскому офицеру, он мой доклад передал дальше, во Франкфурт, но судьба этого доклада мне неизвестна. Вот, господа судьи, кратко моя биография. Теперь я прошу задавать мне вопросы.

МАРКС: Господин свидетель! Почему Вы были удалены с должности учителя, были ли Вы когда-либо обвинены в каком-нибудь

9657

аморальном или уголовном поступке?

ШТРЕЙХЕР: Я, собственно, уже ответил на этот вопрос. Каждый знает, что я не мог оставаться в общественной жизни на этом посту, если бы я был виновен в каком-либо преступлении. Это неправда. Я был удален со своего поста потому, что большинство партий в баварском ландтаге осенью 1923 года, после путча Гитлера, потребовало, чтобы я был уволен. Это и есть мое преступление против нравственности, господа судьи.

МАРКС: Вам известно, что Вы обвиняетесь по двум пунктам: во-первых, вы обвиняетесь в том, что Вы принадлежали к заговору, который имел целью вести агрессивную войну или вообще агрессивные войны, нарушать договоры и при этом или ранее совершались преступления против человечности, и, во-вторых, Вы обвиняетесь независимо от этого в преступлениях против человечности. Я хочу задать Вам по первому пункту различные вопросы.

Говорили ли Вы когда-либо с Адольфом Гитлером или участвовали ли Вы когда-либо в совещаниях руководящих лиц рейхстага или партии, на которых обсуждался бы вопрос об агрессивной войне?

ШТРЕЙХЕР: Я могу ответить коротко на этот вопрос - нет, но я прошу разрешить мне сделать краткое заявление по этому поводу. В 1921 году, как я уже сказал, я отправился в Мюнхен, я на трибуне публично передал фюреру свою организацию, позже я написал ему относительно этого еще письмо. Кроме этого не было никаких совещаний, ни с Гитлером, ни с какими-либо другими лицами. Я поехал обратно в Нюрнберг и продолжал произносить речи. При оглашении партийной программы я вообще не при-

H1199 - 0269

H1199 - 0270

существовал, но оглашение это было произведено опять-таки публично, таким образом, и сам заговор был настолько открытым, что политические противники смогли начать террор. Итак, я резюмирую: никогда не имело места какое-либо тайное совещание, на котором бы я принимал присягу и мне бы сообщалось что-либо, что должно было остаться скрытым от общественности. Программа была составлена, была передана полиции и на основании закона о союзах наша партия, как и другие партии, была внесена в список союзов. Таким образом, тогда не существовало никакого заговора.

МАРКС: Одним из важнейших пунктов партийной программы является, однако, требование "отказа от Версаля". Что Вы думали относительно того, как можно устранить Версальский диктат?

ШТРЕЙХЕР: Я думаю, что я смогу ответить и на это совсем коротко. Я думаю, что Суду давно известно, как обстояло дело. Само собой разумеется, у всех народов есть предатели, такие, какой сегодня, например, сидел здесь, но есть масса порядочных людей. И эти порядочные люди тогда после первой мировой войны требовали отказа от Версальского договора.

ДИКСОН: Я думаю, что я должен выступить против такого порядка судопроизводства. Этот свидетель не имеет права называть другого свидетеля предателем. Я думаю, что свидетелю еще не задавали вопросов, которые бы требовали ответа подобного характера. Я прошу Трибунал предложить свидетелю следить за своими выражениями и отвечать на поставленные вопросы так, чтобы не нарушать правил судопроизводства.

H1199-0271

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. /К свидетелю/. Примите это во внимание.

ШТРЕЙХЕР: Я прошу Суд извинить меня, это невольно вырывалось у меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я прослушал, но Ваши замечания, очевидно, относились к свидетелю, который только что давал здесь показания. Вы не имели права называть этого свидетеля предателем или делать какие-либо замечания о его показаниях.

МАРКС: Итак, г-н Штрейхер, подобных замечаний вы, пожалуйста, больше не делайте. Адольф Гитлер говорил в дни годовщины партии, всегда говорил о сообществе людей, поклявшихся друг другу в верности. Что хотел сказать этим Гитлер?

ШТРЕЙХЕР: Сообщество - это должно было означать, что он, Гитлер, был уверен в том, что его старые приверженцы связаны с ним ~~своими мыслями, сердцами и политическими убеждениями.~~ душевно и идейно в одно целое

МАРКС: Не хотел ли он этим сказать: "Мы являемся союзом заговорщиков"?

ШТРЕЙХЕР: Нет! Тогда бы говорилось о сообществе заговорщиков.

МАРКС: Между вами и остальными подсудимыми существовали ли в какой-либо форме более тесные отношения, которые можно было бы назвать заговором, и были ли вы вообще хорошо знакомы с кем-либо из этих подсудимых, были ли вы с кем-либо из подсудимых в близких отношениях?

ШТРЕЙХЕР: Лишь постольку, поскольку мы были членами одной партии. Мы встречались на с"ездах гаулейтеров. Может быть, когда кто-либо выступал в центральном городе, - там встречались.

9660

H1199 - 0271

H1199 – 0272

С имперскими министрами я имел честь хорошо познакомиться лишь здесь. С руководителями армии я также познакомился здесь. Таким образом, политической общности, деловой общности, действительно, не существовало.

МАРКС: Однако, как представляли себе в начале партийцы решение еврейского вопроса?

ШТРЕЙХЕР: В начале, когда партия только была создана, вообще ничего не говорилось о решении еврейского вопроса, как и не говорилось о том, как будет решен версальский вопрос, вопрос о Версальском диктате. Нужно представить себе тот хаос, который тогда господствовал в Германии. Если бы Адольф Гитлер в то время сказал своим членам партии, что в 1933 году я начну подготавливать войну, то ему бы на это ответили, что он дурак. У нас в Германии не было оружия. Была 100-тысячная армия, и несколько пехотных орудий, таким образом, говорить о войне и еврейском вопросе в то время, когда - я хотел бы сказать - общественность отличала евреев лишь по их религии, было бы глупостью. Итак, до 1933 года ничего не говорилось о решении еврейского вопроса. Я не слышал, чтобы Адольф Гитлер говорил об этом, и здесь также нет никого, о ком я мог бы сказать, что я слышал от него высказывания по этому вопросу.

МАРКС: Предполагают, что вы имели особо тесные отношения с Адольфом Гитлером и что вы, якобы, оказывали влияние на решения этого человека. Я просил бы вас, поэтому, рассказать о ваших отношениях с Адольфом Гитлером, т.е. несколько разъяснить этот вопрос.

ШТРЕЙХЕР: Тот, кто имел возможность познакомиться с Адольфом Гитлером, ~~тот~~ знает, что то, что я сейчас говорю,

является истиной. Если кто-либо думал, что он может проложить себе путь к личной дружбе с Адольфом Гитлером, то тот полностью ошибался. Адольф Гитлер был особенным человеком во всех отношениях, и я думаю, что правильным будет сказать, что дружбы между ним и другими людьми вообще не существовало, дружбы, о которой можно было бы сказать, что это действительно сердечная дружба. Было трудно приблизиться к нему и если кто хотел к нему приблизиться, то это можно было сделать лишь совершением мужественного поступка. И я знаю, почему Вы задаете этот вопрос, я хочу ответить следующее: до 1922 года Адольф Гитлер не доверял мне, хотя я открыто передал ему свое движение, он через некоторое время послал в Нюрнберг будущего рейхсмаршала Германа Геринга.

Он прибыл в Нюрнберг молодым фюрером СА, я думаю, он был фюрер-СА, и проверил положение дел, т.е. определил кто прав: я или люди, доносившие на меня. Это не обвинение. Это-констатация факта. Вскоре после этого он прислал ко мне еще одного человека, а затем еще одного. Таким образом, до 1922 года Адольф Гитлер не доверял мне. Затем произошел мюнхенский путч. После полуночи, когда он /Гитлер/ был покинут почти всеми, я предстал перед ним и сказал ему, что нужно, собственно, сейчас дать раз"яснение общественности, и это надо сделать утром. Гитлер удивленно посмотрел на меня и спросил, хочу ли я это сделать. Я сказал, что я сделаю это. Может быть, обвинение имеет этот документ в своем распоряжении. Гитлер написал после полуночи на клочке бумаги следующее: "Штрейхеру поручена вся организация". Здесь речь шла об одном дне - об

9662

H1199 - 0273

H1199 – 0274

II ноября. И II ноября я действительно руководил пропагандой, проводимой среди общественности. Я вернулся за час до начала демонстрации, которая должна была двинуться в Фельдхернхалле. Когда я пришел, все уже построились. Впереди знамя, которое позже стало кровавым. Я стал во второй ряд и мы направились в город в направлении к Фельдхернхалле. Когда я перед Фельдхернхалле увидел винтовки, и понял, что сейчас будет открыт огонь, – я выдвинулся вперед, стал в 10 метрах впереди знамени и направился прямо на штыки. Затем произошла эта бойня и мы были арестованы.

Сейчас я заканчиваю.

Теперь я перехожу к существу дела. В Ландсберге Адольф Гитлер заявил мне и всем, кто был заключен с нами, что он никогда этого не забудет, и, может быть, потому, что я тогда участвовал в марше к Фельдхернхалле, был во главе колонны, Адольф Гитлер чувствовал ко мне больше симпатии, чем к другим. Таким образом, из этого события родилась наша дружба.

МАРКС: Вы кончили?

ШТРЕЙХЕР: Да.

МАРКС: Привлекал ли Вас Адольф Гитлер в важных делах в качестве советника?

ШТРЕЙХЕР: Я видел Адольфа Гитлера лишь на заседаниях гауляйтеров; когда он приезжал на собрания в Нюрнберг, ~~то~~ мы сидели ~~вместе~~ за столом вместе, 5–10 человек, а иногда и больше. Я вспоминаю, что я лишь однажды был с ним наедине в коричневом доме в Мюнхене, когда коричневый дом был построен; мы вели беседу не на политическую тему. Все разговоры, которые

я вел с Адольфом Гитлером, будь-то в Нюрнберге или в Мюнхене, где бы то ни было, - происходили в кругу товарищей по партии.

МАРКС. Теперь я перехожу к периоду ~~июля~~ 1933 года и последующему периоду. 1 апреля 1933 года было объявлено днем бойкота против еврейского населения во всей империи. Что Вы можете сказать по этому поводу и какую роль играли Вы при этом?

ШТРЕЙХЕР. За несколько дней до 1 апреля меня вызвали в Мюнхен, в коричневый дом. Адольф Гитлер заявил мне то, что я, собственно, уже знал. В иностранной прессе проводилась невероятная травля против новой Германии; хотя Гитлер был канцлером, а Гинденбург стоял еще во главе государства, хотя еще существовал парламент, немедленно началась дикая травля в иностранной прессе против Германии. Это мне и сообщил Гитлер. /Пауза, совещаются/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте.

ШТРЕЙХЕР. Фюрер сказал мне: "Даже наш имперский флаг и герб оскорбляются за границей и мы теперь должны сказать евреям во всем мире, что дальше идти нельзя. Мы должны дать знать, что в будущем мы не намереваемся терпеть что-либо подобное! Затем он сказал мне, что 1 апреля должно быть днем анти-бойкота, и что он желает, чтобы я взял на себя руководство. Может быть здесь важно будет указать на следующее: Гитлер считал, что для этого мероприятия, очевидно, неплохо будет использовать мое имя. Позже этого уже не случалось.

Таким образом, я взял на себя руководство антибойкотом и издал инструкцию, которая, как мне кажется, была представлена суду, так что я могу не тратить лишних слов,

H1199 – 0275

H1199-0276

Я распорядился чтобы ни один еврей не был убит, чтобы перед каждым еврейским предприятием был выставлен пост или несколько постов, которые должны следить за тем,чтобы не наносилось материального ущерба. Короче говоря, я издал распоряжения, которых вообще,может быть,от меня и не ожидали, и,может быть,не ожидали и в партии, это я признаю открыто. Во всяком случае установлено, что день антибойкота прошел безупречно,не считая некоторых мелочей. Я думаю, что ни один еврей не может заявить что-либо обратное. День антибойкота был проведен дисциплинированно. Это был антибойкот не в целях нападения, а в целях защиты.

МАРКС. Был ли тогда образован комитет, который состоял из руководящих членов партии, и вообще проводил ли этот комитет какую-либо работу?

ШТРЕЙХЕР. С этим комитетом получилось то же самое, что и с тайным кабинетом в Берлине, - он никогда не заседал. Я думаю, что члены кабинета даже не все познакомились друг с другом и многие никогда не видели друг друга.

МАРКС. Члены комитета?

ШТРЕЙХЕР. О создании комитета бойкота Геббельс опубликовал в газетах. Это было делом газет. Я один раз говорил по телефону с Геббельсом. Он запросил Мюнхен,где я,и спросил у меня,как идет дело. Я ему сказал, что дело идет превосходно. Таким образом, никогда не имело места какое-либо совещание, это было внешним эффектом, так сказать,декорацией.

МАРКС. Господин свидетель, Вы сделали одну ошибку. Когда Вы говорили о Мюнхене, Вы хотели сказать - 9 ноября 1923 г. А что Вы сказали?

H1199-0277

ШТРЕЙХЕР. Я сейчас не помню, что я сказал.

МАРКС. Это должно быть 9 ноября 1923 года. Да?

ШТРЕЙХЕР. Да, 9 ноября 1923 года.

МАРКС. В 1935 г. на имперском партийном съезде в Нюрнберге были провозглашены так называемые расовые законы. Привлекались ли Вы к обсуждениям и составлению проектов этих законов? Вы каким-либо образом принимали в этом участие и в особенности в подготовке этих законов?

ШТРЕЙХЕР. Да, я думаю, что я участвовал в этом постольку, поскольку я в течение многих лет писал о том, что дальнейшему смешению немецкой крови с еврейской кровью нужно воспрепятствовать. Я неоднократно писал такие статьи и я всегда указывал в своих статьях на то, что мы должны принять еврейскую расу как образец, или еврейский народ. Я всегда сообщал в своих статьях, что евреи должны быть примером для всех других рас, ибо они создали себе расовый закон - заповедь Моисея,- который гласит: "если вы приде - те в чужую страну, то не делайте своими чужих женщин". И этот, господа, имеет огромное значение для оценки нюрнберг - ских законов. За образец были взяты эти еврейские законы. И когда много веков спустя еврейский законодатель Эзра установил, что, несмотря на этот запрет, женились не на ев - рейках,- эти браки были расторгнуты. И именно тогда евреи стали существовать как единое целое и это только потому, что были введены расовые законы; именно поэтому евреи пе - режили века, в то время как все другие расы и цивилизован - ные народы погибли.

МАРКС. Г-н Штрейхер, мне кажется, что это слишком длинно. Я спросил Вас, участвовали ли Вы в планировании и

H1199 - 0277

H1199-0278

обсуждении проекта этого закона или же эти законы явились для Вас неожиданностью?

ШТРЕЙХЕР. Мне кажется, что я поступаю честно, если говорю, что я косвенно принимал участие в создании этих законов.

МАРКС. Да, но самого закона Вы не обсуждали?

ШТРЕЙХЕР. Нет, я заявляю здесь следующее: В 1935 г. на партийном съезде в Нюрнберге мы были вызваны в зал, не зная, что произойдет, по крайней мере, я не имел ни малейшего представления, и были провозглашены расовые законы. Лишь там я в первый раз узнал об этих законах. И я думаю, что господа, которые здесь сидят теперь, как пленники, за исключением, может быть, Гесса, узнали об этих законах лишь на съезде. Я непосредственного участия в этом не принимал, я чувствовал себя оскорбленным тем, что меня не привлекли к обсуждению этих законов.

МАРКС. Думали, что могут обойтись и без вашей помощи?

ШТРЕЙХЕР. Да.

МАРКС. Считали ли Вы, что это законодательство 1935 года означало окончательное государственное решение еврейского вопроса?

ШТРЕЙХЕР. Да, но с некоторыми ограничениями. Я был убежден, что при выполнении партийной программы еврейский вопрос будет решен. Евреи в 1848 году получили право гражданства в Германии. Однако, это право было у них отобрано законом, половое общение было запрещено. Тем самым для меня еврейский вопрос в Германии был решен. Но я считал, что должно еще иметь место решение этого вопроса и в международном масштабе. Я думал, что будут вестись переговоры

между государствами в духе тех требований, которые выдвинул сионизм. Эти требования сводились к созданию еврейского государства.

МАРКС. Что Вы можете сказать о демонстрации против еврейского населения в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года и какую роль Вы играли?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс, сейчас пять часов, мы объявляем перерыв до понедельника.

/Перерыв до 10 часов 29 апреля 1946 года/.

9668

H1199 – 0279

H1199 - 0280

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 29 апреля 1946 года

/Утреннее заседание/.

ВСТАТЬ! СУД ИДЕТ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс!

МАРКС. Господин председатель! Высокий Суд! До того, как я буду в ходе постановки вопросов продолжать допрос подсудимого Штрейхера, я прошу разрешить мне сделать заявление.

Господин Штрейхер в пятницу вечером остановился на инциденте, а именно на том инциденте с прессой, который относится ко мне лично и к моей профессиональной деятельности. Я вслед за этим считал необходимым остановиться на этом инциденте в моем заявлении и указал на то, что я тогда воспользовался защитой суда от несправедливой критики моей деятельности. Я благодарен Суду, что Суд взял меня под защиту. При этом обстоятельстве чрезвычайного характера и заявлении, которое я дал в связи с этим, я употребил выражение "газетчики", имея в виду исключительно того журналиста, который написал эту статью в берлинской газете относительно меня лично и моей деятельности в качестве адвоката.

Ни в коем случае я не хотел этим сказать и не имел в виду сказать этим, что это выражение имеет отношение вообще ко всей прессе. Я был далек от того, чтобы в какой-либо степени оскорбить специалистов - журналистов и, в особенности, тех господ, которые здесь представляют мировую прессу, или каким-либо образом нанести оскорбление профессиональной их деятель-

H1199 - 0281

-ности. Поводом к моему заявлению явилось сообщение по радио, в котором говорилось, что я, адвокат Маркс, вообще критиковал деятельность прессы и оскорбил ее несправедливым образом. Я вполне уясняю себе значение прессы, знаю задачи, которые возложены на прессу, и я вполне учитываю чрезвычайно ответственную роль прессы на данном процессе.

Я здесь, перед высоким Судом, перед лицом общественного мнения прошу учесть мое заявление и прошу представителей прессы принять мое заявление в том виде, в каком я его себе мыслил; то выражение, которое я употребил, относилось лишь к тому журналисту, который написал статью и упоминал в ней мою фамилию. Это не относилось ко всей прессе. Это то, что я хотел сказать .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс, Трибунал понял Ваше заявление, сделанное на днях, в том смысле, как Вы это сейчас пояснили.

МАРКС. С разрешения суда, я продолжаю допрос подсудимого.

Господин свидетель, какие задачи Вы преследовали Вашими ремами и статьями в газете "Штюрмер"?

ШТРЕЙХЕР. Мои речи и мои статьи, которые я писал, должны были раз"яснить общественности вопрос, который мне казался одним из самых важных вопросов. Это была не травля, я не хотел организовывать травли, я хотел лишь раз"яснить вопрос.

МАРКС. Кроме Вашей еженедельной газеты, имелись ли, в особенности после прихода партии к власти, еще другие статьи в прессе Германии, которые рассматривали еврейский вопрос в антисемитском смысле?

ШТРЕЙХЕР. Антисемитские статьи и прессе Германии имелись в течение сотен лет. Например, у меня была конфискована книга

H1199-0281

H1199 – 0282

доктора Мартина Лютера.Доктор Мартин Лютер, безусловно, в настоящее время мог бы сидеть на моем месте, на скамье подсудимых, если эта книга могла быть рассмотрена обвинением. В книге "Евреи и их ложь" Мартин Лютер пишет, что евреи являются змеиным отродьем,и надо сжесь их синагоги, а их уничтожить...

МАРКС. Господин свидетель, это не ответ на мой вопрос. Я прошу ответить на мой вопрос в том виде, в каком я его поставил, - ответьте вначале "да" или "нет", хотя...

/К микрофону подходит судья Джексон/.

Г-н ДЖЕКСОН. Я хотел бы возразить против этого метода ответов, несоответствующих вопросам. На этом процессе мы совершенно не имеем возможности возражать против ответов, несоответствующих задаваемым вопросам. На этом процессе уже был случай, когда в ничем не вызванном высказавании Штрейхера содержались нападки на США. Чтобы на них ответить, - если мы должны будем на них отвечать - в качестве доказательства потребуется очень большое количество материалов. Мне кажется, что совершенно недопустимо, чтобы свидетель отвечал что-либо другое, чем давал непосредственный ответ на задаваемый вопрос с тем, чтобы оградить настоящий процесс от вопросов, не имеющих к нему отношения. Для того, чтобы решить, виновен ли Штрейхер, Трибуналу не поможет, если он будет заниматься вопросами, направленными против нас и затронутыми Штрейхером - вопросами, которые отлично можно раз"яснить, если этому посвятить соответствующее время.

Мне кажется, что данному свидетелю следует сделать замечание, и в такой форме, чтобы он понял, - если это возможно, что он должен ответить на вопрос и молчать, для того, чтобы мы

H1199 – 0283

имели возможность возразить против высказываний, неотносящихся к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс, когда Вы задаете вопросы свидетелю, попытайтесь, пожалуйста остановить его, если он не отвечает на поставленные ему Вами вопросы.

ДОКТОР МАРКС. Да, господин председатель, я , как раз хотел этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Штрейхер, Вы поняли... Вы слышали, что здесь было сказано, и Вы должны понять, что Трибунал не намерен слушать Ваши длинные речи, которые не являются ответом на поставленные Вам вопросы.

ДОКТОР МАРКС. Я еще раз поставлю этот вопрос и прошу вначале ответить на этот вопрос "да" или "нет", и затем сдалать краткое пояснение к содержанию самого вопроса. Имелись ли кроме Ваших еженедельных газет, в особенности после прихода партии к власти в Германии, еще другие статьи в прессе, которые рассматривали еврейский вопрос в антисемитском смысле?

ШТРЕЙХЕР. Да, имелись. Еще до прихода Гитлера к власти в каждой области имелись еженедельные газеты антисемитского характера и ежедневная газета "Фелькишер Беобахтер" в Мюнхене. Кроме того, имелся целый ряд журналов, которые непосредственно не являлись органами партии, и имелись также антисемитские книги.

После прихода Гитлера к власти пресса была унифицирована и партия имела в своем распоряжении около трех тысяч ежедневных газет и многие еженедельные газеты, всевозможные журналы, и фюрером было отдано распоряжение о том, чтобы каждая газета

H1199 – 0283

H1199 – 0284

должна помещать статьи, поясняющие еврейский вопрос. Антисемитская пропаганда, таким образом, после прихода Гитлера к власти велась в большом масштабе посредством ежедневных газет, также и еженедельных газет, журналов и книг. Таким образом, "Штюрмер" не был единственным органом, который занимался антисемитской пропагандой.

Я, однако, совершенно открыто заявляю, что я вел пропаганду в духе народа.

ДОКТОР МАРКС. Те инструкции, которые были необходимы для этого, исходили из какого-либо центрального органа, например, от национал-социалистского отдела прессы?

ШТРЕЙХЕР. Да, в Берлине министерство пропаганды издавало бюллетень национал-социалистской прессы. В этом бюллетене, в каждом номере его, имелось большое количество статей по еврейскому вопросу. Во время войны фюрер лично издал приказ о том, что пресса в гораздо большем масштабе , чем до сих пор, должна помещать статьи по еврейскому вопросу пропагандистского характера.

ДОКТОР МАРКС. Обвинение вменяет Вам в вину, что Вы путем травли евреев способствовали уничтожению тысяч евреев и, согласно протоколу от 10 января 1946 года, Вам вменяется в вину, следующее: "Ни одно правительство в мире не могло бы вести политики массового уничтожения в том духе, в каком она велась в Германии, без того, чтобы за этой политикой не стоял народ, который был согласен с этим, и Вы способствовали этому. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ШТРЕЙХЕР. По этому поводу я могу сказать следующее. Под травлей я понимаю - приведение человека в такое состояние возбуждения, в котором он может совершать безответственные поступки

H1199-0285

Занимался ли "Штюрмер" травлей - это еще вопрос. Говоря кратко, это означает, что надо ответить на вопрос: "Что писала "Штюрмер". Здесь имеется несколько томов газеты "Штюрмер", однако, чтобы исчерпывающе ответить на этот вопрос, здесь необходимо привести все номера за 20 лет. Я в течение 20 лет писал пропагандистские статьи относительно расовой проблемы, писал о том, что пишут сами евреи в ветхом завете, в своей истории, что пишут евреи в талмуде. Я помещал выдержки из произведений еврейской истории, так например, из трудов профессора доктора Грец, еврейского ученого Гутнота. В "Штюрмере" не было помещено мною или моими коллегами ни одной передовой статьи, в которых я бы не приводил цитат из древней истории евреев, ветхого завета и из трудов по современной еврейской истории. Это очень важно, и я должен подчеркнуть: во всех статьях я указывал на то, что сами признавали то, что в течение 20 лет, как писатель выдающиеся евреи известные писатели и оратор, публично заявляли.

Разрешите мне продолжать. Я убежден в том, что содержание статей "Штюрмера" само по себе не представляло травли. Я сам в течение 20 лет никогда не писал в связи с этим: жгите дома евреев, убивайте их. Я никогда не писал таких натравливающих статей в "Штюрмере".

Далее, возникает вопрос, можно ли доказать, что произошел какой-либо эксцесс с тех пор, как начали издавать "Штюрмер", эксцесс, о котором можно сказать, что он является следствием травли, я имею в виду погром. Это стихийное действие, когда целые массы народа внезапно поднимаются и убивают других людей. В течение 20 лет в Германии не произошло ни одного погрома, в течение 20 лет, насколько я знаю, ни один еврей не был убит в Германии. Не произошло ни одного убийства, о котором можно

9674

H1199 – 0285

H1199 – 0286

было бы сказать, что это/следствие травли, которая велась антисемитским писателем или оратором.

Высокий суд, мы находимся в Нюрнберге. В прошлом говорилось: нигде евреи в Германии не были так обеспечены и так ничем не обременены, как в Нюрнберге.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс, скажите, разве это не превращается вновь в довольно длинную речь?

МАРКС. Господин Штрейхер, Вы в достаточной степени осветили вопрос, и таким образом можно уже создать себе представление о том, что Вы хотите сказать: „Я не занимался травлей, так что не произошло ни одного стихийного действия группы людей или массы народа, направленного против евреев."

ШТРЕЙХЕР. Разрешите сделать замечание по этому поводу. Здесь речь идет о самом тяжелом, самом серьезном обвинении, которое пред"являет мне Обвинение, и я хотел бы, в связи с этим, просить Высокий Суд, чтобы я мог защищаться, согласно правилам. Я считаю, что это имеет большое значение, если я утверждаю, что именно в Нюрнберге не произошло ни одного убийства и ни одного погрома. Это факт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы это уже говорили. Я как раз записал перед тем как я прервал Вас. Вы сказали, что ни один еврей не был убит в результате Вашего подстрекательства ни в Нюрнберге ни в каком-либо другом месте.

МАРКС. Господин свидетель, мы еще вернемся к вопросу о демонстрации 9 и 10 ноября 1938 года.

ШТРЕЙХЕР. Конечно. Разрешите мне, однако, продолжать.

МАРКС. Да.

ШТРЕЙХЕР. Мне здесь инкриминируется то, что травли евреев я непосредственно способствовал массовым убийствам. И я прошу разрешения высказаться поэтому вопросу. Сегодня можно установить то, чего я сам раньше не знал. Я здесь узнал о завещании, которое оставил фюрер. И я предполагаю, что фюрер за несколько минут до своей смерти рассказал миру в своем завещании правду. В этом завещании он заявляет: "Массовое уничтожение произошло по его приказу. Массовое убийство явилось расплатой". Таким образом можно установить, что я сам не мог быть участником того, что здесь произошло и чего невозможно постичь.

МАРКС. Вы закончили? Хорошо.

ШТРЕЙХЕР. Да. Вы затем сказали, что Обвинение инкриминирует мне, что массовые убийства никогда не могли бы иметь места, если бы за правительством и за руководителями государства не стоял бы народ, который знал обо всем этом. Высокий суд, вначале нужно ответить на вопрос - знал ли, действительно немецкий народ о том, что произошло во время войны. Мы сегодня знаем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, это спорный вопрос не относящийся к тому, о чем Вы должны давать показания. Вы должны говорить о том, что Вы знаете.

ШТРЕЙХЕР. Я был частью этого народа. Во время войны я жил одиноко в сельской местности; в течение 5 лет я не оставлял стен крестьянского двора. Меня охраняло гестапо с 1939 года, мне фюрер с 1939 года запретил выступать.

МАРКС. Господин свидетель, мы на этом остановимся позже. Я допросил Вас по этому вопросу. То, что Вы хотите сказать, скажете позже. Я продолжу допрос...

H1199-0287

H1199 – 0288

ШТРЕЙХЕР. Я заявляю, что мне не было случая узнать о том, что в действительности произошло. О массовых убийствах я впервые узнал в Мондорфе, где я находился в заключении. Я, здесь заявляю, что, если бы мне сказали, что 2 или 3 миллиона человек были убиты, то я, безусловно, не поверил бы в это. Я не поверил бы, что технически возможно убить так много людей, как с точки зрения морали, так и потому, что я знал фюрера, я не поверил был в это, в то, что массовые убийства произошли в таком масштабе.

МАРКС. Обвинение далее вменяет Вам в вину, что задачей воспитателей населения являлось воспитать убийц и пропитать их ядом ненависти. Эти задачи, якобы, Вы ставили перед собой. Что Вы можете ответить на это?

ШТРЕЙХЕР. Это только утверждение. Мы не воспитывали убийц. Содержание тех статей, которые я написал, не могло воспитывать убийц. Убийств не было, и это является доказательством того, что мы воспитали не убийц. То, что произошло во время войны... Я же не воспитывал фюрера, фюрер давал приказы по своей собственной инициативе.

МАРКС. Я продолжаю. Обвинение далее указывает, что Гиммлер, кальтенбруннеры и другие фюреры СС не имели бы никого, кто бы выполнял их приказы об убийствах, если бы Вы не вели пропаганду и не воспитали бы германский народ в этом духе. Выскажетесь по этому поводу.

ШТРЕЙХЕР. Я не думаю, что указанные национал-социалисты каждую неделю читали газету "Штюрмер", я не верю в то, что те, кто получал от фюрера приказы об убийствах или о распространении приказов об убийствах, что они поступали так благодаря моему еженедельнику. Имелась книга Гитлера "Майн Кампф" и

содержание этой книги служило для меня авторитетом в области морали. Но я не думаю, что указанные господа читали эту книгу, и на основании ее отдавали соответствующие приказы. На основе знания того, что происходило в национальсоциалистском движении, я убежден, что если фюрер отдавал приказ, то каждый действовал согласно ему. Возможно, что в этом отношении судьба нехорошо поступила со мной. Если бы фюрер это приказал мне - я не мог бы организовать убийства, но а сегодня я находился бы под обвинением, которое в данном случае мне не может инкриминироваться. Возможно, сама судьба так хотела. Фюрер действовал самостоятельно. Его путь в жизни был такой необычный, что если его знать, то можно понять, что каждый , кто получал приказы - действовал. И таким образом я заявляю, что то, что утверждается по отношению ко мне - пред"является мне, как неправильное и несоответствующее действительности обвинение.

МАРКС. Далее, что Вы знаете относительно общей позиции Адольфа Гитлера по отношению к еврейскому вопросу, и когда Гитлер вообще стал противником евреев, насколько Вы это знаете?

ШТРЕЙХЕР. Я еще до того, как имя Адольфа Гитлера стало известно общественности, занимался писательской деятельностью в антисемитском духе. Я, однако, впервые на основании его книги "Моя борьба" понял историческую связь в еврейском вопросе. Адольф Гитлер написал свою книгу "Моя борьба" в тюрьме в Ландсбрге. Кто знает эту книгу, тот знает, что Адольф Гитлер уже за много лет до этого путем изучения антисемитской литературы или других источников, приобрел эти познания, так что потом он в короткий срок смог написать в тюрьме эту книгу. В этой книге

2678

H1199 – 0289

H1199 – 0290

Адольф Гитлер заявил общественному мнению, что он антисемит и что он знает достаточно хорошо еврейский вопрос. Он сам лично мне...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /прерывая/ Доктор Маркс! Книга "Майн кампф" пред"явлена в качестве доказательства, и она говорит сама за себя.

ШТРЕЙХЕР. Я только отвечу на Ваш вопрос, не касаясь книги. Вы спросили меня, говорил ли со мной Адольф Гитлер относительно еврейского вопроса. Да, Адольф Гитлер всегда говорил со мной по еврейскому вопросу в связи с большевизмом. Это важно здесь отметить для того, чтобы ответить на вопрос: хотел ли Гитлер когда-либо вести войну с Россией? Знал ли он заранее о том, что такая война будет или нет? Адольф Гитлер говорил в беседах с нами, о том, что Сталин является человеком, которого он уважает, как человека действия, но в действительности он окружен евреями и что большевизм...

МАРКС. Господин Штрейхер, это заходит опять слишком далеко. Вопрос, который я поставил Вам, был очень точно сформулирован, и я прошу Вас не слишком от него отклоняться. Вы слышали, что суд не разрешает Вам этого, и в интересах экономии времени, Вы не должны распространяться в ответах, Вы не должны произносить речь.

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

РУДЕНКО. Я думаю, господин председатель, что господин судья Джексон не так давно совершенно правильно и резонно сделал замечание о том, что подсудимый Штрейхер увлекается

H1199 – 0291

речами, а не дает ответа на заданные ему вопросы и на пред"явленное ему обвинение. В связи с этим я просил бы обратить на это внимание Трибунала и предложить подсудимому устранить пространные речи, с тем, чтобы он отвечал только конкретно по поводу пред"явленного ему обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, доктор Маркс, и постарайтесь, чтобы свидетель отвечал точно на те вопросы, которые Вы без сомнения подготовили заранее.

Д-Р МАРКС. Хорошо, господин председатель.

ШТРЕЙХЕР. Разрешите мне, как подсудимому, сказать лишь пару слов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /прерывает/ Нет, Вы не можете этого сделать. Вы будете отвечать на вопросы.

МАРКС. Следующий вопрос. Есть ли основание для предположения, что Гитлер, когда он принимал свое решение о массовом уничтожении евреев в Европе, что он находился под каким-то влиянием или в чем нужно искать причину принятия этого страшного решения?

ШТРЕЙХЕР. На фюрера нельзя было оказать никакого влияния. Если бы кто-ниубдь пришел к нему и сказал, что евреи должны быть уничтожены, он безусловно показал бы ему на дверь. И также если бы во время войны кто-либо пришел к фюреру и спросил, почему Вы даете приказ о массовых убийствах, то, насколько я его знаю, фюрер безусловно и этому человеку указал бы на дверь. Таким образом, я отвечаю на Ваш вопрос, что на фюрера нельзя было оказать никакого влияния.

H1199-0291

H1199 – 0292

МАРКС. Таким образом, Вы хотите сказать, что он принял это решение по своей инициативе?

ШТРЕЙХЕР. Я уже сказал об этом и это вытекает из его завещания.

МАРКС. В ~~конце~~ августе 1938 года главная синагога в Нюрнберге была снесена. Это произошло по Вашему распоряжению?

ШТРЕЙХЕР. Да. В моей области имелось, примерно, 15 синагог. В Нюрнберге имелась главная синагога и затем еще была одна несколько меньше и несколько молитвенных залов. Главная синагога находилась в центре города. Я еще давно, еще накануне 1933 года, так называемого периода борьбы , когда у нас еще было другое правительство, перед всей общественностью на одном из собраний заявил, что это - позор, что в древнем немецком городе имеется такое громадное восточное сооружение. После прихода Гитлера к власти я обратился к обербургомистру, чтобы он дал распоряжение о сносе синагоги и одновременно с этим на этом месте построили планетарий. Я укажу на то, что после первой мировой войны в городе, в центре кольца скверов, которые служили местом отдыха жителей, был выстроен планетарий, очень нехорошее здание из кирпича. Я приказал сломать это здание и заодно снести эту главную синагогу. Если бы я имел намерение при этом отнять у евреев их синагоги как дом для молитв или если бы я хотел отдать соответствующий приказ, то я бы отдал приказ о том, чтобы после прихода Гитлера к власти все синагоги были снесены. И в Нюрнберге, я приказал бы тогда разрушить все синагоги. Однако, факт что, весной 1938 года была снесена лишь главная синагога. Синагога в Эссенвейнштрассе, в Новом городе, осталась нетронутой. То, что в ноябре этого года был дан приказ, чтобы сжечь синагоги, за это я не могу...

МАРКС. Таким образом, Вы хотите сказать, что Вы отдали распоряжение о разрушении этого здания культа не из антисемитских побуждений, а из-за того, что оно не подходило к стилю архитектуры города?

ШТРЕЙХЕР. Да, из чисто архитектурно-технических соображений. Я хотел бы пред'явить суду снимок этой синагоги, однако, я не получил его.

МАРКС. У меня есть этот снимок.

ШТРЕЙХЕР. Но там не видно синагоги, я не знаю хочет ли суд ознакомиться с этим снимком. На этой картинке показаны только старые дома. Но фасада самой синагоги, как он выходил на Ганс-Закс-площадь, на этой картинке не видно. Я не знаю должен ли я передать Суду этот снимок?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно, снимок можно предстаить. Мы посмотрим этот снимок.

МАРКС. Я пред'являю этот снимок суду в качестве доказательства. И прошу принять его в качестве такового.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это будет какой номер документального доказательства?

МАРКС. Я не могу сейчас этого сказать, г-н председатель я позволю себе указать номер потом и ограничусь пока лишь тем, что передаю его суду. Я не мог ранее пред'явить этот документ, так как у меня, в моем распоряжении, не было этого снимка. Я его получил лишь в последние дни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, продолжайте.

МАРКС. Во время Вашего допроса относительно этой главной синагоги, Вы ссылались на какие-нибудь заявления экспертов искусства?

ШТРЕЙХЕР. Я часто имел возможность говорить с архитекторами по этому вопросу. Все архитекторы заявляли, что это

9682

H1199 – 0293

H1199 – 0294

здание не находится в соответствии со стилем города. Эти возражения были направлены не против дома синагоги, как еврейского молитвенного дома, а как против архитектурного сооружения в этой части города. Гостей, которые присутствовали во время партийных с'ездов в городе, - я руководил экскурсиями англичан и американцев по старому городу, - я спросил ~~их~~ однажды, когда мы находились на Ганс-Закс-плац: „Вам ничего не бросается в глаза?" Они ничего не заметили, но все другие гости остановились и спросили: "Каким образом это строение попало в окружение средневековых зданий?". Я мог бы также пред'явить книгу 1877 года, которая находится в тюремной библиотеке, книгу профессора Бернайса, который был известен тогда, он писал в то время писателю Удэ в Швейцарии, что он посетил бы площадь Макса ...

МАРКС. Г-н Штрейхер, этого достаточно. Таким образом, Вы показали, что Вы могли сослаться при этом на заключение авторитетных для Вас специалистов в области архитектуры?

ШТРЕЙХЕР. Да.

МАРКС. В то время, когда была снесена синагога, Вы выступили с речью?

ШТРЕЙХЕР. Да. Однако, я обратил внимание на то, что представители обвинения пред'явили статью - сообщение из "Таге цайтунг". Оно было написано довольно неопытным молодым человеком. Я заявляю, что в этой статье не отражены те высказывания, которые я сделал тогда, в связи с этим.

МАРКС. Далее я перехожу к демонстрациям ~~9-го~~, в ночь с 9-го на 10-е ноября 1938 года. Что Вы можете показать относительно этих демонстраций и какую роль Вы играли в них?

При этом шла речь о демонстрациях, которые возникли стихийно по инициативе населения? Это конец моего вопроса.

ШТРЕЙХЕР. Ежегодно гаулейтеры и фюреры СА и СС собирались в Мюнхене и встречались с фюрером по случаю исторического дня 9-го ноября. 9-го ноября организовывался праздничный ужин в старом здании ратуши и обычно фюрер после ужина произносил короткую речь. 9-го ноября 1938 года я чувствовал себя не совсем хорошо. Я принял участие в ужине и после этого удалился. Я возвратился в Нюрнберг и лег в постель. Около полуночи меня разбудили. Мой шофер сказал мне, что фюрер СА фон Оберница хочет поговорить с гаулейтером. Я принял его и он сказал мне следующее: "Гаулейтер, Вас уже не было на вечере, когда министр пропаганды д-р Геббельс взял слово и сказал (я могу теперь лишь примерно повторить это) ~~и сказал~~: "убит советник посольства в Париже. Это уже второе убийство за границей выдающегося национал-социалиста. Это убийство является делом рук не еврея Гриншпана, а здесь исполнителем этого убийства было все еврейство. Необходимо что-то предпринять". Я не знаю сказал ли Геббельс, что это приказал фюрер, я вспоминаю лишь, что фюрер СА фон Оберница сказал, мне, что Геббельс заявил: надо поджечь синагоги, и я более не могу точно вспомнить, но я предполагаю, что он сказал мне, что следует также разбить витрины еврейских магазинов и разрушить дома. Я заявил ...., я сказал Оберниц тогда, для меня это было большой неожиданностью, я сказал ему, что я считаю неправильным поджигать синагоги и я в данный момент считаю также неправильным разрушать дома евреев.

9684

H1199 – 0295

H1199 – 0296

Я считаю эту демонстрацию неправильной. Если ночью дать волю людям, то могут произойти действия, за которые нельзя будет отвечать. Я сказал Оберницу, что я считаю неправильным поджигать синагоги в особенности потому, что и в немецком народе и за границей может возникнуть мнение, что национал-социализм в настоящее время начал борьбу с религией. Оберниц ответил, что у него есть уже приказ. Тогда я ему сказал: "Оберниц, я за это не беру на себя никакой ответственности". Оберниц ушел, и действия начались. О том, что произошло я уже неоднократно заявлял под присягой на допросах, и это может подтвердить мой шофер, который был свидетелем этого ночного разговора и который, ложась спать, рассказал своей жене о том, что он слышал у меня наверху.

МАРКС. Вы кончили?

ШТРЕЙХЕР. Вы спросили затем ...

МАРКС. Да, я спросил, являлось ли это стихийной волей народа?

ШТРЕЙХЕР. Да, в национал-социалистской прессе после этих событий появилась статья под названием "После событий". Содержание статьи было таково, что это было стихийным проявлением воли народа, который таким образом отомстил за убийство советника посольства. Таким образом, из Берлина с полной сознательностью было дано указание, открыто заявить о том, что демонстрация в 1938 г. была стихийным проявлением воли народа. То, что это было не так, я могу судить по тому, что произошло тогда в Нюрнберге. Следует отметить, что недовольство всем, что произошло во время этой демонстрации, проявлялось даже членами партии в самом Нюрнберге.

Представитель обвинения пред'явил здесь статью-отчет о речи, с которой я выступил 10 ноября, и это является важным доказательством того, что народ был против этого акта. Я вынужден был, на основании тех настроений, которые господствовали в Нюрнберге, в открытой речи сказать, что не следует иметь так много сочувствия к евреям.

Так обстояло дело с событиями в ноябре 1938 года. Может быть, важно будет еще также спросить меня, почему именно я возражал против демонстрации.

МАРКС. Мне кажется, Вы уже ответили на это. Хорошо. Кто отдал приказ о поджоге синагоги на Эссенвей?

ШТРЕЙХЕР. Кто отдал этот приказ, я не знаю. Мне кажется, что приказ дал фюрер СА Обериц, однако, деталей я не помню.

Маркс. Следующий вопрос. Вы сами заявляли общественности о своем отрицательном отношении к этим жестокостям?

ШТРЕЙХЕР. Да, я в узком кругу руководящих работников партии сказал то, что я говорил всегда открыто, я заявил, что это неправильно. Я говорил перед адвокатами на собрании. Я не знаю, присутствовал ли мой защитник на этом собрании. Мне кажется, это было в ноябре 1938 года. Я выступил перед Нюрнбергскими адвокатами на собрании и заявил, что то, что произошло во время этих событий, неправильно и в глазах народа и по отношению к заграницe. Кто знает еврейский вопрос так, как я, тот поймет меня, заявил я, почему я считаю эту демонстрацию неправильным актом. Я не знаю, было ли это сообщено тогда фюреру, однако, с ноября 1938 года я никогда больше не вызывался к фюреру, когда он приезжал в Нюрнберг, в отель "Дейтчер Хоф". Я не знаю, являлось ли поводом к этому мое заявление, но я открыто критиковал эту демонстрацию.

H1199-0297

МАРКС. Обвинение утверждает, что с 1938 года по отношению к евреям было предприняты более жестокие меры обращения с ними. Правильно ли это, и чем это можно об'яснить?

ТРЕЙХЕР. Да. То, что в 1938 г. развитие еврейского вопроса вступило в новую фазу, об этом свидетельствует эта демонстрация. Я лично могу сказать по этому поводу только то, что до этого не имели места никакие обсуждения по этому вопросу. Я предполагаю, что фюрер в данном случае действовал импульсивно, как это ему было свойственно, руководствуясь только моментом; может быть, только 9 ноября он решил сказать доктору Геббельсу, чтобы тот об'явил организациям, что синагоги должны быть подожжены. Но я лично, как я уже говорил, не присутствовал ни на каком совещании и не знаю ничего из того, что происходило и что было сделано для того, чтобы ускорить разрешение этого вопроса

МАРКС. 12 ноября 1938 года был отдан приказ, согласно которому евреи должны были быть исключены из хозяйственной жизни. Имелась ли связь между распоряжением о демонстрации 9 ноября и этим приказом от 12 ноября, и можно ли об'яснить этот приказ теми же причинами?

ТРЕЙХЕР. Да. По этому вопросу я могу лишь сказать, что я убежден в том, что они безусловно взаимно связаны. Что касается приказа, или, вернее, распоряжения об исключении евреев из хозяйственной жизни, то оно поступило из Берлина. У нас не было совещания. Я не помню такого случая, чтобы собирались совещания гаулейтеров, на которых бы обсуждался этот вопрос, я этого не знаю. Это произошло так же, как и все остальное. Заранее нас об этом не предупреждали.

9687

H1199 – 0298

H1199 – 0299

МАРКС. Как произошло, что не Вы, а подсудимый Розенбрег получил задание заняться этим вопросом?

ШТРЕЙХЕР. Розенберг был идейным руководителем этого движения, однако, ему не поручали этой задачи. Я имею в виду демонстрации, а также хозяйственные вопросы.

МАРКС. Вы меня не поняли. Я имею в виду, что Розенберг был тем, кто был уполномочен правительством заниматься расово-политической пропагандой, а не Вы. Чем следует об'яснить то, что в данном случае не Вы были назначены для того, чтобы решать эти вопросы?

ШТРЕЙХЕР. Розенберг, как он сам заявил, еще в ранний период примкнул к фюреру и на основании своих знаний был подготовлен к тому, чтобы заниматься этими вопросами. Я больше занимался пропагандой среди народа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Маркс, он уже сказал, что он не получал этого задания. Если он каким-либо образом не снесся с Розенбергом, он ничего нам не может сказать больше, кроме того, что ему никто не давал такого задания. Все остальное является лишь комментариями и носит спорный характер.

МАРКС. Да, хорошо. Следующий вопрос. В течение 1939 г. был ли отдан приказ, запрещающий Вам выступать с речами?

ШТРЕЙХЕР. Да, осенью 1939 года мои противники добились того, что фюрер, не поговорив заранее со мной, отдал через члена партии Гесса письменное распоряжение о том, чтобы я не выступал с речами.

МАРКС. Достаточно.

ШТРЕЙХЕР. И он грозил немедленно арестовать меня, если бы я нарушил этот запрет.

МАРКС. Далее, правильно ли, что в 1938 году появилось стремление со стороны правительственных кругов к тому, чтобы запретить дальнейшее издание "Штюрмера"?

ШТРЕЙХЕР. Такое намерение, безусловно, существовало также и в то время. Разрешите мне, может быть, в этой связи указать на два документа, этим самым можно сэкономить время. Представители обвинения пред'явили здесь копию письма Гиммлера и фон Ширака. Я могу здесь сделать безобидное раз'яснение.

Тогда, в 1939 году, имелась тенденция к тому, чтобы запретить "Штюрмер". Борман отдал даже соответствующий приказ. Тогда главный редактор "Штюрмера" написал выдающимся представителям национал-социалистского движения, чтобы они высказали свое мнение по поводу деятельности "Штюрмера", и вслед за этим поступили письма Гиммлера и фон Ширака и, кроме того, около 15 писем выдающихся деятелей движения. Это явилось лишь ответом на этот запрос, главного редактора.

МАРКС. Этого достаточно. Правильно ли, что Вы в начале войны не были назначены комиссаров военного округа Вашей же области?

ШТРЕЙХЕР. Да.

9689

H1199 – 0300

H1199 – 0301

МАРКС. Как это следует объяснить?

ИТРЕЙХЕР. Да это, может быть, не имеет большого значения. Это следует объяснить условиями, которые существовали тогда, известными личными настроениями и т.д. Одним словом, я не стал комиссаром военного округа.

МАРКС. Далее обвинения заявляет, что после 1-го сентября 1939 г. преследование евреев все более усиливалось. Чем это объяснить?

ИТРЕЙХЕР. На этот вопрос мог бы ответить только фюрер, а не я.

МАРКС. Не считаете ли Вы, что это связано с началом войны?

ИТРЕЙХЕР. Да, это неоднократно заявлял фюрер.

МАРКС. Против Вас Верховным партийным судом был проведен процесс. Каким образом можно объяснить это, что было поводом к этому процессу?

ИТРЕЙХЕР. Я благодарен Вам, что мне здесь, перед лицом Военного Трибунала дадут возможность сказать то, о чем я до сих пор должен был молчать согласно приказу фюрера. Я сам перед Верховным судом партии возбудил процесс против меня самого для того, чтобы защитить себя от клеветников. Мне инкриминировалось почему я не ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /прерывает/ Говорит ли сейчас подсудимый относительно какого-то приказа фюрера в отношении того, что ему не разрешалось высказываться или же он говорит о чем то другом?

Вы помните, д-р Маркс, что некоторые заявления были исключены из протокола. Если он говорит относительно этих заявлений, то мне кажется, что мы к ним не имеем никакого отношения. Правильно ли я вспоминаю, что кое-что было вычеркнуто из протокола?

9690

H1199 – 0302

МАРКС. Да, г-н Председатель. В результате показаний Геринга обвинение отказалось от некоторых пунктов. Здесь речь идет об афере с тремя представителями молодежи. Однако, все другие пункты обвинения Обвинение сохранило. Поэтому я считаю, что защита должна выработать свое отношение к этим пунктам обвинения, если обвинение сейчас не заявит, что оно вообще отказывается от отчета Геринга, а в нем большую роль играл процесс, который вел Верховный партийный суд. Он может коротко остановиться на вопросе о процессе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

МАРКС. Да, г-н свидетель, говорите очень кратко.

ШТРЕЙХЕР. Таким образом важно то, что я сам возбудил процесс против меня самого. Там речь шла о 10 пунктах, которые были выдвинуты против меня. Среди них и дело об акциях. В отношении отчета Геринга. Имеются письменные показания под присягой, в которых написано, что по моему делу был вынесен приговор. Я здесь утверждаю, что процесс тогда не был закончен, не было вынесено никакого приговора, и это ответ на тот вопрос, который Вы мне задали.

МАРКС. Это дело с акциями, имелось здесь в виду дело с акциями заводов Маркса?

ШТРЕЙХЕР. Да, я об этом скажу. Это не было главным обвинением.

МАРКС. Затем Вас неоднократно ссылали в Плейкерсгоф, и Вы дали подписку о невыезде из Вашего имения? Охраняло ли Вас гестапо, и имелся ли контроль со стороны гестапо над теми лицами, которые Вас посещали?

ШТРЕЙХЕР. Неправильно, что меня сослали в Плейкерсгоф. Правильно то, что я добровольно уехал в имение, с намерением никогда больше не принимать участия в этом движении. Правильно, что гестапо охраняло меня, контролировала, останавливала

9691

H1199 – 0302

H1199 – 0303

всех посетителей, приглашала полицию и спрашивала о том, какие беседы они вели со мной. Это факт.

МАРКС. Во время Вашего пребывания в Вашем имении Вы поддерживали какие-либо связи, возможно, путем корреспонденции, с какими-либо руководящими деятелями партии или государства?

ШТРЕЙХЕР. Нет, я вообще не имел никакой связи, никакой корреспонденции с руководящими деятелями партии и государства. Таким образом, представители обвинения не могли здесь предъявить никаких моих писем. Никогда в своих письмах я не писал об еврейском вопросе и других проблемах. Таким образом, для того, чтобы точно ответить на Ваш вопрос, я должен заявить, что я не состоял в переписке с выдающимися лицами - представителями партии и государства.

МАРКС. После начала войны Вас уведомляли о каких-либо мероприятиях, которые организовались против евреев, спрашивали ли Вашего совета относительно этих мероприятий?

ШТРЕЙХЕР. Нет.

МАРКС. Каковы были Ваши отношения с Гиммлером, знали ли Вы вообще его близко, говорили ли Вы с ним по вопросам о мероприятиях против евреев, говорил ли он Вам о предстоящем массовом уничтожении евреев?

ШТРЕЙХЕР. Я знал Гиммлера так же, как я знал фюреров СС и СА. Я знал его по совместным заседаниям гаулейтеров и других. Я не имел с Гиммлером ни одной политической беседы. Возможно, иногда шла речь о политических событиях в присутствии других. В последний раз я видел Гиммлера в Нюрнберге, когда он выступал перед офицерами в казино. Я не могу сейчас точно сказать, когда это было. Мне кажется, что это было незадолго до войны. Я никогда не имел с ним бесед по еврейскому вопросу. Он сам ведь был достаточно сведущ в нем.

H1199 – 0304

Он имел свой собственный печатный орган "Черный корпус". Как он относился лично ко мне - я узнал об этом лишь во время моего пребывания в имении. Ему подавали на меня клеветнические заявления, в которых указывалось, что я слишком гуманно обращаюсь с французскими военнопленными. Затем я получил от него письмо, в котором он серьезно меня упрекал. Я не ответил ему на это письмо. До этого он не спрашивал меня, правильно ли то обвинение, которое выдвигалось против меня, и после его письма, я заявляю здесь открыто, что я чувствовал тогда, что возможно меня самого арестуют.

Таковы были мои ~~взаимо~~отношения с Гиммлером.

МАРКС. Этого достаточно. Вы во время процесса услышали целый ряд фамилий фюреров СС и полиции, которые в еврейском вопросе играли решающую роль - Гейдрих, Эйхман, Олендорф и другие. Имелась ли какая-либо связь между Вами и ~~с~~ одним из этих ведущих фюреров полиции и СС?

ШТРЕЙХЕР. Я впервые услышал эти фамилии здесь, во время допросов. Я не знаю этих господ. Они, очевидно, видели меня когда-либо, однако, между мной и вышеми фюрерами СС и СА не имело места никаких совещаний. Я никогда не был в Берлине, в ~~министерстве~~ *ведомстве* господина Гиммлера, в его министерстве. Таким образом никогда не было совещаний между мной и его представителями.

МАРКС. Обвинение из многочисленных статей, напечатанных в "Штюрмере", делает вывод, что Вы уже в 1942-43 г.г. знали о происходившем массовом уничтожении евреев. Что Вы можете заявить по этому поводу, и когда каким путем Вы узнали об имевшем место массовом уничтожении евреев на Востоке?

ШТРЕЙХЕР. Я был абонентом израилитского еженедельника, который издавался в Швейцарии. В этом еженедельнике иногда появлялись сообщения о том, что что-то не совсем в поряд -

H1199 – 0304

H1199 – 0305

ке. Мне кажется, что это было в конце 1943 или в 1944 году. Очевидно, в 1944 году, в израилитском еженедельнике появилась статья, в которой было написано, что на Востоке, мне кажется, там было указано, что, в частности, в Польше, имеет место массовое исчезновение евреев. На этом я основывался в своей статье, которая, очевидно, мне еще будет предъявлена здесь. Однако я заявляю открыто, что этот израилитский еженедельник из Швейцарии не являлся для меня авторитетом, настолько, чтобы верить ему во всем. Там не приводилось цифр, там не говорилось об убийствах, там говорилось об исчезновении евреев.

МАРКС. Вы окончили?

ШТРЕЙХЕР. Да.

МАРКС. В "Штюрмере" Вы делали предложения с целью разрешения еврейского вопроса, и в частности, уже во время войны?

ШТРЕЙХЕР. Да.

МАРКС. И в каком духе?

ШТРЕЙХЕР. Я защищал, как уже я говорил вчера, ту точку зрения, что еврейский вопрос может быть разрешен только в интернациональном порядке, так как представители евреев имеются среди всех народов. Поэтому в моем еженедельнике мы помещали статьи, которые относятся к требованиям сионистов об учреждении еврейского государства, которое ~~в таком духе, например~~, ~~как~~ предусматривалось ~~или указывал на это~~ в Бальдфуртской декларацией. Были две возможности решения еврейского вопроса: урегулирование его путем издания соответствующих законов среди народов и путем создания еврейского государства. Во время войны, ~~мне кажется~~, это было, кажется, в 1941 или 1942 году, мы снова написали статью. Мы подчинялись берлинской цензуре. В гранках, которые мы получили, цензура вычеркнула эту статью с замечаниями, что ее нельзя поместить так как мы требовали, чтобы остров Мадагаскар был предоставлен еврейскому государству. Там говорилось, что вследствие политических взаимоотно-

9694

мений с Францией, эта статья не может быть помещена.

МАРКС. Таким образом, если бы Вы ожидали, что этот вопрос должен быть разрешен путем массового уничтожения евреев, то Вы и тогда написали бы эту статью?

ШТРЕЙХЕР. Тогда было бессмысленно помещать такую статью.

МАРКС. Вы не задумывались над тем, что Вы односторонне рассматривали еврейский вопрос, что Вы положительные качества еврейского народа оставляли вообще без внимания?

ШТРЕЙХЕР. Я не совсем понял Ваш вопрос, возможно я плохо расслышал.

МАРКС. Вам ~~здесь может быть вменено в вину то~~ можно инкриминировать то обстоятельство, что Вы рассматривали еврейский вопрос односторонне и Ваше внимание сосредотачивали только на отрицательных качествах еврейского народа, не учитывая других качеств еврейского народа. Как это можно объяснить?

ШТРЕЙХЕР. Мне кажется, этот вопрос излишен. Вполне естественно, что я как антисемит, после того, как ознакомился с еврейским вопросом, не был заинтересован в этом. Возможно, я не видел тех хороших сторон, которые видите Вы или другие в еврействе, это возможно, во всяком случае, я не был заинтересован в том, чтобы заниматься исследованием и установлением того, какие хорошие стороны присущи еврейской расе.

МАРКС. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас, повидимому, удобное время для того, чтобы объявить перерыв.

/Объявляется перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

МАРКС. Посещали ли Вы концлагери?

ШТРЕЙХЕР. Да, я посетил лагерь Дахау.

МАРКС. Когда это было.

9695

H1199 – 0306

H1199 – 0307

ШТРЕЙХЕР. Я думаю, что в первый раз, когда были созваны все гаулейтеры, мне кажется в 1935 году, или, я уже не помню, в 1934 или 1935 году, я не помню.

МАРКС. Через какой промежуток времени Вы потом посещали этот лагерь? Утверждается, что Вы каждые 4 недели были в Дахау?

ШТРЕЙХЕР. Да я был в Дахау ....

МАРКС. /Прерывая/ Г-н Штрейхер, делайте паузу после моего вопроса и лишь потом начинайте отвечать.

ШТРЕЙХЕР. Повторите пожалуйста.

МАРКС. Утверждается, что Вы каждые 4 недели бывали в Дахау, через какие промежутки времени Вы были там?

ШТРЕЙХЕР. В общем 4 раза я был в Дахау.

МАРКС. Утверждается, что после каждого Вашего посещения Дахау, там исчезал один еврей?

ШТРЕЙХЕР. Я не знаю, - исчезали ли там евреи.

МАРКС. Что побудило Вас неоднократно посещать лагерь Дахау?

ШТРЕЙХЕР. Я бывал в лагере Дахау, чтобы посетить социалдемократических и коммунистических деятелей из моего гау, чтобы мне представили их. Я не знаю, сколько сотен их там было, но всякий раз, когда я был в Дахау, я находил некоторое количество их, около 10-20 человек, относительно которых с помощью полиции было установлено, что они не имели уголовных наказаний. Я выискивал их из общей масси и затем на Рождество каждого года увозил их в автобусе в Нюрнберг, в гостиницу "Дойчер Хоф", где они встречались со своими женами и детьми, и где я принимал участие в общем рождественском обеде.

Я хотел бы просить Суд, разрешить мне сделать ко - роткое разъяснение здесь, нюрнбергской общественности, почему я вызвал этих коммунистов. Против меня был возбужден процесс партии за то, что я делал это. Появились слухи, которые не соответствовали действительности. Я прошу раз - решения дать краткое объяснение, почему я так делал.

МАРКС. Г-н председатель, я прошу это разрешить для того, чтобы выяснить причины, которые при этом руководили подсудимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, если это будет сказано кратко.

МАРКС. Говорите кратко.

ШТРЕЙХЕР. Когда я шел по улицам Нюрнберга, то ко мне подходили дети и говорили: "Мой отец в Дахау"; приходили жены и просили за своих мужей. Я знал многих из этих деятелей с того времени, когда я посещал революционные собрания и выступал в прениях и я мог взять на себя гарантию за этих людей. Я знав лишь один случай, когда я ошибся в выборе. Все остальные вели себя безупречно. Они держали данное мне слово. Таким образом, может быть теперь мои то - варищи по партии, которые сидят на скамье подсудимых, знают, что я не хотел нанести вреда отчизне, а хотел делать это и делал это на благо человечества.

/ см. следующ.стр./

9697

H1199 - 0308

H1199 – 0309

МАРКС. Теперь я перехожу к тем книгам иллюстраций, которые были изданы в издательстве "Штюрмер". Две книги иллюстраций, одна из них под заголовком "Не верь ни одной лисе на зеленом лугу" и другая под заглавием "Ядовитый гриб". Берете ли вы на себя ответственность за эти книги иллюстраций?

ШТРЕЙХЕР. Да. Разрешите мне коротко сказать, что я беру на себя ответственность за все, что написали мои сотрудники, или за все, что пришло к нам в издательство извне.

МАРКС. Кто составил эти книги иллюстраций?

ШТРЕЙХЕР. Книга иллюстраций "Не верь ни одной лисе на зеленом лугу" и ни одному еврею и его обещаниям" составлена одной молодой художницей, ею нарисованы картины и она же дала текст к ним. Заглавие книги взято из Мартина Лютера.

Вторая книга иллюстраций была составлена главным редактором "Штюрмера", бывшим педагогом. Я был побужден издать эти две книги иллюстраций в связи с двумя уголовными случаями, которые произошли здесь, в Нюрнберге, и которые разбирались здесь, в этом зале. Насколько я помню, некий фабрикант Луи Плосс, еврей, обманывал нюрнбергских девушек...

МАРКС. Г-н Штрейхер, этого мы не хотим слушать. Мой вопрос сводился к тому, кто составил эти книги иллюстраций и берете ли вы на себя ответственность за них?

ШТРЕЙХЕР. Но для суда важно знать, каким образом я пришел к тому, что вдруг были созданы две книги иллюстраций для молодежи в моем издательстве. Я думаю,

что это заявление абсолютно относится к делу. Я говорю о двух судебных делах. Здесь сидят господа, которые были свидетелями этого процесса. Они присутствовали во дворце юстиции и слушали процесс. Только таким образом можно понять, почему были изданы эти книги с картинками. Они были ответом на те действия, которые были совершены.

МАРКС. Да, но здесь речь идет лишь о том, что вас обвиняют в том, что вы тем самым оказывали вредное влияние на умы молодежи, которое было вовсе нежелательным и которое действовало отравляющим образом.

ШТРЕЙХЕР. Я хочу доказать своим заявлением, что я хотел защитить молодежь от того, что делалось в действительности.

МАРКС. Однако, молодежь едва ли могла понять дело Кросса, или другое аналогичное дело.

ШТРЕЙХЕР. Здесь, в Нюрнберге, во всей Германии велись разговоры по этому делу.

МАРКС. Для меня ответ на вопрос уже ясен, господин Председатель.

ШТРЕЙХЕР. Для меня - как для подсудимого - еще нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали нам, что эти книги были напечатаны в ответ на то, что имело здесь место. Этого достаточно.

МАРКС. Господин свидетель, следующее обвинение, которое инкриминируется вам - это тот самый номер о ритуальном убийстве, который был издан в издательстве "Штюрмер" и появился в серии его изданий. Каким образом дело дошло до этого номера и что было причиной его появления? Вы сами составляли этот номер?

ШТРЕЙХЕР. Нет.

МАРКС. Кто был автором?

9699

H1199-0310

H1199 – 0311

ШТРЕЙХЕР. Мой сотрудник, главный редактор, теперь покойный Карл Гольд. Но я, однако, беру на себя ответственность.

МАРКС. Не таково ли положение, что уже в 20-х годах в "Штюрмере" вы также занимались этим вопросом?

ШТРЕЙХЕР. Да, и в публичных речах.

МАРКС. Почему вы затронули это дело, которое, без сомнения, имело очень большие и тяжелые последствия в 1935 году?

ШТРЕЙХЕР. Я хотел бы просить моего защитника не делать никаких выводов о том, что я написал. Я прошу, чтобы меня спрашивали, но не делали никаких выводов – это дело обвинения. Вы спросили меня, как дело дошло до этого номера. Я хочу совсем коротко...

МАРКС. Простите, господин председатель, я должен высказаться против того, чтобы господин Штрейхер в ходе своего допроса критиковал мою постановку вопросов. Я прошу суд высказаться по этому поводу, так как я больше не в состоянии продолжать допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже сообщили нам свои мотивы и Трибунал вас в полной мере поддержал. Продолжайте, пожалуйста.

Я хочу сказать вам, подсудимый, что если вы будете себя дерзко держать по отношению к вашему защитнику или к Трибуналу, то Трибунал не сможет продолжать вас допрашивать по вашему делу. Прошу вас обращаться со своим защитником и с Трибуналом с подобающей вежливостью.

ШТРЕЙХЕР. Разрешите мне сказать кое-что по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, отвечайте, пожалуйста, на вопросы.

9 Гоо

H1199 – 0312

МАРКС. Я продолжаю допрос. Обвинение инсинуирует вам в отношении этого ритуального дела то, что вы в этом случае действовали без наличия документов и ссылались на средневековое дело. Что было, коротко говоря, вашими источниками?

ШТРЕЙХЕР. В этом номере указаны источники. Мы всегда писали с указанием источников. В отношении этого дела мы ссылались на книгу некоего бывшего раввина, который перешел в христианство, написанную на греческом языке и указывалось на книгу высокого духовного лица из Милана, это была книга, которая издается в Германии в течение 50 лет. Еврейство и при демократическом правительстве не выступало против этой книги. В этом номере мы также ссылались на процессуальные дела, которые находятся в Риме, и на судебные дела, находящиеся в суде. Там приложены иллюстрации, которые показывают в 23 случаях, что и сама церковь занималась этим вопросом. Церковь причислила к лику святых 23 евреев, которые были уничтожены в результате ритуальных убийств. Были представлены снимки, скульптуры и, следовательно, всюду указывалось на источники. Был даже приведен один случай в Англии и один в Киеве, в России. Но я хочу в этой связи сказать, как я сказал это одному еврею-офицеру здесь, что мы никогда не хотели утверждать, что все евреи были готовы совершить ритуальное убийство. Но это факт, что внутри еврейства существует секта, которая занимается этими ритуальными убийствами и занималась ими до последнего времени. Я просил своего защитника, чтобы он представил суду дело из Пизена, из Чехословакии, которое имело место в новейшее время. Ревизионный суд подтвердил факт ритуального убийства. Обобщая, я должен сказать, что...

/к микрофону подходит судья Джексон./

H1199 – 0312

H1199 – 0313

Г-н СУДЬЯ ДИКСОН. Ваша честь! Я возражаю против такого заявления. После того как его защитник отказался представить этот материал, он настаивает на том, чтобы излагать содержание судебного протокола. Такой порядок выдвигать обвинения против еврейского народа не является тем порядком, который принят. Штрейкер сказал, что он просил своего защитника представить материалы. Защитник, повидимому, отказался, после чего он начинает доказывать, что он знает, что это во всяком случае является кратким изложением вопросов, которые защитник отказался здесь представить. Мне кажется, что, назначив защитника для ведения своего дела, он неоднократно показал, что он не намерен вести своего дела как полагается, его следует снова отвести в его камеру и, если он пожелает, сделать какое-либо заявление Трибуналу, пусть он сообщит их в письменной форме через своего защитника. Это же несправедливый порядок, выражающий неуважение к Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Маркс! Я думаю, что вам следует продолжать.

МАРКС. Я хотел бы заметить, что дело этим окончено. Самое существенное заключалось в том, можно ли сказать, что он действовал в этом случае без наличия документов. Защита вообще не интересуется этим вопросом и, насколько я помню, я предложил одному представителю обвинения этот вопрос вообще выпустить, так как положение действительно таково, что это дело настолько отвратительно, что вообще лучше им не заниматься здесь. Но подсудимый хотел только сказать, что он действовал при наличии этих различных документов и я думаю, что этого достаточно. Я считаю, что этот вопрос решен.

H1199 – 0314

Таким образом, господин Штрейхер, вы все время впадаете в ту ошибку, что даете слишком пространные пояснения и говорите здесь о таких вещах, которые могут быть расценены как пропаганда.

Я прошу вас в последний раз придерживаться ответа на мой вопрос и отбрасывать все остальное. Это в ваших же интересах.

Вам инкриминируется, что вы в своем гау /область/ совершили различные действия, которые нарушают правила человечности и что вы виновны в истязаниях жителей области. Так вас обвиняют в том, что вы посетили некоего политического заключенного Штейнбруха в его камере и били его. Это верно?

ШТРЕЙХЕР. Да.

МАРКС. Был ли Штейнбрух евреем?

ШТРЕЙХЕР. Нет.

МАРКС. На каком основании вы это сделали?

ШТРЕЙХЕР. Штейнбрух в общественной пивной при большом количестве свидетелей говорил о фюрере оскорбительным образом, клеветал на фюрера. Он попал в полицию. Я говорил еще об этом с полицей-президентом и сказал ему, что я хочу разок взглянуть на этого Штейнбруха.

Я пошел туда вместе со своим адъютантом; в отчете Геринга говорится, что при этом присутствовал также партийный товарищ Хольц, но это неверно. Итак, я пошел в полицию со своим адъютантом. Тот же самый полицей-президент, который донес потом обо мне Герингу, повел меня в камеру Штейнбруха. Мы вошли в камеру, и я заявил здесь, что я шел туда с намерением поговорить, разумно поговорить с ним. Я стал разговаривать с ним, но он вел себя так трусливо, что в тот же момент я стал его бить. Я не говорю здесь, что сожалею

9203

H1199 – 0314

H1199 – 0315

об этом случае, что я расцениваю это, как выход из колеи.

МАРКС. Далее утверждается, что в августе 1938 года вы побили пожилого писателя Бергера. Верно ли это?

ШТРЕЙХЕР. Нет, это неверно. Если бы я его побил, то я сказал бы об этом сейчас. Но я думаю, что мой адъютант или кто-нибудь другой поссорился с ним.

МАРКС. Что это был за случай в доме художника в Мюнхене?

ШТРЕЙХЕР. Я был в Мюнхене в гостинице "Художник", или как она там называется, меня принял там хозяин гостиницы. Потом ко мне подошел молодой человек, пьяный, и начал кричать на меня. Хозяин гостиницы запретил ему это и предложил ему убраться. Пьяный молодой человек все время подходил и нам, и тогда мой повар взял этого пьяного и его сын помогал ему при этом. Они ушли с ним в другую комнату и проучили его. Хозяин поблагодарил его за то, что он сам избавился от этого пьяного.

Но теперь я хотел бы просить суд, чтобы мне было разрешено сказать коротко еще об одном случае, о котором, кажется, упоминало Обвинение.

Меня обвиняют, в известной степени, в садистских наклонностях, которые имели якобы место в этом случае.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, вы прекрасно знаете, что этот эпизод был вычеркнут из протокола заседания и поэтому не используется против вас, так что совершенно нет необходимости, чтобы его затрагивали. Трибунал не будет вас слушать по этому поводу.

МАРКС. Свидетель. Теперь я предлагаю вашему вниманию несколько пунктов из так называемого доклада комиссии Геринга. На эти пункты ссылается обвинение. Вы знаете, что после событий в ноябре 1938 года в области Франконии были

Эрон

произведены в большом масштабе конфискации еврейского имущества. Задали ли вы по этому поводу об"яснения?

ШИРАХ. Здесь, в докладе комиссии Геринга, имеется ссылка на заявление покойного Хольца. В этом заявлении сказано, что Хольц после той компании явился ко мне, сделал доклад о событиях ноября 38 года, о котором он также заявил, что оно было неверным шагом. Затем он далее сказал: теперь это свершилось и теперь он считает необходимым, чтобы были предприняты дальнейшие шаги и имущество было арианизировано. В докладе Геринга говорится, что я, якобы, затем заявил Хольцу, что это не пойдет и что я противился этому. Затем далее сказано, что Хольц сказал мне о том, что он считает, что все-таки хорошо, если это будет сделано. И что таким образом можно получить средства для организации школы в гау. Далее Хольц заявил, что я, якобы, заявил Хольцу в таком духе: "Хольц, если вы считаете, что сможете сделать это, то сделайте". Я заявляю здесь, что правильно то, что было мне сообщено Хольцем .- Я сперва противился , но потом из-за какого-то настроения, которое мне теперь уже неясно, заявил: "Если вы можете это сделать, то сделайте". Я заявляю здесь, что, когда я это сказал, я не верил в то, что должно было произойти или, что это произойдет. Однако, это произошло. Рейхсмаршал, как уполномоченный по четырехлетнему плану, выступил против этого затеи в Берлине, причем в очень резкой форме. Тогда я лишь узнал, как Хольц произвел эту арианизацию . У меня с ним был крупный разговор и дело дошло до разрыва наших дружеских отношений. Он пошел добровольцем на фронт в танковые войска и ушел с поста заместителя. Я вернулся из Берлина в Нюрнберг и затем в Нюрнберге появился уголовный чиновник рейхсмаршала, как уполномоченного по четырехлетнему плану. Он явился ко мне и спросил меня,

H1199 – 0316

H1199 – 0317

согласен ли я, чтобы было произведено следствие. Я сказал, что я бы приветствовал следствие. Затем было произведено это расследование. Арианизация была прекращена Было установлено, что Хольц лично не обогащался, и затем арианизация была передана государству и приостановлена. Я открыто заявляю, что здесь я, по крайней мере, виновен в небрежности.

МАРКС. Было ли вам известно, что уплачиваемое при арианизации домов и участков земли возмещение, составляло лишь около 20 процентов фактической ценности или даже менее?

ШТРЕЙХЕР. Хольц неделями не приходил ко мне, он проводил арианизацию в доме Трудового Фронта вместе с местными референтами Лишь в Берлине на заседании, которое созвал рейхсмаршал, я узнал о действительном положении вещей и поэтому между мной и Хольцем произошел этот крупный разговор и разрыв, так как я должен был отклонить тот метод, каким проводилась эта арианизация.

МАРКС. Вас обвиняют далее в том, что вы в целях своего личного обогащения купили акции заводов Марс в Нюрнберге по очень низким ценам и что при этом имело место недопустимое давление на владельца этих акций с вашей стороны?

ШТРЕЙХЕР. В докладе комиссии Геринга сказано дословно: в одном случае я, якобы, дал поручение, в другом, что я дал приказ скупить для меня акции заводов Марс. Здесь я заявляю – я не давал ни поручения, ни приказа скупать акции Марс. Положение дел было таково. Мой руководитель издательством, который имел общие полномочия, так как я лично никогда в те годы не вмешивался в финансовые дела, а он, имея, таким образом, большие финансовые полномочия, мог делать все, что хотел. Однажды он пришел вместе с моим адъютантом ко мне. Я теперь уже не помню, говорил он сперва адъютант или руководитель издательства. Мне

было сказано следующее: Звонил некий адвокат и сказал, что выгодно продаются акции заводов Марс. Согласен ли я с этим, - спросил меня затем руководитель издательства. Я заявил, что я еще никогда в своей жизни не имел в своем владении акций и что я никогда не занимался финансовыми делами своего издательства, и, если он считает, что следует купить акции, то пусть он это сделает. Акции были куплены. Это было самое крупное нарушение доверия, которое когда-либо было совершено членом партии, или моим сотрудником по отношению ко мне. Через некоторое время выяснилось, т.е. я узнал, каким образом были куплены эти акции. Я узнал, что владельцу угрожали. Когда я узнал, при каких условиях произошла купля этих акций, я немедленно отдал приказ вернуть эти акции. В докладе комиссии Горнига говорится, что это возвращение было произведено. В конфискованных делах моего издательства имеется официальное заявление по этому поводу, в котором говорится, что эти акции были возвращены.

В этой связи разрешите мне заметить, что мое издательство до самого конца войны находилось в частном доме. В момент эвакуации мне предложили взять для моего издательства один из конфискованных домов. Я отказался. Здесь я заявляю, обобщая, что у меня нет ничего, что раньше принадлежало бы евреям.

Когда произошли эти демонстрации в 1938 году, тогда в областное управление были сданы предметы роскоши. Они были переданы полиции. Одно лицо, награжденное высоким орденом, было приговорено к шести месяцам тюрьмы за то, что он подарил своей возлюбленной кольцо и еще какой-то предмет украшения из этих вещей. Однако, разрешите сказать, что вину за такие действия этого лица, пожалуй, несут те, кто отдал приказ: "А теперь в дома евреев?" Этот человек, насколько я его знал, всегда

9203

H1199 – 0318

H1199 – 0319

был очень честным. Но из-за этого приказа он совершил преступление. Я кончил.

МАРИС. Не было ли положение таково, что показания руководителя издательства Финка на партийном суде и уже раньше при допросах в полиции в значительной степени отличались от вашего заявления?

ШТРЕЙКЕР. Положение было таково: Финк был вызван в полицию и его подвергли допросу. Полицей-президент был заинтересован в этом допросе, этот человек годами бывал другом моего дома. Финк пришел с допроса совершенно обескураженный. Он ходил передо мной по комнате и громко кричал, что ему угрожали, что он дал неверные показания, что он скотина и преступник. Свидетелем этого случая был мой шофер. Я успокоил его и сказал ему, что я тоже бывал на допросе, даже был в тюрьме. Я дам вам возможность...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве необходимо входить в такие подробности по этому вопросу?

МАРИС. Хорошо, Простите, господин председатель. Может быть, это необходимо, ибо в докладе ссылаются на эти показания Финка и тем самым делаются попытки отвергнуть доказательство того, что показания подсудимого Штрейкера не верны, и что именно он дал поручение купить эти акции даже, вероятно, с помощью принуждения и одобрил это. А теперь он защищается и говорит, что он не знал, что эти акции покупались за такую низкую цену, и что он также не знал о том, что при этом применялось насилие. Если от последнего отказаться, то вопрос решен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это то, что он уже сказал. Он ведь сказал это совершенно ясно, не так ли? Я только высказал мнение о том,

что нет необходимости входить в такие подробности по этому поводу.

МАРКС. Господин свидетель, желаю установить, каким образом происходило развитие издательства "Штюрмер" с 1933 года? Я прошу вас коротко осветить вопрос о тираже "Штюрмера" и потом я задам вам следующий вопрос.

ШТРЕЙХЕР. "Штюрмер" появился в 1923 году небольшого формата. Вначале он имел тираж в 2-3 тысячи номеров. С течением времени тираж дошел до 10 тысяч. "Штюрмер", собственно, до 1933 года распространялся лишь в Нюрнберге, а также в некоторой степени в Баварии. Издательством руководил книготорговец и проводил всю работу с одним, а потом с двумя сотрудниками. Это является лучшим доказательством того, что тираж действительно был невелик. После 1933 года, - при этом возможно, что издатель не всегда говорил мне точный тираж, - у меня не было с ним письменного договора, - по мне кажется, он достигал 25 тысяч. В 1936 году издатель умер и тираж при этом был кажется 40 тысяч. Затем руководство издательством взял на себя специалист и он распространил его по всей Германии. Тираж достиг 100 тысяч и затем до 600 тысяч. Затем он колебался, снизился, и затем в войну я не могу сказать точно, но приблизительно составлял около 150 или 200 тысяч.

МАРКС. Вы говорите, что этот новый человек организовал это издательство по всей Германии. Участвовал ли в этом партийный аппарат? Не использовались ли предприятия и такие иные учреждения, как, например, Германский трудовой фронт для того, чтобы насильственно поднять тираж?

ШТРЕЙХЕР. Отношение партии стало ясно в письме Бормана по все гау, и в этом письме указывалось на то, что "Штюрмер"

9209

H1199 – 0320

H1199 – 0321

не является партийным органом и не имеет никакого отношения к партии. Вслед за этим некоторые гаулейтеры решили издать приказ о том, чтобы "Штюрмер" больше не появлялся в их областях. Но то, что внутри организации были члены партии, которые из идеализма или по другим причинам выступали за распространение "Штюрмера", то это ясно. Я сам ни в письменной, ни в устной форме не давал приказа какой-либо партийной организации для оказания помощи в появлении Тирана.

МАРКС. Господин Штрейхер, до 1933 г. вы часто сталкивались с судами, в частности, вследствие ваших статей и вследствие вашей позиции, которая становилась ясной из "Штюрмера". Скажите коротко, как часто это бывало и какие вытекали для вас последствия?

ШТРЕЙХЕР. Как часто, я уже теперь не могу сказать, во всяком случае часто. Я неоднократно стоял перед судом, и вы спрашиваете, какие это имело последствия.

Меня неоднократно заключали в тюрьму, но я могу с гордостью указать на то, что в приговорах всегда говорилось: "фанатик непоколебимой истины". Это было следствием моей деятельности, как оратора и писателя. Но может быть важно установить также, что я никогда не судился за уголовное действия, а лишь вследствие своей антисемитской деятельности, причем жалобы поступали от об"единения граждан еврейской веры. Председатель неоднократно подавал жалобы, как только мы забивались в речах и тем самым давали возможность на основании тогдашних законов и параграфов предать нас суду. Разрешите мне указать на то, что советник Юстиции евреи Сисхайм, адвокат, который был моим врагом, заявил перед судом, здесь, в этом зале: "Господа судьи! Он мой непримиримый враг, но он фанатик истины, он убежден в том, что он делает, он честен."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В какие годы вы находились в тюрьме?

ШТРЕЙХЕР. Это, конечно, было до 1938 года. В первый раз я попал в тюрьму в Ландсберге за участие в путче Гитлера. Затем я получил три с половиной месяца тюрьмы в Нюрнберге и сидел в той самой тюрьме, где я сейчас нахожусь. Затем я получил 3 месяца тюрьмы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не трудитесь приводить подробности.

ШТРЕЙХЕР. Таким образом, до 1938 года меня неоднократно приговаривали к заключению или денежному штрафу.

МАРКС. Господин председатель, в докладе комиссии Геринга говорится также о том, что подсудимый Штрейхер лично интересовался различными еврейскими предприятиями для того, чтобы сделать в них свои капиталовложения. Но я считаю, что не стоит останавливаться на этих пунктах, так же, как и на том, что дом у Вормса был продан и неизвестно кому. Я не знаю, должен ли сказать что-либо подсудимый по этому поводу. Я со своей стороны не хочу спрашивать его об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что вы сейчас можете оставить этот вопрос и послушать, не будет ли он затронут при перекрестном допросе. Если да, то вы сможете задать подсудимому дополнительные вопросы.

МАРКС. Конечно, да. В таком случае я закончил допрос подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хочет ли кто-нибудь еще из обвинения задать вопросы подсудимому? /Ответа нет./ А обвинение?

ПОЛКОВНИК ГРИНХИТС ДЖОНС. Господа судьи, разрешите приступить к допросу.

9711

H1199 – 0322

H1199 – 0323

Когда вы в 1928 году передали свою партию Гитлеру, знали ли вы о его политике и о том, какая политика должна была стать политикой нацистской партии?

ШТРАЙХЕР. Я хотел бы сначала сказать "нет". Тогда нельзя было говорить о вещах, которые, собственно, даже не были возможны в мыслях. Политика тогда состояла в том, чтобы в немецком народе создать новую веру, в частности, такую веру, которая отрицает беспорядок, хаос и возвращает нас к порядку.

Г-н ГРИФФИТС ДЖОНС. Могу ли я считать, что через очень короткое время вы узнали о политике, о политике согласно партийной программе нацистской партии и согласно книге "Майн Кампф"?

ШТРАЙХЕР. Мне не нужно было никакой партийной программы. Я открыто сознаюсь, что я даже ее никогда не читал целиком. Тогда речь шла не о программе, а о массовых собраниях...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не ответ на вопрос. Вас спросили, узнали ли вы позже после 1928 г. о той политике, которая указана в программе нацистской партии и в книге "Майн Кампф"?

Г-н ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы, очевидно, знали, что эта политика включала аншлюс Австрии? Можете ли вы ответить на этот вопрос словами "да" или "нет"?

9712

ШТРЕЙХЕР: Нет. Об Австрии никогда ничего не говорилось. Я не помню, чтобы фюрер говорил о том, что нужно присоединить Австрию.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Я только хочу, чтобы Вы ответили на мой вопрос. Я вас спрашивал: / знали ли Вы о том, что политика фюрера включала в себя присоединение Австрии к Германии? Насколько я понял Вы ответили "нет". Это правильно?

ШТРЕЙХЕР: Что он намеревался это сделать? Нет, я этого не знал.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Знали ли Вы о том, что он намеревался присоединить Чехословакию или, по крайней мере Судетскую область?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Знали ли Вы о том, что в книге "Майн Кампф" конечной целью являлось жизненное пространство?

ШТРЕЙХЕР: Что я читал в книге "Моя борьба", очерчено красным карандашом. Книга конфискована. Я читал только это. Я читал только то, что касается еврейского вопроса. О других вещах я не читал. Но что у нас была цель получить жизненное пространство для нашего народа, - это само собой разумеется. Я лично поставил себе целью - помогать тому, чтобы каким-либо путем дать будущее лишним детям в Германии.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Очень хорошо. Могу ли я считать, что в течение 1922 и 1923 г.г. в качестве редактора газеты "Дер Штюрмер" Вы будучи гаулейтером с 1923 года, делали все возможное для того, чтобы привести нацистскую партию к власти?

2713

H1199-0324

H1199 – 0325

ШТРЕЙХЕР: Да, это разумеется само собой.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: А после 1933 Г. продолжали-ли Вы поддерживать пропаганду, проводившуюся нацистской партией?

ШТРЕЙХЕР: Да.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: И не только в отношении еврейского вопроса, а также и в отношении внешней политики?

ШТРЕЙХЕР: Нет, это не верно. В "Штюрмере" нет ни одной статьи, которая занималась бы внешней политикой. Я занимался исключительно...

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Этого совершенно достаточно. Я не намерен занимать много времени этим вопросом. Однако я прошу Вас взглянуть на документ Д-802.

Милорд, это новое документальное доказательство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это будет какой номер?

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Это ВБ-327.

Милорд, я очень сожалею, но документа, очевидно сейчас нет. Может быть, я могу огласить отрывок. Я хочу зачитать отрывок из статьи, которую Вы написали в газете "Штюрмер" в марте 1938 года, немедленно после аншлюса Австрии. Я хочу, чтобы Вы сказали мне, поддерживали ли Вы политику нацистской партии в отношении Австрии. "Наш Господь принимает меры для того, чтобы власть евреев не распространилась и на самое небо. То, что еще несколько дней тому назад было сном, сейчас стало действительностью. Братский австрийский народ возвращен своей родной Германии".

Затем, через несколько строчек:

"Мы приближаемся к замечательным временам, к великой Германии, в которой не будет евреев".

И Вы утверждаете, что Вы в этой статье не проводили пропаганду от имени нацистской партии.

ШТРЕЙХЕР: Я не проводил политику пропаганды. Австрия была уже присоединена. Я приветствовал это и мне не нужно было проводить никакой пропаганды.

Г-н ГРИФФИТТ ДЖОНС: Очень хорошо. Может быть, Вы мне скажете, что Вы хотели сказать словами "Великая Германия", времена которой приближаются? К временам какой Великой Германии Вы приближались в марте 1938 года, великой Германии, которая стала больше после аншлюса Австрии?

ШТРЕЙХЕР: О великой Германии, о жизненном пространстве, где все смогут жить вместе , все немцы, говорящие по-немецки, имеющие немецкую кровь.

Г-н ГРИФФИТТ ДЖОНС: Правильно ли я понимаю, что Вы поддерживаете программу"жизненного пространства" большего пространства, которое еще не принадлежало Германии?

ШТРЕЙХЕР: Нет. Сперва речь шла об Австрии и Германии. Австрийцы - это немцы, и тем самым они причисляются к Великой Германии.

Г-н ГРИФФИТТ ДЖОНС: Я не буду с Вами спорить. Я хочу только спросить Вас еще раз: что Вы хотите сказать, когда говорите, что приближаетесь ко временам Великой Германии в марте 1938 года?

ШТРЕЙХЕР: Я уже сказал: Германия, в которой могут жить и работать все, кто говорит по-немецки и имеет немецкую кровь.

9715

H1199 - 0326

H1199 – 0327

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Может быть Вы посмотрите на документ Д-II8, который становится документом № ВБ-328. В ноябре 1938 года, после мюнхенского соглашения, посылали ли Вы лично телеграмму Генлейну, руководителю партии судетских немцев?

ШТРЕЙХЕР: Если это здесь написано, то это так. Я уже не помню.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Разрешите мне напомнить Вам то, что Вы сказали:

"Без Вашей мужественной подготовительной работы, великое дело не удалось бы свершить".

Не проводите-ли Вы тут пропаганды в пользу нацистской внешней политики?.

ШТРЕЙХЕР: Я прошу повторить вопрос.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Я спрашиваю Вас: была ли эта телеграмма, которую Вы послали Конраду Генлейну и которая была напечатана в Вашей газете под фотографией этого человека, я спрашиваю Вас-являлось ли это пропагандой, поддерживающей нацистскую политику, нацистскую внешнюю политику?

ШТРЕЙХЕР: Я должен повторить то, что я уже сказал: это поздравительная и благодарственная телеграмма. Я больше не нуждался в пропаганде, так как мюнхенское соглашение было уже заключено.

Г-н ГРИФИТТ ДЖОНС: Я скажу Вам, затем оставлю этот вопрос. Я заявляю Вам, что с 1938 года до 1944 или 1945 года Вы фактически делали все, что могли, чтобы поддерживать политику правительства империи как в отношении ее внутренних, так и внешних дел?

ШТРЕЙХЕР: Насколько это позволял круг моей деятельности - да.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Теперь я перейду к вопросу об евреях. Я хотел бы напомнить Вам о речи, которую Вы произнесли I апреля 1933 года, т.е. в день бойкота.

Милорд, эту речь можно найти в оригинале книги документов М-33. Этот документ еще не был представлен. Сейчас он представляется за № ВБ-329.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: М..., как Вы сказали?

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: М-33. Он находится на стр.I5 оригинала книги документов, которая у Трибунала имеется.

/Подсудимому/ Я передам Вам эту книгу документов и, если Вы захотите ознакомиться с оригиналом, то можете это всегда сделать. "В течение I4 лет мы повторяли немецкому народу: "Немецкий народ, научись узнавать своего настоящего врага," и I4 лет тому назад немецкие обыватели слушали и затем заявляли, что мы проповедуем ненависть между представителями различных вероисповеданий. Сегодня немецкий народ пробудился от сна; во всем мире сейчас говорят о "вечном жиде". С самого начала существования мира и с самого создания человека не было такого народа, который бы осмелился бороться против нации кровопийц и вымогателей, которая, в течение тысячи лет, распространилась по всему миру".

Теперь я перехожу к последней строчке следующего абзаца:

"...Нашему движению было предоставлено разоблачить "вечного жида" как массового убийцу".

Правильно ли, что в течение четырнадцати лет Вы повторяли в Германии: "Немецкий народ, научись узнавать своих настоящих врагов"?

9717

H1199-0328

H1199 – 0329

ШТРЕЙХЕР: Сперва я хочу констатировать, что то, что Вы зачитали не имеет к этому никакого отношения. Вы подложили статью.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам задали вопрос. Вас спросили, верно ли, что в течение 14 лет Вы повторяли немецкому народу: "Научитесь узнавать своего действительного врага".

ШТРЕЙХЕР: Да.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: И делая это, верно-ли, что Вы тем самым проповедивали вражду на религиозной почве?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Взгляните на ...

ШТРЕЙХЕР: Разрешите сделать мне замечание относительно этого ответа. В своем еженедельнике "Штюрмер" я неоднократно заявлял о том, что для меня евреи не являются религиозной общиной, а расой, народом.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: А как Вы считаете, назвать их "кровопийцами", "нацией кровопийц и вымогателей", Вы считаете, что это значит проповедивать вражду на религиозной почве?

ШТРЕЙХЕР: Я не совсем понял, повторите, пожалуйста.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Теперь Вы можете называть их расой или нацией, как хотите, однако 1 апреля 1933 года Вы говорили, что евреи - это нация"кровопийц и вымогателей". Не считаете ли Вы, что это значит проповедывать вражду на религиозной почве?

ШТРЕЙХЕР: Это констатация, выражение уверенности, которая может быть доказана на основании исторических фактов.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Поймите меня. Я не спрашиваю Вас о том, являлось ли это фактом. Я спрашиваю Вас, считаете ли Вы, что это значит проповедовать вражду на религиозной почве. Вы должны ответить "да" или "нет".

ШТРЕЙХЕР: Нет. Это не проповедь ненависти, это констатация.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Посмотрите дальше, через две страницы на тот же документ М-33, четвертый абзац от конца выдержки? Это на странице 17-ой книги документов.

"Пока я стою во главе этой борьбы, эта борьба будет проводиться так добросовестно, что никто из евреев не обрадуется".

ШТРЕЙХЕР: Я это писал, это верно.

Г-н ДЖОНС: Вы были, неправда-ли, одним из тех людей, которые были стояли и продолжали стоять во главе этой борьбы?

ШТРЕЙХЕР: Стоял ли я во главе? Я был слишком скромен тогда, но я действительно говорил ясно о своих убеждениях, своих знаниях.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Почему Вы говорили, что до тех пор, пока Вы будете оставаться во главе этого движения, евреи не обрадуются?

ШТРЕЙХЕР: Так как я считал себя человеком, которого судьба привела к тому, что он был в состоянии правильно просветить людей по еврейскому вопросу.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: А что словом "просвещение" Вы заменяете слово "преследование"? Под словом "просвещение" Вы подразумеваете "преследование"?

ШТРЕЙХЕР: Я не понял этого.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Под словом "просвещение" Вы подразумеваете "преследование". Поэтому-то евреи и не должны

9719

H1199 – 0330

H1199-0331

были обрадоваться, обрадоваться Вашему ~~пр~~освещению?"

ШТРЕЙХЕР: Чтобы не возникло недоразумения, я должен об"яснить, что меня в Фрайзинге так били и я сутками лежал голым в своей камере, так что я теперь слышу хуже на 40 процентов, а здесь смеются, если я переспрашиваю. Я не виноват, что со мной так обращались. И я прошу еще раз повторить этот вопрос.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Я могу Вам это доказать. Я повторю вопрос достаточно громко для того, чтобы Вы услышали. Под словом "~~пр~~освещение" Вы подразумевали "преследование"? Вы слышали мой вопрос?

ШТРЕЙХЕР: Под просвещением я понимаю - рассказать другому человеку то, чего он еще не знает.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Мы закончим с этим вопросом. Вы, не правда-ли, знаете, что после бойкота, который Вы об"явили в 1933 г., евреи потеряли на целый ряд лет право голосовать. Они потеряли права занимать какие-либо общественные должности, заниматься какими либо профессиями. В 1938 Году против них проводились демонстрации. После этого их оштрафовали на миллиард марок. Их заставляли носить желтые звезды, им были отведены специальные места, дома и предприятия были у евреев отобраны и Вы это называете "~~пр~~освещением"?

ШТРЕЙХЕР: Это не имеет никакого отношения к тому, что я писал. Я ведь не отдавал этих приказов, я не составлял законов, и меня никогда никто не спрашивал, когда разрабатывали законы. К этим законам и приказам я не имел никакого отношения.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Но по мере принятия этих законов и приказов Вы поддерживали их и продолжали оскорблять евреев и требовать отдачи еще новых приказов, разве это не факт?

ШТРЕЙХЕР: Я прошу сказать мне, какие приказы я бурно приветствовал.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Вы сообщили вчера Трибуналу, что Вы считаете, что Вы причастны к изданию Нюрнбергских декретов, которые Вы проповедывали за несколько лет до того, как они вступили в силу. Разве это не факт?

ШТРЕЙХЕР: Нюрнбергские законы? Я не составлял их. Меня заранее не спрашивали и я ведь не подписывал их. Но я заявляю здесь, что эти законы являются тем, что еврейский народ имеет у себя в качестве закона. Это самое значительное законодательство, которое современное государство когда-либо издавало для своей защиты.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС: Я не намеревался...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что своевременно об"явить перерыв.

/Перерыв до 14.00 ч./

H1199 – 0332

H1199 – 0333

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 29 апреля 1946 года.

/Вечернее заседание/

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я предлагаю, чтобы Трибунал уделил полчаса времени для обсуждения документов подсудимого фон Шираха. Мы готовы разъяснить основные вопросы в любое время, удобное Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

Продолжение перекрестного допроса Вилуса Штрейхера.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я сейчас хочу задать вам несколько вопросов относительно того участия, которое вы принимали в различных действиях, предпринятых против евреев между 1933 и 1939 годами. Обратитесь к документу М-6 на 20-й странице книги документов, которая лежит перед вами 22-я страница английской книги документов Трибунала. Это 20 страница в немецком экземпляре документа № 6, который уже представлен под номером ВВ-170.

Я хотел бы сейчас сослаться на то, что вы говорили относительно нюрнбергских декретов. Вы сказали нам сегодня утром, что, по вашему мнению, когда эти декреты были изданы, они явились окончательным разрешением еврейской проблемы. Не посмотрите ли вы на абзац, начинающийся в середине страницы словами: "Однако, тем, которые считают".

"Однако, тем, которые считают, что еврейская проблема окончательно разрешена и таким образом для Германии вопрос этот решен путем нюрнбергских декретов, - мы должны сказать, что борьба еще продолжается. Евреи мира сами стремятся к этому и мы только в том случае победоносно закончим эту борьбу, если каждый член германского народа будет понимать что на карте стоит его существование. Просветительная раб

та по этим вопросам сейчас необходима более,чем когда бы то ни было, хотя многие члены партии считают, что эти вопросы потеряли свое значение и актуальность.

ШТРЕЙХЕР: Да, я писал это.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Что вы хотите сказать, говоря,что борьба продолжается,если вы уже разрешили еврейскую проблему путем издания нюрнбергских законов?

ШТРЕЙХЕР: Я уже сегодня заявлял, что разрешение еврейского вопроса я вижу в том,чтобы этот вопрос был разрешен сначала в своей стране, а затем в международном масштабе. Итак,"Борьба продолжается",это значит, что в совещании антисемитов,который я созвал и в котором были представители всех стран,обсуждался вопрос о том,что нужно сделать для того,чтобы окончательно разрешить еврейский вопрос в международном масштабе.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: И поэтому мы должны понять вас так, что все,что писали и говорили после 1936 года,было связано с международной проблемой и ничего не имело общего с евреями в Германии, как таковыми.

ШТРЕЙХЕР: Да, в основном в международном масштабе.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Сейчас я хочу обратить ваше внимание на отрывок из середины следующего абзаца: "15 лет работы "Штюрмера" по просвещению уже сейчас привели к национал-социалистическому сознанию и пониманию многомиллионной армией". Это правильно?

ШТРЕЙХЕР: Да, это правильно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Видите, ли вы сказали Трибуналу сегодня утром,что вплоть до 1933 года и даже позже,распространение вашей газеты было весьма незначительным.Правильно ли то,что за 15 лет своей работы вы привели к национал-социализму многомиллионную армию?

ШТРЕЙХЕР: Я сегодня сказал, что 3 тысячи ежедневных

9723

H1199 – 0334

H1199 – 0335

газет занимались,наряду с газетой "Штюрмер" раз'яснением еврейского вопроса.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо.Думаю,что вам не следует продолжать.Я хочу закончить цитирование этого абзаца.

"Продолжение работы "Штюрмера" приведет к тому,что каждый немец до самого последнего человека от всего сердца и от всей души присоединится к рядам тех,чья цель состоит в том,чтобы раздавить голову еврейской гадине!

Одну минуту, разрешите мне задать вам вопрос.Здесь ничего не говорится о международных проблемах. Вы ведь здесь обращаетесь к германскому народу,не так ли?

ШТРЕЙХЕР: В этой статье? Да. И если статья эта читалась за границей, то я должен сказать,что я обращался и к заграницe. Но выражение "раздавить гадину" взято из библии.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Теперь обратимся на некоторое время к разрушению синагоги в Нюрнберге, которое,как вы нам сообщили,имело место 10 августа 1938 года.

Обратите внимание на 41-ю страницу книги находящейся перед вами. Это 42-я страница английской книги документов, находящейся у Трибунала.

Мы слышали ваши об'яснения о разрушении синагог.Газета "Франкише тагесцейтунг" за 11 августа заявляет следующее:

"Синагога в Нюрнберге сносится.

Юлиус Штрейхер сам положил начало этой работе речью,которая длилась больше полутора часов..."

10 августа 1938 года в течение полутора часов вы говорили жителям Нюрнберга относительно архитектурной ценности их города?

ШТРЕЙХЕР: Я не помню сейчас подробно того,о чем я говорил,но я ссылаюсь на то,что вы здесь упоминали и считаете важным. В Нюрнберге существовал филиал министерства пропа-

ганды и молодой правительственный советник каждый день устраивал пресс-конференции с редакторами. И на одной из пресс-конференций он сказал редакторам,что он поговорит с Штрейхером и что синагога будет снесена и что это дело надо держать в секрете.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я спросил вас,говорили ли вы в течение полутора часов об архитектурных красотах города Нюрнберга,а не против евреев? Вы это нам хотите сказать?

ШТРЕЙХЕР: Само собой разумеется и это.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: На пресс-конференции,на которую вы сослались, без сомнения, вы видели этот документ, это на 40-й странице книги документов Трибунала,вы помните,там говорилось,что следует организовать показ этого события в большом масштабе,показ разрушения синагоги. Какова была цель снесения синагоги таким шумным демонстративным путем?

ШТРЕЙХЕР: Я был только оратором. То,о чем вы здесь упомянули, было сделано представителями министерства пропаганды,но я не имел бы ничего против или,вернее говоря, я,конечно, был бы за большое торжество в связи с разрушением синагоги, если бы меня спросили об этом.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я хочу сейчас спросить вас о демонстрациях, которые последовали за этим в ноябре этого же года.

Милорд, я сошлюсь на 43-ю страницу книги документов, 42 страница немецкого текста. Насколько я понял,вы говорите,что вы были против этих демонстраций,которые имели место, и что они имели место без вашего ведома. Вы предварительно ничего не знали об этом. Это правильно, да или нет?

ШТРЕЙХЕР: Да,это правильно.

H1199 – 0336

H1199 – 0337

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я хочу вам напомнить, что вы сказали на следующий день, 10 ноября. Это отчет о том, что случилось в Нюрнберге и в Фюрте: произошли массовые демонстрации против банды убийц евреев. Они продолжались до раннего утра".

Я перехожу к концу параграфа: "После полуночи возбуждение народа достигло своей самой высшей точки и большие толпы собрались в синагогах в Нюрнберге и в Фюрте и сожгли эти два еврейских здания, там, где молились об убийстве немцев".

Вот, что вы сами говорите. Это на странице 44 книги документов, милорд.

"Начиная с колыбели и далее, евреев учат не так, как нас": "Любите ближнего своего больше самого себя" или "подставлять правую щеку, если тебя ударят по левой". Нет. Их учат: "с неевреями можно поступать, как угодно". Евреям даже говорят, что убийство не-еврея является богоугодным делом. В течение 20 лет мы писали об этом в "Дер Штюрмер"; в течение 20 лет мы проповедовали это во всем мире и, наконец, мы добились того, что миллионы признали правду".

Говорят ли эти слова за то, что вы не сочувствовали демонстрации, которая произошла накануне?

ШТРЕЙХЕР: Я должен прежде всего установить, что то сообщение, которое вы сейчас частично огласили, было опубликовано в "Тагесцейтунг" и, следовательно, я не могу отвечать за него. И, если там написано, что народ поднялся против своры убийц, то это соответствует тому приказу, который был получен из Берлина из министерства пропаганды. С внешней стороны это мероприятие было стихийной народной демонстрацией...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Это не ответ на мой вопрос. Можно ли заключить из только что процитированного

мном отрывка,что вы были против демонстрации,которая имела место накануне. Да или нет?

ШТРЕЙХЕР: Я был против этой демонстрации.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Разрешите мне зачитать далее: "Но мы знаем,что среди нас есть люди,которые жалеют евреев, люди, которые недостойны жить в этом городе,недостойны принадлежать к тому народу,принадлежностью к которому мы гордимся".

Почему бы люди испытывали жалость к евреям,если бы вы, вы и нацистская партия не преследовали их?

ШТРЕЙХЕР: Я сегодня уже указывал на то,что я был вынужден после этой демонстрации открыто высказать свое мнение и сказать,что не следует слишком сожалеть об этом,то-есть,я хотел этим доказать,что речь здесь шла не о стихийной демонстрации народа и это говорит как раз не против меня, а в мою пользу. Народ был против демонстрации, как и я сам.И я был вынужден так сказать,убедить общественность в том,что это мероприятие не слишком уж значительное.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Но почему же, если вы были против этого и народ был против этого, почему было вашей обязанностью пытаться перевоспитать их с тем,чтобы они были за подобные мероприятия? Почему вы возражали против этого и вместе с тем восстанавливали их против евреев?

ШТРЕЙХЕР: Я не понимаю,что вы хотите этим сказать?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Насколько я вас понял,вы сказали,что вы выступали против этих демонстраций и народ также выступал против этих демонстраций и поэтому вы считали своим долгом попытаться настроить их в пользу этих демонстраций,после того,как они произошли.Почему это было вашим долгом?

ШТРЕЙХЕР: Сегодня может быть можно сказать - это было вашим долгом,но надо представить себе то время,тот хаос, и

H1199 – 0338

H1199 – 0339

тогда будет понятно,что не так просто было быстро принять решение,как,например, сейчас,в зале. Это вообще было невозможно. То,что случилось - случилось,я был против этого и общественность тоже,то,что было потом написано об этом, писалось по тактическим соображениям.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо.Выступали ли вы в пользу арийзации еврейских домов и еврейских предприятий? Выступали ли вы в пользу этих мероприятий, или вы были против подобного решения вопроса?

ШТРЕЙХЕР: Я сегодня уже подробно ответил на этот вопрос в связи с заявлением моего товарища по партии Гольца, я заявил,и я здесь повторюсь, что мой заместитель пришел ко мне...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Одну минуту. Я не хочу выслушать речи, я задал вам вопрос, на который можно ответить - да или нет. Одобряли вы или не одобряли систему арийзации еврейских предприятий и еврейских домов?

ШТРЕЙХЕР: На это нельзя быстро ответить - "да" или "нет".Я уже здесь разъяснял это сегодня утром и вы должны разрешить мне повторить еще раз для того,чтобы не возникло недоразумения...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я не собираюсь разрешать вам повторять это.Я буду продолжать,если вы не можете ответить на этот вопрос. Трибунал уже слышал это и я буду продолжать.

ШТРЕЙХЕР: Я же хочу ответить на этот вопрос.После того, как мой товарищ по партии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый...

ШТРЕЙХЕР: После того,как пришел мой...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы отказались должным образом ответить на вопрос, на который можно дать только утвердительный или отрицательный ответ. Одобряли вы или нет? Вы должны

H1199 – 0340

сначала дать ответ,а после этого вы можете давать об'яснения.

ШТРЕЙХЕР: Я в душе не хотел арианизации; когда Гольц повторил,как обоснование то,что все дома уже разрушены и т.п. и можно получить средства для создания дома областного руководства,я сказал: -"Если вы это сможете сделать,пожалуйста, делайте". Я уже заявлял здесь,сегодня,что это была халатность с моей стороны.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Фактически большое количество еврейских домов и предприятий в Нюрнберге и Франконии было подвергнуто арианизации,не так ли?

ШТРЕЙХЕР: Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Посмотрите,пожалуйста,на новый документ, представленный в качестве доказательства - Д-835,ВВ-330. Это - подлинник, представляющий собой список еврейских предприятий в Нюрнберге и Фюрте, которые подверглись арианизации. Вы видели этот список или что-нибудь в этом роде раньше?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: В таком случае вы можете мне поверить,что этот список содержит адреса,примерно,800 предприятий в Нюрнберге и Фюрте, которые были взяты от евреев и переданы арийцам,Согласитесь ли вы с тем,что,по крайней мере, 800 домов в нашем городе подверглись арианизации?

Штрейхер:

~~ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС~~: Я этого не знаю в деталях. Но я должен установить следующее: я не знаю государственный ли это документ? Я сегодня уже заявлял,что мой товарищ по партии Гольц начал проводить арианизацию.Затем Берлин запретил проведение этой арианизации,а после этого стали проводить государственную арианизацию.Здесь я также не мог оказывать влияния,следовательно,это было не моим делом.Прика-

9729

H1199 – 0340

H1199 – 0341

об этой организации пришел из Берлина, а также и о конфискации у евреев их собственности.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вы упомянули сегодня утром,что вы были подписчиком еженедельной газеты "Дас израилитише вохенблатт".Это правильно?

ШТРЕЙХЕР: Да:

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Когда вы начали подписываться на эту газету?

ШТРЕЙХЕР: Как,как?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я спрашиваю,когда вы начали подписываться на эту газету?

ШТРЕЙХЕР: Я не знаю.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вы без сомнения можете привести Трибуналу примерную дату. Начиная с 1933 года вы были регулярным подписчиком этой газеты?

ШТРЕЙХЕР: Да,конечно,я не читал каждый номер,так как я много путешествовал.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вы были, как указывается в ходатайстве вашей жены, содержащей просьбу о разрешении представить показания, постоянным читателем этой газеты.? Так это было?

ШТРЕЙХЕР: Да,конечно,мы читали эту газету,т.е. мои друзья, редакторы и я.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Могу ли я вывести из ваших слов заключение,что,если вы и ваши редакторы не читали каждый экземпляр этой газеты, вы,во всяком случае, регулярно читали ее,начиная с 1933 года и позднее; это справедливо?

ШТРЕЙХЕР: Нельзя говорить о том,что я "регулярно читал" эту газету.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Большое число экземпляров которое присылалось вам по подписке и которые приходили к

H1199 – 0342

вам еженедельно, читались вами или вашими редакторами?

ШТРЕЙХЕР: Очевидно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОН: Я хочу на некоторое время обратиться к другому вопросу. Я хочу, чтобы вы меня совершенно ясно поняли:

МАРКС: Господин председатель, я хочу обратить внимание Трибунала на то, что только что перечисленный документ "Охваченные организацией владения и земельные участки" имеет подзаголовок "Учреждение по организации земельных участков в Нюрнберге", это означает, что речь идет здесь о документе, который исходит из официального учреждения, которое было создано для того, чтобы охватить все подобные владения, но этот документ ни в коем случае не может служить доказательством того, что здесь дело идет о тех земельных владениях, которые в то время были организованы Гольцем после 9 ноября.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОН: Возможно, что это так.

МАРКС: Итак, я хочу попросить исправить это.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОН: Если я ошибался, говоря, что эти предприятия были подвергнуты организации, то я все же буду прав, если скажу, что этот список был подготовлен отделом по организации в Нюрнберге для того, чтобы подвергнуть эти предприятия организации в будущем. Это будет правильным заявлением?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОН: Я не буду более заниматься этим вопросом. Я хочу вам полностью разъяснить, что я имею в виду. Я имею в виду, что с 1939 года и позднее, вы подстрекали немецкий народ к убийствам и заставляли его принять, как факт уничтожение еврейской расы. Вы понимаете это?

ШТРЕЙХЕР: Это неправда.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОН: Без сомнения, вы скажете, что это неправда. Я лишь хочу, чтобы вы уяснили себе, что я

H1199 – 0342

H1199 - 0343

хочу сказать.

Я хочу, чтобы вы посмотрели сейчас на книгу выдержек, которую вам дадут из статей "Штрмера". Вы можете ознакомиться с этим документом в портфеле, который находится у Трибунала, но скорее будет, если вы воспользуетесь лежащей перед вами книгой документов. Посмотрите, пожалуйста, на страницу 3-А. Для удобства в этой папке все страницы отмечены буквой "А" для того, чтобы отличить их от номеров, находящихся в книге документов, содержащей оригиналы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Эти документы предоставлены в качестве показательства?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Нет. В настоящее время ни один из этих документов не предоставлен в качестве показательства. Я думаю, что наиболее удобным для меня будет предоставить все эти документы в качестве доказательств в конце допроса, так как Трибунал или подсудимый могут пожелать ознакомиться с копиями этих документов. По мере предоставления я буду давать им номера.

/Обращаясь к свидетелю/: Посмотрите на страницу 3-А этой папки. Документ Д-809, который предъявляется под номером ПС-331.

"Еврейская проблема еще не разрешена. Она не будет разрешена и тогда, когда последний еврей покинет Германию. Только тогда, когда все евреи мира будут уничтожены, эта проблема будет разрешена".

Это то самое, над чем вы работали, когда вы говорили, что работаете над международным разрешением этой проблемы? Это уничтожение евреев во всем мире?

ШТРЕЙХЕР: Это зависит от того, как воспринимать это слово "уничтожение". Эта статья была написана моим главным редактором, моим бывшим редактором. Он пишет, что еврейский вопрос еще не разрешен и не будет разрешен и тогда, когда

последний еврей покинет Германию"- и если далее он неожиданно заявляет,что вопрос этот будет разрешен только тогда, когда евреи будут уничтожены,то это значит,во всяком случае,тогда,когда будет уничтожена власть евреев во всем мире.О массовом уничтожении евреев или о возможности такого уничтожения мой товарищ по партии Гольц не думал.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Там употреблено немецкое слово "фернихтет" не так ли? Посмотрите на вашу копию. "Фернихтет" означает "уничтожить"?

ШТРЕЙХЕР: Да. Сегодня, когда вы оглядываетесь назад, это можно истолковать так,но в то время этого нельзя было сделать.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Мы не будем сейчас терять время,т.к. у нас еще много документов,которые нужно просмотреть.Обратите внимание на следующую страницу.Вы писали это в январе? В апреле 1939 года; Д-810, ВБ-332,я ссылаюсь только на две последние строчки. Это вновь статья вашего редактора."Тогда возможно их могилы заявят сами, что эти люди убийцы и преступники,получили заслуженную кару". Что вы имеете в виду,когда говорите о могилах? Вы хотите сказать,что их нужно исключить из жизни мира?

ШТРЕЙХЕР: Я сегодня вижу эту статью впервые. Это мнение человека,который,игнорируя время и играя словами,загля-
дывает может быть в будущее. По насколько /я его знал и беседовал с ним о еврейском вопросе,мы никогда не говорили о каких-либо массовых убийствах в то время и не могли даже подумать об этом. Может быть, это было его личное желание,я ничего не знаю об этом,может быть это только так написано.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо. Переверните страницу,там выдержка от мая 1939 года,документ Д-811,"Великобритания-333".Цитирую последние шесть строчек:

"Карательные экспедиции должны быть совершены против

9733

H1199 – 0344

H1199 - 0345

евреев в России".

Это, конечно, было до совершения нападения на Россию.

"Карательные экспедиции должны быть совершены против евреев в России, экспедиции, которая обеспечит им ту же судьбу, какую может ожидать убийца и преступник, т.е. смертный приговор и казнь. Евреи в России должны быть убиты. Они должны быть совершенно уничтожены. Тогда мир увидит, что конец евреев, это также конец большевизму".

ШТРЕЙХЕР: Кто написал эту статью?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИНСИТС ДЖОНС: Это было напечатано в газете "Штюрмере". Если это понадобится, мы можем выяснить, кто писал это. Это написано не вами, но напечатано в газете "Штюрмере". И вы заявили Трибуналу, что принимаете ответственность за все, что было написано в этой газете.

ШТРЕЙХЕР: Хорошо. Я беру на себя ответственность, но я заявляю, что это личное мнение человека, который в мае 1939 года не мог думать о том, что будет иметь место наступление на Россию, так как в то время мы ничем не располагали, у нас не было солдат. Следовательно, это теоретическое высказывание этого антисемита, причем сильно преувеличенное.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИНСИТС ДЖОНС: Я вас только хочу спросить, не является ли это выступление, проповедующим убийство евреев, - эта статья; если нет, то что же она пропагандирует?

ШТРЕЙХЕР: Тогда надо прочесть всю статью для того, чтобы увидеть, какие были причины, побудившие написать это. Я прошу вас огласить мне перед общественностью всю статью. Только тогда можно будет дать правильную оценку.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИНСИТС ДЖОНС: Хорошо, мы будем продолжать. Мы не будем тратить время, если вы желаете прочесть всю статью. Милорд, разрешите мне представить эти документы в качестве доказательства. Как, вам честь, увидит, эта пап-

ка представляет собой ряд отрывков из газеты "Дер Штюрмер".

ДОКТОР МАРКС: Господин председатель, с разрешения Трибунала, я позволю себе сделать следующее заявление. Здесь был представлен целый ряд выдержек из газеты "Дер Штюрмер"; эти статьи мне были предоставлены впервые. Речь идет частично о статьях, которые не были написаны самим подсудимым. Часть из них подписана Гимером и часть - Гольцем, который, как известно, был очень ранжирен в своей писательской манере. Кроме того, здесь цитируются места, которые вырваны из общего контекста. Я прошу поэтому дать мне возможность проверить эти выдержки вместе с подсудимым Штрейхером, так как иначе у него может создаться впечатление, что его защите чинятся трудности и он лишен возможности соответствующим образом подготовиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, вы без сомнения будете иметь возможность проверить.

ДОКТОР МАРКС: Я прошу извинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я уже сказал, что я хотел бы, чтобы защитники, когда они выступают с какими-нибудь возражениями, прежде всего надевали наушники для того, чтобы они меня слышали.

Вам будет предоставлена возможность проверки и сверки этих различных отрывков и, если будет необходимость, вы сможете привести для пояснения этих отрывков любые выдержки. Этот порядок уже неоднократно доводился до сведения защитников.

ПОДПОЛКОВНИК Гриффите Джонс, среди этих отрывков есть отрывки, которые написаны или подписаны подсудимым?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: С разрешения господ судей я хотел бы сослаться на некоторые из них, но так, чтобы мне не пришлось их все зачитывать. Я предлагаю, чтобы мне дали возможность представить их все и, если появится необходи-

9235

H1199 - 0346

H1199 – 0347

мость,впоследствии сообщить Трибуналу их номера для сокращения времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,пожалуйста.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я представляю в качестве доказательства всю папку документов и на все из них ссылаться не буду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае,вы приведите нам номера, под которыми эти документы представляются,несколько позднее.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Если это удобно Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Как Трибунал увидит,обратившись к этой папке,со страницы первой, это,кажется,страница 3-а, до страницы 25-а, - документ представляет собой различные выдержки,которые были написаны вами самими,или членами вашей редакции между январем 1939 года и январем 1941 г. Правильно ли я понял из ваших показаний,что вы утверждаете,что не знали о том,что евреи подвергались уничтожению в тысячах и даже миллионах на восточных территориях? Вы никогда не знали об этом?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Насколько я понял ваши показания о газете "Израелитише блатт",сегодня утром вы сказали следующее: У меня это записано.

"Иногда в газете проскальзывали намеки,что не все в порядке. Затем в 1943 году в газете появилась статья,в которой говорилось,что массы евреев исчезают,но в статье не приводилось никаких цифр и ничего не говорилось об убийстве".

Вы действительно хотите сказать,что в тех экземплярах "Израелитише вохенблатт",которые читали вы и ваши редак-

торы,ничего не содержалось,за исключением намеков на то, что евреи исчезают без упоминания о цифрах или убийстве? Вы это хотите сказать Трибуналу?

ШТРЕЙХЕР: Да, я остаюсь при своем мнении.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я хочу теперь, чтобы вы взяли эту папку и держали ее перед собой.Это - папка отрывков из газеты "Израэлитешес вохенблатт" за июль 1939 года и до конца войны.Трибунал сможет увидеть,что в действительности говорил фанатик правды.

/Свидетелю передают документ/.

Милорд, для удобства эта папка вновь отмечена буквой "В".Посмотрите на первую страницу.Это - статья от 11 июля 1941 года:

"Около 40 тысяч евреев умерли в Польше в течение последних лет. Госпитали переполнены."

Одну минуту,подсудимый, не переворачивайте страницу пальцем. Мы довольно скоро перевернем ее.Случилось ли вам читать эту фразу в экземпляре от 11 июля 1941 года?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Обратитесь теперь к странице 3, 3-"Б". Ноябрь 1941 года:

"Очень плохие вести приходят с Украины.Тысячи почивших евреев оплакиваются,среди них немало евреев из Галиции, которые были изгнаны из Венгрии".

Вы читали это?

ШТРЕЙХЕР: Это возможно. Здесь сказано,что "тысячи обвиняются",но это еще не является доказательством того,что миллионы были уничтожены. Во всяком случае,здесь конкретно ничего не говорится о том, каков был их конец.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо. Если вы хотите,чтобы мы приняли это об'яснение, мы на нем и остановимся. Продолжим.

Обратимся к следующей странице, 12 декабрь 1941 г.,

9737

H1199 - 0348

H1199 – 0349

т.е. месяцем позже:

"Согласно известиям, которые прибыли из нескольких источников, тысячи евреев, люди даже говорят о многих тысячах, были казнены в Одессе и т.д. Новости такого же рода приходят к нам из Киева и других русских городов".

Читали вы об этом?

ШТРЕЙХЕР: Этого я не знаю, но если бы я даже и читал это, это все равно ничего не изменило бы - это не доказательство.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Но, как вы помните, вы сказали Трибуналу, что в газете не было напечатано ничего, кроме намеков на исчезновение. Не служит ли это доказательством того, что когда вы зачитывали эти отрывки, вы говорили неправду?

ШТРЕЙХЕР: Теперь я прошу дать мне возможность сказать следующее:

Когда началась война, мы вообще перестали получать этот "Израилитишес Вохенблатт"/израилитский еженедельник/. В последние годы только через полицию можно было получать этот еженедельник. Мы окольными путями последнее время ввозили "Израилитишес Вохенблатт" в Германию. Однажды мы попросили полицию предоставить нам иностранные газеты и этот еженедельник. Нам было заявлено, что это невозможно, но мы все же добились этого, я хочу сказать, что я получал не каждый номер. Все номера, которые я читал, были конфискованы в моем имении. То, что подчеркнуто, прочитано мною или моим главным редактором, но я не могу утверждать, что я читал каждую заметку.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вполне понимаю это, именно поэтому у нас имеется целый ряд номеров газеты. Видите ли, у нас имеются отрывки почти за каждую неделю или месяц за трехлетний период. Я хотел бы, чтобы вы сейчас обратились

к странице 30-а в папке "А". Я хочу обратить ваше внимание на то, что вы сами писали. После того,как были опубликованы эти номера "Израилитише Вохенблатт".Эта передовица,написанная вами самими."Чтобы предотвратить угрозу проклятия Всевышнего,нашедшую свое выражение в еврейской крови.Есть один путь - открытое истребление народа отцом которого является сам дьявол".

Говоря об истреблении,вы употребили слово"ауроттуит" т.е. истребление с корнем.

ШТРЕЙХЕР: Я хотел бы сначала спросить моего защитника,получил ли он этот номер и правильный ли перевод?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Это не имеет значения.У него есть копии всех документов и он сможет защитить ваши интересы. Сейчас мы только проверяем правильность тех показаний,которые вы делали. Скажите, вы говорите об уничтожении евреев? Это означает убийство евреев? Что же еще это может означать?

ШТРЕЙХЕР: Здесь надо рассматривать весь текст.Я прошу зачитать всю статью.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Если в остальной части этой статьи есть что-нибудь,что может служить для вашей защиты, ваш защитник будет иметь возможность представить данный отрывок,чтобы Трибунал мог с ним ознакомиться.Я могу уверить вас,что остальная часть ваших статей в общем и целом,никак не поможет вашему делу.

ШТРЕЙХЕР: Когда эта статья появилась,массовые убийства уже давно были совершены.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо. Мы больше не будем возвращаться к этому вопросу.

Обратите внимание на папку "Б",представляющую собой папку отрывков из газеты "Израилитише Вохенблатт".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, вам следовало бы обратить

H1199 – 0350

H1199-0351

внимание подсудимого на лату,имеющуюся на стр.30-а.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень благодарен вам,милорд. Это было 25 декабря 1941 г. Если вы обратитесь к папке "Б",то начиная со страницы "А" до 21-й страницы,вы увидите целый ряд отрывков. Сейчас я обращаю ваше внимание на страницу 24-ю этой папки "Б".

ШТРЕЙХЕР: Вы сказали 24-я страница?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Да, 24-я страница.Эта статья появилась в "Израелитише Вохенблатт" 27 ноября 1942 г. Я хотел установить,читали ли вы это. На сионистском конгрессе в Швейцарии представитель"Еврейского агентства"в Женеве сделал доклад о евреях в Европе.Количество жертв достигает миллионов.Если настоящие условия будут продолжаться и германская программа будет проведена в жизнь,то можно с уверенностью сказать,что вместо 6 - 7 миллионов евреев в Европе будет оставлено только 2 миллиона".

Затем идут три последних строчки отрывка: "Евреи,которые там находились,в большинстве случаев были вывезены в пользующиеся безобразной славой места,дальше на Восток. В конце этой зимы количество жертв достигнет 4-х миллионов".

Вы это называете намеком на исчезновение евреев на Востоке?

ШТРЕЙХЕР: Я не припоминаю,чтобы я читал это когда-либо; и я должен сказать по этому поводу,что если бы я читал, то все равно я этому не поверил бы.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Обратимся вновь к папке "А",к статье,написанной вами 17 декабря 1942 г. Это на странице 34-а. Это статья, которая подписана буквами "ШТР" Поэтому я думаю,что статья написана вами. Лондонская газета "Таймс" от 16 сентября 1942 года опубликовала...

9240

ШТРЕЙХЕР: Я еще не нашел.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Страница 34-а.

ШТРЕЙХЕР: Одну минуточку.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Найдите ее для него. Она озаглавлена: "Око за око, зуб за зуб". Лондонская газета "Таймс" 16 сентября 1942 г. опубликовала резолюцию, принятую Советом депутатов от британских евреев. Эта резолюция выражает горе и ужас англо-еврейского общества по поводу неприкрытых зверств, совершенных Германией и ее сообщниками и вассалами против евреев в Европе, зверств, которые имели только одну цель - хладнокровное уничтожение всего еврейского населения в Европе. Вы должны были читать это в "Таймсе", т.к. вы сами говорите об этом.

ШТРЕЙХЕР: Так точно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: "Странно, что евреи англо-еврейского общества стали так ясно видеть. Когда началась вторая мировая война, фюрер германской нации предупредил еврейских поджигателей войны о том, что они снова ввергли мир в кровавую бойню. С того дня фюрер германского народа вновь предупреждал и предсказывал еще и еще раз, что вторая мировая война, подстрекаемая евреями всего мира, должна непременно привести к уничтожению евреев. В своей последней речи фюрер также вновь сослался на свое пророчество". Вы писали об этом?

ШТРЕЙХЕР: Да. Здесь речь идет только о цитате, указывается на предсказание фюрера, но никто не знал, что это в действительности должно означать.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо, итак, если вы даже не читали этого и не читали "Израелитише Вохенблатт". Слышали ли вы когда-либо о декларации Об'единенных наций от 17 декабря 1942 г. /свидетелю передается документ/, вы слышали когда-нибудь об этом?

9241

H1199 – 0352

H1199 – 0353

Вы, как явствует, читали некоторые экземпляры газеты "Таймс", и вы, как вменяется, читали некоторые номера "Израэлитише Вохенблатт". Может быть, вы слышали об этой декларации, которая была одновременно опубликована в Лондоне, Вашингтоне и Москве и была одобрена всеми союзными нациями и доминионами. Я прочитаю ее сейчас вам, чтобы вы могли вспомнить об этом.

"Внимание Бельгийского, Чехословацкого, Люксембургского, Нидерландского, Норвежского, Польского, Советского, Британского, Американского и Югославского правительств, а также Французского национального комитета было привлечено многочисленными сообщениями из Европы, что зверства, совершаемые немцами, не ограничиваются тем, что лишают лиц еврейской национальности по всей территории, на которой распространяется их варварское господство элементарнейших человеческих прав, но сейчас проводят в жизнь часто повторяемое Гитлером намерение уничтожить все еврейское население в Европе."

"Из всех оккупированных стран евреи транспортируются в условиях потрясающе ужасных и жестоких в Восточную Европу. В Польше, которая превращена нацистами в бойню, гетто, созданные германскими оккупантами систематически опустошаются от всех евреев, за исключением небольшого количества высококвалифицированных рабочих, которые требуются для нужд военной промышленности. Никто из тех, которые исчезают, никогда более не возвращаются. Трудоспособные медленно изнуряются до смерти в трудовых лагерях. Неспособных к работе оставляют на произвол судьбы, предоставляя им умереть от голода, или же преднамеренно уничтожают их путем массовых казней."

"Количество жертв этих кровавых жестокостей достигает

9242

многих сотен тысяч совершенно невинных мужчин, женщин и детей.

"Выше упомянутые правительства и французский национальный комитет осуждают в наиболее сильных выражениях эту зверскую политику хладнокровного уничтожения. Они заявляют, что имевшие место события могут только укрепить решимость всех свободолюбивых народов к свержению варварской гитлеровской тирании. Они вновь повторяют свое твердое решение обеспечить то, что те, кто ответственен за эти преступления не избежат наказания и упорно будут проводить в жизнь необходимые практические меры, чтобы подвергнуть их суровой каре". Вы когда-либо слышали об этой декларации?

ШТРЕЙХЕР: Я не знаю, но если я слышал об этом, то я должен сказать следующее: после того, как мы пришли к власти, в иностранной прессе появилось столько сообщений об ужасах, которые оказались не чем иным, как слухами и у меня не было никаких оснований верить этому. Здесь также ничего не говорится о том, что миллионы евреев были убиты.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Однако, нельзя сказать, что все эти сообщения не подтвердились. Видите ли, вы сказали, что у вас нет причин верить этому, но в газете "Израэлитишес Вохенблатт", подписчиком которой вы были, говорится то же самое.

Посмотрите на страницу 26 в папке "Б". Это декларация об'единенных наций от 17 декабря. Посмотрите, что говорит по этому поводу "Израэлитишес Вохенблатт", 18 числа. Я цитирую второй абзац:

"В это время польское правительство в Лондоне привело цифру казненных евреев 700.000. Берлинское радио сообщило, что это сообщение неправильно, но признало то, что евреев в Польше необходимо было казнить, потому что они проводят

H1199 – 0354

H1199 – 0355

акты саботажа".

Цитирую последний абзац:

"Вплоть до конца сентября 1942 года, - пишет "Дейли телеграф", - 2 миллиона евреев было убито в Германии и в странах, оккупированных странами оси; имеется опасение, что количество жертв будет удвоено к концу этого года".

Вам приходилось читать эту статью?

ШТРЕЙХЕР: Я не помню, что я читал это. Но я бы не поверил этому.

ПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: В этой газете имеется другая статья от 23 декабря, выдержанная в тех же выражениях, другая - от 30 декабря и третья - от 8 января. Обратимся к статье от 8 января:

"Польское правительство в Лондоне тем временем издало новую декларацию, в которой утверждается, что все полученные сведения сходятся на том, что убито 3 миллиона "лишних" евреев.

Вы читали это?

ШТРЕЙХЕР: Я не знаю, читал ли я это, но я должен повторить, что я все равно не поверил бы этому.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Давайте посмотрим, что вы сами писали 28 января. Посмотрите на страницу 35-а. в вашей папке, 35-а. Посмотрим сейчас, что прежде всего писал ваш главный редактор Гимер, свидетель, которого, насколько я знаю, вы собираетесь вызвать, посмотрите, во-первых, что он пишет:

"Но гетто, которые в настоящее время вновь восстановлены во всех европейских странах, также представляют из себя только частичное разрешение вопроса, так как человечество, которое уже пробудилось, разрешит не только проблему гетто, но и весь еврейский вопрос в целом. Придет время, когда настоящие требования евреев будут выполнены. Гетто исчез-

нут и вместе с ними исчезнут и евреи".

О чем здесь идет речь, если не о массовых убийствах и уничтожении еврейской расы?

ШТРЕЙХЕР: Это его мнение. Это его убеждение. Во всяком случае, это следует истолковывать так же как и то, что говорил еврейский писатель в то же самое время в Америке в своей книге. Эрих Кауфманн писал: "Мужчины-немцы, способные производить потомство, должны быть стерилизованы и, таким образом, должен быть уничтожен весь немецкий народ. Именно в это время была написана эта статья Гимера и я хочу здесь сказать, что такая реакция в "Штюрмере" была вызвана изданием этой книги в Америке. Офицеру, допрашивавшему меня, известно, что я неоднократно ссылался на эту книгу, это известно и моему защитнику, которого я даже просил представить эту книгу. Она была в "Фелькишер Беобахтер" и, если в Америке писатель Эрих Кауффманн может открыто требовать того, чтобы все немецкие мужчины, способные производить потомство, были стерилизованы для того, чтобы был уничтожен весь немецкий народ, то я говорю: око за око, зуб за зуб. Это дело теоретическое, журналистское.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФИТС ДЖОНС: Очень хорошо. Я уверен, что мы слышали ваше об'яснение. Посмотрим теперь, что вы скажете о вашей собственной статье в тот же самый день. Я цитирую с середины следующего абзаца:

"Но сейчас, в четвертый год этой мировой войны, евреи всего мира начинают понимать, что судьба еврейства осуществляется руками германских национал-социалистов".

Что вы хотите этим сказать? Мне, пожалуй, следовало бы начать цитату несколько ранее.

"Когда с началом второй мировой войны евреи начали проявлять себя, как военные торгаши, Адольф Гитлер об'явил всему миру с трибуны рейхстага, что мировая война, которая была

9345

H1199 – 0356

H1199 – 0357

вызвана мировым еврейством,будет иметь своим результатом самое уничтожение еврейства. Это пророчество было первым крупным предупреждением. Оно было встречено евреями насмешкой так же как и все последующие предупреждения".

Далее вы говорите:" Теперь, в четвертый год войны,мировое еврейство начинает понимать,что судьба еврейства и ее завершение находится в руках германского национал-социализма". Что вы хотели этим сказать?

ШТРЕЙХЕР: Как вы сказали?

ПОЛПОЛКОВНИК ГРИЗБИТС ДЖОНС: Что вы хотите сказать словами "судьба еврейства всего мира находится в руках национал-социализма"? Что вы этим хотели сказать,говоря,что национал-социализм является вершителем судьбы еврейства.

ШТРЕЙХЕР: Национал-социализм не мог быть вершителем судьбы,т.е. он не мог разрешить этот вопрос,т.к. фюрер вмешался в это дело. И это не было решением вопроса.Во время одного из допросов,я говорил,что я лично хотел окончательного разрешения этого вопроса и поэтому я с самого начала был против идеи попытаться разрешить еврейский вопрос погромами. И если я говорю о судьбе,которая должна быть уготована еврейству национал-социализмом,я хочу сказать,что только через национал-социализм мир убедится в том,что еврейский вопрос должен быть разрешен в международных масштабах.

ПОЛПОЛКОВНИК ГРИЗБИТС ДЖОНС: Давайте продолжать.

"То,что фюрер германского народа об'явил миру, как пророчество в начале второй мировой войны,сейчас исполняется,становится безжалостной неизбежностью. Мировое еврейство,которое хотело собрать большие дивиденды из крови сражающихся наций,сейчас гигантскими шагами идет к своей собственной гибели", - и опять все использовали слово "аусроттунг".Надо ли это понимать таким же образом,как это звучит,т.е. выполнение,к которому вы стремились,являлось предостережением ми-

ра против евреёства? Что вы хотели этим сказать "Несутся гигантскими шагами к своему собственному уничтожению "ауэроттунг"? Что вы хотели этим сказать?

ШТРЕЙХЕР: Здесь речь идет о предвидении фюрера. Но никто не мог правильно истолковать это предвидение. Мы цитировали это предсказание не только в этой статье, но и в 10 других мы все время повторяли эти предсказания. Первое такое предсказание появилось в 1929 г. Сегодня мы знаем, что хотел фюрер сказать этим. В то время мы этого не знали и я открыто признаю, что этой цитатой мы хотели предупредить евреев во всем мире - "против их угроз мы выдвигаем свою угрозу". Я должен для защиты сказать в этой связи, что один писатель д-р Людвиг Эмиль Кон, который эмигрировал во Францию из Германии, в журнале "Ле Каналь" писал в 1934 году следующее: "Гитлер не хочет войны, но он будет принужден к этому. Последнее слово будет за Англией".

ПОДПОЛКОВНИК ГРИНСПАН ДЖОН: Мы сейчас не обсуждаем течение войн. Мы сейчас говорим об уничтожении и массовых убийствах евреев национал-социалистами. Вот что мы обсуждаем. Я продолжаю цитировать: "Когда Адольф Гитлер 20 лет тому назад предстал перед германским народом и об'явил перед ним требования национал-социализма, которые относились к будущему, он также дал обещание, которое должно было иметь колоссальные результаты - освобождение мира от еврейских мучителей. Как замечательно осознавать, что этот великий человек и вождь за этим обещанием приступил к действию. Это величайшее событие в истории человечества".

И вы утверждаете, что в данном случае вы не преследовали целей пропаганды политики массового уничтожения, которую проводило нацистское правительство?

ШТРЕЙХЕР: Мы имели свободу печати и демократию и писатели могли говорить о любом предсказывании, которое возмож-

9247

H1199 – 0358

H1199 – 0359

но позднее и исполнялось, они могли об этом писать. Так это делал и я.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо.

ШТРЕЙХЕР: Но я для своей защиты должен заявить, г-н обвинитель, что и войны могут быть массовым убийством с их бомбами и т.п. И если доказано, что кто-то сказал, что мы принуждаем Гитлера вести войну, то я могу утверждать, что человек, знающий, что Гитлера принуждают вести войну, что он является массовым убийцей...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: С разрешения Трибунала я вновь должен вас прервать, т.к. мы сейчас не обсуждаем, был ли Гитлер насильно втянут в войну или нет. Мы сейчас об этом говорить не будем. Я хочу пойти далее и установить, говорите ли вы правду, заявляя, что когда вы писали эти статьи, вы не были достаточным образом осведомлены о том, что происходило на восточных территориях.

Мы дошли до января 1943 г. Я хочу, чтобы вы посмотрели на I - 2 отрывка из газеты "Израэлитишес Вохенблатт" и припомнили, читали ли вы один из этих отрывков.

Посмотрите на страницу 30-б в вашей папке "Б". Это номер от 26 февраля.

"Обмен сообщениями из кругов польского правительства в Лондоне, в которых говорится, что Варшава, Львов, Ловзь и другие города были "ликвидированы" и никто из жителей гетто не остался в живых. Последние расследования утверждают, что из 2.800.000 евреев осталось в живых всего 650.000".

Слушайте меня. Вы читали это? Вы помните эту газету?

ШТРЕЙХЕР: Этого я не знаю. Мы не получали этой газеты целые месяцы, может быть 1/2 года. Но если бы я и прочел это, я все равно не поверил бы этому.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вы верили Гитлеру? Переверните страницу и обратитесь к документу 30-б, верили ли

вы Гитлеру? В двух последних строчках в номере от 6 марта "Израэлитишес Вохенблатт" сказано следующее:

"Гитлер в своей прокламации от 24 февраля снова заявил, что его цель - уничтожение евреев в Европе". Итак, верили ли вы своему собственному любимому фюреру, когда он повторял то же самое, что говорили газета "Израэлитишес Вохенблатт", Об'единенные нации и газета "Таймс" в Лондоне.

ШТРЕЙХЕР: Нет, я заявляю здесь, что тот, кто знает фюрера как человека и знает все проявления его души так, как я, и затем позднее узнает из его завещания, что он совершенно сознательно дал распоряжение о массовом уничтожении, такой человек сначала стоит перед загадкой. Я заявляю...

ПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: В самом деле, нет необходимости нам опять заслушивать длинные речи о фюрере. Переверните страницу и посмотрите, что сказано в отрывке от 26 марта. "Опубликованный в английской прессе "Отчет польского правительства" говорит о следующем: "В г. Вильно 50.000 евреев было убито, в Ровно - 14.000, в Львове уничтожена половина всего еврейского населения". Приводится также много деталей о применении отравляющего газа в Кельме, о применении электричества в Бельцеке, о депортации из Варшавы, об окружении кварталов и домов и атак на них с пулеметами".

Вы читали это?

ШТРЕЙХЕР: Этого я не знаю. То, что должны были иметь место расстрелы в том случае, если евреи саботировали и т.п. это совершенно ясно и во время войны это считалось само собой разумеющимся явлением, но цифры, которые здесь приводились просто нельзя поверить.

ПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Да. Я понял, что вы говорите сейчас, но я не понимаю, что вы имели в виду, когда сказали сегодня утром, что газета "Израэлитишес Вохенблатт" не упоминала об убийствах и не приводила никаких цифр. Вы не

9245

H1199 – 0360

H1199 - 0361

говорили о том,что эти цифры не соответствуют действительности,вы под присягой заявили Трибуналу,что эта газета не содержала в себе ничего за исключением намеков на истребление евреев и не приводила никаких цифр.Что вы имели в виду?

ШТРЕЙХЕР: Я под присягой говорил правду, но возможно, я не все помню. В свое время я на допросе заявил,что по памяти,что есть какой-то номер этой газеты,в котором говорится об истреблении евреев и т.д. Это было в "Израелитишес Вохенблатт" /израильтский еженедельник/. И,мне кажется, что я говорил о 1943 годе. Это было правильно.Но если сейчас мне представляется одна статья за другой,как я могу все их помнить,если я их даже и читал.Во всяком случае я сознательно не говорил неправды под присягой.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЭВИС: Один момент,мы обратимся к статье за 1943 год,о которой вы упоминали,но до этого я хотел уточнить,верили ли вы работникам своей редакции.Обратитесь к стр. 38-А, это документ М-139 и относится к 6 мая 1943 года.Это произошло как раз после того времени, к которому относятся три отрывка из "Дас Израелитишес Вохенблатт",на которые мы ссылались. Через один - два месяца после опубликования этих статей ,ваша газета напечатала их эту статью. Она носит название "Дети дьявола".

Газета "Штюрмер" посетила гетто на востоке."Штюрмер" послал своего фотографа в различные гетто. Член редакции "Штюрмера" хорошо знаком и евреями.Ничего не может его легко поразить,но то,что увидел наш сотрудник в этих гетто для него было исключительным испытанием.Он писал: "То,что я видел своими глазами и своим аппаратом-лейкой, убедило меня в том,что евреи не человеческие существа, а дети дьявола и источник преступлений.Тяжело видеть,как мы мирились с тем,что эти отребья человечества в течение столетий

H1199 - 0362

считалось избранным богом народом - всеми не-евреями. Эта сатанинская раса не имеет права на существование".

Так что вы слышали, что происходило в гетто на востоке в 1942-43 гг.? Неужели вы хотите заявить Трибуналу, что этот ваш фотограф ходил со своим аппаратом по гетто и ничего не узнал о массовых убийствах евреев?

ШТРЕЙХЕР: Так точно, иначе он доложил бы нам об этом.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вы помните, варшавское гетто было уничтожено, стерто с лица земли в апреле 1943 года. Ваш фотограф, наверное, был это время как раз в районе этого гетто, поскольку ваша статья была напечатана 6 мая, очевидно, немедленно после его возвращения. Вы думаете, что он мог обследовать эти гетто для "Штюрмера", и для Юлиуса Штрейхера, преследователя евреев, и ничего не узнал о том, что произошло в варшавском гетто и в других гетто?

ШТРЕЙХЕР: Я помню только, что тотчас же после окончания войны с Польшей один корреспондент, венский сотрудник приехал туда, заснял фильмы и с 1942 г. прислал сообщения. Я попросил бы сказать - есть ли там подпись, кто это написал? Я знаю только то, что гетто было уничтожено. Это я читал в брошюре с иллюстрациями, которая, как мне кажется, была издана министерством пропаганды. Я считал, что уничтожение гетто во время восстания - это дело легальное. И я со своей точки зрения считал его правильным. А о массовых убийствах в варшавском гетто я ничего не слышал.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Сейчас обратитесь к статье (на стр.) 44-а документальной книги - статье, на которую вы ссылались несколько минут тому назад. Милорд, это тот же отрывок, что на стр. 53 оригинальной книги документов, он был представлен под номером 1965-ПС, ВВ-176., но на странице 44-а он приведен более подробно.

9257

H1199-0362

H1199 – 0363

Я хочу в последний раз спросить вас: говорите ли вы правду Трибуналу, заявляя, что вы не знали о том, что происходило? Вы цитируете статью из шведской газеты "Дас Израэлитишес Вохенблатт" от 27 августа 1943 года. Вы можете увидеть дату, милорд, в середине первого параграфа - я начинаю цитировать с середины параграфа. Швейцарская еврейская газета пишет: "Евреи в Европе, за исключением тех, которые находятся в Англии и незначительных еврейских общин в немногих нейтральных странах, так сказать, исчезли. Еврейские поселения на Востоке, которые могли бы противостоять силе ассимиляции на западе, более не существует". Это конец вашей цитаты из газеты и вы далее продолжаете: "Это не является еврейской ложью. На самом деле правда то, что евреи, так сказать, исчезли из Европы и что еврейские поселения на Востоке, из которых в течение столетий распространялась еврейская чума на европейские нации, перестали существовать Швейцарской газете можно верить, когда она говорит, что евреи не знали такого оборота дел, когда они ввергли народы во вторую мировую войну, этому можно верить, но еще в начале войны фюрер германской нации предсказал события, которые произошли. Он сказал, что вторая мировая война уничтожит тех, кто ее начнет".

Итак, говорите ли вы, когда эта статья была написана, что вы не знали, как понять слово "исчезновение", исчезновение евреев на востоке? Хотите ли вы это заявить Трибуналу?

ШТРЕЙХЕР: Так точно. Слово "исчезновение" не означает, что они массами уничтожались. Здесь речь идет о цитате из "Израэлитишес Вохенблатт" и является повторением того, что пророчил фюрер.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС-ДЖОНС: Посмотрите, пожалуйста, на статью, из которой вы цитировали, которую вы найдете на странице 36-В. Я бы хотел, чтобы вы следили за текстом, когда

я буду читать этот абзац,мы будем читать обе вдвоем вместе.Параграф,который я хочу зачитать в "Израелитишес Вохенблатт",является цитатой,которую я только что читал. Милорд,вы найдете эту цитату на восьмой строчке,считая от низа. "Евреи Европы..." Вы нашли это место,подсудимый?

ШТРЕЙХЕР: Я буду слушать вас.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИНСПЕН ДЖОНС: Нет,было бы лучше,если бы вы следили за текстом. Я хочу,насколько возможно,помочь вам. Это страница 44-а, и 36-б. Я сейчас вновь буду медленно цитировать сперва из вашего "Штюрмера"."Евреи в Европе, за исключением тех,которые находятся в Англии и небольших еврейских общинах в немногих нейтральных странах,так сказать,исчезли" И вы дальше увидите,что вы продолжаете цитату и говорите,что "еврейские поселения на востоке,которые могли бы противостоять силе ассимиляции на Западе,более не существуют".

Посмотрите вновь на статью в подлиннике,которая начинается так:"Евреи в Европе". - Это страница 36-б. "Евреи в Европе,за исключением тех,которые находятся в Англии и небольших еврейских общинах,а также в немногих нейтральных странах,так сказать,исчезли". Далее - здесь вы продолжаете - "Еврейские поселения на Востоке" в подлиннике сказано " Три миллиона умерших и такое же количество об'явленных вне закона,морально и физически разбиты".И после этого вы говорите данному Трибуналу,что 27 августа,или тогда,когда вы читали статью от 27 августа,вы не знали о том,что на Востоке убивают евреев, и Вы не читали об этом в газете "Израелитишес Вохенблатт".

ШТРЕЙХЕР: Это безразлично,читал ли я это или нет. Я бы все равно не поверил,что было убито 3 млн. евреев.И поэтому я это не цитировал. Во всяком случае немецкая цензура также не допустила бы распространение неправдоподобного материала.

9253

H1199 – 0364

H1199-0365

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не прочли последнюю часть этой строки

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: ..."морально и физически разбиты". Это - результат "нового порядка". Я вам весьма благодарен, милорд, вы сказали - "это результат нового порядка в Европе". Вы сказали, что вы не верили этому, это вы хотите сейчас сказать, что вы должны были читать это.

ШТРЕЙХЕР: Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Но вы просто не верили в это? Не так ли?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Даже если вы не верили этому, когда вы более или менее регулярно читали эту газету или когда ваш собственный фотограф был в гетто на Востоке, считали ли вы все же правильным, что ваша газета изо дня в день требовала уничтожения, убийства евреев?

ШТРЕЙХЕР: Это неверно, что каждую неделю мы требовали убийства. Это неправда. Я должен повторить, что эта реакция была ответом на заявление из Америки, убийства, массовые убийства в Германии, "око за око, зуб за зуб". И если еврей Эрих Кауффманн требует массовых убийств в Германии, то я, как журналист могу сказать: хорошо, пусть они тоже будут уничтожены, это, так сказать, журналистский прием /смех в зале/, так как массовые убийства уже давно были совершены, а мы ничего не знали о них. И я заявляю здесь, что если бы я знал, что в действительности происходило на Востоке, - я никогда не воспользовался бы этой цитатой.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Но, подсудимый, вы должны были знать об этом тогда, не так ли, после того, как вы читали эту статью, после того, как вами посылался фотограф, после опубликования декларации Об'единенными нациями, после неоднократного повторения пророчества Гитлера, после того, как вы заявили, что это пророчество претворилось в жизнь,

H1199-0366

вы все еще говорите, что вы не знали об этом?

ШТРЕЙХЕР: Фотограф находится в вашем распоряжении, он находится в Вене. Я прошу поставить его сюда и я заявляю здесь, что этот фотограф ничего не докладывал о массовых убийствах и не мог докладывать о них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, лучше сделать перерыв сейчас.

/ П е р е р ы в /.

МАРКС: Господин председатель! С разрешения суда, я хотел бы в интересах правильного выяснения обстоятельств дела указать на следующее: представитель обвинения господин Гриффите Джонс сослался на документ на стр. 38-а "Дер Штюрмер" от 6 мая 1943 года. Это, очевидно, ошибка, так как здесь речь идет о "Штюрмере" от 6 марта 1943 г. Эта дата имеет очень большое значение, т.к. если фотокорреспондент "Штюрмера" поместил в этой газете сообщение от 6 марта, то он, должен был посетить гетто в Варшаве до 6 марта 1943 г. Очевидно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему вы говорите 6 марта? Документ, который находится передо мной, датирован 6 мая.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я боюсь, что произошла ошибка в немецком переводе, который имеется у доктора Маркса. Передо мной лежит оригинал и он датирован 6 мая 1943 года.

МАРКС: Прошу прощения. Я в настоящий момент не помню, когда состоялось уничтожение варшавского гетто. Речь идет о документе № 1061-ПС.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я сейчас не помню номера этого документа, но, насколько я помню, он был датирован от 1 по 23 апреля.

МАРКС: Тогда мои возражения беспредметны. Я прошу прощения.

9955

H1199 – 0366

H1199 - 0367

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФИТС ДЖОНС: Мы только что занимались номером "Израэлитишес Вохенблатт" от 27 апреля. Я говорю о том экземпляре, из которого вы цитировали. Я хочу сейчас сослаться еще на один номер этой газеты. Посмотрите сейчас на страницу 37-Б, которая представляет собой отрывок из номера от 10 сентября 1943 года.

"Статистика, предоставленная Комитетом, показывает, что 5 мил. из 8 с половиной мил. евреев в Европе умерли или были вывезены. Путем применения принудительного труда и депортации было уничтожено около трех миллионов евреев".

Вы читали этот отрывок?

ШТРЕЙХЕР: Я не знаю. А если бы я и читал, то я бы не поверил бы. Я и по сей день еще не верю, что было убито 5 миллионов человек. Я считаю, что это технически невозможно. Я не верю этому. Доказательств же этого я до сих пор не получал.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФИТС ДЖОНС: Совершенно ясно, что здесь, в "Израэлитишес Вохенблатт" дано очень большое количество цифр, относящихся к тому периоду, который мы сейчас обсуждаем? Как оказывается, очень много цифр, не так ли?

ШТРЕЙХЕР: Простите, что вы сказали?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФИТС ДЖОНС: Мы будем продолжать. Сейчас я хочу преоставить вам одну или две из написанных вами статей. Вы помните, что я сказал: Вы побуждали германский народ к убийству. Мы знаем сейчас, что вы по крайней мере читали одну статью в "Израэлитишес Вохенблатт", где упоминается об убийстве. Я хотел бы далее обратиться к тому, что вы сами печатали в вашей газете вскоре после этой даты.

Посмотрите на страницу 47-А. Это ваша собственная статья от 6 января 1944 г. Это было напечатано после того, как вы уже некоторое время жили в вашем имении.

"После национал-социалистского восстания в Германии, в

Европе также началось движение, от которого можно было ожидать, что оно раз и навсегда освободит континент от еврея-мучителя народов и эксплоататора. Более того, пример Германии после победного окончания второй мировой войны принесет уничтожение мира еврейских мучителей также и на других континентах. "Какой же пример показал германский народ другим народам мира?" Какой пример вы здесь имеете в виду?

ШТРЕЙХЕР: Эта статья как раз говорит за то, о чем я здесь все время говорил. Я говорил о разрешении еврейского вопроса в международном масштабе. Я был убежден в том, что если Германия победит или победила бы в этой войне с большевизмом, то тогда все страны мира могли бы притти к соглашению друг с другом и добиться разрешения еврейского вопроса в международном масштабе. И если я здесь писал об уничтожении, то это не следует понимать, как уничтожение путем массового убийства. Это ни больше, ни меньше, как просто выражение. Я хотел бы указать на то, что я не верю, что Эрих Кауфманн действительно хотел уничтожить немцев посредством стерилизации. Но он писал об этом. Точно также и мы иногда писали в ответ на то, что исходило до нас из другого мира.

ПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Вы до сих пор еще не сказали, что за международное разрешение вопроса Вы предлагаете, говоря об уничтожении. Если это не убийство, то что же это такое? Что это за разрешение?

ШТРЕЙХЕР: Да, я уже сказал, что я создал союз антисемитов. Как раз с помощью этого союза, мы хотели вопросить среди народов, среди наций такие движения, которые могли бы, после своего зарождения, действуя через голову правительств создать возможность разрешения еврейского вопроса в международном масштабе. Примером этого может служить

3257

H1199 – 0368

H1199 – 0369

панный процесс.Я представляю себе все дело таким образом,- с помощью созыва международного конгресса разрешить еврейский вопрос,а именно притти к решению о создании еврейского государства и,таким образом,уничтожить власть евреев над другими народами.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Таким образом,вы хотите сказать,что вы предлагали создание еврейского государства? Таким образом,все это настолько просто об'ясняется? Вы просто предлагали создание еврейской национальной родины.Так вы это имели в виду во всех тех отрывках,которые здесь зачитывались? Вы стояли именно за такое разрешение вопроса?

ШТРЕЙХЕР: Я не знаю,чего вы хотите добиться своим вопросом. Да, в этом заключалось решение вопроса.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Очень хорошо. Давайте продолжим. Обратитесь сейчас к странице 48-А,отрывок от 24 января 1944 г.

"Кто бы ни делал того,что делает еврей,является преступником,а тот,кто повторяет или тот,кто хочет подражать ему, заслуживает той же самой судьбы - уничтожения, смерти". Вы все еще выступаете за национальную еврейскую родину?

ШТРЕЙХЕР: Да, это так,но это ничего не имеет общего с великими намерениями внешнеполитического характера.Если вы возьмете какое-либо высказывание журналиста или любое высказывание из периодической печати,и захотите тем самым показать существование определенных политических целей,то это вам не удастся сделать. Вы должны делать различие между газетной статьей и великой политической целью.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Перейдем к следующей странице,это от 2 марта 1944 года:

"Вечная ночь должна войти на расу евреев,рожденную преступной , с тем,чтобы вечный день,который наступит,мог

сделать счастливым просыпающееся не-еврейское человечество".

В этом национальном еврейском государстве предполагалось иметь вечную ночь? Вы именно этого хотели?

ШТРЕЙХЕР: Это антисемитское образное выражение. Это также не имеет никакого отношения к великим политическим целям.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Это, может быть, антисемитская игра слов, но единственный смысл их - это убийство. Разве это не так?

ШТРЕЙХЕР: Нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я обращаю ваше внимание на следующую страницу. Это отрывок от 25 мая 1944 г. Я напоминаю вам, что это было написано после того, как вы прочли в "Дарчлитишес Вохенблатт" об убийствах. Цитирую второй абзац: "Как можем мы избегнуть этой опасности и возвратить человечеству здоровье? Так же, как отдельное человеческое существо, способно защищать себя против заразных болезней, лишь если оно об'явит войну против причины болезней, бацилл, так и миру можно вернуть здоровье лишь тогда, когда наиболее ужасная бацилла всех времен - еврей будет уничтожен. Нет смысла бороться против внешних симптомов этой мировой болезни, не уничтожив причины этой болезни. Эта болезнь должна выявиться рано или поздно. Причина и носитель этой болезни сами повлекут за собой ее выявление, но если нации должны быть возвращены к здоровью и должны быть здоровы в будущем, тогда бацилла еврейской мировой чумы должна быть уничтожена с корнем". Вы это имели в виду? Вы хотите сказать, что когда вы говорили - "должны быть уничтожены с корнем", вы имели в виду "им следует дать еврейское национальное государство".

ШТРЕЙХЕР: Да, но мне кажется, что между таким высказыва-

H1199-0370

H1199 – 0371

низм в статье и делом или желанием осуществить массовое убийство есть большая разница.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЭВИС: Перейдем к выдержке от 10 августа: когда они потерпят поражение в борьбе,евреи мира будут разорены; тогда еврей будет уничтожен. Тогда евреи мира будут уничтожены до последнего человека.Должны мы понимать эти слова: предоставить евреям еврейское национальное государство.

ШТРЕЙХЕР: Это взгляд в будущее. Я хотел бы сказать, что это просто пророческое высказывание о будущем.Но это не требование убивать миллионы евреев. Это выражение каких-то взглядов и является делом убеждения.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЭВИС: Это пророческое предвидение того,что вы хотели и за что вы выступали в течение последних четырех лет с самого начала войны.Ведь это было так?

ШТРЕЙХЕР: Господин обвинитель,что в те или иные моменты несколько лет тому назад,когда я писал статью,я думал, я не могу сейчас сказать. Но я признаю,что когда у меня на столе лежали еврейские признания, во многих из которых говорится о том,что германский народ должен быть уничтожен, бомбардируйте германские города не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей,если перед вами такие откровения вполне возможно, выходит то,что я именно и писал.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЭВИС: Вы знаете,не так ли,сейчас,если вы даже не верите в эти цифры,что миллионы евреев были убиты с начала войны. Знаете ли вы это? Вы слышали показания по этому поводу, не так ли?

ШТРЕЙХЕР: Я не верю...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЭВИС: Я хотел только знать,слышали ли вы показания по этому поводу,или нет? Предполагаю, что вы дадите утвердительный ответ.

Ухо

ШТРЕЙХЕР: Да. Я должен сказать, что показательным материалом для меня является только завещание фюрера. В этом завещании он заявляет, что массовые убийства проводились по его приказу. Теперь я верю в это.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Считаете ли вы, что было бы возможно провести уничтожение 6 миллионов евреев в 1921 году? Считаете ли вы, что немецкий народ был бы за это? Думаете ли вы, что было бы возможно при любом режиме в 1921 году провести убийство 6 миллионов мужчин, женщин и детей еврейской расы?

ШТРЕЙХЕР: Возможно ли это? Это не было бы возможно, если бы об этом знал народ. Здесь Обвинитель сам заявил, что с 1937 года партия взяла в свои руки контроль над всей жизнью народа. Если бы народ и знал об этом, то он, как считает Обвинение, ничего не мог бы сделать против существующей диктатуры ввиду этого контроля. Но народ ничего не знал. Я верю в это, я убежден в этом, я знаю это.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Возможно ли было уничтожить людей таким образом, после, примерно, всего 20 лет подстрекательства и пропаганды, проводимой вами и другими нацистами? Очевидно, именно эта деятельность сделала убийства возможными?

ШТРЕЙХЕР: Я оспариваю то, что народ подстрекался. Иногда с нашей стороны было произнесено некоторое жестокое слово, как ответ на выступление противной стороны. Но это было разъяснение, а не подстрекательство. Если мы хотим устоять перед мировой историей, то мы должны все время констатировать следующее: немецкий народ не желал никаких убийств, ни единичных, ни массовых.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я не собираюсь позволить вам еще раз углубляться в историю германского народа. Я хочу только напомнить вам о том, что вы говорили.

H1199 – 0372

H1199 – 0373

ШТРЕЙХЕР: Адольф Гитлер...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Я хочу напомнить вам о том, что вы говорили вчера. Я прочту со стенографической записи. Вы говорите о еврейском вопросе в то время, имеется в виду 1923 год, "я бы хотел сказать, что народ отличал евреев только по их религии. Говорить тогда о еврейской проблеме было бы бессмысленно". Было ли это так, потому что еврейской проблемы тогда не существовало. Она была создана вами и нацистским режимом?

ШТРЕЙХЕР: Моей целью, и я частично достиг этой цели, было следующее. Если законы запретили бы когда-либо общение между лицами разной крови, то тогда общественность должна была бы знать, что еврей - это не религия, это народ, это раса. Я помогал создавать эту основу. Но массовые убийства евреев - не были следствием таких раз'яснений или, как это называет обвинение, подстрекательств. Эти массовые убийства были последним актом воли отчаявшегося в победе великого человека в мировой истории.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: У меня нет больше вопросов. Но, пожалуй, мне следовало бы рассортировать пред'явленные мною документы и сообщить Трибуналу номера моих доказательств. Если Трибунал согласится, то те документы, которые я представил, как доказательство, которые представляют собой часть другой папки, не той, из которой я цитировал; может быть Трибунал разрешит мне представить их все под одним номером и передать номера доказательств секретарю. Мне кажется, так будет наиболее удобно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, вы правы. Если эти документы в одной папке и если вы имеете в виду дать один номер целому ряду документов, то следует их все поместить в одну папку, не так ли?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Маркс, вы хотите задать дополнитель-

9762

ные вопросы?

МАРКС: Я не считаю нужным делать это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае подсудимый может вернуться на свое место. Д-р Маркс,вы будете продолжать сейчас представление доказательств по делу вашего подсудимого?

МАРКС: С разрешения Трибунала я вызываю в качестве свидетеля Фрица Геррвегта./В зал вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя полностью.

ГЕРРВЕГТ: Фриц Геррвегт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги:

"Клянусь Богом,всемогущим и всевидящим,что я буду говорить чистую правду,ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

МАРКС: С какого времени вы знаете подсудимого Штрейхера?

ГЕРРВЕГТ: Со времени партийного с'езда в 1934 году.

МАРКС: Когда вы поступили к нему на службу и в качестве кого?

ГЕРРВЕГТ: 15 октября 1934 года в Нюрнберге я был принят на работу не лично к господину Штрейхеру,а в городской автопарк и оттуда я был назначен на работу к тогдашнему гаулейтеру Штрейхеру.

МАРКС: Когда вы ушли с работы?

ГЕРРВЕГТ: В августе 1943 года.

МАРКС: По какой причине?

ГЕРРВЕГТ: У меня произошла личная ссора,причем в основном я был виноват в этом сам.

МАРКС: Вы выполняли какую-либо другую работу,когда были на службе у Штрейхера?

ГЕРРВЕГТ: Да.

МАРКС: Чем же вы занимались?

9763

H1199 – 0374

H1199 – 0375

ГЕРРВЕРТ: Я делал все,что приходилось. В последнее время я занимался сельскохозяйственными работами.

МАРКС: Так что вы очень много времени находились вместе со Штрейхером?

ГЕРРВЕРТ: Да.

МАРКС: И,таким образом, вы знаете о всех важнейших событиях того времени?

ГЕРРВЕРТ: Я не знаю,что вы называете важнейшими событиями. Были вещи,в которые я не был посвящен.Я по крайней мере так предполагаю.

МАРКС: Тогда я буду спрашивать вас более конкретно.

ГЕРРВЕРТ: Хорошо,пожалуйста.

МАРКС: Подсудимый Штрейхер обвиняется в том,что он санкционировал и участвовал в проведении различных мероприятий против евреев. Известен ли вам хоть один случай?

ГЕРРВЕРТ: Мне неизвестен ни один случай.

МАРКС: Подождите,пока я кончу.Я тогда вам скажу:"конец вопроса". Вы 9 ноября 1938 года отвозили Штрейхера из Мюнхена в Нюрнберг. И когда это было? /Конец вопроса/.

ГЕРРВЕРТ: Это было 9 ноября,точное время я не помню. Штрейхер в тот раз раньше уехал из Мюнхена.Это было,может быть,часов в девять.

МАРКС: Знал ли Штрейхер,возвращаясь,что ~~ночью~~ ночью должно было быть предпринято что-то против евреев?

ГЕРРВЕРТ: Нет, он об этом не знал.

МАРКС: Не были ли вы ночью 9 ноября свидетелем беседы Штрейхера с СА-фюрером фон Обернитц?

ГЕРРВЕРТ: Да, был.

МАРКС: Где состоялась эта беседа?

ГЕРРВЕРТ: Я должен начать немного издалека,отвечая на этот вопрос. Обычно господин Штрейхер отправлялся спать в моем сопровождении или в сопровождении швейцара.В

H1199 – 0376

тот вечер господин Штрейхер отправился спать раньше обычного. Причины этого я не знаю. Моя работа кончилась и я от г-на Штрейхера поехал в казино при "гаулейтерстве",которое находилось в подвальном помещении гаулейтерства на Шлагетерштрассе.Я играл там в карты, и тупа пришел бывший обергруппенфюрер СА фон Обериц и обратился ко мне,назвав меня, как обычно"Фриц".

Бывший обергруппенфюрер СА ф.Обериц пришел в гаулейтерство и сообщил мне, что ему срочно нужно поговорить с господином Штрейхером. Я ответил ему, что господин Штрейхер уже лег спать. Он сказал,что нужно разбудить его и что он сам будет за это отвечать,но дело очень важное. Г-н фон Обериц поехал в моей машине на домой к господину Штрейхеру. Спальня господина Штрейхера находилась как раз над моей квартирой. У меня были ключи и я мог притти к нему в любую минуту. По пути к дому Штрейхера мне бросилось в глаза то,что по улицам шло большое количество членов СА. Я спросил г-на фон Оберница,что это должно означать? Г-н фон Обериц ответил,что сегодня ночью что-то должно случиться,должны быть разрушены дома евреев и их квартиры. Больше он мне ничего не сказал. Я проводил г-на фон Оберница до спальни господина Штрейхера и г-н фон Обериц затем положил господину Штрейхеру о том,что должно произойти ночью. Детали мне сейчас уже неизвестны особенно хорошо но мне кажется,что он сказал,что сегодня ночью должны быть разрушены квартиры евреев. Господин Штрейхер,если я могу так выразиться, был удивлен.Он ничего не знал об этом. Штрейхер сказал г-ну фон Оберницу,я это очень хорошо помню дословно следующее: "Это неправильно.Так нельзя решать еврейский вопрос. Делайте то,что вам положено,но я не буду участвовать во всем этом. Если я вам буду нужен, то придите за мной".Я также помню,что господин фон Обериц

9705

H1199 – 0376

H1199 – 0377

после этого заявил: "Гитлер сказал,что СА следует предоставить,наконец, возможность "побушевать",и это будет искуплением за случившееся в Париже с Эрнстом фон Рат.Господин Штрейхер остался в постели и не выходил в эту ночь из своей комнаты.

МАРКС: Не говорил ли г-н фон Оберниц о том,что в эту ночь должны быть подожжены синагоги?

ГЕРРВЕРТ: Мне кажется,что да. Но насколько мне известно, господин Штрейхер отрицательно отнесся и к этому,так как синагога была подожжена профессиональной пожарной командой и,насколько мне известно,по поручению г-на фон Оберница.

МАРКС: Откуда вы это знаете?

ГЕРРВЕРТ: Я сам присутствовал.

МАРКС: Вы сами лично наблюдали за этим?

ГЕРРВЕРТ: Да. Я был около синагоги в эту ночь.

МАРКС: Скажите, на каком основании вы сделали вывод, что поджигали профессиональные пожарные?

ГЕРРВЕРТ: На чего это можно заключить, я не знаю Но я видел,как они это делали, как пожарные поджигали /смех/.

МАРКС: Скажите,вы что,видели,как поджигали синагогу, или вы пришли,когда здание уже горело?

ГЕРРВЕРТ: Здание еще не горело,но пожарные были уже там. /В зале смех/.

МАРКС: Это правильно?!

ГЕРРВЕРТ: Я другого ничего не могу сказать.

МАРКС: Не сказал ли тогда господин Штрейхер,что он боится новой волны возбуждения в мировой печати,если будут подожжены синагоги? Он сказал,почему он отрицательно отнесся к этому мероприятию?

ГЕРРВЕРТ: Мне кажется, что да,но точно я сказать не могу. Но насколько я помню об этом шла речь.

9786

МАРКС: Фон Обериц не сказал ли вам чего-нибудь о том, от кого он получил этот приказ?

ГЕРРВЕРТ: Фон Обериц употребил тогда такое выражение: "Гитлер сказал, что СА нужно предоставить возможность побушевать".

МАРКС: Правильно ли,что вы,свидетель,в ту же ночь сообщили своей супруге об этой беседе Оберница и Штрейхера?

ГЕРРВЕРТ: Мне кажется,что о беседе я ей не говорил. Когда я спускался к себе домой вниз, я сообщил своей жене, что я очевидно приду немного позднее домой, что я задержусь,т.к. сегодня будет проведено это мероприятие.Я ей коротко рассказал,что произошло,но относительно беседы я не сказал ничего.

МАРКС: Вы затем были в Плейкерегофе, когда Штрейхер вынужден был выехать туда и выехал.

ГЕРРВЕРТ: Да.

МАРКС: Не помните ли вы случая, когда будущая жена Штрейхера говорила о событиях в Магдебурге,разыгравшихся там в ту же ночь?

ГЕРРВЕРТ: Нет,мне об этом ничего неизвестно.

МАРКС: Вы не обратили внимания госпожи Меркель на то, что она не заводила разговоров на эту тему,в виду того,что это очень волнует господина Штрейхера?

ГЕРРВЕРТ: Я помню,как господин Штрейхер однажды сказал, что его предположения оказались справедливыми,а именно,что вскоре после этой ночи к нему дошли сведения,что,например, стекло для разбитых витрин магазинов следует вновь покупать в Голландии. Г-н Штрейхер тогда сказал: - Вот первое подтверждение правильности моего мнения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту,доктор Марко.

Сэр Дэвид будет ли удобно вам и защитнику подсудимого фон Шираха,если мы обсудим вопрос о документах завтра утром в 9.30?

H1199 – 0378

H1199 – 0379

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ Файф: Сейчас я выясню,милорд.Да, защитник фон Шираха говорит,что это для него подходит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо,таким образом,завтра утром в 9.30.

МАРКС /обращается к свидетелю/: Могли ли вы наблюдать во время своего пребывания в Плойкерсгофе позиции Штрейхера по еврейскому вопросу; каково было его отношение к "Израелитишес Вохенблатт"?

ГЕРВЕРТ: Что вы хотите опять об этой "Израелитишес Вохенблатт"? Господин Штрейхер получал эту газету.

МАРКС: Он регулярно получал эту газету?

ГЕРРВЕРТ: Да,я думаю,что это я могу утверждать, я всегда видел у него большие кипы газет и "Израелитишес Вохенблатт".Они поступали регулярно.

МАРКС: Господин Штрейхер утверждает,что в первые годы войны у него были большие трудности с получением этой газеты и что полиция снабжала этой газетой не так уж свободно?

ГЕРРВЕРТ: Да,может быть. Я не знаю,какого года издания и периода были эти газеты. Я видел их и это все.Сегодня мне уже трудно сказать,за какой год были эти газеты.

МАРКС: Ведь вы говорите,что там были целые кипы газет?

ГЕРРВЕРТ: Да, но там были и другие газеты,например, швейцарские газеты,а также и номера " Израелитишес Вохенблатт".Там всегда было много газет и среди них был и "Израелитишес Вохенблатт".Но я не могу сказать,сколько их было.

МАРКС: Не говорил ли вам господин Штрейхер,что-нибудь о том,что ему известно,что происходит на востоке и о том, что происходило в концентрационных лагерях на Востоке?

ГЕРРВЕРТ: Ну,что вы,господин Штрейхер ничего не об этом вообще не знал. Как он мог об этом говорить,если он

ничего об этом не знал. Во всяком случае,я в этом убежден.

МАРКС: А вы лично беседовали с ним на эту тему?

ГЕРРБЕРТ: И мне ничего об этом неизвестно,и я об этом также ничего не знал.

МАРКС: Скажите,вам ничего не было известно относительно одного письма,в котором рейхсфюрер СС Гиммлер делал упреки Штрейхеру за то,что он слишком хорошо обращался с французскими военнопленными? Вы поняли мой вопрос?

ГЕРРБЕРТ: Да, я понял,но я должен это сначала вспомнить.Мне известно,что однажды Штрейхер говорил относительно обращения с пленными. Я знал,что с французами очень хорошо обращались. Но я не знаю получил ли он в связи с этим письмо от Гиммлера,и было ли причиной это хорошее обращение?

МАРКС: Вы не знаете,что причиной этого письма было слишком хорошее обращение с военнопленными французами?

ГЕРРБЕРТ: Нет,я этого не знаю. Я знаю,что г-н Штрейхер говорил,что ему делали упреки за хорошее обращение с пленными французами,но я не знаю,было ли это связано с получением письма от Гиммлера. Но я не думаю,что нашелся хотя бы один француз,который мог бы пожаловаться на дурное обращение.

МАРКС: Скажите,вы предупреждали тогда,когда французы прощались?

ГЕРРБЕРТ: Нет.

МАРКС: Не известен ли вам случай, когда руководитель издательства Фink пришел в сад при доме Штрейхера и сознался в том,что он сообщил полиции неправду относительно акций?

ГЕРРБЕРТ: Этот вопрос следует детализировать,г-н адвокат, т.к. мне не все известно,лишь отдельные моменты. Мне известно, что этот бывший директор Фink,стоя в слезах пе-

9769

H1199 – 0380

H1199 – 0381

рэц Штрейхэром и волил, он сам ругал себя и говорил,что он негодяй и предатель. Но почему он это говорил,я не знаю,так как господин Штрейхэр ушел с господином Финком в глубину сада. Я знаю,что г-н Финк плакал и занимался самобичеванием.

МАРКС: Известно ли вам,что Штрейхэр помог освобождению представителей коммунистической и социал-демократической партий из лагеря Дахау?

ГЕРРБЕРТ: Да,мне это известно.

МАРКС: Сколько их было?

ГЕРРБЕРТ: Я не знаю.Это происходило почти каждый год на рождество. Каждый год таких людей приблизительно было от 100 до 150 человек. Они прибывали из Дахау. Г-н Штрейхэр приглашал их в отель "Дейтчэр Гоф",там устраивал им за свои деньги ужин и,насколько мне известно,там эти люди встречались со своими близкими,т.е. там организовывалась эта встреча заключенных со своими семьями. Господин Штрейхэр заботился также о том, чтобы все эти бывшие заключенные получили работу и сам лично проявлял заботу о них.

МАРКС: Скажите,он действительно устраивал отдельных лиц из числа заключенных после их освобождения на работу?

ГЕРРБЕРТ: Да.

МАРКС: Что вам известно об этом?

ГЕРРБЕРТ: Я знаю,что трое из них были устроены на мотоциклетный завод Марса /"Марс-Верке"/.Я помню,что Штрейхэр поручил тогда уполномоченному Германского Трудового Фронта предоставить этим людям работу.

МАРКС: Как вел себя Штрейхэр,когда он узнал,что члены партии приобретают за очень небольшую цену автомобили и виллы,ранее принадлежавшие евреям?

9770

ГЕРРБЕРТ: Я помню как раз то время, когда господин Штрейхер вернулся из Берлина. Я не знаю, был ли г-н Штрейхер осведомлен об этих покупках. Но во всяком случае, когда он прибыл из Берлина, где он слышал высказывания г-на Геринга относительно этой закупки домов по дешевой цене, то г-н Штрейхер на вокзале в Нюрнберге сказал, и это я сам слышал, что нужно сделать так, чтобы эти покупки были недействительны. Я лично знаю только одного члена партии, который купил такой дом. Я не знаю, было ли таких случаев много.

МАРКС: Известно ли вам, что за Штрейхером следило в его усадьбе гестапо, и что было запрещено посещать его там?

ГЕРРБЕРТ: Отвечая на первый вопрос я должен сказать, что я не могу с уверенностью заявить, были ли там чиновники уголовной полиции. У меня нет официального доказательства. Я не могу утверждать, что за г-ном Штрейхером официально следили, но это можно предположить. Я знаю одну женщину, которая говорила, что ее арестовали в лесу, когда она шла с вокзала в усадьбу. О чем вы меня еще спросили, господин адвокат?

МАРКС: Было ли запрещено посещать его?

ГЕРРБЕРТ: Да. Я очень часто встречался с отдельными членами партии в городе. Когда я спрашивал их, они отвечали - туда запрещено ходить, а когда я спрашивал, - кто, собственно, издал этот запрет, то они, если можно так выразиться - отмалчивались. Но до меня доходили слухи, что этот запрет был издан тогдашним заместителем фюрера г-ном Гессом.

МАРКС: Известно ли вам что-нибудь о том, что когда Штрейхер узнавал, что совершаются или предполагаются какие-либо насилия по отношению к евреям или другим политическим противникам, - то он сразу же пресекал их.

ГЕРРБЕРТ: Да, по крайней мере судя по его высказываниям. Он всегда говорил, что это неправильно.

9271

H1199-0382

H1199 – 0383

МАРКС: Известен ли вам какой-либо случай, когда он принимал какие-нибудь меры против лиц, которые применяли насилие. Если вам это неизвестно, скажите - я не знаю.

ГЕРРВЕРТ: Сейчас я не могу вспомнить такого случая.

МАРКС: Известно ли вам что-либо об акциях, об акциях Марса, что вам известно об этом?

ГЕРРВЕРТ: Я знаю об этом из рассказа самого Штрейхера. Я сам не был свидетелем этих событий, но господин Штрейхер рассказывал мне о том, как все это происходило. Должен ли я вкратце сейчас рассказать вам об этом?

МАРКС: Да, только очень коротко.

ГЕРРВЕРТ: Господин Штрейхер был (в партийной бане). К нему пришли директор Фиик и его тогдашний ад'ютант Кениг и предложили г-ну Штрейхеру купить акции. Господин Штрейхер спросил, что это за акции. Ему ответили - это акции заводов Марса. Сколько их? Ответ: "На 100 тысяч марок. - А сколько они стоят? Ему сказали - пять тысяч марок. Тогда г-н Штрейхер спросил, почему же так дешево? Фиик, мне кажется, наконец, ответил - потому, что эти акции принадлежали евреям.

Тому, кто Штрейхера знает также хорошо, как я, известно, что Штрейхер никогда ничего не брал у евреев. Он категорически отказался от этого предложения. Спор был разрешен, но после этого гаулейтеру Штрейхеру внезапно пришла в голову мысль, что он с помощью этих денег сможет выстроить третий дом для управления гаулейтера. Выходя на биже он обратил внимание двух вышеупомянутых господ на это обстоятельство. Тогда они решили купить эти акции. Но г-н Штрейхер запретил использовать на эту покупку партийные деньги. Они опять остановились в нерешительности. И г-н Штрейхер сказал, что он дает авансом 5.000 марок. Таким образом этот вопрос был разрешен.

9992

Последующие события я наблюдал сам. Примерно спустя полтора года после переговоров г-на Штрейхера в Мюнхене, где он проводил отпуск, ко мне пришла жена обергруппенфюрера НСКК /НСКК - национал-социалистский автокорпус/ Шюлера и спросила меня - знаю ли я, что в Нюрнберг опять прибыла уголовная полиция, занимающаяся делом Штрейхера. Я ответил (и сказал) г-же Шюлер отрицательно - если вы хотите что-либо узнать то поезжайте в имение к господину Штрейхеру, он даст вам все нужные раз'яснения. Спустя примерно 14 дней или 3 недели я встретил директора "Штюрмера" Фишера, который был преемником г-на Финка. Он сказал мне, что все акции вместе с 5 тысячами марок конфискованы. Он сказал мне, что сегодня ему звонили из опекунского общества и сообщили г-ну Фишеру, что они перевели на счет "Штюрмера" те 5 тысяч марок, которые внес когда-то господин Штрейхер для покупки этих акций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не думаете ли вы доктор Маркс, что свидетель слишком вдается в детали.

МАРКС: Да.

ГЕРВЕРТ: Хорошо, я буду говорить короче. Один человек из опекунского общества сказал, что 5.000 были отданы обратно, т.к. выяснилось, что г-н Штрейхер не виновен.

МАРКС: Скажите, вы присутствовали на процессе Верховного партийного суда?

ГЕРВЕРТ: Да.

МАРКС: Что говорил там господин Финк? Не признался ли он в том, что сказал неправду?

ГЕРВЕРТ: Я не присутствовал на допросе господина Финка.

МАРКС: Ну, хорошо. Я вас еще спрошу только об одном. Вы присутствовали, когда имел место этот случай в Мюнхене в отеле при помощи художников? Я имею в виду случай с тем чело-

9273

H1199 – 0384

H1199 – 0385

веком,который наповлял все время господину Штрейхеру?

ГЕРРВЕРТ: Да.

МАРКС: Опишите коротко это событие.

ГЕРРВЕРТ: Я знаю,что господин Штрейхер покушал и затем покинул этот ресторан.Я теперь всего точно не помню, но постараюсь об'яснить,как могу. Господин Штрейхер хотел уже покинуть ресторан,но в это время к господину Штрейхеру подошел человек и заговорил с ним,я хотел бы сказать, непозобающим образом. Господин Штрейхер прошел дальше.Его очень удивило это, но так как человек от него не отставал, то он спросил нас,сопровождавших его, знаем ли мы этого человека. Этого человека никто не знал. После этого г-н Штрейхер попросил своего сына Лотара вернуться в ресторан и поговорить с этим человеком и спросить его,как он осмелился вести себя таким образом. Лотар вернулся и сообщил,что этот человек вел себя также дерзко.

МАРКС: Я попрошу вас говорить короче.Что произошло в тот день и что побудило вас,а также и господина Штрейхера применить силу?

ГЕРРВЕРТ: Поведение этого человека.

МАРКС: Что же произошло потом?

ГЕРРВЕРТ: Господин Штрейхер попросил хозяина предоставить ему комнату и говорил потом лично с этим человеком в отдельной комнате,которую по его просьбе предоставил ему хозяин, но и здесь этот человек оставался таким же дерзким.Сын Штрейхера Лотар первый начал драку. Этот человек оказался весьма сильным,но тут вступились все мы и справились с ним.

МАРКС: Хорошо. Я окончил допрос этого свидетеля,господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто-либо из защитников еще хочет поставить вопросы свидетелю? Желает ли обвинение подвергнуть

свидетеля перекрестному допросу? В таком случае свидетель может удалиться.

/Свидетеля уводят/.

МАРКС: Следующим свидетелем я прошу вызвать Вурцбахера, если он здесь. Его нет? Ну, хорошо./Обращается к коменданту суда/: - Я не знаю, кто из свидетелей находится сейчас в комнате свидетелей. Есть там кто-нибудь? Вурцбахер? Гиммер?

КОМЕНДАНТ СУДА: Здесь находится фрау Штрейхер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А свидетеля Вурцбахера здесь нет?

КОМЕНДАНТ СУДА: Я сейчас проверю, сэр. Некоторое время тому назад его здесь не было. Его не вызывали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каких свидетелей вы еще вызывали, доктор Марко?

МАРКС: Теперь можно вызвать жену подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, вызовите ее сейчас.

КОМЕНДАНТ СУДА: Свидетель Штробель сейчас может быть вызван.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс желает вызвать госпожу Штрейхер.

МАРКС: Прошу прощения, господин председатель, если вызов этой свидетельницы связан с каким-то затруднением, то можно вызвать свидетеля... /В зал входит свидетельница/.

Показания свидетельницы Адели Штрейхер

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя полностью.

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Адель Штрейхер, урожденная Таппе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги:

"Клянусь Богом, всемогущим и всевидящим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетельница повторяет слова присяги/.

Садитесь, пожалуйста.

3775

H1199 – 0386

H1199 – 0387

МАРКС: Вы урожденная Таппе и родились в Магдебурге?

А. ШТРЕЙХЕР: Да.

МАРКС: Вы были членом НСДАП или национал-социалистской женской организации?

А.ШТРЕЙХЕР: Нет.

МАРКС: Когда вы стали секретарем господина Штрейхера и как долго вы занимали эту должность?

А.ШТРЕЙХЕР: 7 июня 1940 года я стала секретарем Юлиуса Штрейхера. Я оставалась на этой должности до конца войны.

МАРКС: Так что в это время вы постоянно находились в его имении?

А.ШТРЕЙХЕР:Да, я постоянно была с ним.

МАРКС: Скажите,вы также занимались всей корреспонденцией г-на Штрейхера?

А.ШТРЕЙХЕР: Да.

МАРКС: В чем состояла в основном эта корреспонденция?

А.ШТРЕЙХЕР: В основном это были письма его сыновьям и родственникам.

МАРКС: Чем занимался господин Штрейхер в этот период, охватывающий 5 лет.

А.ШТРЕЙХЕР: Господин Штрейхер занимался,в основном физическим трудом в эти годы,т.е. сельским хозяйством,садоводством,время от времени он писал статьи в "Штюрмер".

МАРКС: Скажите, в эти 5 лет он покидал свое имение и был ли он когда-нибудь в течение длительного времени в от'езде?

А.ШТРЕЙХЕР: В первый год своего пребывания в имении, он не покидал его. В последующие годы он навещал внаты соседям,но его отсутствие не продолжалось больше суток.Не было дня или ночи,чтобы он не был дома.

МАРКС: Известно ли вам что-нибудь о том,что членам партии было запрещено посещать его?

9776

А.ШТРЕЙХЕР: Да,такой запрет существовал.

МАРКС: Откуда вы это знаете?

А.ШТРЕЙХЕР: Из разговоров. Потом я также помню,как по время посещения д-ра Геббельса Юлиус Штрейхер сказал последнему: "Как вы осмелились посетить меня,г-н доктор? Вы же знаете,что партийное руководство запретило посещать меня?

МАРКС: Скажите,когда имели место визиты доктора Геббельса и д-ра Лея?

А.ШТРЕЙХЕР: Д-р Лей приехал в имение 7 мая 1944 г., а д-р Геббельс - 4 июня 1944 г.

МАРКС: Опишите,какой характер носили эти визиты и о чем они беседовали в то время?

А.ШТРЕЙХЕР: Оба визита носили больше не официальный характер,чем официальный. На политические темы не говорили Д-р Лей больше спрашивал Штрейхера о том,как он себя чувствует и сказал ему: "Штрейхер,фюрер ждет вас".

МАРКС: А что сказал Штрейхер ему на это?

А.ШТРЕЙХЕР: Юлиус Штрейхер ответил,что он привык к своему одиночеству,что он себя в роли крестьянина чувствует счастливым, он просил Лея передать фюреру, что у него нет никаких пожеланий. Во время посещения доктора Геббельса, разговор, в основном, шел о том,почему Штрейхер был смещен с должности гауляйтера.Доктор Геббельс считал,что Штрейхеру нужно вновь возвратиться в круг старых партийных товарищей. Штрейхер же ответил ему то же самое,что и Лею: "Передайте фюреру,что у меня нет никаких пожеланий".

МАРКС: Скажите,вы всегда присутствовали во время этих бесед.

А.ШТРЕЙХЕР: Да.

МАРКС: Скажите,никогда не затрагивался еврейский вопрос во время этих бесед?

9224

H1199 – 0388

H1199 – 0389

А.ШТРЕЙХЕР: Нет,о еврейском вопросе не говорили.

МАРКС: Не говорили, и о происходившем в концентрационных лагерях и в восточных областях.

А.ШТРЕЙХЕР: Нет,об этом и не могли говорить.

МАРКС: Не говорил ли Штрейхер с вами о своих идеях,которые он воплощал в своих статьях в "Штюрмере".Не говорил ли он о том,как он представляет себе решение еврейской проблемы?

А.ШТРЕЙХЕР: Из всех бесед с Юлиусом Штрейхером я могла сделать совершенно определенный вывод: Юлиус Штрейхер никогда не намеревался разрешить еврейский вопрос с помощью какого-либо насилия,он стремился к тому,чтобы евреи были эмигрированы из Европы и поселены на территории за пределами Европы.

МАРКС: Вел ли Штрейхер переписку с руководящими деятелями партии и государства?

А.ШТРЕЙХЕР:Нет,между ними не существовало никакой личной связи,и не было переписки.

МАРКС: Сейчас я хочу назвать различные фамилии и прошу вас сообщить, существовала ли связь с этими лицами: Гиммлером, Гейдрихом,Борманом или с другими руководящими лицами по линии СС или гестапо.

А.ШТРЕЙХЕР: Нет. Обо всех этих лицах мне ничего неизвестно,за исключением одного письма от г-на Гиммлера,никаких писем не было.

МАРКС: Скажите,что было поводом для написания этого письма?

А.ШТРЕЙХЕР: В письме г-н Гиммлер упрекал Штрейхера за то,что в Плейкерегофе с французскими военнопленными,работавшими там, слишком хорошо обращались.

МАРКС: Скажите,каково было обращение с этими военнопленными и с другими иностранными гражданскими рабочими в имении

А.ШТРЕЙХЕР: В Плейкерегофе было 8 французских военнопленных, одна полячка и одна девушка словачка. Обращение с ними было очень хорошее, человечное. За всякую работу, за всякую помощь, которую они оказывали лично Юлиусу Штрейхеру, он вознаграждал. Он им давал: деньги, фрукты, табак, печенье и т.д. С некоторыми из французов у него со временем установились прямо-таки сердечные отношения и, когда эти французы уезжали, то они со слезами на глазах говорили, что им тяжело расставаться и что они со своими семьями обязательно навестят Штрейхера после войны.

МАРКС: Скажите, господин Штрейхер получил, наконец, достоверные сведения о массовых казнях на Востоке?

А.ШТРЕЙХЕР: Мне кажется, что в 1944 г. он узнал об этом из швейцарской газеты. Официальных сведений мы об этом никогда не получали.

МАРКС: Да, но здесь утверждают, что он еще раньше был осведомлен об этом?

А.ШТРЕЙХЕР: Нет.

МАРКС: А вы ничего об этом не знаете?

А.ШТРЕЙХЕР: Я знала только о швейцарской газете.

МАРКС: Скажите, вы однажды говорили о том, что вы видели в Магдебурге эти демонстрации против евреев в ночь с 9 на 10 октября 1938 г. и что они вызвали у вас самое большое отвращение. Правильно это?

А.ШТРЕЙХЕР: Да, я говорила о том, что я была потрясена, когда мне пришлось увидеть эти мероприятия, произошедшие в Магдебурге. Юлиус Штрейхер был также взволнован моим рассказом. Он сказал мне: "эти глупости делали также и в Нюрнберге". Штрейхер говорил, что это - не антисемитизм, а большая глупость.

МАРКС: Скажите, правильно ли, что Штрейхер мало интересовался денежными делами издательства и что он предоставил эти дела руководителю издательства?

9779

H1199 – 0390

H1199 – 0391

А.ШТРЕЙХЕР: Юлиус Штрейхер вообще никогда не заботился о денежных делах ни у себя дома, ни в издательстве. Когда приходили к нему с отчетами о годовом балансе или о чем-нибудь подобном, Юлиус Штрейхер отвечал: "этим господам из издательства, которые хотели отчитаться перед ним: "Ах, оставьте меня в покое со всеми этими денежными делами. Сейчас есть более важные дела, чем деньги".

МАРКС: Скажите, чем покрывались издержки по дому?

А.ШТРЕЙХЕР: Я получала от издательства тысячу рейхсмарок ежемесячно. На эти деньги мы жили, делали подарки и т.п.

МАРКС: Известно ли вам что-нибудь о том, что он приобрел якобы акции, путем оказания весьма нечестного нажима на одного еврейского банкира?

А.ШТРЕЙХЕР: Нет, это вещь совершенно невозможная. Я считаю совершенно невозможным, чтобы Юлиус Штрейхер таким образом получал акции. Мне кажется, что он даже не знает, как акции вообще выглядят.

МАРКС: Он ничего вам об этом не рассказывал?

А.ШТРЕЙХЕР: Я лишь слышала, что он никогда не получал акций.

МАРКС: Скажите, какие обстоятельства обусловили то, что вы в апреле 1945 года вступили в брак с подсудимым? Вы поняли мой вопрос?

А.ШТРЕЙХЕР: Да. Юлиус Штрейхер хотел принять участие в защите Нюрнберга. Я его хотела сопровождать. Перед этим он дал мне свою фамилию. Мы хотели умереть вместе

МАРКС: Скажите, куда вы отправились тогда вместе с ним из Плейкерсгофа?

А.ШТРЕЙХЕР: Мы хотели вначале поехать в Нюрнберг, но отказались от этого плана, боясь трудностей, и поехали по направлению к Мюнхену, затем нас направили в Пассау, из Пас-

сду нас послали в Верхтесгаден, из Верхтесгадена в Киц-бюль.

МАРКС: Скажите,почему ваше намерение умереть вместе ам не выполнили? Каковы были причины?

А.ШТРЕЙХЕР: Разговор с тремя молодыми солдатами...

МАРКС: В чем заключался этот разговор? Я сейчас заканчиваю,господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть ли необходимость разбирать этот вопрос,доктор Маркс?

МАРКС: Хорошо,я отказываюсь от этого вопроса.Еще один вопрос: правильно ли,что господин Штрейхер передал свои генеральные полномочия в письменной форме своему бывшему руководителю издательства,согласно которым последний мог распоряжаться всем денежным фондом издательства,по своему усмотрению?

А.ШТРЕЙХЕР:Да. Юлиус Штрейхер предоставил ему генеральные полномочия. Он показал тем самым,что полностью доверяет ему, без каких-либо ограничений.

МАРКС: Господин председатель,у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хочет ли другие защитники поставить вопросы свидетельнице?

Хочет ли обвинение подвергнуть свидетельницу перекрестному допросу?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ:Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае свидетельница может удалиться и Трибунал прервет заседание до половины десятого утра завтра.

/Перерыв до 9.30 час. 30 апреля 1946 года/.

9781

H1199-0392

H1199 – 0393

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 30 апреля 1946 г.

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, Вы намереваетесь сейчас заняться рассмотрением этих вопросов?

Г-н ДОДД: Да, господин председатель, я готов это сделать. Следует ли мне сначала приступить к рассмотрению тех документов, в отношении которых у нас были некоторые затруднения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, если Вам угодно.

Г-н ДОДД: Всего имеется 118 документов, представленных от имени подсудимого фон Шираха. В результате наших обсуждений мы пришли к общему решению в отношении всех документов,за исключением, как мне кажется, двенадцати.

Первая группа - это документы 30,31, 45, 68, 73, 101, 109, 124 и 133, которые представляют собой отрывки из книги Станли Моклачи, озаглавленной "Смотри, сердце Европы", Эти отрывки имеют отношение к организации „Гитлеровская молодежь", и мы возражаем против них, поскольку все они являются неотносящимися к делу и несущественными. В них описываются собрания гитлеровской молодежи, гитлеровская программа оздоровления молодежи, спортивные соревнования, сельскохозяйственный трудовой фронт молодежи и тому подобные вещи. В этих отрывках г-н Моклачи дает общее описание

различной деятельности организации гитлеровской молодежи. Все эти отрывки, как я уже сказал, взяты из одной книги - и ни один из них не был написан самим подсудимым. Они были опубликованы в 1937 году.

Затем идет документ 118-А, который представляет собой письмо. Оно напечатано на пишущей машинке и не подписано. Авторы его Колин Росс и его жена. Это - предсмертное письмо, в котором Росс и его жена изложили причины, почему они решили покончить жизнь самоубийством.

Мы не смогли определить доказательную силу этого письма и мы сомневаемся в том, что бы оно вообще имело какую-либо доказательную силу, в отношении тех обвинений, которые выдвинуты против этого подсудимого. Он, очевидно, был знаком с подсудимым фон Ширахом и поэтому защитник, насколько я понимаю, утверждает, что это письмо проливает некоторый свет на позицию, занимаемую фон Ширахом . Но нам это совершенно не ясно.

Третий документ - № 121. Это - цитата из газеты, издаваемой американской армией, "Старз энд страйпс" от 21 февраля 1946 года. В этой статье говорится об обучении молодежи в Югославии в настоящее время. Мы считаем, что эта газетная статья является несущественной и не имеет никакого отношения к обвинениям, выдвинутым в обвинительном заключении против этого подсудимого.

Эти три документа составляют первую группу и два документа - 118-А и 121, являются единственными документами, в отношении которых у нас имеются разногласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всего одиннадцать.

H1199 - 0394

H1199 – 0395

Г-н ДОДД: Простите, сначала я сказал двенадцать, а следовало сказать одиннадцать.

ЗАУТЕР: Г-н Председатель, первая группа документов, против которых возражает Обвинение, взята из книги американца Маклачи. Этот американец, как он сам пишет в своей книге, шотландец по происхождению, в 1936 году, т.е. в тот год, когда происходили олимпийские игры, посетил Германию. Таким образом, он сам мог нарисовать себе определенную картину ~~об~~ условиях, существовавших в то время в Германии, ~~о~~ развитии германского народа в первые годы гитлеровской власти и описать в этой книге свои впечатления. В обычных условиях эта книга не имела бы для меня особого значения, если бы уже из ее вступительной части не явствовало ~~бы~~, что инициатором издания этой книги был подсудимый фон Ширах. Подсудимый фон Ширах, как он об этом покажет во время своего допроса, уже с давних пор пытался устанавливать самые отрадные и дружественные отношения с иностранными государствами, в особенности с Соединенными Штатами Америки, и эта книга Маклачи явилась одним из многих средств, которые подсудимый Ширах использовал для своей цели. Автор в предисловии к своей книге говорит о том, что он получил значительную долю материала для создания этой книги от подсудимого Шираха. Этот факт в рамках настоящего процесса и в свете защиты подсудимого Шираха имеет совершенно иное значение, чем если бы эта книга возникла без какого-либо участия в этом Шираха. Таким образом, мы должны все изложение, все рассуждения и описания, которые даются в этой книге, рассматривать, как собственное изложение

подсудимого фон Шираха. Вот что является основной причиной того, что я пред'явил Вам эту книгу с просьбой разрешить мне оглашать во время представления доказательств отдельные краткие отрывки, которые касаются руководства молодежью.

Другие моменты, которые также содержатся в книге и сами по себе также являются интересными, но которые непосредственно не связаны с деятельностью подсудимого фон Шираха по руководству молодежью, я сам не собираюсь приводить. Я ограничиваюсь небольшими выдержками, которые освещают лишь только деятельность и цели подсудимого фон Шираха и, которые, г-да судьи, должны показать Вам, какие впечатления сложились у иностранца об этой деятельности, хотя он, естественно, и прибыл в Германию с определенным предвзятым мнением, от которого он впоследствии, в результате собственных наблюдений, отказался.

Вот, что я хотел сказать, господин Председатель, относительно первой группы документов, которые обсуждал господин Обвинитель, начиная с № 30 до № 133.

Вторая группа охватывает документ 118-а в книге документов по делу ~~фон~~ Шираха. Этот документ представляет собой предсмертное письмо, написанное путешественником доктором Колин Росс. Если у представителя Обвинения есть какие-либо возражения против того, что это письмо не заканчивается подписью, то, по моему мнению, это не имеет особенно большого значения. Тот документ, который мы пред'явили, является копией подлинника предсмертного письма,

H1199 – 0396

H1199 – 0397

а эта копия была найдена среди бумаг доктора Колин Росса. И вот Обвинение спрашивает: "Какое отношение имеет это предсмертное письмо к подсудимому Шираху?"

Я прошу Вас вспомнить о том, что здесь довольно часто говорилось об этом докторе Колин Россе. Он был путешественником, мне кажется, американцем по своему происхождению, но сейчас я точно не помню. Он путешествовал по всему земному шару, в течение долгих лет он был не только в очень дружественных отношениях с Ширахом, но он как раз являлся тем лицом, которого Ширах постоянно использовал для того, чтобы воспрепятствовать войне с Америкой, а затем, когда началась война, для того, чтобы покончить с войной, заключив мир с Соединенными Штатами Америки.

Во время пред'явления доказательств эти моменты, мне думается, будут еще отдельно освещены. Для меня это письмо доктора Колин Росса является особенно важным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каким числом датировано это письмо?

ЗАУТЕР: Одну минутку. Письмо датировано 30 апреля 1945 г. Оно занимает одну страницу. Для меня это письмо важно потому, что этот человек, перед тем как покончить жизнь самоубийством вместе со своей женой, потому что он отчаялся в будущности Германии, в самый последний момент перед лицом смерти подтвердил в своем письме, что он вместе с подсудимым Ширахом всегда старался сохранить мир, в особенности мир с США.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где он находился в то время, когда покончил жизнь самоубийством?

ЗАУТЕР: Подсудимый фон Ширах...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, нет, я имею в виду человека, который написал письмо.

ЗАУТЕР: У подсудимого Шираха в то время был небольшой дом в Верхней Баварии, в Урфельде на Вальхензее. В этом домике жил тогда Колин Росс со своей женой, и в этом домике Шираха он покончил жизнь самоубийством. Письмо занимает одну страницу, так что оглашение этого письма никак не может задержать процесса.

И, наконец, господа, третья группа документов, против которых выступает Обвинение. Сюда относится лишь один документ. Это сравнительно краткая заметка из американской газеты "Старз энд Страйпс". Документ № 121. Этот документ, подлинник которого я пред'явлю Вам во время представления доказательств, датирован 21 февраля 1946 г. Таким образом, эта заметка относится к нынешнему году. В ней говорится о том, как в настоящий момент маршал Тито осуществляет воспитание молодежи в Югославии. Для подсудимого Шираха этот документ важен потому, что он доказывает, что в Югославии как совсем недавно решили проводить ярко выраженную военную подготовку молодежи, и подсудимый Ширах хотел бы сравнить характер воспитания своей молодежи и воспитания молодежи в Югославии, решение о котором было принято только в этом году, и программа которого является значительно более обширной, чем программа подсудимого Шираха. Это все.

Г-н ДОДД: Господин Председатель, разрешите мне сделать два коротких замечания. Я понимаю, что Трибунал обычно не желает заслушивать одного и того же обвинителя

9782

H1199-0398

H1199-0399

дважды, но имеются 2 вопроса, которые я должен выяснить.

Прежде всего, я хочу сказать о книге "Смотри, сердце Европы", которая, возможно, и была написана Маклачи, который, как говорит защитник, является американцем шотландского происхождения. Я думаю для Трибунала важно будет узнать, что она была опубликована в Германии. Я думаю, что защитник не хотел подчеркнуть, что это было американское издание, потому что, кроме того, что она была ним написана этим человеком, она была также издана здесь после того, как он посетил олимпийские игры в 1936 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, на немецком языке?

Г-н ДОДД: Да, и немецкое название этой книги следующее: "Зи: Дас Херц Эйропас" Что касается письма Колина Росса, то я считаю, что очень важно и необходимо сказать о том, что никто не знает, покончил ~~ли~~ Росс жизнь самоубийством или нет, по крайней мере, постольку, поскольку это касается союзных стран. Тело его так и не было никогда найдено, а осталось только одно письмо, которое, как говорит защитник, было обнаружено среди его вещей.

ЗАУТЕР: Господин председатель, разрешите мне сказать еще кое-что относительно первой группы документов. Эта книга Маклачи действительно появилась в немецком издании, и подсудимому Шираху пришлось приложить много усилий для того, чтобы эта книга вообще была опубликована. Таким образом, из этого факта видно, что подсудимый Ширах изданием этой книги преследовал определенную цель, а именно - добиться сближения между германским и американским народами и сгладить те противоречия, которые, как он опасался, в один прекрасный день должны

9 Р 88

были привести к войне. Эта книга Маклачи появилась не только на немецком языке, но и на английском, и причем в Англии и в Америке она появилась в большом тираже и была быстро распродана. На немецком языке, книга, естественно, была также издана и также распродана в Германии.

Мне кажется, что это в данный момент все, о чем я хотел сообщить Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, Вы скажете Трибуналу, что собой представляют другие документы, против которых господин Додд не возражал? Мы поняли так, что имеется 160 документов, против которых он не возражал. О чем идет речь в этих документах и какого они об'ема?

ЗАУТЕР: Это краткие документы. Я пред'явил лишь одну книгу документов, то есть я ограничился самым необходимым, господа судьи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько всего страниц?

ЗАУТЕР: Всего 134 страницы, причем некоторые страницы заполнены текстом лишь наполовину или на треть, потому что речь идет о сравнительно коротких цитатах, но для меня было необходимо все-таки привести там эти цитаты, поскольку я смог бы представить доказательства по вопросу о деятельности подсудимого Шираха, как имперского руководителя молодежи, лишь только показав Суду с помощью документов, о чем говорил подсудимый Ширах, обращаясь к молодежи германского народа, чему он ее учил, какие указания давал он своим подчиненным, и для этого я, естественно, должен нарисовать Вам картину ~~о том~~ того периода, когда Ширах был имперским руководителем молодежи, для того, чтобы Вы увидели, что теории и мировоззрение подсудимого

H1199 – 0400

H1199-0401

Шираха в последние годы его деятельности в качестве имперского руководителя молодежи были совершенно такими же, как и в первые годы. Таким образом, он был одним из тех немногих в партии, кто с течением времени не стал придерживаться более резкой позиции, не впал в крайность, как другие, и с помощью этих сравнительно кратких цитат я хочу это доказать. Мне кажется - теперь я уже все сказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Затем у Вас имеются два дополнительных ходатайства о вызове свидетелей ? Не так ли?

ЗАУТЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, Вы лучше обратитесь к этим ходатайствам сейчас?

ЗАУТЕР: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько я понял, один из этих свидетелей давал письменное показание под присягой, которое было использовано Обвинением.

ЗАУТЕР: Мне кажется, что этот свидетель - Юберрейтор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, я думаю это был другой свидетель, не так ли? Назовите, пожалуйста, фамилии этих 2-х свидетелей.

ЗАУТЕР: Фамилия одного...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Марсалек.

ЗАУТЕР: Нет, не Марсалек, а Юберрейтор. Марсалек, господин Председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня имеется Ваше ходатайство о вызове в качестве свидетеля Марсалек. Вы не хотите вызывать Марсалека?

ЗАУТЕР: Нет, это, очевидно, ошибка.

H1199 – 0402

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это ходатайство датировано 15 апреля 1946 года. Но во всяком случае, Вы не хотите его вызывать в качестве свидетеля?

ЗАУТЕР: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда, Вы хотите вызвать только одного свидетеля, не так ли?

ЗАУТЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетеля - Юберрейтора?

ЗАУТЕР: Да, Юберрейтор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеются ли у Обвинения возражения против вызова этого свидетеля?

Г-н ДЖЕКСОН: Нет, у нас нет возражений, милорд. Насколько я помню, это письменное показание, данное под присягой Юберрейтором, было представлено нами в связи с делом Кальтенбруннера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, у Вас нет возражений?

Г-н ДЖЕКСОН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Благодарю Вас, доктор Заутер. Мы рассмотрим Ваше ходатайство, соответствующие документы и вопрос о вызове свидетелей. Мы рассмотрим Ваше ходатайство несколько позднее, а сейчас будем продолжать разбор дела подсудимого Штрейхера.

(К микрофону подходит представитель американского Обвинения г-н ДЖЕКСОН).

Г-н ДЖЕКСОН: Господа Судьи, я хочу представить Трибуналу ходатайство, имеющее отношение к делу подсудимого Штрейхара. Я хочу ходатайствовать о том, чтобы показания Штрейхера от 26 апреля, находящиеся на страницах 8494, 8495 и 8496 стенограммы, были из'яты из протоколов суда, а также показания, данные им вчера, которые на странице 8549 стенограммы, и в которых Штрейхер вменяет в вину армии Соединенных Штатов плохое обраще-

ние. Если эти показания являются неотносящимися к делу, то в таком случае, они не должны быть включены в протоколы суда. Если же они являются относящимися к делу, то тогда они требуют ответа, на что понадобится много времени и преодоление значительных трудностей, связанных с недостатком персонала в делегации Соединенных Штатов. С нашей точки зрения, они не имеют никакого отношения к делу. Эти показания не являлись ответом ни на какой вопрос, и как бы ни был разрешен этот вопрос, это все равно не поможет определить, является ли подсудимый Штрейхер виновным в совершении преступлений, которые вменяют ему в вину; или нет; данное обвинение невозможно оставить без ответа в протоколе суда.

Может быть, мы слишком щепетильны постольку, поскольку это касается американской армии, но США старались вести эту войну согласно установленным правилам и поэтому вооруженные силы США несколько щепетильны в отношении их репутации в этом вопросе. Для того, чтобы получить четкое решение, и для того, чтобы знать, должны ли мы предпринять какие-либо шаги в связи с этим, я ходатайствую о том, чтобы эти показания были из'яты из протоколов суда, как несущественные и неотносящиеся к делу, и, конечно, если они являются неотносящимися к делу, то тогда нет необходимости для нас предпринимать какие-либо действия в отношении их, а если же их сочтут относящимися к делу, - мы будем знать, что мы должны действовать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, желаете ли Вы что-либо сказать по данному поводу?

МАРКС: Прошу прощения, господин Председатель, я, к сожалению, не мог проследить за ходом мысли в ходатайстве главного обвинителя судьи Джексона, поскольку я в этот момент был занят. Насколько я понял, речь идет о том, чтобы вычеркнуть...

9292

H1199 - 0403

H1199-0404

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я могу сообщить Вам содержание данного ходатайства. Оно заключалось в том, чтобы показания, имеющиеся на страницах 8494, 8495, 8496 и 8549 стенограммы, в которых подсудимый Штрейхер выдвинул некоторые обвинения против армии США, были из'яты из протокола суда.

МАРКС: Понятно. Я бы здесь от лица защиты хотел ~~бы~~ заявить следующее. Я согласен с тем, чтобы эти места были из'яты из протокола, поскольку я придерживаюсь того мнения, что они не имеют никакого значения для защиты подсудимого Штрейхера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Выдержки, на которые обратил наше внимание господин Джексон, по мнению Трибунала, представляют собой совершенно неуместное заявление, сделанное подсудимым Штрейхером. И поскольку Трибунал считает, что они совершенно не относятся к делу, защитник подсудимого Штрейхера также признал их абсолютно неотносящимися к делу, ~~то~~ они будут из'яты из протокола суда. (Обращается к доктору Марксу): Доктор Маркс!

МАРКС: С разрешения суда я хотел бы продолжить допрос свидетелей. Я вызываю сейчас свидетеля Фридриха Штробеля.

(В зал входит свидетель).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя полностью.

СВИДЕТЕЛЬ: Фридрих Штробель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь Богом, Всемогущим и Всеведующим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель Штробель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.

МАРКС: Господин свидетель, присутствовали ли Вы 3 декабря 1938 года на собрании союза блюстителей права в Нюрнберге?

9293

ШТРОБЕЛЬ: Да.

МАРКС: На этом собрании, кажется, выступал господин Штрейхер. Это правильно?

ШТРОБЕЛЬ: Да.

МАРКС: Расскажите, пожалуйста, что заявил тогда подсудимый Штрейхер относительно демонстрации от 9 ноября 1938 года?

ШТРОБЕЛЬ: Он заявил: "Я бы не так провел ~~бы~~ это мероприятие, этим путем нельзя побороть такую силу, как евреи всего мира". Затем он еще добавил: "Но если это уже произошло, то теперь ничего не поделаешь". И, кроме того, он сделал еще несколько замечаний по этому поводу.

МАРКС: Правильно ли, что Вы тогда удивились, что Штрейхер публично выступил против этого мероприятия, приказ о котором был дан свыше.

ШТРОБЕЛЬ: Да, Штрейхер неоднократно выступал против мероприятий и распоряжений правительства, если он придерживался иного мнения. Так было и в данном случае. У меня тогда и было такое впечатление, что его явно обошли, потому что в его выступлении чувствовались злорадные нотки по поводу того, что мероприятие имело неблагоприятные последствия. Я задумался тогда над этим, действительно ли Штрейхер, наконец, прозрел и постиг, ~~точно~~ что это антисемитское мероприятие было вредным, или в нем говорило обиженное тщеславие, или он может быть чувствовал, что он сам утрачивал значение в связи с быстрым и радикальным решением еврейского вопроса.

Я никак не мог понять.

МАРКС: Господин свидетель, Вы говорите о своих впечатлениях, а не о фактах. Я вас об этом вовсе не спрашивал.

9294

H1199 – 0405

H1199 – 0406

ШТРОБЕЛЬ: Да, таковы были мои тогдашние впечатления.

МАРКС: Теперь я спрашиваю Вас, были ли Вы 9 ноября и 10 ноября 1938 г. в Нюрнберге?

ШТРОБЕЛЬ: Мне кажется, да..., но теперь я уже не помню точно. Я думаю, что это мероприятие проводилось 8 и 9 ноября. 7 ноября ранили выстрелом господина Рате. 8-го он умер, а еще на следующий день была проведена демонстрация...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет необходимости спорить о том, было ли это восьмого или девятого числа. Это не так важно, не так ли?

МАРКС: Мой вопрос, который я задаю Вам сейчас, заключается в следующем. Какие наблюдения Вы сделали после той ночи, когда состоялись демонстрации против еврейского населения в Нюрнберге, а так же на следующее утро и вскоре после этого? Как отнеслось население Нюрнберга к этим демонстрациям?

ШТРОБЕЛЬ: Я узнал об этом мероприятии лишь от моего штата в канцелярии, после этого я отправился в город, оглядел улицы. Около отдельных поврежденных магазинов стояли люди. У меня создалось впечатление, что преобладающая часть населения была совершенно оцепеневшей и молчаливой. Люди качали головами, поглядывали друг на друга, шептали что-то и затем уходили. Но, вобщем, сложилось такое впечатление, что люди не осмеливались громко говорить. Позднее я так же узнал, что на людей, которые высказывались против этих демонстраций, потом доносили и с ними расправлялись. Но общее впечатление было такое, что население полностью отмежевывалось от этих демонстраций и что наблюдалось возмущение всего населения, хотя оно открыто и не проявлялось. Передача

по русской радиостанции в свое время "попала прямо не в бровь, а в глаз". В ней было сказано: "К чести германского народа, нужно сказать, что он не принимал участия в этих демонстрациях, что он спал в это время".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое это имеет отношение к подсудимому Штрейхеру?

МАРКС: Подсудимый Штрейхер обвиняется в том, что он в своем выступлении 10 ноября одобрил это мероприятие. Но подсудимый Штрейхер ссылался также на то, что речь шла о демонстрациях, которые были приказаны свыше, а не о демонстрациях, носивших стихийный характер и зародившихся в народе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс! Тот факт, что часть населения или даже все население Нюрнберга не одобряли этих погромов, не доказывает того, что Штрейхер не одобрял их?

МАРКС: Но Штрейхер ведь также говорил о том, что население отнюдь не натравливалось против евреев, потому что приказ об этом мероприятии был издан свыше и этим мероприятием руководили, в то время как если бы имело место подстрекательство, демонстрация должна была бы вспыхнуть стихийно в народе. Таков ведь был его вывод.

ШТРОБЕЛЬ: Простите, могу я высказаться? Конечно, эти демонстрации не зародились стихийно в народе, поскольку даже члены СА, которые принимали участие в мероприятии, действовали в большинстве своем неохотно. Это мероприятие проводилось, согласно приказу сверху, оно было заранее организовано. Утверждение Геббельса о том, что германский народ выступил стихийно, являлось сознательным опорочиванием германского народа.

9796

H1199-0407

H1199 – 0408

МАРКС: Господин Председатель, у меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

(Нет ответа)

Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу? В таком случае свидетель может удалиться.

МАРКС: С разрешения Высокого Суда, я вызываю теперь следующего свидетеля Химера.

КОМЕНДАНТ СУДА: Больше нет свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Его нет здесь?

КОМЕНДАНТ СУДА: У нас больше нет свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, нам сообщили, что его здесь нет и что здесь вообще нет больше никаких свидетелей.

МАРКС: Прошу прощения, свидетель Химер находится здесь в тюрьме, я сам ведь говорил с ним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Информировали ли Вы вчера соответствующих лиц в тюрьме о том, что Вы хотите его вызвать в качестве свидетеля?

МАРКС: Я говорил с распорядителем Суда..., да я говорил с господином распорядителем Суда в понедельник и сообщил ему, что Химер, насколько я помню, должен допрашиваться во вторник. Может быть,произошла какая-нибудь ошибка...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеются ли у Вас еще другие свидетели, кроме Химера?

МАРКС: Да, свидетель Вурцбахер.

Председатель: Где он находится? Где Вурцбахер?
Маркс: Вурцбахер также находится здесь, в тюрьме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Тем временем, пока свидетеля доставят в зал, не можете ли Вы заняться разбором документов.

КОМЕНДАНТ СУДА: Через пять минут он будет здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Продолжайте, пожалуйста, доктор Маркс.

9298

МАРКС: Господин Председатель, прежде чем перейти к документам, я хотел бы указать на следующее: во время вчерашнего заседания во второй половине дня Обвинением пред'явилось большое число документов, которые для меня оказались неизвестными, и я не смог высказаться относительно этих документов. Я также не мог поговорить по поводу этих документов и с подсудимым Штрейхером. Я считаю, что для защиты важно высказать свою точку зрения, причем мне кажется, что это должно произойти таким образом, что я прогляжу все статьи в газетах... в еженедельной газете "Дер Штюрмер" для выяснения того, действительно ли подсудимый Штрейхер как-то использовал отдельные сообщения из "Израильтишес Вохенблатт" и как он относился к ним, поскольку основной принцип в его защите гласит: "Я не верил в то, о чем там говорилось". Таким образом, если он ни в одной статье не использовал эти сообщения, то его заявление определенным образом обосновано. Поэтому я должен расследовать это дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минуту. Насколько я понял, в одной статье, о которой говорилось вчера во время перекрестного допроса, он действительно использовал статью из еврейской газеты.

МАРКС: Да, эту статью я знаю, она датирована 4 ноября 1943 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, не можете ли Вы точно сказать нам о чем, собственно, Вы сейчас ходатайствуете? В чем сейчас заключается Ваше ходатайство?

МАРКС: Мое ходатайство заключается в том, чтобы Высокий Суд разрешил мне дополнить мою книгу документов, путем пред'явления контрдокументов, опровергающих вчерашнее выступление Обвинения и представленные им документы. Я считаю, что

9298

H1199-0409

H1199 – 0410

пред'явленные мной документы не могли бы создать законченной картины, если бы я не смог ответить на документы, представленные Обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, Трибунал удовлетворяет Ваше ходатайство, при условии, если Вы подадите его обычным путем в письменном виде, ссылаясь на любые выдержки, которые, как Вы полагаете, проливают свет на те отрывки, которые были представлены Обвинением.

МАРКС: Хорошо, господин Председатель. Могу я теперь заняться обсуждением отдельных документов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

МАРКС: В номере первом изложено, что газета "Дер Штюрмер", согласно решению фюрера, никогда не являлась официальным партийным органом и что она не была вправе носить партийного значка в то время, как все другие органы печати имели этот партийный значок на видном месте. Таким образом должно быть доказано, что эта газета являлась частной газетой подсудимого Штрейхера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс! Вы намереваетесь представить эти документы в качестве доказательства и присвоить им соответствующие номера, не так ли?

МАРКС: Я рассматриваю эти документы как уже пред'явленные. Я уже говорил об этом с Обвинением и у Обвинения нет возражений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дело в том, что ведется письменный протокол суда и до тех пор, пока Вы не представите документ как доказательство, и не назовете номера, под которым он представляется, документ не будет включен в протокол суда. Если Вы желаете, Вы можете сгруппировать документы и сказать:

"Я представляю такие-то и такие-то документы в качестве доказательства под №№ с 1 по 100"или под каким-либо другим номером.

МАРКС: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Книга документов, которая находится передо мной, содержит несколько номеров доказательств; например, с первой по четвертую страницу - это доказательство № 1, страница 5-я - это уже доказательство № 5, страница 6-я - доказательство № 6, страница 7-я - доказательство № 7.

Д-р МАРКС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сказали сейчас, что страница 4-я представляет собой доказательство № 1. Это так?

МАРКС: Нумерация в этой книге совершенно не такая, какую я сначала произвел, и вследствие этого документы следуют теперь в другом порядке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Давайте будем следовать такому порядку. Вы будете говорить нам, какие документы Вы представляете, в качестве доказательства и под какими номерами. Доктор Маркс, если желаете, Вы можете сделать это позднее.

МАРКС: Я пред'являю затем документ № 5, выдержку из передовой статьи газеты "Дер Штюрмер" от июля 1938 г. № 28. Эта статья, написанная Карлом Гольцем, а не подсудимым Штрейхером, выдержана в очень резком тоне и говорит о том, что в один прекрасный день свершится месть и вечный жид будет стерт с лица земли. В данном случае дело в том, что опубликование этой статьи было вызвано письмом некоего еврея из Нюрнберга, которое было адресовано в Нью-Йорк и содержание которого сводилось к тому, что вся Германия во время войны должна быть уничтожена с воздуха. Таким образом, опять находит выражение та тенденция, о которой говорил вчера подсудимый и которая сводится к тому, что его резкие выступления вызывались предшествовавшими действиями враждебной стороны.

9 800

H1199 – 0411

H1199 - 0412

Это-документ № 5 и я прошу разрешения пред'явить этот документ под № 5 в качестве доказательства. Затем я пред'являю в качестве доказательства № 6 - выдержку из 40-го номера газеты "Дер Штюрмер" за октябрь 1938 г. Я, видимо, могу обойтись без того, чтобы высказываться по поводу этой заметки, так как моя точка зрения явствует из документа, или мне нужно высказаться?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, нет необходимости говорить о них, просто представляйте их.

МАРКС: Затем я пред'являю в качестве доказательства № 7 - выдержку из газеты "Фелькишер Беобахтер" от 25 февраля 1942 года в связи с документом № Н-31 из судебных выдержек. Следующее пред'являемое (5 июня) доказательство под № 8 представляет собой выдержку из" Фелькишер Беобахтер" от ~~25 февраля 1942~~ 8 февраля 1939 года, стр.2. А под № 9 я пред'являю выдержку из политического завещания Адольфа Гитлера от 29 апреля 1945 года; под № 10 - выдержку из "Дер Штюрмер", № 8 за февраль 1935 г., стр. 4-я; под № 11 - выдержку из "Дер Штюрмер" № 38 ~~номера~~ за сентябрь 1935 г.; доказательству № 1 я даю на следующей странице № 12 - это выдержка из "Дер Штюрмер" № 38 за сентябрь 1935 года, страница 9-я. Доказательство № 13 представляет собой выдержку из "Дер Штюрмер" № 1 за январь 1938 г. Доказательство № 14 представляет собой также выдержку из "Дер Штюрмер" за май 1938 г., № 20. Я не помню, где я остановился, на № 13 или № 14? Мне кажется № 14.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: № 14.

МАРКС: Под доказательством № 15, я пред'являю выдержку из "Дер Штюрмер" от 5 ноября 1943 года, № 45. Под доказательство № 16 я пред'являю документ (27-28) обвинения, идущий под ПС-759. Под № 17 я

пред'являю речи Гиммлера за апрель 1943 года, которые он произнес в Харькове и в Познани 4 октября 1943 года (28 сентября 1943 года. Документ № 18 представляет собой фотокопию специального номера "Дер Штюрмер" за май 1939 г., № 20. Я прошу суд принять эти документы, я ограничился при этом лишь самым необходимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это все, не так ли ?

МАРКС: Да, это все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не думаете ли Вы, что свидетели уже доставлены?

(Пауза). Пожалуй, мы сейчас сделаем перерыв на 10 минут.

(Перерыв на 10 минут).

(В зал вводят свидетеля).

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Обращаясь к свидетелю): Назовите Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ: Эрнст Химер.

МАРКС: Одну минуту. Разрешите мне прервать Вас, господин Председатель? Я хочу сначала заявить, что я не хотел возложить ответственность на распорядителе Суда за недоразумение. Недоразумение связано с доставкой свидетеля...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не стоит беспокоиться, доктор Маркс.

МАРКС: Я считаю своим долгом сделать заявление, что распорядитель Суда не несет ответственности за недоразумение

9802

H1199-0413

H1199 – 0414

со свидетелем. Моя ассистентка говорила вчера с господином...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы вполне Вас понимаем, доктор Маркс.

МАРКС: Тогда, господин председатель, я позволю себе передать суду доказательства за №№ 1,5,6,7,8,9 до 18-го. Я не знаю, охвачены ли теперь номера 1,5 и номера, начиная от 6 по 18-й. Таким образом, я выпускаю номера 2,3 и 4, потому что они были исключены из списка. Все остальные номера документов находятся здесь. Таким образом, пред'явлены все другие номера доказательств, т.е. № 1 и от 5 до 18-го.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 19-й номер Вы включаете, не так ли?

МАРКС: 19-й и 2о-й - нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, простите, кажется я ошибся. Я записал номер 19, но Вы еще не дошли до девятнадцатого, не так ли?

МАРКС: № 18 является моим последним доказательством. И я прошу Суд включить эти документы в протокол.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А сейчас переходите к допросу свидетеля?

МАРКС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (Обращаясь к свидетелю): Сообщите Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ: Эрнст Химер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь Богом, Всемогущим и Всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.

МАРКС: Разрешите мне начать допрос?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

МАРКС: (обращаясь к свидетелю): С какого времени Вы знаете господина Штрейхера? Как Вы установили контакт с ним и какую должность Вы занимали в газете "Дер Штюрмер"?

ХИМЕР: В конце 1934 года я был представлен ~~покойному~~ тогдашнему гаулейтеру Юлиусу Штрейхеру в отеле "Дейтчергоф" в Нюрнберге. Штрейхер поручил мне принять участие в его газете, которая занималась вопросами здравоохранения и называлась "Ди дейтче Фолкс гезундхейт". В 1935 г. я писал также отчеты для "Дер Штюрмер". Штрейхер вслед за тем назначил меня сотрудником редакции "Дер Штюрмер". Наконец, под руководством Штрейхера и других сотрудников "Дер Штюрмера" я также должен был выполнять редакционную работу. Ответственным редактором "Дер Штюрмер" был заместитель Штрейхера Карл Гольц. Однако, вдохновителем газеты был сам Штрейхер.

В 1938 году из Берлина было получено указание о том, что Гольц может дальше продолжать работать в "Дер Штюрмер", хотя но что он, однако, не может больше называться в газете "Дер Штюрмер" хохейтстрегером (ответственным партийным лицом) - Гольц был заместителем гаулейтера. Вслед за этим поступило указание Штрейхера, согласно которому я был назначен ответственным редактором. Общее руководство ~~хххетой~~ редакцией и все полномочия по редакционной линии Штрейхер оставил за собой и сохранял их вплоть до окончания войны.

МАРКС: В чем заключалась основная идея в работе редакции "Дер Штюрмер"? Какова была основная тенденция?

ХИМЕР: Штрейхер хотел в "Дер Штюрмер" на возможно простом и доступном языке сообщить каждому немецкому мужчине и каждой немецкой женщине сведения о евреях. Штрейхер хотел, чтобы весь германский народ понял, что евреи являются

9804

H1199 – 0415

H1199-0416

чужеродным элементом в народе.

МАРКС: Я не хочу, чтобы вы говорили об этом. Господин свидетель, об этом я не хочу слушать, Вы должны дать показания о том, хотел ли, скажем, господин Штрейхер пропагандировать эмиграцию евреев или он проводил какую-либо другую мысль. Вы не должны выступать здесь с пространными речами по еврейскому вопросу.

ХИМЕР: Штрейхер выдвигал положение о том, что бы разрешить еврейский вопрос в Германии путем эмиграции евреев. Он неоднократно критиковал руководство империи, заявляя, что оно проводит эмиграцию евреев не так решительно, как хотелось бы Штрейхеру. И когда началась война, Штрейхер заявил, что еврейский вопрос для Германии, ведущей войну, не имел бы больше никакого значения, если бы он был уже в мирное время разрешен путем всеобщей эмиграции евреев, за которую он выступал.

МАРКС: Правильно ли, что в газете обсуждались палестинская и мадагаскарская проблемы?

ХИМЕР: Да, Штрейхер высказывался как устно, так и в своих статьях о том, что Палестина и Мадагаскар являются удобными местами для того, чтобы переселить туда евреев, проживающих в Германии. Он, правда, в дальнейшем не придерживался этой точки зрения, так как Палестиной и Мадагаскаром распоряжаться Германия не имех могла, а лишь только Англия и Франция.

МАРКС: Как Вы оцениваете влияние, которое с 1933 г. оказывал Штрейкер и "Дер Штюрмер"? Правильно ли, что с 1933 г. можно было отметить сильное ослабление влияния Штрейхера на германский народ?

ХИМЕР: Да, это правильно. В широких кругах было известно, что влияние Штрейхера и его газеты на национал-социа-

9805

листское движение с 1933 г. значительно ослабло. У Штрейхера было много столкновений с другими руководящими партийными деятелями и он приобрел много врагов. Главным образом с 1937 г. Штрейхер уже находился в тени. Теоретическим разрешением еврейской проблемы в партии занимался "Институт по изучению еврейского вопроса", которым ведал Розенберг, а полномочиями по еврейскому вопросу обладал, как известно, лишь Гиммлер. Когда, наконец, в 1940 г. Штрейхер был смещен с поста гаулейтера, он оказался в полнейшей изоляции. Он жил тогда лишь в своем имении и занимался там крестьянским трудом, а также преимущественно писательской деятельностью лишь только в рамках "Дер Штюрмер".

МАРКС: Каков был тираж "Дер Штюрмер" с 1933 г.? Можете ли Вы дать показания по этому поводу? Конечно, начиная с того времени, когда Вы вступили в редакцию?

ХИММЕР: Этот вопрос, естественно, лучше всего мог бы осветить издатель, который ведал этими делами, однако, примерные цифры я помню. Газета "Дер Штюрмер" в 1933 г. имела еще очень незначительный тираж. Затем в 1935 г. тираж, примерно, вырос до 800 тысяч экземпляров. Позже, однако, он опять сильно уменьшился. Газета "Дер Штюрмер" во время войны, естественно, имела незначительный тираж. Я не могу здесь указать точных цифр. В последние месяцы тираж "Дер Штюрмер" был чрезвычайно незначителен. Таким образом, можно сказать, что в среднем "Дер Штюрмер" имела тираж, примерно, в полмиллиона экземпляров. Конечно, выходили и специальные номера, значительно большим тиражом. Однако, как я уже сказал, точные сведения можно получить лишь от издателя.

9806

H1199 – 0417

H1199 – 0418

МАРКС: Чем об'яснить этот рост тиража к 1935 году?

ХИМЕР: На этот вопрос мне трудно ответить.

МАРКС: Не обстояло ли дело таким образом, что на предприятиях и в других учреждениях была введена в некоторой степени принудительная подписка на эту газету?

ХИМЕР: Господин адвокат, Вы ставите мне вопросы, на которые, собственно говоря, может ответить лишь издатель, я не могу с уверенностью дать ответ на этот вопрос, поэтому я должен воздержаться от выступлений по этому вопросу, так как иначе я дам неточные сведения.

МАРКС: Если Вы об этом не осведомлены, Вы можете, естественно, сказать: "по этому вопросу у меня нет достаточных сведений".

Как все это можно увязать с тем, что господин Штрейхер знал о событиях на Востоке, в частности ~~в отношении~~ в концлагерях, и что он лично Вам говорил об этом?

ХИМЕР: Я из уст Штрейхера никогда не слышал о том, что он знал о происшествиях, имевших место в концлагерях. Штрейхер, напротив, говорил, что он узнал об этих происшествиях лишь в 1944 году через швейцарскую прессу. Штрейхер регулярно получал швейцарские газеты и в числе их основное место занимал "Израильтишес Вохенблатт", издававшийся в Швейцарии. Эта газета в 1934 г. помещала довольно подробные сообщения о происшествиях в концлагерях. Штрейхер сначала относился скептически к сообщениям, которые находились в швейцарской прессе, называя их преднамеренной ложью.

Он заявлял, что эти сообщения помещаются лишь для того, чтобы подорвать престиж германского народа за границей. Во всяком случае, Штрейхер, конечно, очень скоро изменил свое мнение. Его точка зрения оказалась поколебленной и, наконец, он поверил в то, что эти условия в концентрационных лагерях,

о которых сообщалось в швейцарской прессе, существуют в действительности.

Штрейхер охарактеризовал Гиммлера как того человека, который издал приказ о совершении этих преступных действий.

МАРКС: Вы говорите, что он изменил свое мнение очень скоро. Как это следует понимать?

ХИМЕР: Он сначала решительно заявлял, что эти сообщения не могут соответствовать действительности. Затем он стал колебаться и сказал, что, может быть, это действительно правдивые сообщения. У меня было такое впечатление, что либо подробные сообщения в швейцарской прессе убедили Штрейхера в том, что эти описанные условия соответствуют действительности, либо, может быть, Штрейхер из какого-нибудь другого источника в письменной или устной форме узнал, что сообщения об условиях в концентрационных лагерях основаны на фактах. Этим я об'ясняю изменение его мнения по данному вопросу.

МАРКС: И когда это было?

ХИМЕР: Я не могу точно назвать времени. Мне кажется, что это было в середине 1944 года.

МАРКС: Какую позицию он занял по этому вопросу, когда он окончательно убедился в том, что это правда? Выразил ли он свое удовлетворение в связи с тем, что так много людей было уничтожено?

ХИМЕР: Нет, Штрейхер решительно осуждал те происшествия, которые имели место в концентрационных лагерях. Случалось, что Штрейхер, когда он особенно возмущался событиями в области политики, порою заявлял, что евреев, как врагов германского народа, нужно уничтожить. Однако Штрейхер говорил так лишь в момент возбуждения. Когда он успокаивался, он

9808

H1199-0419

H1199 – 0420

высказывался против истребления евреев.

МАРКС: Однако, неоднократно в статьях "Дер Штюрмер" говорилось об уничтожении и истреблении евреев?

ХИМЕР: Да, это факт, что в статьях "Дер Штюрмер" говорилось об искоренении еврейства. Однако в противовес этому, можно указать на то, что Штрейхер много раз высказывался против убийства евреев, и я твердо убежден в том, что Штрейкер и его газета "Дер Штюрмер" ни при каких обстоятельствах не имели никакого отношения к тому, что происходило в концентрационных лагерях. Я верю в то, что это так, ибо сегодня известно, что преступления в концентрационных ~~каких~~ лагерях совершались по приказу отдельных руководящих лиц, по их служебным приказам, и я твердо убежден в том, что ни Штрейхер, ни его газета "Дер Штюрмер" не имеют к этому никакого отношения.

МАРКС: Каким образом создавались статьи, написанные лично Вами. Получали ли Вы, смотря по обстоятельствам, директивы от Штрейхера, редактировали ли Вы статьи или Вы сами писали их?

ХИМЕР: Штрейхер был основателем и издателем газеты "Дер Штюрмер". Но он фактически был также главным редактором, так как все сотрудники должны были, независимо от того, был ли это его заместитель Гольц, или были ~~в то время~~ это обыкновенные сотрудники, - предварительно, до того, как их работы ~~не~~печатались, показывать их Штрейхеру, Штрейхер в каждом отдельном случае затем вносил изменения, то есть он также поручал своим сотрудникам писать статьи, то-есть он давал им указания о том, какие аргументы они должны приводить; о всех статьях, появлявшихся в "Дер Штюрмер", Штрейхер знал так что можно с полной уверенностью сказать, что Штрейхер был ответственным лицом, редактором "Дер Штюрмер". Все остальные

9 809

были его сотрудниками.Штрейхер и "Дер Штюрмер", как он сам часто с гордостью признавал, представляли собой одно целое. "Штрейхер и "Дер Штюрмер" - это единое целое" - так гласил его лозунг.

МАРКС: Это ведь он сам признает. Он говорит, что он берет на себя ответственность. Как обстоит дело с так называемой порнографической библиотекой?

ХИМЕР: "Дер Штюрмер" обладал большим архивом. Этот архив состоял из многих тысяч немецких книг и иностранной литературы, из документов, эдиктов и т.п. Эти книги были либо предоставлены в распоряжение архива "Дер Штюрмер" друзьями "Дер Штюрмера", либо они были из'яты из квартир евреев. Полиция предоставляла книги,обнаруженные в квартирах евреев, в распоряжение "Института по изучению еврейского вопроса", во главе которого стоял Розенберг. Что после этого оставалось в квартирах евреев в Нюрнберге, передавалось в архив "Дер Штюрмер".

Среди этих книг имелось большое количество книг так называемого сексуально-научного характера, то есть книги Магиуса Мни, Блоха, Гиршфельда и книги чисто порнографического характера. Таким образом, как книги, присланные друзьями "Дер Штюрмера",так и книги, обнаруженные в квартирах евреев, были такого характера.

В архиве "Дер Штюрмера" эти книги содержались и хранились в специальном отделе под замком. Общественность не имела доступа к этой библиотеке.

Следовательно, что касается этих порнографических книг, то речь шла не о личной порнографической библиотеке Штрейхера, а о части архива "Дер Штюрмера". Штрейхер никогда не читал этих книг. Они должны были быть после войны, в ходе нового расширения "Дер Штюрмера", пересмотрены; все те книги, которые не носили чисто еврейского характера предполагалось удалить. Однако, как я уже говорил, Штрейхер этих книг не читал.

9810

H1199 - 0421

H1199 - 0422

МАРКС: Где хранились эти книги ? Находились- ли они в здании издательства и как об"яснить, что часть их находилась....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Маркс, не было выдвинуто никаких обвинений в отношении этих книг.

МАРКС: Таким образом, у меня больше нет вопросов в этой связи. Я разрешил себе лишь только выяснить это дело, потому, что оно очень интересовало общественность, затем у меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят-ли другие защитники допросить свидетеля ?

/ К микрофону подходит защитник Тома /

ТОМА: Доктор Тома, защитник Розенберга. У меня только один вопрос. Существовала-ли какая либо связь между Розенбергом и редакцией " Дер Штюрмер" ?

ХИМЭР: Насколько я знаю, не было почти никакой связи. Я лично знал доктора Баллензифена, работавшего у Розенберга. Я знал также лично доктора Поля. Но такого контакта, который выражался-бы в сотрудничестве между " Дер Штюрмером" и "Институтом по изучению еврейского вопроса ", не было.

ТОМА: Поддерживал-ли Баллензифен связь с "Дер Штюрмером"?

ХИМЭР: Поль лично поддерживал связь со мной. Он изучал еврейский вопрос, делал переводы Талмуда, он также издал " Дух Талмуда ". Таким образом, я лично познакомился с ним. Баллензифен не имел отношения к "Дер Штюрмер".

ТОМА: Итак, поддерживал-ли Поль личные отношения с Вами.. .

ХИМЭР: Да, лишь только со мной, но не с "Дер Штюрмером".

9811

ТОМА: Был-ли он уполномоченным Розенберга в этом деле ?

ХИМЭР: Нет.

ТОМА: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

/ К микрофону подходит представитель английского обвинения Джонс /.

ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ДОПРОС.

Подполковник Грифит Джонс: Я хочу задать Вам лишь один вопрос. Правильно-ли я понял Вас, что к середине 1944 г. Штрейхер убедился в том, что отчеты в Швейцарской газете " Израелитещес Вохенблат" были правильны ?

ХИМЭР: Я Вас не понял. Я прошу Вас еще раз повторить вопрос.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФИТ ДЖОНС: Правильно-ли я Вас понял, что к середине 1944 года Штрейхер убедился в том, что те отчеты, которые он читал в швейцарской газете относительно концентрационных лагерей, соответствовали действительности?

ХИМЭР: Да, у меня было такое впечатление, что Штрейхер в середине 1944 года...

Подполковник ГРИФИТ ДЖОНС: Я хотел , чтобы Вы ответили да или нет. Этого вполне достаточно .

ХИМЭР: Да.

Подполковник ГРИФИТ ДЖОНС: Разрешите мне прочитать Вам три строчки из статьи, которая была опубликована 14 - сентября 1944 года в газете " Дер Штюрмер".

" Большевизм не может быть побежден; он должен быть уничтожен. Тоже самое относится и к еврейству; оно должно быть побеждено, разоружено и лишено всяких средств защиты;

9812

H1199-0423

H1199 – 0424

оно должно быть истреблено".

Это стр. 52-А. В последнем предложении вместо слова "истреблено" Вы употребили немецкое слово "аусгероттет", которое , как я пнимаю, означает уничтожить полностью. Скажите , почему эта статья была опубликована в "Дер Штюрмер" в сентября 1944 года, когда издателю "Дер Штюрмер" уже было известно о том, что происходило в концентрационних лагерях на Востоке ? Скажите, с какой целью была опубликована эва статья ?

ХИМЭР: Я сам не писал этой статьи. Мне кажется, эта статья была написана Штрейхером. Таким образом, я сам не могу судить о том, какие цели преследовала эта статья. Я , однако, заявляю, что Штрейхер выступал против актов уничтожения, имевших место в концентрационных лагерях, и что он не желал, чтобы евреев убивали.

Подполковник ГРИФИТ ДЖОНС: Очень хорошо, на этом я заканчиваю рассмотрение данного вопроса. Милорд, в интересах экономии времени я не хотел бы продолжать перекрестный допрос свидетеля. Но, возможно, мне будет разрешено обратить внимание Трибунала на те статьи, которые содержатся в Вашей подшивке и которые были написаны этим подсудимым. Всего семь статей, они находятся на страницах 3-А, 35-А, 38-А, 40-А, 49-А, 50А, и 51А. Эти статьи были опубликованы в период с января 1939 года по август 1944 года.

МИЛОРД, другой вопрос , на который я хотел-бы обратить внимание Трибунала заключается в том, что данный свидетель является автором отвратительной книги для детей, которая была (много) представлена Трибуналу при представлении материалов по делу подсудимого Штрейхера.

9 813

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие обвинители подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ? (нет ответа).
Доктор Маркс, желаете ли Вы задать дополнительные вопросы свидетелю ? Вы слышали, что сказал обвинитель о различных статьях, написанных этим свидетелем ?
Имеются ли у Вас еще какие-либо вопросы к этому свидетелю?

Д-р МАРКС: Господин Химэр, Вы, видимо, не поняли заданный Вам только что вопрос. Вы должны, следовательно, еще раз высказаться о том, каким образом, господин Штрейхер получил вышеупомянутые сведения, когда он дал Вам понять, что он убежден, что эти массовые убийства имели место или что он верит в то, что эта правда.

ХИМЭР: Мне кажется, это было в середине 1944 года.

МАРКС: Однако, в "Израилитишесс Вохенблатт" (Израильтянском еженедельнике) уже в течение многих лет об этом шла речь.

ХИМЭР: Да, но Штрейхер тогда этому не верил. Его мнение изменилось лишь в 1944 году и , насколько я помню,- лишь только в середине 1944 года.

МАРКС: Итак, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, свидетель может удалиться.

/ Свидетеля уводят /

МАРКС: С разрешения суда я вызываю свидетеля Вурцбахера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

9 814

H1199 - 0425

H1199 – 0426

/ Вводят свидетеля /.

/ В зал входит свидетель /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сообщите Ваше полное имя.

СВИДЕТЕЛЬ: Филипп Вурцбахер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги:

"Клянусь богом, всемогущим и всеведующим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/ Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

МАРКС: Г-н Свидетель ,Вы были фюрером СА в Нюрнберге ?

ВУРЦБАХЕР: Да.

МАРКС: С какого времени ?

ВУРЦБАХЕР: С 1928 года.

МАРКС: Какие должности Вы занимали ?

ВУРЦБАХЕР: Я был тогда командиром полка СА. Я начал с простого члена СА.

МАРКС: С какого времени Вы знаете подсудимого Штрейхера ?

ВУРЦБАХЕР : Я знаю его по выступлениям на собраниях с 1923г., лично я знаком с ним со времени моей деятельности в качестве фюрера СА, с 1928 года.

МАРКС: Присутствовали-ли Вы регулярно на собраниях, на которых он выступал ?

ВУРЦБАХЕР: Я не могу сказать, что я регулярно присутствовал, однако, я очень часто посещал эти собрания.

МАРКС: Призывал-ли подсудимый Штрейхер в своих речах к насилию по отношению к еврейскому населению и сообщал-ли он о таких актах насилия ?

ВУРЦБАХЕР: Я никогда на собраниях не слышал о том, чтобы делались призывы к насильственным действиям против еврейского населения. Я также никогда не слышал, чтобы он сам призывал к этим насильственным действиям или извещал о них.

МАРКС: Происходили-ли в Нюрнберге или в Гау Франкония в период с 1920 по 1933 год какие либо акты насилия против еврейского населения, которые совершались по инициативе народа ?

ВУРЦБАХЕР: Нет, я не могу припомнить такого рода происшествие.

МАРКС: Может быть, СА совершала такие акты насилия или отдавала соответствующие приказы?

ВУРЦБАХЕР: СА никогда не делала ничего подобного, наоборот, СА получила указание, причем указание совершенно определенного характера о том, чтобы не совершать таких актов насилия. Если бы какой-либо член СА совершил акты насилия, или если-бы фюрер СА приказал совершить их, то он был-бы подвергнут тяжелому наказанию.

Вообще, как я уже ~~указал~~ подчеркивал, никогда не существовало такого призыва или такого приказа.

МАРКС: Что Вы можете сказать тогда по поводу событий в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года ?

ВУРЦБАХЕР: Я лично в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года во время этих событий не был в Нюрнберге. Я в это время страдал от хронического катара гортани и был на курорте в Эмсе. Я могу дать показания об этих событиях, только на основании тех рассказов, которые я впоследствии услышал.

9 816

H1199-0427

H1199 – 0428

МАРКС: Говорили-ли Вы с обергруппенфюрером Оберницем об этих событиях ?

ВУРЦБАХЕР: Да, я говорил с обергруппенфюрером СА Оберницем во время краткой беседы, после моего возвращения. Однако об этих событиях я узнал очень мало, ибо обергруппенфюрер СА Оберницц был вскоре отозван, так что впоследствии даже во время обыкновенной беседы я не мог затронуть этой темы. Я вспоминаю, что тогда Оберницц говорил примерно о том, что он своими собственными средствами навел порядок во время этих событий.

МАРКС: Наблюдалось -ли среди членов СА какое-либо определенное отношение к этим событиям или дело обстояло таким образом, что даже среди членов СА эти невероятные события осуждались ?

ВУРЦБАХЕР: Отношение к вышеуказанным событиям, насколько я мог установить, когда я возвратился, – это было кажется 23 или 24 ноября – было различным. Дело обстояло так, что часть членов СА была за эти мероприятия, другая часть против них. Во всяком случае, дело обстояло так, что в общем все то, что произошло, большей частью признавалось неправильным и осуждалось.

МАРКС: Можно-ли было отметить, что вследствие увеличения членов СА после 1933 года, начала проявляться более резкая тенденция, некоторое огрубение в кругах ~~СС~~ СА ?

ВУРЦБАХЕР: Естественно, что с приходом национал-социалистов к власти, с приемом в члены многих новых людей, которые не поддавались контролю, обстановка стала совершенно иной. До этого я, будучи фюрером СА, знал лично почти каждого члена в отдельности. После того, как влилось большое число новых людей, нужно было еще только познакомиться с каждым

членом СА. Однако, мне кажется, я могу сказать, что определенного огрубения после этих событий нельзя было констатировать. Может быть, в СА проникли те или иные элементы, совершавшие под прикрытием звания членов СА, те или иные действия. Однако, я не могу сказать, что в общей массе наступило заметное огрубение нравов.

МАРКС: Могли ли Вы установить, что " Дер Штюрмер" оказывал влияние на членов СА и что вследствие этого возникло антисемитское течение в подчиненных Вам соединениях СА ? Или у Вас читалась другая газета СА - "Мани" ?

ВУРЦБАХЕР: В этой связи я могу сказать, что к " Дер Штюрмер", Нюрнбергское население, особенно члены СА относились по разному.

В СА имелись широкие круги, которые , я хотел бы сказать, не то, что отвергали полностью "Штюрмер", но просто не проявляли никакого интереса к этой газете и именно потому, что содержание статей неоднократно повторялось и по сему поводу эта газета не имела значения для них. В основном, конечно, газета " СА - Манн" читалась членами СА в первую очередь, поскольку она являлась органом СА.

МАРКС: Когда Вы принимали участие в собраниях, на которых выступал Штрейхер, какое представление у Вас было о целях, которые он преследовал своими речами в области решения еврейского вопроса ?

ВУРЦБАХЕР: Цели, которые он там провозгласил, мне кажется, были ясны и недвусмысленны. Он стремился к тому, чтобы значительные еврейские элементы, представленные в экономике Германии и прежде всего в общественной жизни, в общественных учреждениях были устранены, чтобы затем можно было поставить вопрос о выселении евреев об их эмиграции.

9818

H1199 – 0429

H1199 - 0430

МАРКС: Принимали-ли Вы какое- либо участие 1 апреля 1933 г. в проведении бойкота ?

ВУРЦБАХЕР: Да, я участвовал в бойкоте. Я получил тогда задание от моего группенфюрера позаботиться о том, чтобы этот бойкот проходил в полном порядке, в тем, чтобы можно было гарантировать успех этого бойкота. Я тогда на основании указаний, полученных мною от подчиненных мне штурмфюреров, распорядился выставить пикеты, которые состояли из двух человек и должны были обеспечить, чтобы ничего худого не произошло и чтобы все протекало в полном порядке.

МАРКС: Имелись-ли в связи с этим какие либо директивы Штрейхера ?

ВУРЦБАХЕР: Да, указание, которое я получил от своего группенфюрера, исходило от гаулейтера Штрейхера .

МАРКС: Разве не указывалось , что нужно предупреждать всякие насильственные акты против евреев ?

ВУРЦБАХЕР: Такие указания давались не только в данном конкретном случае, но вообще при любых обстоятельствах. Неоднократно указывалось , что нужно предотвращать всякое оскорбление, действия, отдельные акты насилия и вообще всякие насильственные действия против еврейского населения, в особенности в Нюрнберге, и что эти действия строжайшим образом запрещены.

МАРКС: Как Штрейхер отнесся к сведениям, которые он получил о том, что в отдельных случаях имели место такие акты насилия.

ВУРЦБАХЕР: Я помню такой случай. Мне кажется, произошла небольшая драка, в общем что-то случилось, я сейчас не могу сказать, о каком конкретном случае тогда шла речь ; Штрейхер устроил ужасный скандал, прочел нотацию нам, фюрерам

СА, вообще сделал нам настоящий выговор, если можно так выразиться.

МАРКС: В каком духе он высказался тогда, сделал-ли он какое-либо общее заявление?

ВУРЦБАХЕР: Он сказал,-я разрешу себе передать лишь только смысл его слов,-что он в своем гау не потерпит, чтобы людей избивали или чтобы их каким-либо образом мучили, и при этом он употребил сильные выражения по адресу фюреров СА, как , например, болваны и т.П., я теперь уже точно не помню.

МАРКС: Но его ведь называли "кровавым царем" Франконии ? Как это об"яснить ?.

ВУРЦБАХЕР: Может быть, это название отражает ту манеру держать себя, которая у него иногда проскальзывала. Он иногда мог быть очень резким и прямолинейным. Во- всяком случае я лишь могу сказать , что во время моей деятельности я сам не почувствовал и не слышал, что он был кровавым царем.

МАРКС: Знаете-ли Вы, как он относился к концентрационным лагерям ? Посещал-ли он Дахау, как часто и что он там делал ?

ВУРЦБАХЕР: Об этом я не могу дать никаких показаний. Я знаю лишь, что он неоднократно прилагал усилия к тому, чтобы люди, попавшие в Дахау, как можно скорее освобождались оттуда, если они не совершили каких-либо уголовных и других преступлений, что он часто говорил об этом. Я знаю несколько случаев , когда люди вскоре после ареста и заключения в концлагерь освобождались оттуда. Так, например, его старый противник в Нюрнбергской ратуше, учитель Матт, был очень скоро отпущен на свободу. Мне кажется, он пробыл там три-четыре месяца.

9 820

H1199 – 0431

H1199 - 0432

Затем некий Лефендер, работавший главным образом в профсоюзах, был скоро освбожден из концлагеря, Если я точно припоминаю, то кажется в 1935 году или в начале 1936 г. некотрые заключенные покинули лагерь Дахау и были встречены музыкой.

МАРКС: Не смотрели-ли на него косо за то, что он освободил из лагеря Дахау ~~остальных~~ столяких членов левых партий ?

ВУРЦБАХЕР: Иногда среди членов СА велись разговоры о том, что гаулейтер совершает безответственные действия, что в наше время нельзя допускать ничего подобного или игнорировать такие действия и т.д. и т.п. Но иногда указывалось также на то, что гаулейтер в конце концов, несет ответственность и что он должен знать, что ему нужно делать в каждом отдельном случае.

МАРКС: Известно-ли Вам что-либо о том, что Гиммлер выразил Штрейхеру свое недовольство по поводу этих освобождений заключенных и что он заявил ему, что если он будет продолжать в таком-же духе, то на него будут наложены взыскания. Если Вы ничего не знаете об этом , то скажите просто нет.

ВУРЦБАХЕР: Нет.

МАРКС: В таком случае я закончил допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают-ли другие защитники задать вопросы свидетелю ?

Желает-ли обвинение подвергнуть перекрестному допросу свидетеля ?

Тогда свидетель может удалиться.

Доктор Маркс, на этом Вы заканчиваете представление своих материалов ?

МАРКС: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае мы перейдем к делу доктора Шахта.

/ К микрофону подходит защитник подсудимого Шахта- доктор Дикс /.

Доктор Дикс (защитник подсудимого Шахта)/.
Я начинаю представление доказательств с допроса подсудимого Шахта в качестве свидетеля. Я прошу, Ваша честь, распорядиться, чтобы доктор Шахт занял место у свидетельского пульта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: / Обращаясь к Шахту /. Назовите Ваше полное имя.

ШАХТ: Гяльмар Шахт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

/ Подсудимый Шахт повторяет слова присяги/

Вы можете сесть.

ДИКС: Пожалуйста, расскажите суду кратко о Вашем происхождении.

ШАХТ: Семьи моих родителей в течение столетий проживали Шлезвиг-Гольштинии, принадлежавшей до 1864 года Дании. Мои родители были еще датскими подданными. После того, как Шлезвиг-Гольштиния перешла к Германии, мой отец эмигрировал в Америку, куда уже до этого отправилось трое его братьев. Мой отец стал американским гражданином и мои старшие братья родились за океаном . Затем он должен был вернуться в Германию из за плохого здоровья моей матери. Я воспитывался в Гамбурге, учился в немецких университетах и в Париже. После того, как я получил степень доктора, я два года работал в экономических организациях, затем стал заниматься банковским делом. Тринадцать лет я работал в Дрезденском банке, в одном из крупных так называемых "Д-банков". Затем я сам стал руководителем собственного банка, который впоследствии слился с одним из "Д-банков" . В 1923 году я расстался с частной деятельностью, перейдя на общественную службу в качестве

H1199 – 0433

H1199-0434

имперского комиссара по валюте, став вскоре после этого президентом рейхсбанка и вплоть до 1930 года я находился на посту президента рейхсбанка, после чего я подал в отставку.

ДИКС: Почему Вы сложили с себя обязанности президента Рейхсбанка ?

ШАХТ: В двух важнейших областях у меня были серьезные противоречия с правительством. Во-первых, это внутренняя финансовая политика правительства. После того как ужасная катастрофа с проигранной войной и Версальский договором была позади нас, с моей точки зрения было необходимо, чтобы германская политика осуществлялась с помощью чрезвычайно скромных, осторожных методов. Демократические правительства и социалистические правительства того времени не понимали этого, они проводили довольно легкомысленную политику в области финансов, выражавшуюся, в частности, в том, что они пошли по пути государственных долгов, которые они в чрезвычайно большом размере делали заграницей. Поэтому совершенно ясно, что Германия, которая и без того несла на себе чрезвычайно тяжелое бремя репараций, ни при каких обстоятельствах не смогла-бы собрать иностранных платежных средств, иностранной валюты, необходимой для уплаты этих долгов. Наша экономика не давала нам средств даже для уплаты репараций. Вследствие этого я выступал против долгов, к которым прибегали правительства того времени и на которые они посадили государственную промышленность и частные компании. Я выступал против такой финансовой политики и постоянно предостерегал Германию и зарубежные страны от того, чтобы они не проводили такой политики долгов, занимая средства у иностранных держав. Иностранные банкиры и германское правительство, однако, не слушали меня . Это было в то время,

9823

когда в Берлине, проходя мимо отеля " Адлон" по Унтер-ден-Линден, нельзя было быть уверенным, что не появится какой-нибудь финансовый агент и не спросит Вас, не желаете-ли Вы получить заем . С этими людьми я неумолимо боролся. Затем в Германии была прекращена политика долгов. Я подчеркиваю, что я всегда решительным образом выступал против этой политики долгов. Это было одной причиной.

Другая причина была связана с внешней политикой. Я участвовал не только в составлении плана Янга, но в 1929 г. я принял участие также в создании комитета Янга, и затем так называемый план-Янга, создал целый ряд улучшений в положении Германии, которые впоследствии шаг за шагом были сведены на-нет германским правительством во время переговоров в Гааге, и вследствие этого финансовое и экономическое положение страны снова ухудшилось и я протестовал против этого и в марте 1930 г. я из-за протеста ушел с поста председателя рейхсбанка.

ДИКС: Господа судьи, я хочу в этой связи указать на документ № 6 в моей книги документов. Если суд согласится с этим, то я думаю в целях сокращения времени, необходимого для представления доказательств, уже в ходе допроса свидетеля ссылаться на те документы, которые находятся в логической связи с теми вопросами , которые обсуждаются свидетелем. Мне кажется , что суд согласится с этим, так как такая процедура сократит срок пред"явления доказательств. Таким образом, пред"является документ № 6 на странице 12-й немецкого текста моей книги документов и на странице 8-й английского перевода. Доказательство № 6 представляет собою запись заявлений доктора Шахта, сделанных на заседании вспомогательного комитета по делам финансов и кредитов 21 октября 1926 года.

9824

H1199-0435

H1199 - 0436

Мне кажется, нет необходимости в том, чтобы я оглашал эти заявления. Они касаются иностранных переговоров, о которых только что упоминал доктор Шахт, и содержат те мысли, которые здесь развивал только-что доктор Шахт перед Трибуналом, и д-ра Шахта являются свидетельством того, что эти показания не представляют собой заявления ~~экс~~ пост факта. Таким образом, я прошу, чтобы суд приобщил этот документ к делу. А теперь я возвращаюсь к допросу.

Таким образом, Вы ушли в отставку с поста президента рейхсбанка. Что Вы после этого делали ?

ШАХТ: Я удалился в мое небольшое сельское имение, которым я владел, и жил в качестве частного лица, а затем я совершил путешествие в Америку, которое относится к 1930 году, причем довольно скоро и даже непосредственно после выборов в Рейхстаг, в сентябре 1930 года, я отправился через Лондон в Нью-Йорк. Там я в течение двух месяцев выступал с докладами по вопросам, осветить которые мне предложили мои американские друзья.

ДИКС: Когда впервые Вы столкнулись с национал-социалистскими идеями с национал-социалистской партией, встретились лично с Гитлером и когда Вы, в частности, познакомились с партийной программой и с книгой Гитлера " Майн кампф " ?

ШАХТ: Я, за исключением единственного случая в моей жизни, никогда не интересовался политикой партии. Когда мне было 26 лет, в моем распоряжении уже был надежный круг избирателей в рейхстаг, услугами которых я не воспользовался, потому что я никогда не интересовался политикой партии. Мои интересы концентрировались всегда в области экономики и финансовой политики. Естественно, однако, что я в общем плане интересовался общественной жизнью, проявляя участие к судьбе моей

страны и моего народа. Вследствие этого, я в 1919 г. участвовал в создании демократической партии. Мне хотелось-бы в этой связи сказать несколько слов относительно моего умственного и нравственного воспитания. Мой отец в течение всей его жизни придерживался демократических убеждений. Он был масоном, космополитом. У меня было и сейчас еще имеется много родственников с материнской стороны в Дании, в Америке. С отцовской стороны у меня родственники в Америке и я до сих пор нахожусь с ними в дружественных отношениях . Я также воспитывался в духе этого мировоззрения и никогда не отмежевывался от принципов масонского, демократического, гуманитарного, космополитического мировоззрения. Я и в дальнейшем поддерживал всегда очень тесный контакт с заграницей. Я очень много путешествовал, и в Европе, кроме Ирландии и Финляндии, нет ни одного государства, ни одной страны, которую бы я не посетил. Я знаю Переднюю Азию , а также Индию, Цейлон и Бирму. Я неоднократно посещал Северную Америку и как раз перед войной хотел посетить Южную Америку. Но тут началась вторая мировая война. Я хотел-бы это подчеркнуть, для того, чтобы указать, что я никогда не был заинтересован в партийной политической жизни. Но, вполне понятно, что после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года, когда партия Гитлера совершенно неожиданно получила 108 мандатов, я заинтересовался этим феноменальным событием и, возвращаясь из Америки на пароходе, я прочитал книгу " Майн кампф" и, естественно, в связи с этим- программу партии. Когда я прибыл в Америку, первым вопросом, который был мне задан, был вопрос о том, что я думаю о Гитлере и его партии, так как в то время все говорили об этом событии в Германии. Тогда же я в первой своей статье, в интервью, самым решительным образом предостерег и заявил: "Если Вы, иностранцы , не измените Вашей политики по отношению к

9826

H1199 – 0437

H1199-0438

Германии, то вскоре столкнетесь с тем фактом, что Гитлер приобретет еще больше сторонников в Германии, чем теперь". Затем я в течение двух месяцев выступал более 50 раз на открытых собраниях, находя повсюду понимание трудностей, связанных с уплатой репараций, и вреда, причиненного Версальским договором, экономических трудностей в Германии, и возвратился обратно под впечатлением того, что американский народ относится к нам сравнительно дружелюбно.

Я затем, не по собственной инициативе, а совершенно случайно встретился с приверженцами национал-социализма. Произошло это таким образом, что один из моих друзей, директор банка, в начале декабря 1930 года пригласил меня в свой дом на ужин, чтобы побеседовать с Германом Герингом. Я пришел к нему, но не получил ясного представления о личности Германа Геринга и о его принципах. Он был чрезвычайно сдержанным, скромным и подтянутым и пригласил меня к себе, чтобы, наконец, познакомиться с Гитлером. Затем я в начале января, был со своей женой на ужине у Геринга, проведя с ним и его супругой вечер, на который еще был приглашен Фриц Тиссен и предполагалось, что Гитлер также будет присутствовать на этом вечере и побеседует с нами. Я хочу в этой связи отметить также, что квартира Геринга была весьма простой и скромной. К ужину был подан простой гороховый суп с салом, и особенно первая жена Геринга производила весьма приятное впечатление. После ужина появился Гитлер и при этом возникла беседа, которая приняла такой характер, что примерно 5 процентов беседы вели мы, а 95 процентов Гитлер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Вы говорите слишком быстро. Продолжайте.

9822

Шахт:

В своих рассуждениях он ~~[illegible]~~ касался национальных вопросов, интерпретация которых ~~совершенно~~ полностью совпадала ~~звучала в унисон~~ с нашей. При этом он не выдвигал никаких экстравагантных требований, с другой стороны, однако, он подчеркивал национальные нужды Германии.

В социальном отношении Гитлер высказал целый ряд хороших мыслей, которые сводились, в частности, к тому что необходимо избежать классовой борьбы, забастовок, локаутов, споров о зарплате путем вмешательства государства в трудовые отношения и в руководство экономикой. Он требовал не устранения частного хозяйства, а оказания влияния на руководство частным хозяйством.

И нам казалось, что эти мысли весьма разумны и вполне приемлемы. Впрочем, он в области экономики и финансовой политики проявил почти, что невежество и не претендовал в тот вечер на то, что он сведущ в этой сфере. Он просил лишь о том, чтобы мы, экономисты, поняли его идеи и консультировали бы его. В этом заключалась цель вечера.

МАРКС: Я вернусь еще к этой первой беседе с Адольфом Гитлером, но я хотел-бы еще раз возвратиться к вопросу, который я задал до этого, к вопросу о том, как Вы отнеслись к партийной программе и к той идеологии, которая изложена в книге " Майн кампф ", именно потому, что как Вы здесь слышали, представители обвинения придерживаются той точки зрения, что уже сама партийная программа, как таковая, а также и некоторые части книги " Майн кампф", носят преступный характер, и что этот преступный характер был распознан уже в-начале, когда лишь только появилась партийная программа и упомянутая книга. Я хотел-бы поэтому попросить Вас под этим углом зрения подробно рассмотреть Ваше отношение тогда, а может быть и сегодня, к этой партийной программе и к идеологии национал-

H1199 – 0439

H1199-0440

социализма, поскольку она вытекает из книги " Майн кампф".

ШАХТ: Из хода процесса, который ведется в этом зале, я не получил представления о том, что у Обвинения сложилась единая точка зрения относительного преступного характера партийной программы. Я не замечал в партийной программе, как таковой, каких либо признаков преступных намерений; об"единение всех немцев, которое всегда играло в программе большую роль, требовалось на основе права на самоопределение. Внешнеполитическая позиция Германии рассматривается лишь с точки зрения равноправия германского народа по отношению к другим нациям и совершенно ясно, что тем самым должны были быть также устранены все оскорбления, нанесенные германскому народу Версальским договором.

Далее, выдвигалось требование о предоставлении территории и земли для прокормления нашего народа и для расселения людей, проживавших в перенаселенных районах. Я не вижу в этом требовании никакого преступления, потому что после слов " территория и земля " в скобках добавлено - колонии. Я всегда рассматривал это требование, как социальное, которое выдвигалось уже задолго до нацизма и которое я всегда сам поддерживал. Казались странными и, на мой взгляд, несколько преувеличенными требования о лишении прав евреев подданных государства, но примерящим обстоятельствам было то, что на евреев должны были распространиться законы для иностранцев, т.е. те самые законы, по которым в Германии проживали иностранцы. Я желал и всегда требовал, чтобы евреи действительно при всех обстоятельствах находились под охраной закона, но, к сожалению, им не предоставили этого права. Однако, в остальном указывалось на то, что все государственные подданные должны иметь равные права и обязанности.

9829

В программе подчеркивалось , что народное образование должно особо развиваться. Выдвигалось требование о развитии спорта для улучшения здоровья населения. Далее, предусматривалась борьба против заведомой политической лжи, к которой позже стал прибегать сам д-р Геббельс, и, главным образом, выдвигалось требование свободы для всех религиозных вероисповеданий и защищалась точка зрения о позитивном христианстве.

Таково содержание основных моментов программы национал-социалистской партии, и я не вижу ничего преступного в ней. Было-бы весьма странным, если-бы весь мир в течение двух десятилетий поддерживал ~~бы~~ постоянный политический и культурный контакт с Германией и в течение десяти лет с национал-социалистским режимом, - если речь идет о том, что программа национал-социалистской партии являлась преступной.

Что касается книги " Майн кампф", то моя оценка с самого начала была такой же, что и сегодня. Эта книга, написанная на плохом немецком языке, - пропагандистский труд человека, сильно заинтересованного в политике, а может быть и фанатического, полуобразованного, то-есть такого человека, каким Гитлер всегда показывал себя впоследствии. В книге "Майн Кампф" и частично также в партийной программе имелся один пункт, который заставлял меня призадуматься. Это-полное непонимание всех экономических проблем. Партийная программа имела лишь несколько пропагандистских лозунгов, как, например, " личная польза уступает место общественной пользе" - и т.п. Затем " Уничтожение налогового рабства " и прочие выражения, которые не представляли собой ничего разумного. Эти лозунги опять-таки нашли выражение и в книге " Майн кампф", что ~~[illegible]~~ в политико-экономическом отношении не представляло

9830

H1199 – 0441

H1199 – 0442

интереса и поэтому так-же совершенно не интересовало меня. С другой стороны, во внешне-политическом отношении книга " Майн кампф" мне казалась весьма неправильной, потому что она все время заигрывала с идеей , гласившей, что жизненное пространство Германии следует расширить за счет земель в Европе. Если эти высказывания тогда не помешали мне сотрудничать с национал-социалистским рейхсканцлером, то только по той простой причине, что расширение германского пространства в восточном направлении в книге " Майн кампф" определенно ставилось в зависимость от того, что английское правительство даст на это свое благословение. Тем самым для меня, считавшего себя хорошим знатоком английской политики, это положение было полной утопией и не таило в себе опасностей в том смысле, что я мог бы серьезно отнестись к вышеописанным высказываниям Гитлера, чем в действительности относился. Мне было совершенно ясно, что для Германии будет невозможно насильственным путем расширить свою территорию в Европе и что другие нации не согласятся с этим.

Что касается остальных моментов, то в " Майн кампф" имелся целый ряд теоретических расплывчатых идей, однако, наряду с этим имелись и разумные мысли. В частности, мне понравились , и я хочу это подчеркнуть две идеи. Первая заключалась в том, что если кто-либо придерживается в области политики другого мнения чем правительство, то его долгом является высказать свое мнение правительству. Другая мысль заключалась в том, что хотя на место демократического правительства или, лучше сказать, парламентского правительства выдвигалось правительство , построенное на принципе фюрерства, тем не менее этот фюрер мог быть во главе правительства лишь только в том случае, если его признает весь народ, что, таким образом, и фюрер зависил от демократического избрания его народом.

9831

ДИКС: Д-р Шахт, Вы теперь описали свое впечатление как о Вашей первой встрече с Адольфом Гитлером, так и об~~ом~~ изучении партийной программы и книги " Майн кампф". Предполагали-ли Вы тогда, что Вы сможете работать с Адольфом Гитлером, и какие Вы вообще сделали для себя выводы из этой первой беседы с Гитлером ?

ШАХТ: Сотрудничество с Адольфом Гитлером для меня лично вообще не было возможным, так как я был частным лицом и не интересовался политикой партии и поэтому я после этой беседы не предпринял ничего для того, чтобы установить отношения с людьми, окружавшими Гитлера. Я спокойно возвратился в свое имение и жил там, как частное лицо. Таким образом, для себя лично я не сделал никаких выводов, однако, я сделал несколько другой вывод.

Я уже сказал, что я, само собой разумеется, был заинтересован в судьбе моего народа. Я после этой беседы неоднократно встречался с рейхсканцлером Брюнингом и заклинал его, чтобы он включил в состав имперского кабинета министров либо во время сформирования кабинета , либо при дальнейшем руководстве им национал-социалистов, так как я считал, что лишь таким путем можно будет ограничить и укротить ту чудовищную пропагандистскую силу, которую я заметил у Гитлера, приобщив национал-социалистов к практическим правительственным задачам. Я говорил, что их не следует оставлять в оппозиции, так, как они могли становиться все более опасными, что их следует включить в правительство и посмотреть, как они смогут проявить себя, находясь в составе правительства и проверить, не приобретут-ли они некоторого лоска. Это было моим предположением и моей настоятельной просьбой, с которой я обратился к Брюнингу.

Я заметил при этом , что Гитлер, по моему мнению, в то время

9832

H1199 – 0443

H1199-0444

готов был пойти на это предложение. Но Брюнинга никак нельзя было склонить к такой политике и вследствие этого он сам потом погиб.

ДИКС: Одну минуточку, задержимся на вопросе о партийной программе. В обвинительном заключении Вас называют членом партии. Геринг, однако, уже показал, что Гитлер рассматривал награждение ~~значком~~ золотым партийным значком, как своего рода вручение ордена. Можете-ли Вы ~~что-либо~~ добавить к этим показаниям Геринга что-либо новое ?

ШАХТ: Я не знаю, упоминалось ли здесь уже о том, что золотой партийный значек, тогда, в январе 1937 г., был вручен всем министрам, а также всем военным, которые были представлены в кабинете. Военнослужащие вообще не могли быть членами партии, вследствие этого награждение золотым партийным значком вовсе не было связано с членством в партии. Об остальном, мне кажется , здесь уже высказывался подсудимый Геринг. Может быть, следовало бы добавить еще, что если бы я был членом партии, то когда меня в 1943 году вышвырнули с поста министра без портфеля, ~~то~~ меня безусловно привлекли - бы к партийному суду, потому что в противном случае это было-бы нарушением субординации по отношению к Гитлеру.
Меня никогда не привлекали к партийному суду, и, когда, сместив меня с моего поста, от меня потребовали, чтобы я возвратил золотой партийный значек, ~~то~~ мне не сказали: " Вы исключаетесь из партии", потому-что я вообще не был членом партии.
Мне лишь только сказали: " Возвратите тот золотой почетный значок партии, которым Вы были награждены", что я тот час и сделал. Мне кажется, что я больше ничего не могу добавить к тем показаниям, которые уже давались.

ДИКС: Таким образом, этот пункт в обвинительном заключении является ошибочным.

8833

ШАХТ: Да, этот пункт совершенно ошибочный.

ДИКС: Почему Вы не стали членом партии ?

ШАХТ: Я не был согласен с целым рядом пунктов национал-социалистской идеологии. Мне кажется, что я не мог-бы согласовать все мои демократические принципы с тем обстоятельством, что я избрал-бы партийную программу, которая претила мне не только своим содержанием, сколько тем, как она с течением времени осуществлялась.

ДИКС: Таким образом, Вы из принципиальных соображений не стали членом партии ?

ШАХТ: Да, из принципиальных соображений.

ДИКС: В 1937 г. появилась Ваша биография, написанная неким доктором Рейтером. В ней правдиво указано, что Вы не были членом партии. Но в этой биографии тот шаг, что Вы не вступили в партию, истолковывается иначе, а именно желанием оказывать влияние на внепартийные круги. Может быть, было-бы целесообразно, если-бы в ходе допроса Вы высказались-бы по этому поводу.

ШАХТ: Мне кажется, что у Гитлера тогда сложилось такое представление, что я мог быть полезен ему, не будучи в партии, и - что, может быть, об этом услышал доктор Рейтер. Я хотел-бы, однако, попросить , что-бы меня не делали ответственным за высказывания доктора Рейтера, и, в частности, я протестую против того, что представитель обвинения, выступивший здесь с обвинением против меня, характеризовал эту книгу Рейтера , как официальный документ. Безусловно, эта книга является частным трудом журналиста, которого я конечно ценю, но который, естественно, имеет свои личные

H1199 – 0445

H1199 - 0446

мнения и суждения.

ДИКС: Д-р Шахт, выступали-ли Вы публично до июньских выборов 1932 г. за Гитлера ?

ШАХТ: До июньских выборов в 1932 г. , которые принесли Гитлеру невероятный успех, я не выступал ни частным порядком, ни перед общественностью в пользу Гитлера. Я припоминаю лишь только один случай, когда Гитлер прислал ко мне члена партии, который составил политико-экономический, политико-финансовый и политико- валютный план, и, видимо, Гитлер сказал ему, чтобы он побеседовал со мной о том можно-ли осуществить эти политико- валютные планы. Я могу кратко упомянуть, что этот-бывший ревер, гаулейтер Ольденбурга. В Ольденбурге нацисты ведь пришли к власти до 1932 года и он был премьер-министром и хотел ввести собственные ольденбургские государственные деньги, что привело бы к тому, что также Саксония ввела бы свои саксонские государственные деньги; Вюртемберг свои вюртембергские, Баден свои баденские и т.д.

Я посмеялся над этим проектом и послал Гитлеру телеграмму о том, что такими " чудами" нельзя преодалеть экономических нужд Германской империи.

Отвечая на такие вопросы, которые по существу выясняют личные отношения, я могу сказать, что я ни частным порядком, ни на общественном поприще, ни в своих речах, ни в статьях не интересовался Гитлером и не выступал в пользу партии.

ДИКС: В июне 1932 г. Вы голосовали в пользу национал-социалистской партии ?

ШАХТ: Нет, я и не думал об этом.

ДИКС: Обвинение назвало тут целый ряд моментов, на основании которых оно хочет доказать , что Вы являлись сторонником

национал-социалистской нацистской идеологии. Я отдельно перечислю их и попрошу Вас высказаться по каждому пункту в отдельности.

Во -первых, Вас обвиняют в том, что Вы были противником Версальского договора. Желаете-ли Вы высказаться по этому вопросу ?

ШАХТ: Меня несколько удивило то, что я услышал этот упрек и именно из уст представителя американского Обвинения. Лейтенант, который выступал здесь, возможно , еще слишком молод для того, чтобы самому все это пережить, но он однако, мог знать об этом по урокам в школе, во всяком случае для нас всех, кому пришлось это тогда пережить, было одним из самых больших событий, то, что Версальский договор был отклонен Америкой и, если я не ошибаюсь, почти при полном согласии американского народа, руководствовавшегося теми же самыми соображениями, по каким я отклонил этот договор, а именно, потому-что этот договор находился в противоречии с 14-ю торжественно провозглашенными пунктами Вильсона, и потому-что в области экономики он создал целый ряд бессмысленных положений, которые, безусловно, могли причинить также ущерб и мировой экономике. Однако, я не стану из за этого обвинять американский народ в том, что он являлся сторонником нацистской идеологии.

ДИКО: Обвинение утверждает, что Вы уже давно являлись немецким нацистом, следовательно не только немецким патриотом, но и немецким национал-социалистом и сторонником экспансии. Хотите-ли Вы высказаться по этому поводу ?

ШАХТ: Вы сами, делая ударение на слове " патриот" , признали, что необходимо выяснить, кто является, собственно

9836

H1199 – 0447

H1199 – 0448

говоря, националистом. Я всегда гордился тем, что я принадлежу к народу, который более чем тысячу лет относился к передовым культурным нациям мира; я гордился тем, что я принадлежал к народу, который подарил миру таких людей, как Лютер, Кант, Гете, Бетховен. Достаточно назвать только этих людей. Я понимал всегда под словом " национализм" стремление народа, соблюдая моральные устои и добиваясь умеренных достижений в области духовной жизни, являясь примером для других народов и занимать руководящее место в духовной и культурной сфере.

Г-н ДЖЕКСОН: Господа судьи, мне кажется, что мы слишком удаляемся от относящихся к делу обвинений и, особенно, если этот вопрос будет рассматриваться до того как обвинение изложит свою точку зрения. Мы не обвиняем доктора Шахта в том, что он выступал против Версальского договора. Мы полагаем, что каждый германский гражданин имел право выступать против этого договора и настаивать на его изменении, но не путем войны. Мы не обвиняем его и в том, что он был патристом. Единственной целью является выяснить его отношение к этим вопросам в связи с пред"являемым ему обвинением в том, что он подготавливал и способствовал ускорению войны.

Рассмотрение философских вопросов отдельно от пред"являемого ему обвинения в подготовке войны, по моему мнению, совершенно не будет иметь отношения к делу и я заверяю Трибунал, что мы не ставим своей целью утверждать, что выступление против Версальского договора является преступлением. Многие американцы делали тоже самое. Быть патриотом Германии не является преступлением. В обвинительном заключении дается определение обвинению , и именно это является обвинением; и я считаю, что мы очень отклонились от этого и напрасно теряем время.

9832

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вы на это скажите, доктор Дикс ?

ДИКС: Я охотно и с большой радостью услышал то, о чем только, что говорил судья Джексон. Но мне хочется процетировать Валленштейна " Перед трапезой это звучало иначе ". Не вызывает сомнений, - ранее я сделал даже запрос, потому что мне показалось, что я ошибаюсь, - что для того, чтобы подкрепить пред"явленное против д-ра Шахта обвинение, - ему вменяется в вину преступный характер партийной программы, преступное содержание книги " Майн кампф", - что уже само по себе можно опротестовать, - совершенно позже преступника, предкапитулянтское враждебное отношение к Версальскому договору, - затем его экспансионизм и национализм.

Таким образом , если сейчас судья Джексон с откровенностью, заслуживающей признательности, заявляет, что обвинение не вменяет доктору Шахту в вину то, что он отвергал Версальский договор, что Обвинение не утверждает, что д-р Шахт в меньшей степени был патриотом, чем националистом того склада, о котором говорилось выше, что обвинение не прибегнет к аргументации, направленной на то, чтобы на основании вышеперечисленных утверждений сделать вывод о наличии улики, показывающей, что его более поздняя деятельность, его финансовое сотрудничество в деле осуществления программы вооружений является косвенным доказательством его умысла помогать ведению агрессивной войны, - если Обвинение сейчас заявляет об этом в четкой форме, то ~~то~~ - в общем комплексе окажется ненужным целый ряд вопросов, которые я хотел задать и тогда я охотно откажусь от обсуждения вопроса об экспансионизме и национализме, об экспансионизме мы вообще еще не говорили, и судья Джексон еще не затронул этой темы. онизме

Я не думаю, что Обвинение откажется от упрека в экспансионизме, что ведь означает расширение жизненного пространства Германии за счет земель в Европе. Я не уверен в этом, но мы ~~уверены~~ послушаем, что

H1199 - 0449

H1199 – 0450

скажет Обвинение. Но, как я уже сказал, если будут из"яты вышеупомянутые обвинения, то я смогу отказаться от соответствующих вопросов, а мой подзащитный-от того, чтобы отвечать на эти вопросы.

Господин ДЖЕКСОН: Ваша честь, конечно, я не делал подобного заявления, как это утверждает доктор Дикс. Я ясно ~~как~~ заявил как в своей вступительной речи, так и в заявлении, которое я сделал сейчас, что он имел полное право быть противником Версальского договора и быть германским националистом и стремиться к достижению своих целей всеми средствами помимо войны. Я не хочу, чтобы мне приписывали то пространное заявление, сделанное доктором Диксом в своей вступительной речи. По этому поводу я ясно указал, что все эти вопросы, связанные с Версальским договором, национализмом и и жизненным пространством, являются вопросами политического и философского характера и не должны решаться данным судом.

Мы не собираемся спрашивать Вас о том, являлся ли Версальский договор справедливым документом или нет. Он являлся документом. Они имели право делать все, что они могли, для того, чтобы любыми средствами уклониться от выполнения его условий, за исключением войны. Обвинение, выдвинутое против доктора Шахта, заключается в том, что он сознательно стремился к достижению этих целей путем ведения агрессивной войны. В этом суть выдвигаемого против него обвинения.

ДИКС: Таким образом, по этому пункту....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р ДИКС, я думаю, что точка зрения обвинения была ясной с самого начала и заключалась в том, что на все эти вопросы следовало ссылаться только в том случае, если они были связанными с вопросом о ведении войны.

ДИКС: Да, вполне правильно. Если Обвинение не будет рассматривать все эти моменты как улику, показывающую , что имелся умысел подготовить войну, если обвинение не станет использовать вышеуказанные моменты, как косвенное доказательство умысла развязать агрессивную войну, о чем еще, однако, не высказался судья Джексон, то я смогу отказаться от того, чтобы разбирать эти вопросы. Но мне кажется, что не приходится сомневаться относительно того, что Обвинение - я не думаю, что ошибаюсь - уже сослалось, доказывая преступные намерения доктора Шахта относительно агрессивной войны на эти проявления враждебного отношения к Версальскому договору, на национализм и экспансионизм , на расширение жизненного пространства. Мы здесь не собираемся высказываться в академическом и теоретическом плане о том, что следует понимать под жизненным пространством и национализмом, поскольку идет речь об этих двух идеях, право верить в которые Обвинение абстрактно признает за подсудимым, и поскольку Обвинение на основании этого делает вывод о том, что эти вышеуказанные положения являются причиной и доказательством преступного умысла, - мой подзащитный должен иметь возможность об"яснить Трибуналу , что он, например, понимал под жизненным пространством, если он вообще когда-либо говорил о таковом в чем я еще не уверен. Но мне кажется, все-таки, что я и судья Джексон еще не полностью понимаем друг друга и что я не совсем уловил смысл того, о чем говорили Вы, Ваша честь...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы спросили его относительно его взглядов в отношении национализма, но, по-моему , рассмотрение этого вопроса является лишь лишней тратой времени.

H1199 - 0451

H1199-0452

ДИКС: Я указал ему только на то, что Обвинение заявило, что он был националистом и экспансионистом, и что Обвинение сделало на основании этого вывод о том, что он планировал агрессивную войну, финансируя вооружение страны. Естественно, Шахт должен показать, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: / прерывая/: Судья Джексон указал, что обвинение никогда не заявляло о том, что он просто поддерживал цели националистов и экспансионистов, а указывало, что он не только поддерживал эти цели, но и пытался путем войны добиться достижения этих целей.

ДИКС: Правильно, Ваша честь! Но нужно выяснить, рассматриваются ли эти взгляды националиста и экспансиониста, как доказательство того, что у подсудимого было намерение, вести войну, т.е. то, что мы, юристы, называем уликой, свидетельствующей об умысле развязать войну, но, поскольку эта аргументация теперь не должна подкреплять больше то обвинение, которое выдвигает судья Джексон, поскольку эти аргументы ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ / прерывая/: Здесь нет никакого разногласия. Он согласился с тем, что он придерживался этих взглядов. Нет никакой необходимости рассматривать этот вопрос. Обвинение утверждает, что он придерживался этих взглядов, и он согласен с тем, что он придерживался этих взглядов. Единственный вопрос, который возникает, заключается в том, придерживался-ли он их с тем, чтобы добиться их достижения мирным путем, или же он действительно имел преступные намерения добиться достижения их путем войны.

ДИКС: Я не хочу ничего добавить к этому, за исключением одного, что тема об экспансионизме еще не обсуждалась. Если-бы у доктора Шахта были экспансионистские стремления, то судья Джексон, безусловно, не сказал-бы, что он протестует против

того, чтобы этот пункт затрагивался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, я думаю, что Вы можете задать ему вопросы в отношении экспансионистов, о том, какова была его точка зрения в отношении экспансионистов и что он подразумевал под экспансией ; что касается остального, то мне кажется , что Вы доказываете то-же самое, что доказало обвинение .

ДИКС: Это полностью соответствует также и моей точке зрения. Таким образом, доктор Шахт....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы сделаем перерыв.

/ Объявляется перерыв до 14 часов /.

Отп. 6 экз.

а.с. в.з.

9842

H1199 – 0453

H1199-0454

С Т Е Н О Г Р А М М А
ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
от 30 апреля 1946 года

/ Вечернее заседание/

Встать. Суд идет!

Д-р ДИКС: Я думаю,доктор Шахт,что мы оба должны говорить несколько медленнее и делать паузы между вопросами и ответами. Я прошу вас высказать свое мнение относительно заявления Обвинения о том,что вы были экспансионистом.

ШАХТ: Я никогда не требовал ни одной пяди чужой земли и никогда не принял бы к такой идее.Я считаю,что стремление господствовать над другими народами не является национальным, и присвоение чужих земель не является политически справедливым. Оба эти вопроса являются в настоящее время предметом нашего рассмотрения. Можно добавить еще следующее. Чтобы раз'яснить,что я понимаю под словом национализм и насколько решительно я выступал против всякого экспансионизма,можно огласить отрывок из речи, которую я произнес в августе 1935 года. Я сказал тогда: "Мы хотим указать что уважение к самим себе заставляет нас уважать других, что утверждение нашей самобытности не означает отрицания самобытности других,что признание чужих заслуг способно лишь повысить наши собственные заслуги и что в экономической конкуренции можно выиграть только благодаря примерному труду,а не посредством силы и хитростей".

ДИКС: По мнению представителей Обвинения в 1936 году вы в официальном выступлении угрожали войной, заявив,что дух Версаля сохранил ярость войны. Я здесь ссылаюсь на документ ЕС-415,на который сослалось Обвинение.

ШАХТ: Я никогда не мог понять на протяжении всего этого процесса,почему в этих словах содержится угроза войны. Я цитирую по-английски,т.к. у меня только английский текст

Цитата заканчивается словами -

Цитата: 9843

"Дух Версаля увековечил ярость войны и не может быть настоящего мира, прогресса и восстановления до тех пор, пока мир не освободится от этого духа. Германский народ никогда не устанет повторять это предостережение".

Таким образом, последняя фраза гласит: "Немецкий народ никогда не устанет повторять это предостережение". Совершенно понятно, что я таким образом предостерегаю других от сохранения ярости войны и предостерегаю мир, а не нас самих, от увековечения духа Версаля.

ДИКС: Обвинитель заявляет в этой связи, что вы открыто поддерживали идею о жизненном пространстве для немецкого народа и ссылается, в частности, на вашу речь во Франкфурте от 9 декабря 1936 года, в которой вы сказали: "У Германии слишком незначительное жизненное пространство для ее населения".

ШАХТ: Эта речь от 9 декабря 1936 года является речью, в которой затрагиваются исключительно вопросы о восстановлении прав Германии на колонии. Я никогда не требовал для Германии никакого другого жизненного пространства, кроме колониального. Я особенно удивляюсь тому, что именно, американский обвинитель упрекает меня в этих требованиях. Ведь в 14-ти пунктах Вильсона, о которых впоследствии, к сожалению, забыли, сказано, что следует учитывать колониальные интересы Германии. Поэтому я всегда говорил: "Если вы хотите мира в Европе, дайте Германии экономические возможности развивать ее производства и удовлетворения ее потребностей, иначе Германия всегда останется очагом беспокойств и проблемой для Европы". В одном месте в этой речи говорится - я цитирую только одну фразу: " Мир в Европе и, следовательно, во всем мире, зависит от того, получат ли густо населяющие Центральную Европу массы людей возможность жить".

9844

H1199 – 0455

H1199-0456

Эту точку зрения я всегда подчеркивал. Но я никогда не связывал с этим представления о военном разрешении вопроса, так как в другом месте в той же речи сказано. Я опять цитирую лишь одну фразу: "Я, само собой разумеется, сделал этот вывод в отношении отвергнутых территорий, - я имел в виду потери, понесенные Германией - не для того, чтобы последовали какие-либо военные меры; вообще вся моя позиция и моя работа служат цели оздоровления европейских отношений путем согласованных мирных действий".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не укажете ли вы нам номера серии ПС и номера доказательств этих речей?

ДИКС: В данный момент я не могу этого сделать, Ваша честь, но я сделаю это письменно позднее. Последняя речь - это речь во Франкфурте, о ней я должен буду сообщить, а другая...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, вы нам сообщите об этих номерах в письменном виде.

ШАХТ: Я позволю себе, если Трибунал не будет иметь ничего против, сослаться на 2 фразы из своей статьи, опубликованной в 1937 г. в известном американском журнале "Форин аффейрс". У меня здесь есть немецкий перевод./ Тут сказано: "Я предпослал это замечание для того, чтобы пояснить, что колониальный вопрос, как сегодня, так и в прошлом, не является для Германии вопросом империализма или милитаризма. Он и сегодня является только вопросом экономического существования Германии".

Я могу также сказать, что очень влиятельные американцы всегда поддерживали это требование Германии. У меня здесь есть цитата из высказываний известного американца, полковника Хауза, сотрудника президента Вильсона, который всегда выступал за то, чтобы учитывались колониальные потребности Германии. Я думаю, что эту цитату можно не приводить.

9845

ДИКС: В этой связи я указываю на предъявленный обвинением документ Л-III, США-630. Здесь речь идет о вашей беседе с американским послом Дависом, причем вас обвиняют в том, что вы косвенно угрожали ему нарушением мира.

ШАХТ: Я только что говорил, что я всегда утверждал, что Европа не будет развиваться мирным путем в том случае, если не будут предоставлены жизненные возможности для перенаселенной Центральной Европы. По-моему, настоящий момент показывает, насколько я был прав, т.к. оказалось совершенно невозможным прокормить эту массу людей в Европе. Я сам был живо заинтересован в том, чтобы отвлечь совершенно ~~превратные~~ превратные идеи Гитлера от Восточной Европы. Я все время старался возбудить его интерес к колониальным вопросам для того, чтобы заставить его отказаться от безумной идеи об экспансии на Восток. Я вспоминаю, что в 1932 году, незадолго до того, как он стал рейхсканцлером, я имел с ним беседу, во время которой впервые высказал эти мысли и сказал, что глупо думать об экспансии на Восток. Я и в последующие годы постоянно возвращался к колониальному вопросу; наконец, летом 1936 года он дал мне возможность приступить к выполнению моих идей и поручил мне поехать в Париж и там повести переговоры с французским правительством о возможности предоставления Германии необходимых колоний. Это было летом 1936 года. Я должен сказать к моему величайшему удовлетворению и к удовлетворению всех друзей мира, что стоявшее тогда у власти правительство Леона Блюма, видело в соглашении выход из продовольственных и хозяйственных затруднений, которые переживала тогда Европа, и заявило о своей готовности обсуждать вопрос о колониях с тем, чтобы вернуть Германии какую-либо колонию. Леон Блюм договорился со мной, что он оповестит английское правительство и постарается добиться его согласия или возбудить дискуссию в

H1199 – 0457

H1199 – 0458

английском правительстве по этому вопросу. Он это сделал, но английское правительство много месяцев медлило, прежде чем определило свою позицию; таким образом эти переговоры затянулись до начала гражданской войны в Испании и проблема гражданской войны в Испании помешала дальнейшему обсуждению этих вопросов. Когда в январе 1937 года американский посол в Москве Джозеф Дэвис посетил меня в Берлине, я несколько раздраженно говорил с ним о медлительности английского правительства в этом вопросе и попросил его оказать мне поддержку, я изложил ему все дело, т.к. я вообще всегда старался добиться понимания со стороны представителей американского правительства и всегда пытался информировать их об условиях и развитии в Германии насколько это было возможно и совместимо с германскими интересами.

Это относится к послам Дэвису, Дотту, Буллиту, после того, как он прибыл в Берлин, и к другим. К этой беседе с послом Дэвисом относится предъявленный обвинением документ Д-III, взятый из книги, которую выпустил посол Дэвис, относительно своей миссии в Москве; к этой книге, может быть, еще придется вернуться. Я хотел бы процитировать лишь одну фразу в качестве квинтэссенции этих переговоров. Я опять должен процитировать по-английски, т.к. у меня только английский экземпляр. Цитирую:

"Шахт искренно стремился к тому, чтобы разработать подобный осуществленный план и если это увенчается успехом, то угроза войны в Европе будет устранена; народ будет избавлен от необходимости тратить огромные денежные суммы на вооружение, вновь будет восстановлена свободная международная торговля, будет дана возможность для развития дарования и способности всех соотечественников и это выведет их из состояния отчаяния и вселит в них надежду на будущее".

ДИКС: В этой связи имеет значение аффидевит Фуллера;

номер этого аффидевита- США-629 и ЕС-450.

Из этого аффидевита следует,что вы заявили Фуллеру,что если Германия не получит колоний в результате соглашения, она возьмет их сама. Что вы скажете по этому вопросу?

ШАХТ: В одной немецкой драме властитель поручает одному интригану погубить честного человека,а тот в ответ говорит: "Дайте мне хотя бы одно слово этого человека,и я повешу его на основании этого слова". Я думаю,господа судьи,что я не единственный человек в этом зале, который хоть раз в жизни употребил неудачное слово, особенно когда он говорил на иностранном языке,который он недостаточно хорошо знает. Я знаю господина Фуллера как честного человека из деловых кругов и он,несомненно, добросовестно передал нашу беседу. Он сам совершенно правильно замечает,что если бы он постарался изложить все дословно,то все же он не мог бы гарантировать,что каждое из этих слов было сказано. Но если я и сказал это слово, то оно означало лишь,что мы - немцы,должны иметь колонии и что мы будем их иметь. Сказал ли я: "Мы возьмем их", или "Мы получим их", я,конечно,не могу с уверенностью сказать сейчас через 10 лет. Обвинитель счел это слово: "взять колонии" слишком незначительным и поэтому он делает небольшое добавление; он дважды говорил в своей обвинительной речи,что я заявил: "Мы возьмем колонии силой",а во втором случае обвинитель даже сказал: "Мы возьмем колонии вооруженной силой". Во всем аффидевите Фуллера нет ни единого слова о "силе" или "вооруженной силе".Если бы я даже употребил это слово или смысл был бы таков,то господин Фуллер,естественно,должен был мне ответить: "Скажите, вы хотите взять колонии силой, как вы это представляете себе?"

Было бы совершенно безумным утверждать,что Германия могла захватить за морем колонии силой. Германия не обладала и не будет обладать необходимым для этого господством на

9848

H1199 -0459

H1199 – 0460

море. Поэтому Фуллер не обратил внимания на мое выражение, а продолжал разговор. Я цитирую:

"Надо, чтобы необходимые в военном отношении материалы не могли быть доставлены и получены и это не могло быть, так как до тех пор, пока валютные взаимоотношения Германии и иностранных государств не были упрочены", итак, вместо того, чтобы быть обеспокоенным моим желанием взять колонии силой, - чего я никогда не говорил и что, как господа судьи уже видели, противоречит всем моим высказываниям, господин Фуллер начал говорить об иностранной валюте и о стабилизации.

ДИКС: Обвинитель утверждает далее, что вы стояли за захват соседних областей в Европе.

Шахт: Тут дело обстоит не так просто, как с предыдущими промахами Обвинения. Речь об этом шла уже на предварительном допросе и представитель Обвинения сообщает об этом следующее. Я цитирую обвинителя: "16-го апреля 1929 года на Парижской конференции по вопросу о репарациях, Шахт сказал: Германия может платить только в том случае, если Польский коридор и Верхняя Силезия будут ей возвращены". Это - допрос от 24 августа 1945 года.

В протоколе допроса сказано, что я ответил: "Возможно, что я сделал подобное заявление". Конечно, я не помню сейчас того, что я сказал 10 - 15 лет тому назад, но я все же помню, что в связи с вопросом о коридоре и Верхней Силезии, я сделал какие-то замечания; так как я считал, что если обвинение пред'являет мне текст протокола, то этот протокол является точной стенографической записью, я не оспаривал этого высказывания, а сказал лишь: "Возможно, что я говорил что-то в этом роде". Обвинитель сделал в своей речи из этого "возможно" следующее: Я цитирую: "Эту цитату зачитали Шахту и он заявил, что она совершенно правильна". Это

заявление обвинителя неверно?Я сказал: "Возможно,что я сказал что-то в этом роде",но я не заявлял,что это прочитанное мне высказывание передано верно.Мне,к счастью, здесь,в плену, удалось получить свою книгу,которую я в свое время написал по поводу прекращения репарационных платежей. Книга вышла в 1931 г. Там,к счастью,текстуально приведены мои высказывания по этому вопросу. Я отмечаю, что эта книга пред'явлена суду в качестве доказательства и из этой книги видно, что именно я сказал. "Для обеспечения Германии продовольствием важно,чтобы ввоз продовольствия был ограничен.. извините,не могу разобрать - "чтобы ввоз продовольствия был ограничен и частично заменен собственным производством. При этом нельзя не учитывать того,что на Востоке от Германии отделены некоторые области, поставлявшие продукты и что большая в основном сельскохозяйственная область, отделена от остальной части империи коридором. В результате этого экономическое благосостояние этой части Восточной Пруссии непрерывно падает,и имперское правительство должно постоянно оказывать ей поддержку. Нужно принять соответствующие меры,чтобы устранить это вредное положение, которое значительно снижает платежеспособность Германии". Итак...

ДИКС: Ваша честь, это из нашей книги документов,документ № 16, страница 38 в немецком тексте, страница 44 в английском тексте.

ШАХТ: Эта цитата совершенно не совпадает с той, которая мне была представлена на предварительном допросе и не дает никаких оснований заключать, что я требовал возвращения этих областей. Я требовал лишь того,чтобы факт отторжения этих областей учитывался при определении суммы платежей и платежеспособности Германии. И если здесь обвинитель говорит, я цитирую: "Я хочу указать,что эта область - как

H1199-0461

H1199 – 0462

раз та,из-за которой началась война в сентябре 1939 г.",то мне кажется,что это - инсинуация,которая больше характеризует самого обвинителя,нежели того, к кому она должна относиться.

ДИКС: В качестве косвенного доказательства инкриминируемых вам агрессивных замыслов, Обвинение приводит ваше желание... приписываемое вам желание произвести аншлюсс Австрии. Что вы скажете относительно этого обвинения,как такового?

ШАХТ: С 1919 г. я считал,что присоединение Австрии неизбежно и что его следует приветствовать с национальной точки зрения, т.е. с точки зрения духовной и культурной. То,что аншлюсс в экономическом отношении не обогатит Германию,а,напротив, скорее принесет с собой новые тяготы - этого я никогда от себя не скрывал. Но я всегда поддерживал желание австрийского населения быть присоединенным к Германии, и я сказал себе: если шесть с половиной миллионов человек,как это стихийно было в 1919 г. и много раз впоследствии во время многочисленных манифестаций выражают желание об'единиться с великим братским немецким народом,то я считаю,что ни один немец не может быть против этого,а должен приветствовать это в интересах Австрии. Поэтому я всегда был за то,чтобы уважали это желание Австрии и чтобы оно было осуществлено как только позволит международная обстановка.

ДИКС: Мне сейчас было официально указано,что вы попрежнему говорите слишком быстро и не успевают переводить.Поэтому я прошу вас говорить медленнее.

Как вы относились к вопросу о присоединении Судетской области?

ШАХТ: Я никогда не думал о присоединении Судетской области. Безусловно, Чехословакия представляла собой общеевропейскую проблему и приходилось сожалеть,что такое госу-

9 857

царство, в котором жило 5 1/2 млн чехов, 2 1/2 млн словаков и 3 1/2 млн немцев даже в своем названии не упоминало о немецком элементе. Но так как чехословацкая проблема была не только германо-чешской,но также словацко-чешской, то я всегда представлял себе решение этой проблемы следующим образом: я хотел,чтобы Чехословакия существовала,как союзное государство,как,например, Швейцария,чтобы она была разделена на 3 различных области,автономных в культурном отношении, но в остальном об'единенных в рамках одного государства; эта форма гарантировала бы единство германо-чешско-словацкого государства.

ДИКС: Скажите, как вы вообще относились к проблеме войны; я имею в виду философскую, идеологическую и практическую точки зрения.

ШАХТ: Я всегда считал войну одной из самых гибельных вещей для человечества и в принципе на протяжении всей своей жизни был пацифистом.

ДИКС: Д-р Шахт, вы в своей,богатой размышлениями, жизни,наверно много думали о том,коренном и глубоком различии,которое существует между настоящим и этически-обоснованным солдатским духом и милитаризмом и его разновидностями. Что вы понимали под последним и как вы относились к последнему, т.е. к милитаризму?

ШАХТ: Я заявляю,что напрягая свою память,я могу вспомнить, что беседовал только,может быть,2 или 3 раза в своей жизни с г-ном Джорджем Мессершмитом.

ШАХТ: Я безусловно соглашался с необходимостью обороны страны в том случае,если возникала какая-либо серьезная угроза.В этом смысле я всегда стоял за армию.Но я считал, что солдат самоотвержен,готов на жертвы не потому,что он должен быть готов отдать свою жизнь на войне, к этому дол-

PS2

H1199-0463

H1199 – 0464

тен быть готов каждый честный гражданин, но потому, что все его мысли и стремления должны быть направлены на то, чтобы изученное им ремесло никогда не пришлось употребить в дело.

Солдат, офицер, который не является пацифистом, с моей точки зрения, не выполняет своего долга. Поэтому я был всегда противником всяких милитаристических усилий и всегда отрицал милитаризм, тогда как профессию солдата, сознающего свою ответственность, я считаю самой почетной профессией для любого гражданина.

ДИКС: Джордж Мессершмит, бывший в свое время консулом Соединенных Штатов в Берлине, говорит в одном из своих аффидевитов, представленных Обвинением, что вы, якобы, неоднократно говорили ему об агрессивных замыслах нацистов. Выскажитесь, пожалуйста, по этому вопросу.

ШАХТ: Я должен, прежде всего, отметить, что я, разумеется, никогда не делал подобного заявления г-ну Джорджу Мессершмиту, ни кому бы то ни было другому. Но я хочу, кроме того, сказать по поводу пред"явленных здесь Обвинением трех аффидевитов господина Мессершмита следующее. Господин Мессершмит утверждает, что у него был тесный контакт со мной и что он часто вел со мной частные беседы. Я заявляю, что, напрягая свою память, я могу вспомнить, что беседовал только, может быть, два или три раза в своей жизни с г-ном Джорджем Мессершмитом. Г-н Джордж Мессершмитт делает из этих встреч тесный контакт и многочисленные частные беседы. Он утверждает также, что по долгу службы соприкасался со мной, как с президентом имперского банка и министром хозяйства. Я не помню, чтобы я хоть раз видел г-на Джорджа Мессершмита в своем рабочем кабинете. Для г-на Джорджа Мессершмита достаточно этих нескольких разговоров, чтобы дать мне характеристику. Он называет меня циничным, честолюбивым, эгоистичным, тщеславным и двуличным человеком. Я, к сожалению, не могу дать такую же исчерпывающую характеристику г-на Мессершмита, но я должен решительно оп-

ровергнуть достоверность его утверждений. Я хочу привести в обоснование этого следующее высказывание г-на Мессершмита. В своем аффидевите от 30 августа 1945 г.,документ ПС-2385, г-н Джордж Мессершмит говорит, цитирую: "Когда нацистская партия взяла в свои руки Германию,она представляла лишь незначительную часть немецкого народа". Я,наоборот, констатирую, что перед тем, как нацистская партия стала управлять Германией, она имела приблизительно 40% мест в рейхстаге. Это г-н Мессершмит называет незначительной частью немецкого народа. Если все дипломатические донесения столь же достоверны,совершенно не удивительно,что народы не понимают друг друга.

Затем я хочу также исправить одно замечание господина Мессершмита. Господин Мессершмит утверждает,как я уже цитировал, что по долгу службы он соприкасался со мной,как с министром экономики. В своем показании от 28 августа /ПС-1760/ г-н Мессершмит говорит - я цитирую: "Во время волны террора в мае - июне 1934 года я уже вступил в исполнение обязанностей американского поверенного в делах в Вене по экономическим вопросам". А я лишь в августе 1934 года стал имперским министром экономики,тогда как г-н Мессершмит уже в мае 1934 года принял дела в Вене.Но это нисколько не мешает господину Мессершмиту утверждать, что он по долгу службы часто встречался со мной,как с министром хозяйства.Я думаю,что этого будет достаточно,чтобы правильно показать об'ем того,что осталось в памяти господина Мессершмита.

ДИКС: В той же связи Обвинение неоднократно ссылалось на дневник бывшего посла в Берлине Долда, изданный его детьми после его смерти,на основании сделанных им заметок. Это документ США-461; Обвинение цитирует этот дневник для доказательства того,что мистер Додд также считал вас. под-

9 854

H1199-0465

H1199 – 0466

жигателем войны.Я знаю,что вы были в дружеских отношениях с Доддом.Это видно и из его дневника. Можете вы об'яснить,как это увязывается одно с другим?

ШАХТ: Прежде всего,я должен сказать, что посол Додд- один из самых благородных людей,которые когда-либо мне встречались, прямодушный человек,верный своим убеждениям, и к тому же хороший историк - он был профессором истории. Он изучал историю в немецких университетах. Я думаю,что он бы перевернулся в гробу, если бы узнал,что его бегло сделанные в записной книжке записи изданы его детьми без всяких комментариев и пояснений. Господин Додд,к сожалению, имел одну особенность,затруднявшую сношения с ним; эту особенность я отношу к его верности убеждениям,которая заставляла его отрицательно относиться к каким-либо явлениям нашим. Он сам не мог делать свои слова понятными, а тем более он не мог правильно понимать чужие намерения. Он многое,что ему говорилось,понимал неправильно и видел в ложном свете. Я хочу процитировать здесь одну фразу из его дневника,страница I76,внизу.Эта фраза иллюстрирует мои слова. Я цитирую: "Я в течение I5 минут беседовал с английским послом, относительно доказательств,свидетельствующих о том,что Германия готовилась к войне.Конец цитаты. Это высказывание относится к осени I934 года и я думаю,никто не мог бы говорить о том, что осенью I934 года Германия была активной в военном отношении. Господин Додд употребил здесь выражение:"война" вместо "вооружение". Я думаю,что он неправильно понял мои слова.

Далее,в качестве другого доказательства того,как трудно было разговаривать с Доддом,я хотел бы указать,что министерство иностранных дел попросило его однажды привозить с собой для переговоров с чиновниками министерства иностранных дел секретаря,который бы делал заметки во избежание недоразумений. Поэтому я думаю, что все эти высказывания

9855

неправильно понять господином Долдом. Во всяком случае мне остается сказать лишь то,что я уже говорил в связи с г-ном Мессершмитом.Я,разумеется,никогда не говорил о военных замыслах.

ДИКС: В этом дневнике сказано,что он к вам дружественно относился.У вас есть какое-либо доказательство этих дружественных отношений?

ШАХТ: Г-н защитник, я хотел бы еще указать на мою корреспонденцию с Гендерсоном.

ДИКС: Да, вы можете это сделать потом.

ШАХТ: Тогда я отвечу на ваш вопрос.Долд относился ко мне очень дружественно и я очень уважал его.Доказательство этой дружбы я видел в том,что он незадолго до своего от'езда из Берлина,в декабре 1937 года,посетил меня в моей квартире. Он пишет об этом в своем дневнике. Я хочу процитировать эту фразу: "Я посетил доктора Шахта в его доме в Далеме. Я в особенности желал видеть Шахта,жизнь которого, как говорят,находится в опасности". Другими словами,господин Долд слышал о предстоящем покушении на мою жизнь со стороны национал-социалистов и поэтому считал своим долгом поехать ко мне на дом и предупредить меня.

Второе доказательство его дружбы по отношению ко мне я получил во время прощального визита перед его от'ездом в Америку. Это было за несколько дней до от'езда; он приехал еще раз ко мне и настойчиво предлагал мне поехать с ним или потом вслед за ним и поселиться в Америке. Я нашел бы там хороший прием. Я думаю,что он не сказал бы мне этого,если бы не испытывал ко мне каких-то дружеских чувств.

ДИКС: Конечно, это несомненные дружеские услуги и,можно предположить,что покойный посол никогда не оказал бы вам этих услуг,если бы считал вас другом нацизма и поджигателем войны. Я хотел бы сказать это перед Трибуналом и прошу

9856

H1199 – 0467

H1199 – 0468

вас ответить,прав ли я,говоря,что г-н Додд был одним из тех немногих аккредитованных в Берлине дипломатов,которые открыто не симпатизировали нацистскому режиму,а на сто процентов относились к нему отрицательно.Я совершенно сознательно говорю о немногих дипломатах,которые относились отрицательно к нацистскому режиму - я прошу вас высказаться по этому вопросу, доктор Шахт. Вы вспоминаете,что те дипломаты, которые и в политике, и в обществе держались в стороне от гитлеровского режима,например,такие,как голландский посол; великолепный монсеньор Лимбург-Стирум или посол Финляндии - благонамеренный толстый Рунлогеи - были отозваны своими правительствами. Скажите,как мог бы такой противник нацистов как Додд,дружественно относиться к человеку,которого он считал бы сторонником нацистов?

/К микрофону подходит судья Джексон/

Г-н ДЖЕКСОН: Я возражаю против того,чтобы здесь продолжалось обсуждение взаимоотношений между Шахтом и Доддом. По-моему,свидетелю была дана полная возможность весьма пространно изложить все то,что было когда-либо написано господином Доддом и вспомнить,что,по его мнению,г-н Додд имел в виду. Свидетелю было разрешено давать подробную характеристику всем американским представителям и я считаю,что совершенно неправильно и неуместно,чтобы этот свидетель давал характеристику г-ну Дотт,сравнивая его с другими послами и дипломатическими представителями. Его не просят давать информацию относительно фактов. Я вновь повторяю,что мы не обвиняем д-ра Шахта за изложение им своей точки зрения.Мы обвиняем его за те действия, обсуждение которых здесь,повидимому, не совсем приятно для него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю,вы можете продолжать,доктор Дикс, и больше не касаться этих документов.

9 8 52

ДИКС: Я хотел бы коротко заметить,что ни доктор Шахт, ни я не считаем себя призванными здесь характеризовать отдельных дипломатов или иных политических деятелей.Но если обвинение представляет в качестве доказательства против подсудимого аффидевиты этих дипломатов и дневники, изданные под их именем,то подсудимому надо...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает,что было бы гораздо лучше,если бы вы задавали вопросы в более краткой форме и это значительно ускорило бы нашу работу.

ДИКС: В большинстве случаев я задаю краткие вопросы.Я считаю,что следую практике,одобренной Трибуналом,касаясь вопроса о достоверности "Дневника Додда".Это - № 43 из моей книги документов, стр. I94 немецкого текста, страница 202 английского текста. Это - переписка между издателем дневника Додда и Невилем сэром Гендерсоном.Здесь идет речь о различных неправильностях в этом дневнике.Я не буду зачитывать все,довольно об'емистое,письмо господина Невиля Гендерсона.Там 5 страниц ин-фолио.Я процитирую лишь несколько фраз.Так,на странице I96 немецкого текста сэр Невиль Гендерсон пишет:

"Возьмите,например,первое заявление,которое мне приписывают относительно Нейрата. Совершенно невозможно,чтобы я сказал Гитлеру"... и т.д. Или на той же странице,в середине следующий абзац:

"То же самое касается общих рассуждений.Совершенно непонятно,чтобы я мог говорить таким образом,как там сообщается,о Бисмарке и об аннексии Чехословакии и других стран".

И на той же странице,ниже,предпоследний абзац:

"Также я ни в коем случае не мог сказать,что Германия должна господствовать в районе Дуная и Балкан".

На следующей странице,второй абзац:

"Приписываемое мне высказывание о том,что Англия и Гер-

H1199 – 0469

H1199 – 0470

мания "должны господствовать над миром" это просто болтовня и едва ли согласуется с вышестоящим предложением о Соединенных Штатах".

Здесь много таких мест на этой и на следующей страницах. Я не считаю нужным их зачитывать и прошу Трибунал принять к сведению этот документ.

Доктор Шахт, вы говорили,что посол Додд оповестил вас о грозившей вам опасности,шла ли тогда речь о покушении на Вас?

ШАХТ: Я узнал об этом после г-на Додда. В январе,мне сообщили,что эсэсовцы хотят организовать покушение на меня. Они намеревались "уложить" меня,как тогда выражались. Очевидно, такие слухи ходили,так как иначе это не дошло бы до иностранного посла и ближних ко мне кругов.

ДИКС: Вы говорили о том, насколько отрицательно вы относились ко всякой попытке военным путем добиться равноправия Германии и улучшения условий ее существования. Вы практически делали что-либо в этой области для проведения политики соглашений с заграницей, в частности,в качестве президента эмиссионного банка?

ШАХТ: Будучи президентом имперского банка,я в первую очередь считал необходимым работать по возможности согласованно с эмиссионными банками других стран и проводить политику взаимной поддержки.Во-вторых,я пытался установить дружественные личные отношения с руководителями эмиссионных банков других стран в надежде найти у них понимание положения в Германии и,таким образом,способствовать разрешению трудных проблем Центральной Европы на пути взаимопонимания и совместной работы. Английское слово "кооперейшен",то-есть совместная работа, было постоянным лейтмотивом в наших кругах.

ДИКС: Вы сказали о президентах эмиссионных банков.А

как обстояло дело с иностранными кредиторами?

ШАХТ: Как я уже сказал,я навлек на себя сначала неприязнь всех тех "делателей денег", которые делали деньги путем размещения немецких займов в своих странах; дело в том, что я всегда выступал всеми средствами против того,чтобы Германия связывала себя иностранными займами.После того,как пришло бедствие,которое я всегда предсказывал - финансовый крах в I93I г.,все эти финансисты и представители банков стали упрекать меня в том,что им не пересылаются их проценты.Таким образом, в этих кругах я не приобрел себе друзей. Но среди серьезных банкиров и в крупных банках,которые хотели иметь постоянные упорядоченные деловые связи с Германией,мне кажется,у меня не было врагов,все мероприятия по охране курса германской валюты и по поддержанию германской внешней торговли - все эти мероприятия я всегда обсуждал с иностранными кредиторами. Приблизительно каждые полгода мы собирались и я делал им подробный обзор положения в Германии. Они могли смотреть книги Рейхсбанка,задавать вопросы служащим Рейхсбанка и получать информацию; они всегда утверждали,что я совершенно откровенно информировал их обо всем, так что могу сказать,что я сотрудничал с ними честно и дружественно.

ДИКС: А как обстояло с вашей политикой соглашения в области внешней торговли, экспорта,товарного кредита и т.п.?

ШАХТ: Я считаю, что после событий последних лет стало еще более ясно,чем прежде,что Германия не может жить без внешней торговли и что поддержание экспорта является основой дальнейшего существования всего немецкого народа.И я поэтому делал все для того,чтобы поддержать германскую внешнюю торговлю. Я хочу привести несколько примеров для иллюстрации этого общего положения.

Например,я пытался делать большие дела с Китаем для то-

9860

H1199 – 0471

H1199 – 0472

го,чтобы иметь рынок сбыта в Китае, причем я был готов дать Китаю кредиты. Я приветствовал тот факт,что Советский Союз имеет с нами прочные торговые связи. Я все время старался расширить и укрепить эту торговлю,так как относительно России и относительно Китая,не могло быть никаких сомнений в платежеспособности, готовности платить и быстроте,с которой будет произведена уплата.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он вдается в излишние подробности с тем, чтобы подтвердить свое заявление о том,что он старался сохранить экспорт товаров. Нас не интересуют такие подробности.

ДИКС: Что касается Советского Союза, то,мне кажется, это высказывание очень важно и необходимо. Оно показывает, что Шахт был противником политики Гитлера.Антисоветская политика Гитлера всегда сталкивалась с явно дружественной по отношению к СССР политикой министра хозяйства.Когда я хочу доказать,что Шахт был сторонником политики взаимопонимания с СССР в то время,как Гитлер разжигал вражду между обоими народами и вел публицистическую борьбу против СССР,то я считаю,что все это очень важно для освещения позиции Шахта по вопросу о войне и о соглашении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый сделал соответствующее заявление.И в том случае, если Обвинение будет опровергать это заявление во время перекрестного допроса,все эти подробности могут иметь существенное значение при дополнительном допросе проводимом защитником.

ДИКС: Я думаю, что этот вопрос уже получил свой ответ.Я перехожу к совершенно другому вопросу. Я хочу зачитать один абзац,весьма характерный для его желания достигнуть соглашения и его принципиального расхождения с политикой Гитлера. Это документ № 34 - аффидевит шведского генерального консула в Мюнхене банкира Пиливинда, II4 страница английского тек-

ста и II2 страница немецкого текста. Здесь подтверждается то, что говорил д-р Шахт. Шнивинд, бывший высокопоставленным чиновником имперского министерства хозяйства, пишет здесь:

"В моем отделе рассматривался также вопрос о гарантиях и поставок в Россию и поэтому я знаю, что г-н Шахт считал вредной борьбу Гитлера против России. Путем больших стараний ему удалось добиться от Гитлера расширения поставок в Россию, в особенности поставок машин. У меня часто создавалось впечатление, что Шахт одобрительно относился к таким поставкам, потому что тем самым уменьшалось количество безработных и совершенно не прогрессировало дело вооружения. Шахт неоднократно публично указывал на то, что ничто не проводится так быстро и беспрепятственно, как товарообмен с Россией".

Нам осталось несколько минут до обычного перерыва. До перерыва я прошу позволения кратко возразить вам, Ваша честь. Подсудимый должен опровергать весьма тяжкие обвинения и это нелегко. Обвинение аргументирует очень просто: "ты помогал вооружению путем финансирования, это вооружение привело к войне, причем к агрессивной войне, следовательно, ты являешься или заговорщиком, или соучастником, а это - военное преступление". При такой аргументации, я считаю, что подсудимый имеет право указать, что, во-первых, вооружение само по себе не означает стремления к агрессивной войне, а во-вторых, он должен доказать, что его действия показывают совершенно обратное, а именно, стремление к миру и взаимопониманию. Я поэтому очень прошу суд, разрешить мне представить это доказательство полностью и со всеми подробностями. Отсюда мое желание показать в подробностях политику Шахта по отношению к Советскому Союзу, где он вступает в явное противоречие с Гитлером; отсюда же - мое желание показать, как со всеми - президентами эмиссионных банков, кредиторами - он всегда старался добиться взаимопонимания, т.е. взаимных уступок, а не односторонне-

9862

H1199 – 0473

H1199 – 0474

го запугивания. Господа судьи, я должен здесь привести психологическое доказательство, а это очень сложное дело и я снова прошу не усложнять мне его еще более. Я,очевидно, вознагражу себя за это тем, что откажусь от всех свидетелей и оставлю только одного. Я прошу вас проявить понимание в этом вопросе. Если,ваша честь, вы согласны,то можно сделать сейчас перерыв, так как я перехожу к новой теме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно,д-р Дикс,я думаю,что Трибунал уделил достаточное внимание вашим замечаниям, а сейчас мы об'явим перерыв.

(Об'является перерыв на 10 минут).

H1199 – 0475

Встать! Суд идет!

ДИКС. Как Вы относились к принципу фюрерства: не видели ли Вы в нем такой же опасности, как в бланкетном векселе, опасности потери ответственности ? Вы слышали, что сэр Дэвид считает принцип фюрерства сам по себе преступным?

ШАХТ. В истории существуют различные мнения о том, является ли принцип фюрерства преступным. Если мы посмотрим на римскую историю, то увидим, что время от времени, в случае нужды, выбирался вождь - фюрер, которому все подчинялось. И когда я читаю книгу Гентцеровна "Провал одной миссии", я нахожу там такие слова /я цитирую/: "Народ Англии иногда забывал и не понимал того, что даже диктаторы в определенный период могут играть важную роль и являться очень полезными для нации." В другом месте той же книги он говорит: "Диктатура не всегда бывает злом". Другими словами, здесь речь идет о том, что доверяют фюреру, кто доверяет и как долго доверяет. Разумеется, совершенно невозможно, чтобы кто-либо взял власть в стране, не давая возможности народу время от времени высказываться, хочет народ оставить его на посту фюрера или нет. То, что Гитлер был избран в фюреры, не являлось само по себе политической ошибкой. Можно было оставить это рядом гарантий, чтобы предотвратить те опасности, о которых Вы говорили, г-н адвокат, но, к сожалению, это не было сделано, что явилось большой ошибкой. Может быть, можно было положиться на то, что время от времени проводились выборы, т.-е. происходило выражение воли народа, которое могло исправить ошибки фюрера. Конечно, фюрер, ошибки которого не исправляют, становится большой опасностью.

9 864

H1199 - 0475

H1199 – 0476

Я видел эту опасность, боялся ее и пытался ее предотвратить. Я могу сказать еще, что неограниченная партийная пропаганда хотела ввести идею фюрерства в качестве политического цлительного принципа. Это, конечно, глупость, и я всегда, где только было возможно, открыто выражал свое отрицательное отношение к этому. Однажды в Академии Германского Права, где присутствовали не только нацисты, но и другие юристы различных классов, я делал доклад о принципе фюрерства в экономике и при этом иронически и сатирически, в обычной своей манере, говорил о том, что на каждая чулочная фабрика нуждается в фюрере, что принцип фюрерства не принцип, а исключение, которое следует применять весьма осторожно.

ДИКС. Я это знаю, я сам присутствовал на этом докладе. Как Вы относились к идее о расе господ ?

ШАХТ. Я всегда отрицательно относился к разговорам об избранном народе или об "избранной богом земле" и т.п. Как убежденный представитель христианской веры, я стою за христианскую любовь к ближнему, без учета расы и веры. Я хочу также отметить, что вся эта болтовня о расе господ, которой занимались некоторые партийные руководители высмеивалась немецкой общественностью. И это было неудивительно, так как большинство руководителей гитлеровской партии вовсе не были идеальными представителями нордической расы, и я знаю, что, например, маленького Геббельса, когда речь заходила об этом, называли "засушенным германцем". Я должен сказать, правда, что очно сближало большинство партийных фюреров с древними германцами: "Они всегда пили кружку за кружкой". Пьянство являлось одной из главных составных частей нацистской идеологии.

ДИКС. Что Вы вообще понимаете под т.н. национал-

социалистским мировоззрением?

ШАХТ: Я понимаю под мировоззрением совокупность принципов, исходя из которых я могу правильно судить обо всех явлениях в мире. Поэтому понятно, что мировоззрение не должно корениться в мире, а должно возвышаться над миром. Оно является чем-то метафизическим, т.е. основа его находится в религии и всякое мировоззрение, которое не основывается на религии, по-моему, вообще не является мировоззрением. Поэтому я отрицал национал-социалистское мировоззрение так как оно не основывалось на религии.

ДЖС: В судебных выдержках по Вашему делу отмечено, что в связи с еврейским вопросом Вас не в чем упрекнуть. Несмотря на это, я должен задать Вам несколько вопросов и по этой теме, т.к. в судебных выдержках с одной стороны Вас оправдывают, а с другой стороны - обвиняют, об"являя Вас сторонником нацистской идеологии, а от нацистской идеологии неотделим самый ярый антисемитизм.

Г-н ДЖЕКСОН. Я не могу молчать, когда совершенно неправильно излагается наша точка зрения в связи с показаниями этого свидетеля. Абсолютно неверно, что мы не выдвигаем обвинения против д-ра Шахта, в связи с еврейским вопросом. Правда, мы действительно заявили, что он полностью не поддерживал ту часть нацистской программы, которая предусматривала полное уничтожение евреев и что за это, он время от времени подвергался нападкам. Далее мы не оспариваем того факта, что он оказывал помощь и давал приют отдельным евреям, но мы действительно обвиняем его за его убеждения в том, что евреи Германии должны быть лишены всех гражданских прав и за его содействие и участие в преследовании евреев.

9866

H1199-0477

H1199 – 0478

И я не хочу, чтобы наша точка зрения излагалась совершенно неправильно.

ДИКС: Я благодарю Вас, судья Джекоон, за это раз"яснение; тем более необходимо поставить этот вопрос д-ру Шахту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, задавайте вопрос.

ДИКС: Ваша честь, здесь речь идет не о вопросе, а о проблеме; я прошу обвинение раз"яснить то, что еще осталось неясным даже после выступления мистера Джексона. Если Суд не желает, чтобы я это сделал сейчас - а я нахожу, что это - самый удобный момент, тогда я сделаю это потом. Но я думаю сделать это сейчас. Речь идет о внутреннем противоречии в Обвинении: во-всяком случае, я вижу это противоречие и хочу получить раз"яснения, чтобы во время заключительной речи не оказалось, что я говорю невпопад.

Коротко говоря, речь идет о том, обвиняют ли д-ра Шахта в преступлениях против человечности, т.е. не только в участии в преступном заговоре агрессоров, а именно в преступлениях против человечности; в этом вопросе обвинение противоречиво. Я хотел бы лишь указать на эти противоречия и просить Обвинен сказать потом окончательно, пред"являет ли оно Шахту обвинение по пунктам 3-му и 4-му приложения. Обвинитель сказал в своей речи следующие слова, показывающие, что Обвинение ограничив ется пунктами 1 и 2. Он сказал: "Материал наших доказательств против подсудимого Шахта ограничивается вопросом о планировании и подготовке агрессивных войн и участием Шахта заговоре, направленном на развязывание и ведение агрессивных войн. То же самое говорится на странице 3-й судебных выдержек. В приложении "А" обвинение против Шахта также ограничивается 1-м и 2-м пунктами. Но на 1 стр. обвинительного заключения сказано следующее:

9807

5.

"Вышеназванные правительства настоящим обвиняют в преступлениях против мира, в военных преступлениях, в преступлениях против человечности и в создании общего плана или заговора для совершения этих преступлений", причем далее в этом заключении перечислены все подсудимые, в т.ч. Хяльмар Шахт. На странице 17-й обвинительного заключения сказано: "На основании вышесказанного обвиняемые - т.е. все обвиняемые - виновны". Здесь опять упомянуты пункты 1, 2, 3 и 4."

Затем на странице 18 обвинительного заключения говорится: "Все обвиняемые совершили военные преступления между 1 сентября 1939 г. и 8 мая 1945 г. в Германии и во всех странах и областях, которые были оккупированы германскими вооруженными силами с 1 сентября 1939 г., а также в Австрии, Чехословакии, Италии и в открытом море", и на странице 46-й сказано: "В течение ряда лет, предшествовавших 8 мая 1945 г. все обвиняемые совершали преступления против человечности в Германии..." и т.д. Таким образом, некоторые разделы обвинения ограничивают вину Шахта пунктами 1 и 2, а другие разделы недвусмысленно указывают, что он обвиняется в преступлениях против человечности. Мне кажется, нужно - не обязательно сейчас, я просто ставлю этот вопрос заранее, чтобы Обвинение сказало по каким пунктам обвиняется подсудимый Шахт.

Г-н ДЖЕКСОН. Ваша честь, я хочу ответить на этот вопрос, ибо он займет всего несколько минут и я думаю, что допрос не должен проводиться, если существует какое-либо недоразумение. Во всех случаях и во всех документах, с которыми я знаком, подсудимому Шахту вменяются в вину все пункты 1-го раздела Обвинительного заключения.

9868

H1199-0479

H1199 – 0480

Раздел 1-й Обвинительного заключения гласит: "что общий план или заговор включал совершение преступлений против мира, выразившееся в том, что подсудимые планировали, подготавливали, разжигали и вели агрессивные войны. В своем развитии общий план включал совершение военных преступлений и подсудимые, как это установлено, подготавливали это и вели безжалостные войны". Это включало также совершение преступлений против человечности. Наше утверждение заключается в том, что хотя сам подсудимый Шахт и не принимал лично участия в совершении этих зверств, но он несет ответственность за каждое преступление, совершенное любым из подсудимых или их сообщников, вплоть до того времени, когда он открыто порвал всякую связь с этой группой. Таково наше заявление и д-р Дикс должен вести свой допрос на основании того, что каждое обвинение является обвинением против Шахта, вплоть до того времени, когда он открыто отказался от сотрудничества с организацией, в которой ранее он работал в полном контакте.

ДИКС: Очевидно, я виноват в этом, но я еще не все себе уяснил. Прежде всего, я не знаю, какой момент имеет в виду обвинение, говоря, что с этого момента Шахт открыто порвал с нацистским режимом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что Вам самому следует решить, когда именно подсудимый открыто порвал связь с этой организацией.

ДИКС: Я должен сейчас решить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Я думаю, будет лучше, если вы продолжите представление доказательств.

ДИКС: Хорошо, я вернусь позднее к этому вопросу.

9869

Пожалуйста, не делая общего заявления по вопросу о евреях, просто приведите суду несколько примеров, чтобы показать, как Вы относились к еврейскому вопросу.

ШАХТ: Я впервые столкнулся с еврейским вопросом в 1933 г., когда ныне покойный нью-йоркский банкир Джемс Мейер сообщил мне о своем предстоящем визите. Я отправился к Гитлеру и сказал ему: "Г-н Джемс Мейер, один из виднейших нью-йоркских банкиров, сделавший много добра для своей старой немецкой родины, должен посетить меня и я намерен дать в честь него обед. Надеюсь, что Вы ничего не имеете против этого". Он немедленно мне ответил весьма решительно:"г-н Шахт, Вы можете делать все, что хотите". Я решил, что он полностью разрешает мне поддерживать связь с моими еврейскими знакомыми. Так я и сделал. Обед в честь Мейера был устроен. Я упоминаю об этом, т.к. это был первый случай, когда я в разговоре с Гитлером коснулся еврейского вопроса.

Я всегда использовал и искал возможность высказаться по еврейскому вопросу. Вот два примера. В провинции Бранденбург, в Арнсвальде у рейхсбанка был филиал. Председатель этого филиала был назван предателем в одной из афиш, вывешенных на улице местечка, на том основании, что его жена купила на 50 пфеннигов ленты или чего-то в этом роде в еврейском магазине. Я сейчас же обратился в соответствующие инстанции в Арнсвальде и потребовал немедленного снятия афиши - и немедленного заявления, что этот человек не является изменником. Мне отказали. Тогда, ничего не спрашивая, сразу же я закрыл этот филиал в Арнсвальде. Это длилось много недель, до тех пор, пока ко мне не пришел обер-президент, который, конечно, также был нацистским бонзой - и попросил меня опять открыть филиал. Я сказал, что сделаю это, если они

9870

H1199-0481

H1199-0482

публично реабилитируют этого человека. Через несколько дней обер-президент и гауляйтер Бранденбурга Грубе опубликовал жирным шрифтом это сообщение в арнсвальдской газете и я опять открыл этот филиал. Это один пример. Второй пример здесь уже упоминался. Я только резюмирую его, т.к. он весьма убедителен. После погрома 9-го ноября 1938 года, на рождественском празднике служащих рейхсбанка я упомянул об этом событии. Я сказал молодежи в присутствии родителей, партийных руководителей и членов партии: "Надеюсь, что вы не участвовали в этом деле, которое должно заставить покраснеть каждого порядочного немца. Если же это не так, то уходите скорее из рейхсбанка, т.к. рейхсбанку, основанному на чести и доверии, не нужны люди, не уважающие чужой жизни и собственности".

ДИКС: Я хочу прервать Вас, д-р Шахт, и обратить внимание Суда на то, что в документе № 34 аффидевите г-на д-ра Шнивинда, это на странице 118 немецкого текста - 126 страница английского текста - говорится о том событии, о котором сейчас рассказал д-р Шахт. Здесь очень коротко. Тут написано: "Известно, что он /Шахт/ в декабре 1938 года на рождественском празднике в Рейхсбанке, обращаясь к молодым канцелярским служащим, сказал следующее: несколько недель тому назад на нашей родине произошли события, которые посрамляют немецкую культуру и должны заставить покраснеть каждого порядочного немца. Надеюсь, что никто из Вас в этом не участвовал, так как подобному человеку не место в Рейхсбанке". Простите, что я Вас прервал. Продолжайте, пожалуйста, если Вы еще хотите что-либо сказать по этому вопросу.

9 871

9.

ШАХТ: Когда в августе 1934 года я стал руководителем имперского министерства хозяйства, я, конечно, прежде всего, спросил Гитлера, как надо обращаться с евреями в народном хозяйстве. Гитлер мне тогда ответил буквально следующее: "В хозяйстве евреи могут вести ту же деятельность, что и до сих пор".

Такова была линия, указанная мне Гитлером и в течение моего руководства министерством хозяйства, я действовал в соответствии с ней. Во всяком случае я должен сказать, что, почти каждые две недели у меня бывали столкновения с некоторыми гауляйтерами или другими партийными чиновниками по вопросу о евреях. Конечно, я не мог защитить от побоев и т.п. тех евреев, которые передавались органам юстиции и не были в сфере моей компетенции, но в области экономики я всегда помогал тем евреям, которые обращались ко мне и в каждом отдельном случае выступал перед Гитлером против гауляйтеров и партийных руководителей, даже угрожая уйти в отставку. Я считаю необходимым заметить, что погром в ноябре 1938 года мог иметь место только после того, как я ушел со своего поста. Если бы я еще оставался на своем посту, этого погрома, несомненно, не было бы.

ДИКС: Свидетель Гизевиус уже говорил, что на протяжении времени, прошедшего с 1933 г., Ваше мнение о Гитлере менялось, причем, менялось коренным образом. Я прошу Вас, т.к. это чрезвычайно важный вопрос, подробно ознакомить Трибунал с Вашим мнением об Адольфе Гитлере, как оно складывалось с течением времени - причем, сделайте это максимально исчерпывающе и максимально кратко.

9 822

H1199 – 0483

H1199-0484

ШАХТ: Я уже назвал здесь Гитлера полуобразованным человеком и повторяю это. Он не получил достаточного образования в школе, но после этого он бесконечно много читал, приобрел большие знания и виртуозно жонглировал этими знаниями во всех дебатах и выступлениях. Он, безусловно, был в определенном смысле гениальным человеком. У него были идеи, которые не каждому могут притти в голову и которые благодаря своей поразительной простоте, а часто - поразительной жестокости позволяли найти выход из самых трудных положений. Он был психологом масс прямо-таки дьявольской гениальности. В то время как на меня и на некоторых других - мне говорил об этом, например, генерал фон Витцлебен - он не производил никакого впечатления во время личных бесед с ним, на других людей он оказывал совершенно поразительное влияние - и, несмотря на свой каркающий голос и чрезмерно повышенный тон, он мог приводить в необузданный восторг массу людей в переполненном зале. Я думаю, что сначала он руководствовался не только дурными побуждениями. Вначале он, несомненно, считал, что желает чего-то хорошего. Но постепенно он сам поддался тем чарам, которыми околдовывал массы людей, ибо тот, кто совращает массы, в конечном итоге сам ими совращается; по-моему, именно эта перемена ролей вождя и ведомых привела Гитлера на дурной путь массовых инстинктов, на который не должен становиться ни один политический руководитель.

Еще одно поражало в Гитлере. Он был человеком неистощимой энергии, несгибаемой воли, которая ломала все препятствия на своем пути. Только эти два его свойства - знание психологии масс и сила воли - позволили Гитлеру повести за собой 40-50% всего немецкого народа.

Что мне еще сказать?

ДИКС: Я хотел, чтобы Вы осветили свою собственную

9828

эволюцию. Вы сказали, что поворотным пунктом в Вашем отношении к Гитлеру было дело Фрича, а Вы являетесь лучшим свидетелем по вопросу о Вашей эволюции по отношению к Гитлеру.

ШАХТ: Извините, тут имеется ошибка. Считают, что я был убежденным последователем Гитлера. Я им никогда не был, совсем напротив. Но движимый заботами о своем народе и своей стране, после того, как Гитлер пришел к власти, я прилагал все силы, чтобы ввести эту власть, этот поток в спокойное русло. Поэтому я не мог порвать с Гитлером. Порвать можно было бы только в том случае, если бы я когда либо был связан с Гитлером, а я лишь чисто внешне работал в его кабинете, потому что он был тогда у власти и потому, что я считал своим долгом приложить все силы на благо своего народа и своей страны.

ДИКС: Хорошо. Скажите, когда и при каких обстоятельствах Вы решили приступить к тем действиям, о которых говорил свидетель Гизевиус?

ШАХТ: Я начал серьезно критиковать поведение Гитлера уже во время так называемого путча Рема 30 июня 1934 года, причем я должен сказать, что я не ожидал и не предвидел этого. Я тогда сказал Гитлеру: "Как вы могли, просто так пристрелить этих людей? Вы должны были бы в любом случае подвергнуть их хотя бы самому ускоренному судопроизводству". Гитлер игнорировал это замечание и только пробурчал что-то о революционной необходимости, так что, собственно, ничего мне не возразил.

Затем, во второй половине 1934 и в первой половине 1935 года я заметил, что ошибался, думая, что всякие проявления революционного непослушания и перегибов в партийных кругах не одобряются Гитлером и что он хочет создать атмосферу порядка; такое представление было неправильным. Гитл

9824

H1199 – 0485

H1199 – 0486

не делал ничего для того, чтобы пресечь перегибы со стороны отдельных партийных работников и партийных групп. Видимо, он думал, как здесь недавно говорил один свидетель: "пускай СА немного перебесится", т.е. он разрешил членам партии в качестве развлечения некоторые вещи, ни при каких обстоятельствах несовместимые с порядком в государстве. С течением времени это недоверие к Гитлеру у меня все больше укреплялось. В мае 1935 года я впервые совершенно официально заговорил с ним об этом. Не знаю, хотите ли вы, чтобы я рассказывал об этом сейчас; я готов рассказать...

ДИКС: Мне важно, чтобы Трибунал узнал от Вас, каким образом Вы отошли от той позиции по отношению к Гитлеру, которую Вы здесь обрисовали, и вступили в заговор против него?

ШАХТ: Я должен сказать, что решающую роль в этом сыграло дело Шрича, с которым я столкнулся в тот момент, когда постепенно стал понимать, что Гитлер хочет войны или, во всяком случае не намерен сделать все для того, чтобы избежать войны. Я тогда сказал себе, что надвигается ужасная опасность и что здесь силу можно победить только силой. Всякая возможность вести политическую пропаганду в немецком народе была исключена – не было свободы собраний, не было свободы слова, не было свободы печати, не было даже возможности говорить в узком кругу, потому что за каждым вашим движением следили и каждое слово, которое вы только произносили не с глазу на глаз, было опасно для вашей жизни. Поэтому против такого террора, который исключал всякую критику, оставалось лишь действовать силой. Так я пришел к мысли, что против гитлеровского террора можно было применить только государственный переворот, путч и, в конечном итоге, покушение.

9825

ДИКС. Скажите, правильно показание Гизевиуса, что переломным моментом в Ваших мыслях и впечатлениях явился кризис Фрича ?

ШАХТ. Отвлекаясь от той лживости, которой характеризовались все действия партийных работников, кризис Фрича создавал абсолютную уверенность в том, что предстоит коренной поворот в области политического руководства, так как на протяжении 10 дней были отстранены Бломберг, Фрич, Нейрат и Гитлер назначил Риббентропа, совершенно неподходящего для проведения внешней политики, а затем заявил в своей речи в рейхстаге, что теперь нужно вооружаться с удвоенной силой. Таким образом, я хочу сказать, что кризис Фрича был поворотным пунктом в моем развитии, т.-е. после этого я понял, что нужно отказаться от дальнейших попыток направить этот поворот в спокойное русло и что нужно здесь применять силу.

ДИКС. Я хочу в связи с кризисом Фрича представить документ, который должен был быть мной представлен еще во время допроса Гизевиуса, но тогда у обвинения еще не было этой книги документов. То, что говорил здесь Гизевиус, и только что сказал д-р Шахт относительно кризиса Фрича, понял умный и политически зоркий иностранный офицер. Я ссылаюсь на документ № 15 из моей книги документов, это на странице 41 английского и странице 35 немецкого текста. Здесь речь идет об обзоре событий за период с 1.7.1943 г. по 30.6.1945 г., составленном начальником генерального штаба США для военного министра. Там сказано:

9896

H1199-0487

H1199 – 0488

- -

"История германского верховного командования, начиная с 1938 г., была заполнена постоянными личными конфликтами, в процессе которых все решения военных лидеров были все более и более подчинены приказам Гитлера. Первое столкновение произошло в 1938 г. и закончилось устранением Бломберга, фон Фрича и Бека, после чего исчезло также последнее важное консервативное влияние на германскую внешнюю политику".

Таким образом, здесь явно признается этот поворотный пункт. Если я вас спрошу теперь, г-р Шахт, чувствовали Вы тогда себя разочарованным в Гитлере или обманутым им - что Вы мне ответите ?

ШАХТ. Я должен ответить, что я не чувствовал себя разочарованным в Гитлере, так как я не ожидал от него больше того, чего можно было ожидать, зная его. Но я чувствую, что он налгал мне и обманул меня, т.к. не сдержал своих обещаний, которые дал немецкому народу и в т.ч. мне. Он обещал равные права всем гражданам, а на самом деле дал своим сторонникам, вне зависимости от их способностей, гораздо больше прав, чем другим людям. Он обещал дать евреям те гарантии, которые даются иностранцам, а на самом деле сделал их бесправными и поставил вне закона. Он обещал бороться против политической лжи, а сам вместе со своим министром Геббельсом ничем другим не занимался, кроме политической лжи и политического обмана. Он обещал немецкому народу придерживаться принципов христианства, а сам не сопротивлялся и даже способствовал тому, что церковные институты были посрамлены, высмеяны и ограблены. Он всегда отрицательно относился к войне

USSR

- -

на два фронта, а сам добился этой войны. Он, вступая на пост канцлера, присягал в верности законам Веймарской республики, а сам нарушил и попрал их. Он мобилизовал гестапо против свободы личности. Он насильно заткнул рот всякому свободному обмену мнениями и информацией, помиловал преступников и взял их к себе на службу. Он сделал все для того, чтобы не исполнить своих обещаний. Он обманул мир, Германию и меня.

ДИКС. Возвратимся ко времени прихода Гитлера к власти. В ноябре 1932 г. Вы сказали, что Гитлер будет рейхсканцлером. Почему Вы это сказали ?

ШАХТ. Я сказал это потому, что при выборах в рейхстаг в июне 1932 г. он получил 40 процентов всех голосов. Такого успеха не добивалась ни одна партия со времени созвания рейхстага, т.-е. с 1871 г. Для меня, как для демократа и сторонника парламентско-демократической формы правления, было совершенно ясно, что этому человеку нужно поручить формирование правительства. Не знаю, что произошло бы в противном случае. Была еще альтернатива, возможность установить военный режим. Уже кабинет Папена был облечен некоторыми президентскими полномочиями и все же не смог удержаться против воли парламента. Когда г-н Шлейхер попытался установить военный режим без участия нацистов, то через несколько недель он потерпел крах, так как встал перед альтернативой: или гражданская война или отставка. Гинденбург и Шлейхер всегда считали, что армия не выдержит гражданской войны, и Гинденбург не хотел ни при каких условиях допустить гражданскую войну, он вынужден был против своей воли вручить бразды правления человеку, который получил большинство голосов

9828

H1199-0489

H1199 – 0490

- -

благодаря своей агитации и в виду неспособности предшествовавших правительств, а также благодаря непрошеной политике иностранных держав по отношению к Германии.

ДИКС. Вы знаете, что Вас обвиняют в том, что Вы помогли Гитлеру и нацистскому режиму прийти к власти ? Я должен спросить Вас поэтому: со времени выборов в июле 1932 г. и до того, как Гитлер стал канцлером, т.-е. до 30 января 1933 г., высказывались ли Вы публично за Гитлера ?

ШАХТ. Прежде всего я должен констатировать, что уже в июле 1932 г. власть Гитлера была установлена в результате получения им 230 мест в рейхстаге. Все то, что последовало затем, являлося лишь следствием этих выборов. За все это время я, можно сказать, ни слова не написал и не сказал в пользу Гитлера, за исключением того интервью, которое Вы уже упоминали, причем там сказано лишь то, что Гитлер будет рейхсканцлером на основании демократических правил и принципов.

ДИКС. Не убеждали ли Вы Гинденбурга во время реорганизации кабинета, что Гитлер должен стать канцлером?

ШАХТ. Я никогда не говорил ни с кем из влиятельных лиц - ни с Гинденбургом, ни с Мейснером, ни с кем-либо другим, с тем, чтобы оказать влияние в пользу Гитлера. Я совершенно непричастен к назначению Гитлера канцлером.

ДИКС. Обвинитель утверждает в этой связи, что Вы в ноябре 1932 г. отдали престиж своего имени Гитлеру. При этом он ссылается на книгу д-ра Геббельса "От Кайзергофа к имперской канцелярии". Что Вы можете

сказать об этом ?

ШАХТ. Я никогда не думал, что этот апостол правды Геббельс будет здесь еще раз мобилизован против меня. Я могу сказать только, что г-н Геббельс ошибся.

ДЖИКС. Представитель обвинения далее утверждает, что Вы организовали сбор денежных средств для Гитлера на этих выборах в рейхстаг. Это произошло на собрании промышленников, о котором написано в афидевите промышленника фон Шницлера, ЕС-439, США-618, Что Вы можете об этом сказать ? Это документ № 3 нашей книги документов, стр. 11 английского текста.

ШАХТ. В феврале 1933 г., после того, как Гитлер уже стал канцлером и выборы 5 марта должны были создать основу для создания нового правительства, Гитлер спросил меня, не соглашусь ли я замолвить за него слово перед банкирами на собрании, которое созывает Геринг в целях получения средств для проведения выборов. Я не имел оснований отказываться от этого. Собрание состоялось 26 февраля и обвинитель представил дело так, как будто я на этом собрании агитировал за создание денежного фонда для выборов. Обвинение представило документ Б-203. В этом документе перадается текст предвыборной речи Гитлера, произнесенной в тот вечер...

ДЖИКС. Я хочу Вас прервать.

Я хочу обратить внимание суда на то, что это - наш документ № 2, стр. 9 английского текста. Простите, пожалуйста, продолжайте.

9880

H1199-0491

H1199 - 0492

ШАХТ. Д-203. Я цитирую последнюю фразу:

"Здесь Геринг очень ловко перешел к необходимости того, чтобы другие круги, не замешанные в политической борьбе, по крайней мере, несли необходимые финансовые жертвы".

Конец цитаты. Таким образом, из этого сообщения, которое было представлено самим обвинением, ясно следует, что не я просил денег, а Геринг. Я только потом управлял этими деталями. В показании Шницлера /ЕС-439/ обвинение тщательно опустило все те места, которые могли бы не обвинить, а оправдать меня. Я цитирую по-английски это место документа, так как я имею только английский текст:

"Доктор Шахт на совещании внес предложение о создании специального избирательного фонда на сумму в 3.000.000 рейхсмарок. Этот фонд должен был быть распределен между двумя партиями, которые в то время насчитывали равное количество членов. Д-р Штейн предложил, чтобы немецкая народная партия была включена, и это предложение, насколько я помню, было принято. Вопрос о том, какие суммы должны были внести отдельные фирмы, не обсуждался".

Отсюда следует, что этот избирательный фонд был собран не только для нацистской партии, но также для союзной с ней националистической группы, в которую г-н фон
входили, например, Папен, Гугенберг и другие, а на заседании сюда была отнесена и 3-я группа - немецкая народная партия, то-есть это был общий фонд тех партий, которые вместе шли на выборы. Следовательно, это не был нацистский фонд.

9 881

- -

ДИКС. Обвинение представило законы, которые были изданы после прихода к власти; эти законы устанавливали тоталитарное господство нацистов и, тем самым, Гитлера. Мы должны рассмотреть вопрос о Вашей личной ответственности, как члена кабинета. Я затем буду детально разбирать с Вами эти законы. Сейчас я хочу напомнить их Вам в целом. Это, прежде всего, - закон о чрезвычайных полномочиях; затем закон о запрещении всех партий, кроме одной; закон о единстве партии и государства; закон о конфискации имущества С-Д партии и профсоюзов; закон об об"единениях чиновников; закон о запрещении ряда профессий для евреев; закон о создании народных судов; закон о легализации убийств 30 июня 1934 г. и закон об об"единении рейхсканцлера и рейхспрезидента в лице Гитлера.

Какова Ваша ответственность за эти законы в качестве члена кабинета ?

ШАХТ. Я не был членом кабинета в то время, когда были изданы эти законы. Я не имел права голоса в кабинете и получил это право лишь после 1 августа 1934 года, когда был издан последний и роковой закон о слиянии постов рейхспрезидента и рейхсканцлера. Я не участвовал в обсуждении этого закона и не голосовал за него. Я совершенно не участвовал в создании этих законов.

ДИКС. Я не совсем понял Вас. Вы не участвовали в создании закона о передаче функций рейхспрезидента Гитлеру после смерти Гинденбурга ?

ШАХТ. Разумеется. Я не участвовал в этом.

ДИКС. Почему ?

ШАХТ. Потому, что я не был тогда в кабинете. Я получил назначение на пост министра только 3 или 4 августа.

9 882

H1199 – 0493

H1199-0494

В обсуждении этого закона я не участвовал, за него не голосовал и его не подписывал.

ДИКС. В обвинении сказано, что Вы были членом рейхстага. Следовательно, Вы голосовали за этот закон в рейхстаге, так как после 1933 г. все решения рейхстага были единогласными ?

ШАХТ. Так. К сожалению, в обвинительном заключении сказано слишком много такого, что не соответствует истине. Я никогда в жизни не был депутатом рейхстага и один только взгляд на справочник рейхстага мог бы показать обвинению, что я также и в это время не был депутатом рейхстага. Я не имею никакого отношения к этим законам, так как не был в то время ни членом рейхстага, ни членом кабинета.

ДИКС. Скажите, Гитлер присягнул Веймарской конституции ?

ШАХТ. Разумеется, Гитлер присягнул Веймарской конституции, вступая на пост канцлера, он сделал это в присутствии рейхспрезидента Гинденбурга, причем он обещал не только уважать эту конституцию, но также блюсти и выполнять все законы.

ДИКС. Была формально Веймарская конституция когда-либо отменена ?

ШАХТ. Веймарская конституция никогда не была отменена.

ДИКС. Принцип фюрерства был, по Вашему мнению, каким-либо оформлен законодательным или государственно-правовым путем ?

ШАХТ. Принцип фюрерства не был установлен никаким законом и попытки задним числом понизить ответственность

9 RR 3

министров, говоря, что его следует отнести к области обычного права, необоснованы, хотя, говоря это, я выступаю против собственных интересов.

Ответственность министров - в т.ч. и моя ответственность - продолжала существовать и только террором и угрозой насилия эта ответственность подавлялась.

ДИКС. Вопросы о том, относился ли закон о чрезвычайных полномочиях к кабинету или к фюреру, был ли 1-й кабинет с 1933 г. национал-социалистским или коалиционным правым, вопрос об эволюции Гитлера к самодержавной диктатуре - все эти вопросы я уже задавал свидетелю Ламмерсу. Повторять их мы не будем.

Вы можете добавить что-либо новое к показаниям Ламмерса ?

ШАХТ. Я отметил себе два пункта. В речи Гитлера в рейхстаге 23 мая 1933 г. сказано/я цитирую/: "Это является искренним желанием национального правительства". Значит, речь идет о национальном, а не о национал-социалистском правительстве, как всегда говорилось после того, и второе: В обращении министра рейхсвера фон Бломберга к вооруженным силам от 1 февраля 1933 г. сказано; я цитирую: "Я принимаю эту должность с твердым намерением в соответствии с заветами моих предшественников сохранить рейхсвер в качестве внепартийной силы государства", и это и ряд других обстоятельств, о которых уже говорили здесь, создали у меня убеждение, что речь идет о коалиционном национальном кабинете, а Гитлер посредством террора и насилия сделал из этого кабинета чистую нацистскую диктатуру.

ДИКС. Приведенная Шахтом цитата находится в нашей

9884

H1199 – 0495

H1199 – 0496

-

книге документов, документ № 4, стр. 14 английского текста. Так как Вы были министром хозяйства ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас удобно сделать перерыв.

ДИКС. Я хотел бы лишь поставить вопрос. Скажите, завтра будет заседание или нет, ведь завтра 1 мая ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, Трибунал об"является перерыв до завтра.

/Об"является перерыв до 9.30 1 мая/